МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Сборник научных статей по материалам
IV Международной научной конференции

Минск, 30–31 октября 2019 г.

Минск МГЛУ
2021

УДК 81’44
ББК 81.042
К65

Р е к о м е н д о в а н Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1 (56) от 20.01.2020 г.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), И. В. Лешкевич, Н. В. Зиневич, П. П. Глазко, Р. В. Детскина, Т. Ф. Иванова

Р е ц е н з е н т ы: доктор филологических наук, доцент *А. А. Романовская* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *И. Н. Ивашкевич* (БГУ)

Контрастивные исследования языков и культур : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч. конф., Минск, 30–31 окт. 2019 г. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2021. – 312 с.

К65

ISBN 978-985-28-0043-3

Данное издание включает статьи по материалам IV Международной научной конференции по проблемам контрастивно-типологического изучения языков и культур.

В сборнике представлены результаты исследований текстов и дискурсов различных типов, лексических и грамматических единиц в контрастивном аспекте на материале германских, романских и славянских языков.

Для лингвистов, специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81’44
ББК 81.042

ISBN 978-985-28-0043-3

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

М. А. Стернина
Воронеж (Россия), ВГУ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ И КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются новые возможности и перспективы в области сопоставительных и контрастивных исследований, которые предоставляет разрабатываемый в рамках теоретико-лингвистической школы Воронежского государственного университета сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. С помощью разрабатываемых в рамках данного метода, представленных в виде индексов формализованных параметров и шкал исследователям предоставляется возможность делать основанные на объективных численных показателях выводы о наличии или отсутствии национальной специфики, а также о степени ее проявления. Описываются этапы становления сопоставительно-параметрического метода, его исследовательские процедуры. Применение данного метода иллюстрируется конкретными примерами проведенных сопоставительных и контрастивных исследований.

Интерес к сопоставительному и контрастивному изучению и описанию языков, как близкородственных, так и неблизкородственных, не ослабевает в течение уже многих лет, при этом в последнее время в связи с появлением и развитием нового сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований для сопоставительного и контрастивного изучения языков откры-лись новые возможности и перспективы.

Отметим, что мы разграничиваем *контрастивные* и *сопоставительные* исследования: если контрастивные исследования предполагают сопоставление отдельных единиц одного языка со всеми возможными соответствиями этой единицы в другом языке, то при сопоставительном исследовании предметом сопоставления являются одноименные языковые подсистемы разных языков, каждая из которых описывается автономно, а затем полученные результаты сравниваются и интерпретируются.

Разрабатываемый в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований с успехом используется как для контрастивных, так и для сопоставительных исследований.

Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языков и их национальной специфики. Характеристика того или иного языкового явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в численной форме. Сопоставление одноименных индексов в разных языках дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

Развитие сопоставительно-параметрического метода к настоящему моменту прошло уже несколько этапов. На первом этапе исследователями активно разрабатывались представленные в виде индексов формализованные параметры, с помощью которых было проведено сопоставительное изучение целого ряда лексических группировок в разных языках. К концу данного этапа в лингвистический обиход было введено 26 индексов для сопоставительных исследований и 18 индексов – для контрастивных исследований.

Работой, положившей начало второму этапу в развитии сопоставительно-параметрического метода, стала защищенная осенью 2008 г. под нашим руко-водством кандидатская диссертация С. В. Колтаковой [1], в которой были предложены *шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам,* а также *шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом* [1; 2].

Согласно первой шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые** и **несущественные**. Шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом характеризовала национальную специфику либо как *ярко выраженную* (при преобладании **существенных** и **заметных** расхождений), либо как *неярко выраженную* (при преобладании **видимых** и **несущественных** расхождений).

В результате применения данных шкал к сопоставительному исследованию тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках стало понятно, что на основе совокупности ряда параметров можно описать и оценить степень выраженности национальной специфики лексических группировок.

Таким образом, обрисовалась как ближайшая цель развития сопоставительно-параметрического метода – описание с помощью существующих и новых формализованных параметров характера выраженности национальной специфики разных лексических группировок в разных языках, так и перспективная – определение степени выраженности национальной специфики семантики языков по единой шкале.

На новом этапе развития сопоставительно-параметрического метода исследователи стали сравнивать отдельные лексические группировки по предложенным С. В. Колтаковой шкалам и делать выводы о характере выраженности национальной специфики лексических группировок в разных языках.

В результате применения предложенных шкал к сопоставлению разных лексических группировок появилась необходимость их дополнить. С учетом внесенных изменений шкала выраженности национальной специфики лексических группировок предполагает возможность характеристики национальной специфики лексических группировок как *неярко выраженной* (при преобладании **несущественных** и **видимых** расхождений), *умеренно выраженной* (при преобладании **видимых** и **существенных**, либо **видимых**

и **заметных** расхождений), *ярко выраженной* (при преобладании **существенных** и **заметных** расхождений) и *гипервыраженной* (при преобладании **гипер-** и **сверхгипер-существенных** расхождений).

В ходе дальнейшего развития сопоставительно-параметрического метода было предложено еще несколько шкал. В частности, возникла необходимость создать отдельную шкалу для определения национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем разных языков [3], а также шкалу выраженности национальной специфики семантем [4]. Для контрастивных исследований были предложены шкала типов межъязыковых соответствий [5], а также шкала типов переводных соответствий [6].

В настоящий момент сопоставительно-параметрический метод имеет в своем арсенале более 180 представленных в виде индексов формализованных параметров, а также 7 шкал для интерпретации полученных результатов. Покажем возможности применения разработанных в рамках данного метода индексов и шкал для сопоставительных и контрастивных исследований на конкретном языковом материале.

Так, при проведении под нашим руководством сопоставительного анализа фразеологизмов, включающих наименования природных комплексов в русском и английском языках для определения значимости семантических признаков, лежащих в основе образования фразеологизмов с конкретной лексемой, С. И. Черниковой [7] были введены два формализованных показателя. Это средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков, под которым понимается среднее арифметическое сумм продуктивности одноименных семантических признаков и средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков, под которым понимается среднее арифметическое сумм продуктивности эндемичных семантических признаков. Как показало исследование, средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков в русском языке оказался равным 9,1 %, в английском языке – 16,1 %. Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков в русском языке оказался равным 5,1 %, в английском языке – 3,3 %.

Для уточнения степени проявления национальной специфики фразеологического развития лексем исследовательнице потребовалось ввести еще один дополнительный показатель – средний индекс продуктивности семантического признака, определяемый как отношение количества семантических признаков, мотивирующих развитие фразеологизмов в группе, к количеству развиваемых лексемами фразеологизмов. По результатам исследования средний индекс продуктивности в русском языке составил 31,3 %, в английском – 23 %.

На основании анализа полученных данных исследовательница пришла к выводу, что национальная специфика сравниваемых групп фразеологизмов может быть охарактеризована как **умеренно выраженная**.

В качестве примера проведенного с использованием сопоставительно-параметрического метода контрастивного исследования приведем выполненное под нашим руководством исследование наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках Д. В. Козельской. Исследовательницей было изучено 116 русских и 93 английских наименований школьных педагогических работников и учащихся, составивших в общей сложности 210 контрастивных пар. При этом для каждой контрастивной пары на основе разработанной шкалы был определен тип переводного соответствия. Предложенная шкала типов переводных соответствий основывается на значениях введенного Л. В. Лукиной интегрального индекса идентичности лексем, вычисляемого как среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности [5]. Интегральный индекс идентичности показывает, насколько близки между собой составляющие контрастивную пару лексемы. Чем больше значение интегрального индекса идентичности лексем, тем меньше между ними национально-специфических различий, тем более близки они между собой. И, наоборот, чем меньше интегральный индекс идентичности лексем, тем больше зафиксировано у них национально-специфических различий.

На основе анализа значений интегрального индекса идентичности лексем Д. В. Козельской было выделено 6 категорий возможных переводных соответствий согласно следующей шкале: при значении интегрального индекса идентичности 100 % соответствие считается эквивалентным, при значении индекса от 76 % до 99 % – оптимальным, от 51 % до 75 % – подходящим, от 26 % до 50 % – приемлемым. При значении индекса меньше 25 % соответствия признаются неподходящими. Полное несовпадение индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, ведущее к нулевому значению интегрального индекса, свидетельствует об отсутствии соответствия.

Использование данной шкалы к исследованному материалу позволило зафиксировать в контрастивных парах рассмотренных лексем 113 оптимальных соответствий, 83 – подходящих, 15 – приемлемых и одно неподходящее (*учитель – beak)*. Для двух лексем (*чертежник* и *чертежница*) было конста-тировано отсутствие соответствий. По результатам проведенного анализа был подготовлен и издан контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках [6].

Применение сопоставительно-параметрического метода для проведения сопоставительных и контрастивных исследований показало свою эффективность. Две используемые в рамках данного метода исследовательские процедуры: индексализация и шкалирование – взаимно дополняют друг друга. Представленные в виде индексов формализованные параметры позволяют преодолеть извечный субъективизм семантических исследований

и придать достаточно субъективным наблюдениям лингвистов объективный количественный характер, применение же соответствующих шкал позволяет дать представленным в количественном виде данным объективные качественные характеристики.

Отметим, что до появления сопоставительно-параметрического метода выводы исследователей относительно наличия или отсутствия национальной специфики основывались исключительно на интуиции исследователей, при этом любые, даже самые минимальные различия декларировались как наличие национальной специфики. С появлением сопоставительно-параметрического метода у исследователей появилась возможность делать свои выводы, опираясь не столько на лингвистическую интуицию и чутье, сколько на объективные численные данные.

Сопоставительно-параметрический метод с успехом используется не только для сопоставительных и контрастивных, но и для внутриязыковых исследований в тех случаях, когда исследователю требуется провести какое-либо сопоставление. При этом, как показала практика, индексы, первоначально разработанные для какого-либо определенного типа исследований (сопоставительных, контрастивных или внутриязыковых), с успехом могут применяться и для исследований другого типа.

Данный метод достаточно молодой: зародившись в середине первого десятилетия нынешнего столетия, он окончательно оформился только к концу этого десятилетия. В 2019 метод отметил свое пятнадцатилетие. Однако несмотря на свой пока еще подростковый возраст он уже занял достойное место среди методов лингвистических исследований. Данный метод использовался при защите более 30 кандидатских диссертаций, публикации около 400 научных статей. Описание метода представлено в одноименной монографии [8], ставшей лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2014 года.

Перспективы применения и развития сопоставительно-параметрического метода в плане сопоставительных и контрастивных исследований связаны с его использованием для создания семантической типологии. Подобная типология в период интенсивного развития типологических исследований в прошлом веке была признана малосодержательной и бесперспективной и не получила развития. Однако уже первые результаты применения сопоставительно-параметрического метода свидетельствуют о возможности создания с его помощью такой типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колтакова, С. В.* Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. В. Колтакова. – Воронеж, 2008. – 20 с.

2. *Колтакова, С. В.* К вопросу о возможности определения степени проявления национальной специфики лексических группировок / С. В. Колтакова, М. А. Стернина // Сопоставительные исследования – 2009. – Воронеж, 2009. – С. 6–11.

3. *Портнихина, Н. А.* Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках) / Н. А. Портнихина : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 20 с.
4. *Кривенко, Л. А.* Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики / Л. А. Кривенко : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.
5. *Лукина, Л. В.* Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках) : автореф. дис. … канд. филол. наук. / Л. В. Лукина. – Воронеж, 2008. – 19 с.
6. *Козельская, Д. В.* Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках / Д. В. Козельская, М. А. Стернина. – Воронеж : «Ритм», 2018. – 90 с.
7. *Черникова, С. Н.* Фразеологизмы, включающие наименования природных комплексов в русском и английском языках / С. Н. Черникова // Сопоставительные исследования – 2013. – Воронеж, 2013. – С. 87–97.
8. *Стернина,* М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : «Истоки», 2014. – 115 с.

The paper describes new possibilities and perspectives provided by the comparative-parametric method of linguistic research being elaborated in Voronezh university. Concrete examples of using the method for comparative and contrastive studies are given.

М. С. Рогачевская
Минск, МГЛУ

НАУЧНЫЙ vs ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ С. ФОЛКСА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛЕДЫ»

В статье рассматривается взаимопроникновение научного и художественного дискурсов на примере романа С. Фолкса «Человеческие следы». Изучены способы интердискурсивных включений, показаны художественные стратегии, реализуемые на четырех нарративных пластах произведения. В результате исследования делается заключение об оригинальности авторского подхода к постановке проблем сознания через диалогическую связь двух дискурсов.

Художественный текст является единицей художественного дискурса в целом и национального дискурса в частности. Коммуникативная и аккумулятивная функции художественной литературы таким образом объединяются. Любое высказывание в художественном тексте всегда зависит от контекста целого произведения. Кроме того, любое высказывание может внутренне перестраиваться не только по отношению к предмету, но и к читающему, и говорящему об этом произведении. Иными словами, и традиция, и новая реальность, и различные экстралингвистические контексты перестраивают смысловую структуру художественного текста. Поэтому не значение того или иного высказывания, как в лингвистике, а смыл целой единицы и ее влияние на духовное пространство реципиента являются целью художественного дискурса. Особенность дискурсивной стороны художественной литературы как системы – ее открытость, неустойчивость, нелинейность, динамичность [1, с. 234]: здесь

сосуществуют в своей диалогической взаимоотнесенности самые разные виды тематических дискурсов, варьируются стилистические регистры и происходит нерегламентируемая генерация новых лексико-семантических значений. Изучение художественной литературы как дискурса, отличного от научного, бытового, общественно-политического и др., позволяет изучить способы «духовного общения людей» [2, с. 5].

Особой активностью такой процесс отличается в современной литературе, которая является не только хранилищем культурной памяти, но и проводником в различные области человеческого знания, зачастую актуализируя архаичное и историческое, современную науку и ее прецедентные явления. Писатели современной Великобритании расширяют потенциал художественного дискурса. В частности, речь пойдет о том, как научное знание может стать органичным компонентном литературного произведения, вписаться в систему сюжета и персонажей, образов и символических структур. Г.-Г. Гадамер придавал большое значение «стихии диалога», в которой развертывается речь и которую с полным правом можно перенести и на диалог научного и литературного дискурсов. Язык науки, пишет Г.-Г. Гадамер, может становиться «достижением массового сознания» [3, с. 51] посредством нескольких коммуникативных систем, одной из которых является художественная литература.

Себастьян Фолкс (р. 1953) – писатель разносторонний и узнаваемый. В его арсенале – романы о Первой мировой войне, современный социальный роман в диккенсовском стиле, романы с детективными и историческими сюжетами. «Человеческие следы» (*Human Traces*, 2005), по словам самого автора, «был сизифовым трудом. Проведя пять лет в библиотеках за чтением литературы о душевных болезнях, психиатрии и психоанализе (в итоге чего у меня в офисе по стенам всюду были развешаны графики и диаграммы и подобные вещи), а закончив (роман), я чувствовал себя, словно в трауре» [4]. Пять лет, затраченные на изучение сознания, психиатрии и психоанализа, привели автора к созданию внушительного произведения, целью которого явилось страстное желание писателя приблизиться к пониманию того, как работает наше сознание, где граница между здоровой психикой и клиническим состоянием, и можно ли излечить психическое заболевание.

Разветвленный, со множеством отступлений и интердискурсивных включений сюжет основан на описании дела всей жизни двух друзей – француза Жака Ребьера и англичанина Томаса Мидуинтера, которые основывают психиатрическую клинику в Австрии, высоко в горах, и, занимаясь непрерывно изучением мозга и сознания, пытаются излечить душевно больных. При этом автор постоянно отправляет своих героев в различные путешествия, в том числе и на другие континенты, таким образом топографически расширяя и глобализируя масштабы ментальных нарушений.

«Человеческие следы» – это вдобавок роман о любви и отношениях; это даже своеобразный «рыцарский роман», но только о науке. Год рождения обоих героев символичен: 1860 – ровно год после опубликования Ч. Дарвином «Происхождения видов». Персонажи встречаются благодаря роднящей их страсти к научному исследованию сознания и мозга. У каждого для этого свои

мотивы: Жак мечтает излечить своего старшего брата Оливьера от «сумасшествия». Сознание и работа мозга в последней трети XIX века были еще *Terra incognita*, поэтому и диагноз этого заболевания/состояния в дальнейшем так и обозначен: «болезнь Оливьера». Томаса же с самого момента знакомства молодых людей влечет более философская и абстрактная цель: выяснить, что же именно делает человека человеком? А также – когда мозг примата перестал быть таковым и стал человеческим мозгом?

Дальнейшее развитие сюжета проходит по нескольким траекториям. Первая – это личные жизни Жака и Томаса (Жак женится на сестре Томаса Соне, которая также становится его верным и преданным другом и ассистентом; Томас женится на пациентке Жака Катарине, которую первый излечивает, перехватив у второго пальму первенства в понимании отдельных расстройств психики).

Вторая траектория – научные изыскания персонажей (оба становятся врачами – *alienists/mad doctors*; Томас более глубоко погружается в нейробиологию (хотя эта наука и находится на тот момент в своем зачаточном состоянии), препарирует мозг при аутопсии, а Жак увлечен методикой Ж. Шарко, а вслед за ним – разработками Венской психоаналитической школы, что и становится причиной профессиональных споров и разногласий героев относительно природы, причин и способов лечения психических заболеваний. Жак олицетворяет психоанализ, Томас – открытия психиатрии, такие как болезнь Альцгеймера, деменция, шизофрения. Жак предсказывает «фотографии» мозга, а Томас – идею о том, что сознание – это нечто, данное человеку извне.

Третья траектория – мотив путешествия в романе. Так, автор заставляет своих героев проехать по всему земному шару: Англии и Франции, Италии и Австрии, Северной Америке и Африке. И с каждого континента стекаются знания и опыт в совместно основанный психиатрический санаторий – такой своеобразный «мозговой центр».

Четвертая траектория – социально-историческая: личные истории становятся частью европейской истории конца XIX – начала XX века, завершаясь с Первой мировой войной, как бы воссоединяя два параллельных пессимистических вывода: душевнобольные неизлечимы, а помешательство политиков, приведшее к войне, – такая же болезнь человечества, как шизофрения отдельно взятого больного.

Объединяющей все траектории романного действия идеей является элегический вывод о том, что человек перешел из стадии примата в стадию *homo sapience* в связи с клеточной эволюцией мозга, когда появилась способность распознавать речь, слышать голос, развилась письменность, но всему этому неизменно сопутствовали нарушения в мозговой деятельности: если есть сознание, то неизбежно имеются и его аномалии (среди животных нет умалишенных и страдающих деменцией или шизофренией).

Писатель С. Фолкс нашел оригинальные способы интердискурсивности. Очевидно, что внедряемый в вымышленную художественную канву дискурс – это дискурс психиатрии и психоанализа. П. Чайлдс пишет: «Такие проблемы, как сознание, эволюционная психология, душевные болезни и расстройства

изучаются [художественной литературой] во всех подробностях» [5, p. 151]. Можно с уверенностью заявлять, что С. Фолкс пытается не жертвовать внутренней структурой художественного дискурса, сохраняя его в следующих элементах: повествование о вымышленных персонажах, вступающих в отношения, заданные конвенциональными требованиями романного сюжета – завязкой, развитием действия, подчиненному одному и нескольким конфликтам, кульминацией и развязкой. При этом создание характеров также происходит согласно правилам художественного дискурса: характер становится порождением эклектики портрета, реализованного через описание внешности, речевых и поведенческих действий, психологического описания и анализа.

С другой стороны, однако, обеспеченная данными элементами стабильность/устойчивость и художественная внутридискурсивная целостность подрываются тенденцией к «расщеплению» единого дискурсивного потока при взаимодействии с научным типом дискурса. Механизмом такой «расщепляющей» интердискурсивности будем считать научный модус всего повествования, который реализуется как на сюжетном уровне (прослеживание эволюции психиатрии через сообщения о новых продвижениях, идеях, методах лечения; о приобретении героями знаний в этой области), так и в интертекстуальных аллюзиях (через вставные псевдодокументы эпохи – научные статьи в журналах, тексты лекций, главы из научных трудов, изучаемые героями романа, многочисленные отсылки к трудам и теориям таких ученых, как Ч. Дарвин, Ж. Шарко и др.).

Одним из способов актуализации научного модуса можно также считать гибридизацию научного дискурса в совокупности с нарративной формой монологической речи, имитирующей научную лекцию. Такие лекции выступают в романе в обрамляющей форме. Несколько из них принадлежат самому Ж. Шарко, которого жадно слушает его фикциональный поклонник Жак Ребьер. Обрамление же происходит за счет первой лекции самого Жака и его научной статьи о связи психических, соматических и подсознательных механизмов, ведущих к различного рода травмам, неврозам, физическим недугам. Вторая – это лекция Томаса на тему эволюции человеческого мозга. Интрузия медицинской психиатрической терминологии (*ataxic, locomotor ataxia, Huntington's disease, sodium urate, hemiplegia, hysterical paralyses, dynamic amnesia, pathogenic* и мн. др), тем не менее, уравновешивается чередованием с разговорной и нейтральной лексикой. При этом, Томас осознанно подбирает слова, чтобы сказанное было максимально понято его слушателями.

Резко контрастирует с научным дискурсом та часть произведения, где автор передает особую атмосферу психиатрических клиник. Так, например, слова *lunatic, madman, dementia, delusion* преподносят совершенно иную картину: *Even with the most rigorous schedule and the briefest of consultations, it was clear to Thomas that he would not be able to follow the course of six hundred illnesses, let alone devote to them the long-term observation they required* [6, p. 111]. Со временем число пациентов таких клиник непрестанно увеличивается.

В отдельных случаях научный дискурс реализуется в миметическом ключе: созданные вставные тексты имеют свое внутренне дискурсивное пространство, построены по правилам именно научного дискурса, апеллируют к терминологической лексике. В романе также присутствует миграция научного дискурса

прошлого столетия в обыденный то, что в психиатрии было диагнозом, сейчас стало неполиткорректным жаргоном: *idiocy, cretinism, mania and melancholia*. Особое место занимает научное обоснование истерии: …*a standard neurological illness. Lesion, nervous malfunction, motor disorder with hereditary predisposition. Yet we note also the persistence of some ovarian element* [6, p. 210]. Известно, что уже в 1980 г. диагноз «истерия» был исключен из списка заболеваний по причине несостоятельности научных описаний.

Интердискурсивность в романе реализуется также с помощью топонимов. В частности, часть событий романа происходит в госпитале Сальпетриер в Париже, который изначально с XVII в. служил приютом для бездомных, а затем с XVIII в. – больницей для душевнобольных. «В этой больнице происходят некоторые эпизоды действия романа Аббата Прево “Манон Леско”» [7]. Именно здесь работал и знаменитый невропатолог Шарко (1825-1893), «к которому приезжал учиться не менее впоследствии знаменитый Зигмунд Фрейд» [7].

Проблемным аспектом романа обозреватели Гардиан считают научную, «изъяснительную аргументацию» [8]. Постепенно события уступают место диалогам о сущности человеческого мозга, функции познания, предрасположенности психики к ментальным нарушениям. И методика Шарко, и психоанализ Фрейда терпят в романе свой крах, завершаясь парадоксальным, но пугающе правдоподобным императивом: чем выше уровень сознания разумных существ, тем выше вероятность душевных болезней. Сумасшествие – это как раз то, что и делает нас *homo sapiens*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинченко, В. Г.* Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 280 с.
2. *Тюпа, В. И.* К новой парадигме литературоведческого знания / В. И. Тюпа // Эстетический дискурс : семио-эстетические исследования в области литературы : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд. НГПИ, 1991. – С. 4–16.
3. *Гадамер, Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер ; пер. Ал. В. Михайлова. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
4. *Nagar, S. Human Traces* by Sebastian Faulks / S. Nagar // Of Books & Bookworms [Electronic resource]. – Mode of access : https://ofbnbmagazine. com/2018/08/29/human-traces-by-sebastian-faulks/. – Date of access : 01.12.2019.
5. *Childs, P.* Ian McEwan // The Fiction of Ian McEwan / ed. P. Childs. – Basingstoke : Macmillan, 2006. – P. 151–l60.
6. *Faulks, S.* Human Traces / S. Faulks. – L. : Vintage, 2006. – 793 p.
7. *Сарников, Н.* Больнице Сальпетриер 400 лет / Н. Сарников // RFI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rfi.fr/ru/frantsiya/20121202-bolnitse-salpetrier-400-let. – Дата доступа : 01.12.2019.
8. *Stevenson, J.* This way madness lies / J. Stevenson // The Guardian [Electronic Resource]. – Mode of access : https://www.theguardian.com/books/2005/sep/04/fiction.sebastianfaulks. – Date of access : 01.12.2019.

The article demonstrates that scientific discourse in contemporary fiction can be interwoven with fiction’s artistic features. Interdiscursivity is realized through terminology, juxtaposition of the two lexical layers, toponymics and the relevant subject matter. The novel bears both an aesthetic-philosophical and a purely scientific properties.

D. Cheshmedzhieva-Stoycheva
Shumen, Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

TRANSLATING MONTESSORI: CHALLENGES AND SOLUTIONS

The books written by Dr. Maria Montessori along with her pedagogical method are gaining more and more popularity worldwide, and, in order to reach wider audience, they have to be translated to the native language of the respective country they target.

The challenges the translator into Bulgarian faces are significant as most of the books are written in the nineteenth century and their style in some cases could be problematic. In addition, the terminological apparatus of the AMI is not established in Bulgarian and is just now coming into its own due to the increasing number of translated texts. Thus, in many of the cases the option of one-to-one translation is not acceptable and semantic translation has to be used instead. This paper looks into some of the issues that a translator has to overcome and provides examples of some source – target correspondences which have been approved by the AMI.

Maria Montessori, the woman who promoted education from birth and who stipulated that children are the future of mankind and as such all people should heed to their needs by providing the necessary environment for the development of children, was born on 31st August 1870 in Italy. Despite the prejudices of her time, she graduated from the University of Rome where she studied medicine, thus becoming the first woman to have a doctor title. Then she continued her post-graduate studies in the field of psychology, philosophy and education and worked in a medical institution for children with learning disabilities. Her latter experience helped her develop her educational method – the Montessori Method and the materials which she later used with "normal" children. Montessori was greatly influenced by the work of Jean-Marc Itard and Edouard Sequin and she used some of their ideas in order to further her own method based on the natural impulses and the inner drive in children. The first *Casa dei Bambini* (Children's House) was opened in 1907, and after its success, more Montessori schools were opened all over the world [1].

The books written by Dr. Maria Montessori along with her educational method have been gaining more and more popularity worldwide. Getting access to the original works of Montessori, though, could be difficult for the general public for several reasons: one, because the copyrights of the said books are held by the Association Montessori Internationale (AMI) and are not widely available; two, because many of the texts are in Italian as the main working language of Montessori herself or English when they have been translated by her students or collaborators.

Thus, in order to reach a wider audience, the books have to be translated into to the native language of the respective country, in this case in Bulgarian. The translation process itself is also challenging as the AMI are very careful with the publishing houses that acquire the permission to distribute their books as well as with the translators who get appointed to the task. The AMI assign a reviewer approved and usually trained by them who supervises the translation and agrees on the final version to be published, thus assuring compliance with the beliefs, directives, and general objectives of the AMI.

The challenges the translator into Bulgarian faces are significant as most of the books are written in the late nineteenth – early twentieth century, and their style in some cases could also be problematic even more, so as Montessori herself uses

the language pertaining to the fields of medicine, psychology and education along with Latin terms, proverbs and biblical references as well. Here, in addition to the various reference books, along with the Bible, the rich humanitarian background of the translator is of particular importance.

Apart from the abstruse style, another obstacle that a translator of Montessori has to overcome is rendering the materials developed and used by Montessori in her method to the target language. The main problem stems from the fact that the terminological apparatus of the AMI is not established in Bulgarian and is just now coming into its own due to the increasing number of the translated texts. Many of the materials developed and used by Montessori are unfamiliar for the Bulgarian parent or educator. In many of the cases the option of word-for-word or literal translation is not acceptable and directional equivalence has to be sought instead. To do that, however, the translator has to resort not only to semantic meanings but also to the visual representations of the materials in order to familiarize her/himself with the essence of the material in question.

The goal of this paper is to present a case study on the translation of some of the sensorial materials developed and used by Montessori in her schools, focusing on the equivalents chosen in Bulgarian for them as approved by the AMI reviewer for Bulgaria.

BACKGROUND STUDIES

The process of translation of a text usually involves two domain mapping, i.e. the one of the source text (ST), and that one of the target text (TT). In order for such a mapping to be complete, a transfer of cultural, social and cognitive codes, or supermemes [2], should occur which requires a very good knowledge on behalf of the translator of both cultures. The end result, which is actually a new text, should be well structured and understandable [3, p. 164] and its quality is judged not only based on the accuracy of translation, but also by the feeling one gets that the final product is a text on its own, or the fact that it does not sound as a translation [4, p. 149]. Put in a different way, the final result should be "the closest natural equivalent to the source-language message" [5, p. 160] as full equivalence is virtually impossible to obtain [2; 6; 7].

Applied to Montessori texts, all of the above makes even more sense as the TT which in this study is in Bulgarian is a result of a process of transfer of codes from Italian through English to Bulgarian, therefore we really cannot talk of a full equivalence, while in cases we can discuss the resort to literal and free translation or the achievement of "natural" or "directional" equivalence [7, p. 78].

CASE STUDY

The source for this particular case study is the original book by Montessori *The Discovery of the Child* [8] which was published for the first time in 1948 by Montessori-Pierson Publishing company and its translated version [9] published in 2018 by Asenevtsi Trade EOOD. The focus is only on the way some of the sensorial material developed by Montessori is translated into Bulgarian as delving into the whole Montessori terminological apparatus is the subject of a more detailed future study.

The following are some excerpts from the original book in English and their AMI approved translated version in Bulgarian.

Discovery of the child (1948)	*Да откриеш детето* (2018)
1. Material: Solid insets and blocks (p. 170).	Материал: триизмерни блокове с цилиндри за вгнездяване (p. 164).
2. Each of one of these [blocks] contains ten insets, which are cylindrical in shape, smooth and slippery (p. 170).	Всеки блок съдържа десет гладки цилиндъра, които […] лесно влизат и излизат от съответстващите им гнезда (p. 164).
3. fitting each piece into its appropriate hole (p. 171).	[…] а след това се прави опит всички да се поставят обратно на правилните им места (p. 165).
4. Hole (p. 171).	Гнездо (p. 165).
5. The Blocks (p. 172).	Дървените фигури (p. 167).
6. We have here large pieces of wood painted in bright colours, in three systems which we call – the system of rods and lengths, the system of prisms, the system of cubes (p. 173).	Те включват три серии от големи, ярко оцветени дървени материали, комбинирани в три системи, които сме нарекли: поредица от летвички и дължини, поредица от призми и комплект кубчета (p. 167).
7. In institutions for defectives, I have used insets of wood consisting of many series of round, coloured plaques (p. 176).	В институциите за деца с недъзи, както споменах по горе, използвах дървени рамки за вгнездяване, групирани в редица комплекти от цветни обли плочки (p. 170).
8. Plane Insets and Geometrical Shapes (p. 177).	Рамки и геометрични форми (p. 172).
9. Flat insets of wood (p. 177).	Плоските дървени рамки (p. 172).
10. Sockets (p. 177).	Гнезда (p. 173).

DISCUSSION OF THE CASE STUDY

We should open the discussion of the case study by establishing what exactly sensorial material is and what its functions are. As mentioned on the official page of AMI Canada: "The sensorial materials were created to help young children in the process of creating and organising their intelligence. Each scientifically designed material isolates a quality found in the world such as colour, size, shape, etc. and this isolation focuses the attention on this one aspect" [1] thus, the child learns by repeated usage, thereby through experience, rather than by a word of mouth.

Before we delve into the analysis of the suggested examples we should also look into the choice of the term *material* which is retained in Bulgarian as well. Montessori's materials are actually practical tools she lets the children use in order to obtain skills necessary for their lives. As such the choice of the term in English is quite appropriate as the meaning of the term, especially when it is used in the plural, is "Things needed

for an activity" [10]. In Bulgarian the primary meaning of the term is "1. Вещества или предмети, от които се произвежда нещо; суровини. Строителен материал. ('Substances or things, something can be made of; raw material. Building material') while its second meaning is related to education 2. Това, което се преподава или се използва в образованието. Учебен материал. Нагледни материали ('What is being taught or used in education. Educational material. Aids')" which makes *material* synonymous to *teaching aids* or *education tools*. Therefore, semantically the choice for one and the same term is governed by slightly different reasons, i.e. in English the focus is on the activity, while in Bulgarian on the educational part.

Then, the material, as described by Montessori, should be presented to the children. The Bulgarian version of the book retains the same verb *презентирам*. The choice of the English *present* is interesting as the meanings of the verb entered in Lexico are "1. Give or award formally or ceremonially. 1.2 Show or offer (something) for others to scrutinize or consider. 2. Introduce or announce the various items of (a broadcast show) as a participant". Bearing in mind the essence of the material developed by Dr. Montessori and the function of the teacher, who is merely an observer helping children use the apparatus correctly, it seems that the intended meaning is synonymous to *introduce* and *show*. The meanings of the Bulgarian verb *презентира* are more limited, numbering a total of two: "1. Представям пред публика нова стока, изделие или фирма, компания и др.; правя презентация. ('Present to the public a new item, product or company, etc.; give a presentation') 2. Банк. Предявявам иск за полица ('Banking: make a claim for a bill of exchange')". As the latter does not fit the field of usage, it is obviously the former that is intended, which, however, has a more commercial connotation in Bulgarian and might sound odd to some educators. Therefore, in this case one could argue that the choice of the Bulgarian variant is not the best possible, however, it might have been selected and established by the AMI reviewer based on the closeness with the English equivalent and the resort to literal translation. The Bulgarian educators would probably consider *показвам* ('show') or *въвеждам/запознавам* ('introduce') as a better and more familiar option.

Examples (1) and (2) above are cases of free translation where the terminology accepted into Bulgarian by the AMI reviewer does not follow closely the one established in English, but rather uses terms which sound more familiar to the Bulgarian readers while at the same time retaining the idea of the material. In addition, the translated Bulgarian version is also more informative than its English counterpart as *solid insets* does not tell the reader anything else than merely that it is a matter of some firm elements that are put or inserted somewhere. The Bulgarian translation provides the shape of the material, i.e. *cylinder* and the fact that it has three dimensions, in addition to its use, i.e. it is inserted in *a block*. The term which is somewhat awkward for a Bulgarian reader though is *block* rendered and established into Bulgarian as the homonymous *блок*. While the meaning of the English word is "A large solid piece of hard material, especially rock, stone, or wood, typically with flat surfaces on each side", thus describing the appearance and essence of the container holding the insets, the Bulgarian *блок* "Грамаден къс от нещо много твърдо" ('A big piece of something very hard') does not bear the connotation of a rectangular

box-like item. The idea behind the use of the said term is probably similarity with the English one, thereby a case of direct borrowing, however, lexemes, such as *кутия* (‘box’) or *контейнер* (‘container’) might have been better suited variants. The choice of the lexeme *box* would have also been determined by the fact that Montessori herself describes the material as resembling “the ordinary receptacle for weights belonging to a balance” [8, p. 171] which in Bulgarian is translated as “обикновен набор от тежести за кантар” (‘a regular set of weights for scales’) [9, p. 164]. The general reader who is familiar with the mechanic scales remembers the wooden boxes used to hold the weights and would easily visualize the material, while *блок* makes one guess how it looks.

The use of the English *block* as a subheading introducing another type of material, i.e. wooden figures, is an instance of re-occurrence of the same lexeme which can be confusing, e.g. (5). Given the polysemous nature of English words, it should not be strange that there are multiple occurrences of one and the same lexeme with different denotates. Used within a very short stretch of text denoting two different objects, however, it causes confusion which is increased further due to the fact that in the case previously discussed *blocks* refers to container-like structures while in this case to a set of separate wooden figures which are of different shapes – rods, prisms, and cubes. The latter makes the choice of this term for the three sets of figures even more strange as apart from the cubes, the figures do not match the definition of blocks. In this example we can say that the translated version offers a better term for the materials at hand.

Going back to the translation of *solid insets*, it should also be noted that in this particular example, i.e. (1), *insets* in itself does not provide much information on the material. Thus, images of the material along with the additional information in the book itself have been resorted in order to provide further background and assist with the process of translation.

In addition, as can be seen in (2), the term *insets* in the Bulgarian translation is omitted and instead there is a verbal phrase focusing on the movements associated with the use of the cylinders and an adverbial one which describes the place they fit. The latter in Bulgarian is rendered as *гнездо* (lit. ‘nest’) and this choice of a translation variant is consistent with *вгнездяване* (‘to place in a nest’) as they share the same root morpheme. The choice of *гнездо* is observed in some other examples and while the English terms in these particular cases are different, i.e. (3), (4) – *holes*, (10) *sockets* in Bulgarian, the term is one and the same and only in (4) it has been replaced with a more general one, i.e. *места* (‘places’) to avoid repetition within a short span of text, which in Bulgarian is considered a bad style.

Looking at examples (7), (8), and (9) we come across another case of multiple use of one and the same term, sometimes with a pre-modifier, at other times with post-modifier, denoting a different set of materials, i.e. (*flat/ plane*) *insets* (*of wood*). Without the assistance of visuals or a wider context one can only guess on the appearance of these materials. The aspects about them which are clear are the fact that they are wooden and probably flat. As the approved and established Bulgarian translation shows, it is a matter of frames used to hold different flat objects of different shapes.

Another set of materials which required the assistance of visuals in order for the correct translation variant to be reached is given in e.g. (6) *the system of rods and lengths* rendered into Bulgarian as *поредица от летвички и дължини* ('a series of laths and lengths'). Here the correspondence between *rod* and *летвичка* is not full, as semantically the former is associated with a bar, or a round stick-like object, while the Bulgarian choice denotes a flat and long lath. The second term is a direct translation of the English lengths and it is ambiguous in terms of appearance both in English and in Bulgarian, as length is an abstract notion which cannot be given an exact expression without a particular number attached to it.

Translating a specialised text can pose challenges to the translator, especially, in cases where there is lack of officially established terminology and when it is up to the translated version to do that. In the case of Montessori translations, difficulties arise also from the fact that the translator is working with a target text and not the original one and even though the translated version has been approved by AMI and then offered for translation to Bulgarian, some of the original meaning of the primary Italian text might have been lost in the English version. The characteristic polysemic nature of English words further contributes to the challenges a translator has to overcome as one, term is sometimes used to refer to various materials as shown in the examples above. In order to disambiguate the said use the translator has to resort to visual aids such as pictures as well as further descriptions provided in the book. Probably due to their novelty, the translated Bulgarian versions approved by the AMI appointed reviewer have proven to be more informative and clear to the readers who, in their bigger part, could be assumed to be unaware of Montessori's Method. Thus, although it is a matter of translation of terms which usually allow for one-to-one correspondence, the translator in this case has opted for free translation instead.

REFERENCES

1. AMI Canada 2017–2018 [Electronic resource]. – Mode of access : https://ami-canada.com/index.html. – Date of access : 18.09.2019.
2. *Chesterman, A.* Memes of translation. The spread of ideas in translation theory / A. Chesterman – revised edition. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2016. – 219 p.
3. *Nida, E. A.* Towards a Science of Translating : With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating / E. A. Nida – Leiden : E. J. Brill, 1964. – 331 p.
4. *Landers, C. E.* Literary translation a practical guide. Topics in translation 22 series / ed. G. Samuelsson-Brown. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney : Multilingual Matters Ltd., 2001. – 224 p.
5. *As-Safi, A.* Naturalness in literary translation / A. As-Safi, I. S. Ash-Sharifi – Babel 43:1. Federation Intemationale des Traducteurs (FIT) Revue Babel, 1997. – P. 160–175.
6. *Pym, A.* Exploring translation theories / A. Pym – 2nd ed. – London, New York : Routledge, 2014. – 178 p.
7. *Munday, J.* Introducing translation studies : Theories and applications / J. Munday – 4th ed. – London, New York : Routlege, 2016. – 394 p.
8. *Montessori, M.* The discovery of the child / M. Montessori. – Montessori-Pierson Publishing Company, 1948. – 588 p.
9. *Montessori, M.* The discovery of the child / M. Montessori. – Translated into Bulgarian by Cheshmedzhieva-Stoycheva, D. as "Да откриеш детето" – Asenevtsi Trade EOOD, 2018. – 436 p.
10. Lexico. Online dictionary / Lexico, 2019 [Electronic resource] – Mode of access : https://www.lexico.com/en/definition/. – Date of access : 18.09.2019.

Т. П. Карпилович
Минск, МГЛУ

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И СМЫСЛ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются позиционные и языковые индикаторы содержательно-концептуальной информации (основного смысла) в медиадискурсе, представленном проблемно-аналити-ческими статьями на белорусском и английском языках. Установлено, что эта категория непосредственно взаимодействует с категорией интенциональности, что наиболее отчетливо проявляется в заголовочном комплексе, заключительном абзаце и цитатном блоке. Языковыми признаками содержательно-концептуальной информации являются оценочные и модальные единицы, стилистические ресурсы выдвижения значимой информации в фокус внимания адресата. Выявлены различия в вербализации основного смысла и интенциональности в медиадискурсе на двух языках.

Одной из актуальных проблем дискурсологии является установление типологии категорий дискурса, выявление комплекса языковых средств репре-зентации категорий в различных типах и жанрах дискурса, определение характе-ра их взаимодействия, в том числе и в контрастивном аспекте на материале различных языков.

Лингвистами предложены различные типологии дискурс-категорий. Поскольку текст, как правило, включается в понятие дискурса, то категории текста нередко переносятся и на дискурс с некоторыми дополнениями и уточнениями. Так, В. И. Карасик [1] выделяет четыре группы категории дискурса: конститутивные, жанрово-стилистические, семантико-прагматические и формально-структурные. К дискурсивным в этой классификации относится ряд категорий, которые традиционно выделяются в лингвистике текста: информативность, относительная смысловая завершенность, модальность, членимость, когезия (И. Р. Гальперин, В. В. Богданов, К. А. Филиппов, А. Ф. Папина, W. Dressler, M. A. K. Halliday и др.). В данной классификации присутствуют и сугубо дискурсивные категории: тематическое единство, адресованность, образ автора, хотя две последние из названных категорий некоторые лингвисты считают текстообразующими. В свою классификацию из шести категорий М. Л. Макаров также включает две категории текста (когезия и когеренция) и четыре дискурсивные: мена коммуникативных ролей, коммуникативная стратегия, метакоммуникация и дейксис дискурса [2].

В наших исследованиях, учитывая процессуальный характер дискурса, мы выделяем прежде всего коммуникативные категории, которые отличают дискурс от текста как продукта дискурсивной деятельности. Коммуникативные категории характеризуют дискурс как явление процессуальное, предполагающее наличие главных коммуникантов любого типа дискурса (адресанта и адресата), реализующих определенные цели в процессе общения [3]. В эту группу входят интенциональность, информативность, субъектность,

стратегичность, оценочность, модальность. Большинство коммуникативных категорий являются модусными, они раскрывают отношение автора дискурса и других участников к событиям, действиям и мнениям, отражаемым в дискурсе.

Рассмотрим подробнее две модусные категории дискурса – интенциональность и информативность в ее содержательно-концептуальной разновидности в соответствии с классификацией И. Р. Гальперина [4]. В лингвистике существуют различные подходы к определению понятия «интенциональность» текста / дискурса. По мнению Н. И. Клушиной, это глобальная авторская интенция, коммуникативное намерение, которое организует построение конкретного текста [5]. К примеру, интенцией публицистического текста считается убеждение читателя в правильности «авторской трактовки действительности». При этом понятие интенциональности распространяется на другие категории публицистического дискурса, такие как идеологема, оценка, стилистическая тональность, интерпретация как механизм имплицитного убеждения и др. В публицистическом дискурсе все эти категории взаимодействуют, поскольку реализуют единую авторскую интенцию [5].

В концепции Л. Р. Дускаевой интенциональность медиадискурса рассматривается как система интенций, представленная иерархией смыслов, в которой взаимодействуют дескриптивный (пропозициональный) и модусный (субъективный и объективный) компоненты [6]. Таким образом, в данной концепции интенциональность и смысл изучаются в неразрывном единстве.

В нашем исследовании интенциональность понимается как типовая цель, характерная для того или иного дискурсивного жанра. Это ведущая в коммуникативно-прагматической плане модусная категория, которая реализуется в семантической структуре дискурса, коммуникативных стратегиях, в средствах их вербализации. В этом определении заключено отличие интенциональности текста / дискурса от коммуникативного намерения в теории речевых актов, которое связывается с отдельным высказыванием, а не с целостным текстом.

Вторая модусная категория дискурса, которую мы рассматриваем в данной работе, – это содержательно-концептуальная информация (смысл). В концепции И. Р. Гальперина утверждается, что этот вид информации, передающий индивидуально-авторское отношение к сообщаемому, свойственен, главным образом, художественному дискурсу. Однако мы полагаем, что такая информация содержится и в других типах дискурса, в частности, медийном, особенно в художественно-публицистических жанрах (очерке, рецензии, эссе), а также в проблемно-аналитических статьях.

Важность изучения содержательно-концептуальной (смысловой) информации дискурса обусловлена теоретическими и практическими причинами. Во-первых, это одна из малоисследованных дискурс-категорий; во-вторых, выявление языковых средств ее реализации в дискурсе даст возможность

начать разработку алгоритмов идентификации и, в частности, определения главного смысла дискурса – посыла (основной идеи), что может представлять собой новое направление в автоматическом анализе прагматики дискурса, наряду с рас-познаванием мнений и оценок коммуникантов. Разработка таких алгоритмов актуальна и с точки зрения обучения пониманию и интерпретации дискурса при изучении родного и иностранного языков.

Содержательно-концептуальная информация (далее для краткости – концептуальная информация), а также ее компрессированное выражение как основного смысла (посыла) формируется в результате восприятия текста как целого. Тем не менее можно предположить, что в любом дискурсе есть неко-торые формальные признаки (выраженные вербально или невербально), указы-вающие на его концептуальную информацию, в том числе и на главный смысл.

Материалом данного исследования являются проблемно-аналитические статьи из белорусской и американской прессы. Как показали наши предыдущие разработки, основной интенцией автора указанного жанра является поиск путей разрешения некоторой проблемы (проблемной ситуации) на основе рассмотрения мнений субъектов дискурса. Основная цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить комплекс позиционных и языковых акцентуаторов основного смысла медиадискурса и доказать его связь с интенциональностью.

При моделировании процесса распознавания концептуальной информации целесообразно применить когнитивный принцип *фигура – фон* к пространству текста, взятого как целое. В качестве фигур в медиатексте выступает заголовок, подзаголовок / подзаголовки, лид, заключительная часть и цитатный блок (блоки). В этих фигурах мы и можем наблюдать пересечение интенциональности и основного смысла медиатекста, однако с разной степенью частотности, развернутости, принадлежности автору или другим участникам коммуникации.

Проведенный анализ показал, что заголовок проблемно-аналитических статей чаще всего носит тематический характер: *Вышэйшая школа … на дыстанцыі; Адходы: выкарыстоўваць ці захоўваць?*; *How to Beat the High Cost of Working.* Такие тематические заголовки как раз и передают интенциональность медиатекста: в первом примере интенция автора – рассмотреть особенности дистанционного обучения; во втором – определить, как обрабатывать отходы. В проанализированных белорусскоязычных статьях количество тематических заголовков составляет 61 %, в англоязычных – 69 %.

Тематический заголовок может иметь форму проблемного вопроса, ответ на который читатель должен найти в тексте, но порой такой ответ содержится уже в подзаголовке, как в следующем примере:

Што патрэбна для ўмацавання сем'яў?

Грашовая падтрымка, асвета і мужчынскае здароўе, сцвярджаюць спецыялісты.

Этот подзаголовок и передает основной смысл статьи. Заголовки, выражающие концептуальную информацию, будем называть рематическими: *Клімат мяняецца – час змяніцца нам*. Данный заголовок передает информацию о теме статьи (изменение климата) и имплицитно – основную интенцию: что делать в этих условиях? Одновременно он выражает и основной посыл –

людям надо менять свое отношение к окружающей среде. В массиве белорусскоязычных медиатекстов доля рематических заголовков – 39 %; в англоязычных – 31 %.

Учитывая информацию текста как целого, рассмотрим возможность выявления формальных показателей принадлежности заголовка к рематическому типу, то есть наличия тех или иных языковых единиц, которые с большой долей вероятности маркируют основной посыл медиатекста. Такими прагматическими индикаторами часто выступают единицы позитивной и негативной оценки, например: *Час вяртання* ***святыняў****; Ідэі каштуюць* ***дорага****; The American Dream Needs* ***a Jolt****.*

Другой формальный показатель принадлежности заголовка / подзаголовка к рематическому типу – наличие в них модальных единиц необходимости (*павінен, трэба, неабходна; have to, need, must, should*) и / или возможности (*магчы, можна*; *can, may*). Эти модальные единицы указывают на те действия, которые необходимо / можно предпринять государственным, общественным и иным организациям для решения возникших проблем. Они встречаются как в заголовках, так и подзаголовках проблемно-аналитических статей: *Выйсцем з сітуацыі* ***павінен*** *стаць рынак сацыяльных паслуг*; *Каб ведаць і шанаваць чужое,* ***трэба*** *найперш ведаць і шанаваць сваё; You* ***Don't Have to*** *Conform to Do Well at Work.*

Третьей фигурой, привлекающей внимание читателя на пространстве медиатекста, является лид (начальный абзац), который в белорусскоязычном дискурсе часто выделен другим шрифтом. В проанализированном массиве медиатекстов лид, как и подзаголовок, не является обязательным компонентом; в большинстве случаев он расширяет или уточняет информацию заголовка и / или подзаголовка. Однако и здесь встречаются высказывания обобщающего характера, имеющие отношение к концептуальной информации. Их отличительной чертой является более сложная синтаксическая структура по сравнению с обобщениями в заголовке и подзаголовке, передающая основной смысл текста, но уже в более развернутом виде.

Еще более детальная репрезентация концептуальной информации происходит по мере раскрытия отношения автора и других субъектов дискурса к способам решения обсуждаемой проблемы. Маркерами здесь также выступают оценочные и модальные единицы. Но для доказательства того, что они действительно имеют отношение к основному смыслу текста, нами была разработана специальная процедура установления связи таких высказываний с интенциональностью, выраженной в заголовке, подзаголовке или лиде. Она основана на сопоставлении пропозициональных структур высказываний и определении их сходства или различия.

Помимо оценочных и модальных единиц, в основном корпусе медиатекста концептуальная информация маркируется императивными структурами, а также стилистическими ресурсами, которые выдвигают значимую информацию в фокус внимания адресата. Это инверсия, парцелляция, риторические вопросы, сочинительные союзы в начале предложения и другие средства:

Замест асабістага аўтамабіля часцей ***карыстайцеся*** *грамадскім транспартам, а ў ідэале – роварам.* ***Старайцеся*** *падарожнічаць цягніком, а не самалётам.* ***Аддавайце*** *перавагу прадуктам і таварам мясцовай вытворчасці.*

Выпуклыми фигурами на пространстве медиатекста являются цитатные блоки, выделенные цветом, крупным шрифтом или другими невербальными средствами. В таких блоках указываются главные причины сложившейся проблемной ситуации, но чаще предлагается тот или иной способ ее разрешения, который может выступать и в качестве основного посыла всего текста. Примером служит следующая цитата:

… уся адукацыйная сфера ў той ці іншай ступені ўтрымлівае экалагічны складнік. Аднак патрабаваннем дня з'яўляюцца не тэарэтычныя палажэнні,
а рэальныя крокі на гэтым шляху (Звязда, 23.08.2019).

Компрессированное выражение концептуальной информации, но не такое лаконичное как в заголовке или подзаголовке, может быть представлено в заключительном абзаце статьи, что более характерно для белорусскоязычного дискурса. При этом основная идея часто представлена словами не автора, а других субъектов дискурса – государственных и политических деятелей, экспертов, рядовых граждан, что согласуется с требованиями объективности изложения в средствах массовой информации:

Педагог СШ № 3 горада Драгічына Віта Мучанская лічыць, што заняткі будуць цікавымі для ўсіх дзяцей:

– Перад намі не стаіць задача абавязкова вырасціць айцішнікаў. Галоўнае – зацікавіць, раскрыць дзяцей (Рэспубліка, 16.11.2019);

"The economy is strong," Federal Reserve Chairman Jerome Powell said in Jackson Hole, Wyo, last week, adding inflation "is near our 2 % objective, and most people who want a job are finding one." (The Wall Street Journal, 29.08.2018).

Таким образом, проведенный анализ показал, что точками пересечения интенциональности и основного смысла в проблемно-аналитических статьях являются их наиболее значимые в информационном плане композиционные звенья – заголовок, подзаголовок, лид, заключительный абзац и цитатный блок – фигуры на пространстве медиатекста. В качестве лингвокультурных различий следует отметить более высокую употребительность модальных единиц необходимости как маркеров основного смысла в белорусской прессе, что можно объяснить принадлежностью белорусской культуры к коллективистскому типу, стремлением ее носителей совместно решать назревшие проблемы. Отличительной чертой американского медиадискурса в проанализированном жанре является более частотная репрезентация основного смысла структурами прямой речи, что может быть обусловлено намерением журналистов сохранять индивидуальные особенности языкового выражения мнений участниками обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 185–198.
2. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГ «Гнозис», 2003. – 289 с.
3. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ. – 160 с.
4. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.
5. *Клушина, Н. И.* Лингвистика убеждения : интенциональные категории публицистического текста / Н. И. Клушина // Электрон. науч. журнал. «Медиаскоп». – 2008. – № 1.
6. *Дускаева, Л. Р.* Современный российский медиатекст в интенционально-стилистическом аспекте / Л. Р. Дускаева // Материалы VIII Междунар. науч. конф. «Русская речевая культура и текст», 17–18 апр. 2014 г. – Томск : Изд-во Томск. ЦНТИ, 2014. – С. 100–106.

The paper considers position and language indicators of content and conceptual information (main sense, message) in media discourse in Belarusian and English. It is shown that this category is closely connected with intentionality, which is especially vivid in titles and subtitles. The language indicators of the discourse categories under consideration include evaluative and modal means, stylistic resources of information foregrounding.

ТЕКСТ И ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

И. В. Лешкевич
Минск, МГЛУ

КОРРЕЛЯЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ КАТЕГОРИЙ В БРИТАНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЕ

Анализируется корреляция дискурсивных категорий модальности и оценочности в аналитических статьях из британской и белорусской прессы. Выявлены типы модальных единиц возможности и необходимости, функционирующие в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе, определена их частотность, а также построена семантическая классификация оценочных предикатов, взаимодействующих с модальными операторами. Установлены сходства и различия в употреблении репрезентантов модальности в аналитической статье на английском и белорусском языках.

Среди дискурсивных категорий категория модальности является наиболее спорной. Как отмечает В. З. Панфилов, «нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности» [1, с. 37]. По словам А. А. Худякова, она «по-прежнему остается в известном смысле terra incognita современной лингвистики, так как и поныне не определена однозначно ее природа, не выявлены ее подтипы <…> да и объем этой категории не является твердо установленным» [2, с 56].

Так, родоначальником изучения модальности является Ш. Балли. Именно ему принадлежит концепция двухчастной структуры высказывания, в котором *модус* представляет собой субъективные стороны высказывания, идущие от говорящего, а диктум – объективные [3, с. 44–45]. Его идеи получили развитие в трудах зарубежных и отечественных лингвистов (Э. Бенвенист, Л. Теньер, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева, Т. М. Николаева, Н. Ю. Павловская, Н. В. Зиневич и др.). «Грамматика русского языка» предлагает следующую дефиницию модальности: отношение действия или состояния, выраженного предложением, к действительности. Причем формами этой категории считаются формы наклонения, а логической структурой – способы связи предиката с субъектом. Категория модальности входит в круг предикативности как отнесения содержания предложения к действительности, включающей, кроме модальности, время и лицо [4, с. 89].

Новое направление в исследовании проблемы модальности связано с Н. Ю. Шведовой, которая противопоставляет объективную (отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности, языковые формы мысли о реальном в настоящем, прошлом, будущем или желаемом и др.) и субъективную (отношение говорящего к сообщаемому (значения усиления, экспрессии, уверенности/неуверенности, согласия/несогласия и т.д.)) модальности [5, с. 542, 611]. И. Р. Гальперин выделяет фразовую и текстовую модальности: первая реализуется в предложении/высказывании с помощью грамматических и лексических средств, а вторая – «в характеристике героев, дифференцируется <…> в сентенциях, в умозаключениях» [6, с. 115].

С категорией модальности переплетается категория оценочности, которая может рассматриваться как вид субъективной модальности и выражает отношение говорящего/пишущего к содержанию высказывания (на основе ценностных критериев) (Е. М. Вольф, В. Г. Гак, И. М. Кобозева, Т. В. Маркелова и др.). Интерес представляет выявление языковых средств вербализации модальных и оценочных смыслов, а также характер взаимодействия данных категорий в различных жанрах медиадискурса. Материалом данного исследования служат 60 аналитических статей из британских и белорусских периодических изданий за 2015–2019 гг.: «The Observer», «The Guardian», «The Times» и «Народная газета», «Рэспубліка», «Звязда» и др.

Проведенный анализ показал, что наиболее типичными модальными единицами являются средства выражения таких значений модальности, как возможность и необходимость. Дальнейший анализ средств языковой репрезентации категории модальности в аналитической статье позволил установить, что среди модальных единиц возможности в англоязычном медиадискурсе преобладают собственно модальные глаголы *can (could), may (might)* (79,7 %), а в белорусскоязычном – глагол *магчы* (58,9 %), наречия *можна, магчыма* (21,3 %) и существительные *магчымасць, немагчымасць* (33,7 %). Например: *But in reality her deal* ***can't*** *withstand the internal contradictions of the Conservative party* 'Но в реальности ее сделка не может выдержать внутренних противоречий в Консервативной партии' (The Guardian, 02.01.2019). *У сітуацыі павышэння пенсійнага ўзросту менавіта яна (моладзь)* ***можа*** *пацярпець больш за ўсё* (Звязда, 25.03.2016); *І такая* ***магчымасць*** *для іх ёсць: у вобласці пастаянна распрацоўваюцца новыя ўчасткі* (Звязда, 22.09.2018).

Среди модальных единиц необходимости в англоязычном медиадискурсе наиболее широко представлены собственно модальные глаголы *must, should, have to, need to* (85 %); в белорусскоязычном – прилагательные, например, *павінен* (40,2 %) и наречия *трэба, неабходна* (34,6 %), а также глаголы (*патрабаваць, вымушаць)* и существительные (*неабходнасць, патрабаванне*) по 12,6 %. Отличительная черта британских аналитических статей – это отсутствие наречий для выражения модального значения необходимости. Кроме того, в белорусских аналитических статьях выявлена не только более высокая употребительность модальных единиц необходимости (80 % против 20 %), но и более широкий спектр лексических единиц, выражающих это модальное значение, что свидетельствует о большей категоричности представителей белорусской культуры. Например: <…> *we* ***must recognise*** *the challenge of negotiating a deal* '<…> мы должны осознать сложность заключения сделки' (The Guardian, 02.01.2019); <…> *Задача сення для ўсіх адна: сярэдні памер пенсіі* ***павінен*** *павялічвацца, – падкрэсліла Марыя Шчоткіна <…>,* ***трэба*** *індэксаваць пенсійныя выплаты* (Звязда, 25.03.2016). *Такую сітуацыю* ***неабходна*** *аператыўна вырашаць* (Звязда, 22.09.2018).

На следующем этапе исследования рассмотрим особенности взаимодействия категории модальности и оценочности в медиадискурсе на английском и белорусском языках. Анализ практического материала показал, что модальные единицы возможности и необходимости непосредственно сочетаются с оценочными предикатами, позитивная или негативная направленность которых определяется по контексту. Это глаголы, прилагательные и существительные следующих семантических групп:

1) изменения *alter, change; змяніць, унесці змены*: *Completing the course should be a qualification for office. But this* ***can't change*** *the behavior of psychopaths* <…> 'Завершение курса должно быть квалификацией для офиса. Но это не может изменить поведение психопатов <…> ' (The Guardian, 12.01.2019); *<…> якія часта* ***вымушаны змяняць*** *месца жыхарства* (Звязда, 24.01.2018);

2) улучшения *renew, update; палепшыць, удасканаленне*: *I believe almost everyone* ***may benefit*** *from such treatment* 'Я считаю, что такое лечение может принести пользу практически всем' (The Guardian, 12.01.2019); *Спецыялісты сцвярджаюць, што* ***неабходна ўдасканаліць*** *працэс крэдытавання насельніцтва* (Рэспубліка, 12.11.2018);

3) увеличения / усиления *boost, increase, extend, raise; павялічвацца, нарошчванне, узмацняць: The protesters have two advantages which* ***may increase*** *their chances of success* 'Протестующие имеют два преимущества, которые могут увеличить их шансы на успех' (The Guardian, 12.01.2019); T*акая практыка* ***павінна павялічыць*** *колькасць зацікаўленых супрацоўнікаў* (Звязда, 25.03.2016);

4) уменьшения *decline, lower, reduce, bring down; скарачіць, зніжэнне*: *Through exchanges, contacts, dialogue we* ***can bring down*** *some of those walls in our heads"* 'Через обмен, контакты, диалог мы можем разрушить некоторые из этих представлений в нашей голове' (The Guardian, 02.01.2019); *Новы закон* ***дазволіў знізіць*** *кошт* (Звязда, 31.09.2018);

5) содействия *protect, contribute, help, mobilise; дапамагаць, забяспечваць, спрыяць*: *<…> other people* ***may****, deliberately or not,* ***have contributed*** *to a culture of growing intolerance '* <…> другие люди, сознательно или нет, внесли свой вклад в культуру растущей нетерпимости' (The Guardian, 31.12.2018); *Інывідуальныя забудовы* ***павінны забяспечваць*** *неабходнай інфраструктурай* (Звязда, 22.09.2018);

6) воздействия *vent, drive, rouse; кантраляваць, стымуляваць, уплываць*: *Beneath this person is a profound insecurity, which* ***may generate*** *an insatiable need for power, prestige and attention* 'Этот человек скрывает глубокую неуверенность, которая может вызвать ненасытную потребность во власти, престиже, внимании' (The Guardian, 12.01.2019); *Сучасныя тэхналогіі* ***павінны стымуляваць*** *дальнейшае развіццеё пошты* (Рэспубліка, 09.10.2018);

7) исключения (исчезновения) *avoid, slip away, get away, stop; адбіраць, губляць*: *They must avoid applying closed-loop recycling to everything that is consumed* 'Они должны избегать применения замкнутой рециркуляции ко всему, что потребляется' (The Guardian, 30.01.2019); *Фіны ўпэўнены, што ў дзяцей* ***нельга адбіраць*** *дзяцінства* (Звязда, 03.02.2018);

8) выражения чувств, эмоций *hope, argue; спадзявацца, радаваць*: ***We may hope*** *that the UK government will invest heavily in waste reduction and domestic recycling* 'Мы можем недеяться, что правительство Великобритании будет вкладывать значительные средства в сокращение отходов и переработку внутри страны' (The Guardian, 30.01.2019); *<…> пры існуючых цэнах на прамысловыя тавары <…> гэтыя грошы* ***не могуць радаваць*** (Народная воля, 31.12.2018);

9) интеллектуальной деятельности (умозаключения) *acknowledge, verify, take into account, justify; пацвердзіць, апраўдаць*: *Trump* ***cannot point*** *to a single substantial legislative achievement* <…> 'Трамп не может указать ни на одно

значительное достижение в законодательной области <…> (The Observer, 30.07.2017); *Мы* ***павінны пацвердзіць*** *своечасоваць у прыняцці гэтага рашэння* (Рэспубліка, 12.05.2017).

В случае составного модального сказуемого оценка может быть выражена оценочным прилагательным (существительным) в функции предикатива или определения к предикативному существительному: *In future there* ***could be pressure*** *to lower standards in order to compete with imports. <…> animals* ***cannot remain healthy*** *within the conditions in which they are placed* ‘В будущем может оказываться давление снизить стандарты для того, чтобы конкурировать с импортом. <…> животные не могут оставаться здоровыми в тех условиях, в которых они находятся’ (The Guardian. 18.08.2017); *Расія* ***павінна быць упэўнена****, што мы праводзім незалежную палітыку* (Рэспубліка. 09.10.2018); *З’езд вучоных* ***павінен стаць «плацдармам»*** *для карэкціроўкі навуковай палітыкі ў краіне* (Звязда, 31.08.2018).

Оценка может быть также выражена оценочным существительным в функции дополнения к глаголам нейтральной семантики: *He* ***may want a halt*** *to open EU criticism of domestic political developments in Turkey* ‘Он может захотеть положить конец открытой критике ЕС внутриполитических событий в Турции’ (The Guardian, 04.10.2015); *<…>* ***можа выказаць недавер*** *дэпламату* (Рэспубліка, 09.10.2018); *Такая практыка* ***павінна атрымаць*** *больш шырокае* ***распаўсюджанне*** (Звязда. 25.03.2016). Выявлены случаи, когда оценочное отношение заключено в обстоятельстве образа действия, например: *The best view* ***could arguably be found*** *right there, in those flatlands of marshes, pine trees and spruce* ‘Самый лучший ответ, вероятно, можно найти прямо здесь, на этих заболоченных равнинах с соснами и елями’ (The Guardian, 02.01.2019); *Гэтая гісторыя* ***магла*** *скончыцца* ***добра*** (Звязда, 20.11.2017).

Итак, проведенный анализ показал, что взаимодействие дискурсивных категорий модальности и оценочности в аналитической статье осуществляется посредством модальных и оценочных единиц определенных лексико-грамматических классов слов, выполняющих различные синтаксические функции в высказывании. Среди модальных единиц возможности и в англо-, и в белорусскоязычном дискурсе наиболее частотны модальные глаголы. Сходство наблюдается и в достаточно низкой употребительности глаголов, содержащих модальный компонент в своей семантике (a*llow, enable* и *дазваляць* 7,8 % и 7,7 % соответственно). Главное отличие заключается в высокой частотности имен существительных (33,7 % против 2,3 %) и наречий (21,3 % против 4,7 %) в белорусских аналитических статьях. Если общее количество выявленных модальных единиц возможности практически совпадает в двух медиадискурсах, то количество модальных единиц необходимости в 4 раза превосходит в белорусском дискурсе. Установлена их концентрация в прямой и косвенной речи, что свидетельствует о большей категоричности в речевом поведении носителей языка. Среди модальных единиц необходимости в англоязычном медиадискурсе преобладают модальные глаголы (85 %), в то время как в белорусскоязычном – на их долю приходится лишь 12,6 %, а основную часть составляют прилагательные (40,2 %) и наречия (34,6 %). В британских аналитических статьях

наречия для выражения модального значения необходимости вообще отсутствуют. Таким образом, для белорусских аналитических статей характерно большее разнообразие средств выражения модального значения необходимости, что указывает на большую прямолинейность в выражении мнений представителей белорусской культуры. Доминирующие оценочные единицы, взаимодействующие с модальными, – это глаголы в рамках составного модального сказуемого и прилагательные в функции предикатива или определения к предикативному существительному.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопр. языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.

2. *Худяков, А. А.* Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие / А. А. Худяков. – М. : Академия, 2005. – С. 56 – 67.

3. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд. : Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель ; ред., вступ. ст. и примеч. Р. А. Будагова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

4. Грамматика русского языка : в 2 т / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 2 : Синтаксис. – 440 с.

5. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

6. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.

The article focuses on the correlation of the categories of modality and evaluation in British and Belarusian analytical articles. Patterns of their realization, frequency of use as well as peculiarities of compatibility with each have been identified.

Т. А. Сысоева
Минск, МГЛУ

МАРКЕРЫ АКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Аналитическая статья характеризуется открытой манифестацией авторского «я», ярко выраженной тенденцией к субъективизации жанра. Поскольку в подобных публикациях информация сопровождается ее интерпретацией и оценкой, они представляют интерес в плане изучения субъективной модальности и средств ее манифестации. Сопоставительный анализ статей из белорусской и американской периодики позволил выявить комплекс языковых маркеров, определяющих обсуждаемую в тексте социальную проблему как актуальную. Подобные лексические средства обозначают время, место событий, а также выражают авторскую оценку происходящего. Установлено, что в американском издании главный интерес связан с масштабными проблемами, тогда как в белорусском – с локальными. Однако статьи на двух языках продемонстрировали общую тенденцию в распределении маркеров актуальной информации, которые концентрируются в инициальной части как «сильной позиции» текста.

Современная публицистика ставит во главу угла обсуждение актуальных социальных проблем с целью поиска их возможных решений. Под проблемной обычно понимается такая ситуация, которая характеризуется несоответствием между ожиданиями аудитории и реальным развитием событий, вследствие чего требует немедленного вмешательства [1, с. 153]. При этом медиатексты аналитического характера отличаются от других жанров тем, что предполагают глубокое, всестороннее, многоплановое рассмотрение актуальной проблемы, зачастую с отсылкой к разным источникам и мнениям.

Несмотря на то, что «СМИ играют решающую роль в формировании информационной картины мира» [2, с. 35], их функция не сводится к простому отражению окружающей действительности. Массмедиа не только тиражируют информацию, но и транслируют ее интерпретацию. Этим объясняется иллокутивная сила, которая скрыта в самом предназначении публицистического текста: сообщение в СМИ имманентно направлено на изменение сознания адресата, на мотивирование его к совершению определенных действий [3, с. 225]. Сказанное коррелирует с общеизвестным фактом: восприятие окружающей действительности не может осуществляться без участия чувств, поэтому автор медийного сообщения сопровождает информацию своим субъективным отношением к ней, и все обсуждаемые в тексте события изображаются с позиции адресанта, его личного опыта, мировоззрения [4, с. 287]. При этом степень авторского присутствия варьируется в зависимости от жанра. Если тексты аналитического характера (письма, комментарии, статьи) тяготеют к открытой манифестации субъективной позиции адресанта, то короткие информационные жанры (заметки, новостные сообщения) отличаются минимальной степенью авторского присутствия.

Таким образом, проявление авторского начала определяется конкретной жанровой принадлежностью медийного сообщения, однако неизменно одно: на современном этапе активно идут процессы персонификации, субъективизации медиатекстов, при которых «категории автора и образа автора приобретают особое значение как конструктивные признаки публицистического текста, его организующее начало» [5, с. 19]. Субъективный фактор накладывает отпечаток на всю организацию сообщения, диктуя его форму, содержание и функции, определяя выбор языковых средств разных уровней и специфику их распределения в структуре текста.

Категория адресанта самым тесным образом связана с категорией субъективной модальности, которая передает оценку говорящим описываемых фактов (в плане уверенности или неуверенности, согласия или несогласия, положительного или отрицательного отношения). Интересно то, что в тексте как целостном произведении позиция автора ярче проявляется в одних текстовых фрагментах и слабее – в других. Несмотря на то, что субъективная модальность может быть реализована при помощи целого арсенала средств (оценочной лексики, модальных слов, междометий и др.), которые в открытой или завуалированной форме передают субъективное отношение автора на фоне объективного изложения фактов [6, с. 641–643], в первую очередь модус

вербализуется (эксплицируется) в определенных позициях текста, где речь идет, по мнению его автора, о самом существенном [7, с. 26]. Следовательно, при изучении категорий адресанта, субъективной модальности, оценочности и др. необходимо не только выявить конкретные языковые средства их манифестации, но и обратиться к вопросу организации текстового пространства в целом.

С целью определения маркеров актуальной информации в аналитической статье и установления особенностей их распределения в тексте был осуществлен анализ публикаций с веб-сайтов белорусского издания «СБ. Беларусь сегодня» и американского издания «The Washington Post» за 2019 г. Для исследования были отобраны сообщения, посвященные обсуждению актуальных вопросов политики, экономики, законодательства, современных технологий, промышленности, сельского хозяйства и т.д. Концептуальной доминантой статей является социально значимая проблема, а ее постановка в тексте маркируется соответствующим словом-репрезентантом: ***проблема*** *рассылок сообщений об опасности*, ***проблема*** *приобрела массовый характер*; *the* ***problems*** *of immigration and work, the* ***problems*** *have worsened, dealing with the* ***problems***. Подчеркнем, что речь не обязательно идет о неразрешимых проблемах или неудачах. Наоборот, в статье могут обсуждаться положительные моменты и приводиться примеры успешного решения проблемной ситуации.

О том, что обсуждаемый вопрос является актуальным, свидетельствуют лексические единицы, указывающие на текущий момент, недавнее прошлое или ближайшее будущее: *в этом году*, *в эти выходные*, *сегодня*, *сейчас*, *теперь*, *с начала текущего года*, *в последнее время*, *недавно*, *в 2018–2019 годах*; *today*, *these days*, *currently*, *recently*, *in 2017*, *for years to come*. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих контекстуальное употребление подобной лексики: *Такую технологию все чаще применяют в Кобринском районе, получая отменные корма.* ***В нынешнем сезоне*** *для этой цели приобрели две новые плющилки*; *Белкоопсоюз закупил* ***в этом сезоне*** *уже более 3,4 тысячи тонн томатов, закупочная цена на которые – 0,5–0,7 рубля*; *The skylines of metropolitan areas such as ours have been transformed* ***over the past quarter-century*** *by new construction, with immigrants providing a considerable share of the labor*; *Let's start with where we are* ***today***; *And as for the nation's debt, it* ***currently*** *exceeds $22 trillion, with annual deficits of $1 trillion*. В русскоязычных текстах употребительны маркеры, обозначающие регулярный, повторяющийся характер описываемых событий (*постоянно*, *периодически*, *очень часто*, *ежедневно*, *трижды в неделю*, *в очередной раз*): ***В очередной раз*** *Минск столкнулся с телефонным терроризмом*; *Несмотря на то, что правоохранители* ***постоянно*** *совершенствуют навыки в борьбе с подобными преступлениями, обновляя свои технические средства для борьбы с телефонными террористами, злоумышленники* ***периодически*** *продолжают испытывать на прочность наши нервы и терпение*; *Комбинат хлебопродуктов* ***ежедневно*** *принимает 1200–1300 тонн зерна на чистку, сушку и хранение*. В американских изданиях подобная лексика также встречается, однако ее арсенал намного беднее (*always*, *regularly*): *Although they*

*[immigrants] are **regularly** slandered – by the president, among others – as a source of crime and as living off the dole, they are, for the most part, as law-abiding as the general population and are eligible for few government benefits.*

Следующей группой маркеров актуальной информации являются обозначения мест событий, названия населенных пунктов или регионов, для которых обсуждаемая проблема релевантна (страна, штат, город и пр.). Это могут быть как имена собственные, так и нарицательные (*в стране, на Брестчине*; *in the District*): *Пример неэффективной работы райагросервиса журналисты увидели в **Березино***; ***New York** is not the first state to open such a window: **California**, **Minnesota**, **Delaware** and **Hawaii** led the way*. Интересным различием является то, что в белорусском издании преимущественно фигурируют названия районов, мелких населенных пунктов или даже конкретных организаций (*Климовичский район, горпоселок Ружаны Пружанского района, Оршанский комбинат хлебопродуктов*), тогда как в американском издании акцент делается на проблемах общенационального характера: *Deficit-financed consumption has left **America** with worrisomely large deficits that grow larger as baby boomers retire.* Сказанное позволяет сделать вывод о том, какие именно новости или события рассматриваются как наиболее значимые в каждой из двух лингвокультур. Если в американской периодике обсуждаемые проблемы оцениваются в масштабе страны или хотя бы штата, то в русскоязычном белорусском издании превалируют локальные новости.

Как уже отмечалось выше, жанры аналитического характера предполагают экспликацию авторского отношения к сложившейся ситуации, и указать на субъективное восприятие проблемы как актуальной позволяют оценочные прилагательные с соответствующей семантикой (*новый, важный, серьезный, оперативный*; *new, important, critical*): *Как будет идти призыв по **новым** правилам?*; *It's an **important** First Amendment case for the digital age*; *It is **critical** we ensure that these virtual public forums are protected just as older formats – think town halls – have been*. При этом, как видно из приведенных примеров, в фокусе может быть как новизна, так и важность, значимость принимаемых мер.

Обращаясь к вопросу организации текстового пространства, проследим распределение маркеров актуальной информации в структуре статьи. Подобная процедура позволит выявить компоненты текста, содержащие концептуальную информацию и реализующие глобальный авторский замысел в первую очередь. Именно в них категория адресанта выходит на первый план, а форма выражения субъективной модальности является максимально открытой.

Полученные количественные данные демонстрируют, что в русскоязычных статьях слова, указывающие на актуальный характер обсуждаемой проблемы, распределяются в тексте следующим образом: инициальная часть – 39 %, основная часть – 54 %, заключение – 7 % маркеров. В англоязычных статья выявлена аналогичная тенденция: инициальная часть – 29 %, основная часть – 55 %, заключение – 16 %. Несмотря на то, что чуть более половины маркеров сосредоточено в основной части текста, можно сделать вывод о наибольшей концентрации подобных средств именно в инициальной части статьи, вклю-

чающей заголовок, подзаголовок и вводный абзац. Основная часть – самая большая по объему, поэтому высокие абсолютные показатели вполне ожидаемы для этого текстового фрагмента. В данном случае большего внимания заслуживает распределение маркеров в так называемых «сильных позициях» текста. Совершенно очевидно, что их концентрация в инициальной части в несколько раз выше, чем в завершающей, при сопоставимом объеме двух компонентов текста. Сказанное позволяет обозначить заголовочный комплекс аналитической статьи как текстовый фрагмент, содержащий главную, по мнению адресанта, идею сообщения, его замысел. Следовательно, размещение информации именно в начале статьи позволит маркировать ее как актуальную, давая читателям мощную «подсказку» и тем самым облегчая понимание сообщения.

В свою очередь, завершающая часть также является «сильной позицией» текста, однако с точки зрения прагматических функций преследует несколько иные цели. В ней излагаются варианты решения проблемы, содержатся призывы к действию, даются советы, анализируются результаты внедренных мер: *Поэтому, **может быть, не стоит** шутить по такому поводу?*; *Сколько кукурузы убирать на силос, сколько – на зерно, **решают специалисты** каждого отдельного хозяйства. **Главное, чтобы** при этом соблюдался кормовой баланс, а в зимне-стойловый период у животных был полноценный рацион*; ***После модернизации** путепровода возле железнодорожного вокзала **изменится** не только его пропускная способность, но и внешний вид. Здесь появятся фонари, малые архитектурные формы и городская символика*; ***We should** all be wary when an entity that was supposedly created to democratize speech actually wants to control it*; *We **need** serious bipartisan deliberation and action from our leaders, not more gimmicks and broken promises*. Средства вербализации актуальной информации отходят здесь на второй план.

Проведенный анализ англоязычных и русскоязычных статей в контрастивном аспекте показал, что тенденции в использовании маркеров актуальной информации больше сходны, нежели различны. Автор аналитической статьи указывает на значимость обсуждаемой проблемы «здесь и сейчас», апеллирует к повторяющемуся характеру проблемной ситуации, обозначает конкретный регион, для которого проблема релевантна. Лингвокультурные различия связаны с тем, что американские издания уделяют больше внимания вопросам национального масштаба, тогда как авторов статей из белорусских изданий преимущественно интересуют локальные события.

Распределение маркеров актуальной информации в корпусе текста также сходно и демонстрирует очевидную тенденцию к концентрации подобных средств в инициальной части, а именно в заголовочном комплексе. Таким образом, вводная часть становится главным текстовым фрагментом, воплощающим авторский замысел – раскрытие сущности социально значимой проблемы и выражение авторского отношения к ней как к важной, требующей немедленного решения. Завершающая часть текста реализует иные прагматические функции, среди которых – оценка результатов деятельности, призыв к решению проблемы или совет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитровский, А. Л.* Жанры журналистики / А. Л. Дмитровский // Ученые записки Орловск. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. – 2014. – Вып. № 4. – С. 149–158.
2. *Костяшина, Е. А.* Тематическое единство как фактор организации медиадискурса / Е. А. Костяшина // Язык и культура. – 2009. – № 3(7). – С. 34–40.
3. *Копытов, О. Н.* Модус публицистического текста / О. Н. Копытов // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1(35). – С. 224–230.
4. *Ткаченко, А. И.* Текстообразующая роль модельности в газетной статье / А. И. Ткаченко // Ученые зап. Казанск. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, № 2. – С. 286–291.
5. *Казимирова, О. В.* Коммуникативные аспекты медийного дискурса / О. В. Казимирова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – 188 с.
6. *Сподарец, О. О.* Субъективное и объективное в новостном жанре / О. О. Сподарец // Вестн. Башкирск. ун-та. – 2010. – Т. 15. – № 3. – С. 641–643.
7. *Копытов, О. Н.* Замечания об общих методах филологического анализа как методических источниках построения модусно-диктумных моделей текста / О. Н. Копытов // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 365. – С. 23–29.

Opinion articles from both American and Belarusian printed editions are associated with open manifestation of the author's point of view, thus demonstrating common tendencies in the usage of linguistic means which mark information as relevant. The distribution of markers in the text is similar as well, the initial part performing the function of expressing the main idea of the article. Cultural differences are connected with the scale of the problem under consideration, as Belarusian editions pay more attention to local rather than global news.

М. А. Стрельникова
Воронеж (Россия), ВГУ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

Данное исследование посвящено рассмотрению теоретической модели описания речевого жанра телеинтервью. Приводятся факторы, параметры и признаки, релевантные для описания данного дискурса. Определяются место и важность подобного исследования в дальнейшей разработке методов сопоставительного описания коммуникативного поведения. Телеинтервью как одна из самых ярких форм «публичной коммуникации» дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной публичной речи, а также является безграничным ресурсом для сопоставления образцов коммуникации в различных национальных культурах.

Существует немалое количество исследований, предлагающих результаты наблюдения за особенностями общения разных народов. Однако, систематизация фактов, оражающих национальную специфику общения, является на практике не простым делом, поскольку научные традиции подобных описаний только зарождаются:

– само явление «коммуникативное поведение» не имеет достаточно четкого определения, его структура не описана;

– терминологический аппарат системного описания коммуникативного поведения находится в стадии разработки;

– существуют единичные модели системного описания коммуникативного поведения;

– разработка методов и приемов изучения коммуникативного поведения – процесс длительный и трудоемкий.

В работе И. А. Стернина «Модели описания коммуникативного поведения» [1, с. 4] предложено несколько типов моделей описания коммуникативного поведения: ситуативная, аспектная и параметрическая. Все три модели призваны обеспечить комплексность описания коммуникативного поведения, но различаются своим назначением. В нашей исследовательской работе мы используем все три модели.

Для описания телевизионного интервью релевантными оказались два основных аспекта: *организационно-структурный* и *коммуникативно-языковой*. Организационно-структурный аспект отражает структурные особенности интервью как жанра. Коммуникативно-языковой аспект отражает коммуникативную и языковую специфику жанра интервью. Фактор речевого воздействия раскрывает речевое взаимоотношение коммуникантов.

Предлагаемая модель имеет следующий вид:

Фактор	Параметр	Подпараметр	Признак

где *признак* – отдельная черта коммуникативного поведения (коммуникативное действие или коммуникативный факт), *параметр* коммуникативного поведения – совокупность однородных, однотипных коммуникативных признаков, характеризующих коммуникативное поведение народа, фактор – совокупность сходных коммуникативных параметров, наиболее обобщенная единица описания коммуникативного поведения [1, с. 4].

Ситуативная дифференциация интервью была проведена по следующей линии: политическое, деловое и творческое интервью.

Предварительный анализ эмпирического материала (видеозаписей телевизионных программ российского и американского телевидения, содержащих интервью) позволил разработать теоретическую модель описания речевого жанра телеинтервью.

В структурированном виде предлагаемая модель имеет следующий вид (табл. 1, табл. 2):

Таблица 1

Модель описания речевого жанра телеинтервью.
Организационно-структурный аспект

№	Фактор	Параметр	Подпараметр	Признак
1	Вид диалога	• информационный • личностный	–	часто/редко
2	Тип интервью	• интервью-факт • интервью-мнение • интервью- портрет	–	часто/редко
3	Тематическое развертывание	• монотематический диалог	• указание темы • отклонение от темы	присутствует/ отсутствует
		• политематический диалог	• количество тем • количество подтем • тематическая свобода	объявление темы/умолчание табу присутствует/ отсутствует
4	Цель интервью	• сенсация • знакомство • панегирик • разоблачение • реклама • развлечение	–	% % % % % %
5	Тип монологического речевого действия	• рассказ • свидетельство • мнение • объяснение	–	% % % %
6	Повод для приглашения гостя	• участник сенсационного события • очевидец • эксперт • влиятельное лицо • известный человек	–	часто/редко
7	Текстоформирующие факторы	• объем текста • объем речевого вклада: а) журналиста б) гостя студии • компактность подачи информации	• по количеству словоупотреблений • по длительности звучания • по количеству словоупотреблений • по длительности звучания (в минутах) а) журналистом б) гостем студии	малый/средний/ большой краткое/среднее/ длительное от общего количества а) % б) % развернуто/сжато

Окончание таблицы 1

8	Структурно-композиционная организация интервью	• виды структурных блоков	• экспозиция	– устная – графика – устная графика – видеоклип – отсутствие экспозиции
			• зачин	есть/нет
			• основная часть:	
			– обсуждение темы (Т)	есть/нет
			– развитие Т.	есть/нет
			– завершение Т.	есть/нет
			– смена Т.	есть/нет
			– уклонение от обсуждения Т.	
			– отказ от обсуждения	есть/нет
			• подведение итогов	есть/нет
			• концовка	есть/нет
		• тип структуры текста интервью – представленность структурных блоков	• полнопредставленный • неполнопредставленный	– отсутствие экспозиции – отсутствие подведения итогов
		• виды диалогических единств: • вопросо-ответные; • повествование-повествование; • вопрос-вопрос.	а) краткий вопрос – краткий ответ б) краткий вопрос – развернутый ответ в) развернутый вопрос – краткий ответ г) развернутый вопрос – развернутый ответ	от общего количества % %
		• типы вопросов	• прямой • биполярный • наводящий • провокационный • открытый • подсказка • отраженный • исследовательский • прогнозирующий • риторический • условный • альтернативный	% от общего количества %
9	Характеристика участников интервью	• количество участников интервью:	а) журналистов б) гостей в студии	1/2/3 / более 3 1/2/3 / более 3
		• наблюдатели (зрители) в студии	симметричный / асимметричный	присутствуют / отсутствуют
		• социальный статус участников интервью		часто / редко
		• 1) возраст журналиста 2) возраст гостя студии	а) 20–30 б) 30–40 в) 40–60	
		• профессия гостя студии	• журналист /обозреватель • политолог • экономист • чиновник • ученый • дизайнер • актер	1а, 2а; 1а, 2б; 1б, 2а; 1б, 2б; 1а, 2в и т.д.
		• пол: журналиста гостя студии	мужской женский	
		• обратная связь со зрителями (прямой эфир в студии / телефонная связь)		присутствует / отсутствует

Таблица 2

Коммуникативно-языковой аспект

№	Фактор	Параметр	Подпараметр	Признак
1	Характер коммуникации	• официальный / неофициальный		
2	Характеристика речевой деятельности:			
	• лексический состав речи	• частеречная характеристика реплик		
		• доля лексем различных частей речи	• существительные	к общему числу
			• прилагательные	%
			• наречия	%
			• глаголы	%
			• местоимения	%
			• предлоги	%
			• числительные	%
	• стилистические характеристики реплик:	• представленность лексики в тексте	общеупотребительная	к общему объему
			•общенаучная	%
			•узкоспециальная	%
			•разговорная	%
			•просторечная	
	• синтаксический состав речи	• синтаксические явления:		
		• тип структуры предложения	• полное	используется
			• неполное	часто / редко /
			• простое	не используется
			• сложное	
		• преобладающий тип предложений	– повествовательное	%
			– вопросительное	%
			– восклицательное	%
			– отрицательное	%
			– побудительное	%
		• выразительные средства синтаксиса	• прямая речь	используется
			– эллипсис	часто / редко /
			– умолчание	не используется
			– бессоюзие	
			– повтор	
			– перечисление	
			– тавтология	
			– эмфатические конструкции	
			– вставные предложения	
			– инверсия	
		• использование экспрессивных средств	– гипербола	используется
			– метонимия	часто / редко /
			– эвфемизм	не используется
			– метафора	
			– аллегория	
			– ирония	
			– сравнение	
			– синонимы	
			– антитеза	
			– оксюморон	
			– нарастание	
			– каламбур	

Окончание таблицы 2

3	Характер речи	• доминирующая форма высказывания • подготовленность / спонтанность • кодифицированный литературный язык / разговорная речь	• диалогическая • монологическая	частая смена ролей / нечастая смена ролей
	Текстовые явления	• близость текста к письменному типу / устному типу	• перебивы • отступления • конструкции, типичные для РР: – местоименное удвоение постпозитивное определение – отказ от продолжения фразы – перестройка речи – регрессивная доработка • приемы, характерные для устной речи: – «смысловой круг» – обнажение стратегии – выражение модального значения убежденности, оценки, некатегоричности – «самокомментарий» – «апелляция к слушателю» – вовлечение слушателя в повествование – ссылки на более раннюю информацию – дробное членение информации на сегменты, порционность подачи нового материала	наличие / отсутствие используются часто / редко
4	Лингвокультурологические особенности	• национальная направленность текста • культурологический контекст	• интернациональная • узконациональная	присутствует / отсутствует используются часто / редко / не используются

Цели, к достижению которых стремятся лингвисты разных направлений, – всесторонний анализ и целостное представление феномена устной речи как функционального структурного единства.

Идея сопоставления образцов коммуникации в различных национальных культурах возникла с появлением возможности зафиксировать (записать на видео) данные образцы, благодаря использованию программ российского и американского телевидения. В результате наблюдения и анализа просмотренных образцов была сделана попытка классифицировать программы

в соответствии со спецификой целей и поведения ведущих этих программ (репортаж, интервью, очерк и т.д.). Интервью было выделено как самая яркая форма «коммуникативного типа».

Анализ телеинтервью как речевого жанра представляет интерес для исследователей в области жанров речи. Понятие «жанры речи» чрезвычайно важно для построения общей теории общения. Изучение жанров речи необходимо для анализа разновидностей речевого общения (официальное/неофициальное, публичное/личное, письменное/устное, подготовленное/неподготовленное);

Телеинтервью как одна из самых ярких форм «публичной коммуникации» дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной публичной речи [2, с. 60].

Не менее важными являются научные исследования в области телеинтервью как СМИ, оказывающего «нормирующее и популяризующее» влияние в области языка и коммуникации в целом.

Исследование телеинтервью как речевого жанра позволяет разработать обобщенную модель для описания коммуникативного поведения журналистов и гостей студии – участников телеинтервью в различных коммуникативных культурах.

Нами была разработана теоретическая модель описания телеинтервью, содержащая организационно-структурный и коммуникативно-языковой аспекты. Модель включает 16 факторов, 64 параметра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2000 – Режим доступа : https://ppt-online.org/145500. – Дата доступа : 10.09.2019.

2. *Стрельникова, М. А.* Специфика современного российского политического телеинтервью как речевого жанра / М. А. Стрельникова // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2015. – № 1 – С. 60–61.

This study is devoted to the consideration of a theoretical model for the description of the speech genre of television interviews. Factors, parameters and attributes relevant to the description of this discourse are given. The place and importance of such a study in the further development of methods for a comparative description of communicative behavior is determined.

Т. В. Жмакина
Минск, АУпПРБ

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ

Язык политического дискурса предвыборных дебатов, как и политического дискурса вообще, характеризуется наличием политической лексики, которая высоко терминологична, специфичной структурой дискурса, а также реализацией дискурса. Прагматическая ориентация дискурса, которая направлена на перераспределение сил в процессе борьбы за власть, соотносится с присущей ему семантической неопределенностью, идеологической полисемией, структурно-семантической латентностью, ориентацией на эмоциональное воздействие,

фидеистичностью, агональностью и псевдодиалогичностью. Язык политического дискурса представляет, таким образом, основное средство манипулирования в политическом контексте предвыборных дебатов. Коммуникативное пространство политического дискурса предвыборных дебатов включает в себя институциализированный семиотический контекст, внутри которого происходят коммуникативные процессы, институциализированную систему отношений между коммуникантами. Также это пространство содержит стратегию институционализации общения в рамках политического дискурса предвыборных дебатов, которая реализуется посредством массовости коммуникации, размытости границ коммуникативного пространства, фантомности коммуникативных элементов и других прагматических приемов инкорпорирования власти.

Политика как сфера деятельности человека связана с распределением и осуществлением власти как внутри государства, так и между государствами. Она возникает вместе с государством и системой власти, которая призвана служить для согласования общих и личных интересов, обеспечивать в обществе гражданский порядок на основе четкого разделения отношений господства и подчинения, осуществлять реализацию общезначимых целей, регулирование ресурсов, а также управление общественными делами.

Понятие *политика* и ее роль как особой сферы общественной жизни обусловлена тремя характерными чертами. Прежде всего, это универсальность, т.е. ее всеобъемлющий характер и способность воздействовать на все стороны жизни общества, отношения, события. Во-вторых, включенность или проникающая способность, т.е. возможность безграничного проникновения во все области. И, в-третьих, атрибутивность, т.е. способность сочетаться с неполитическими общественными сферами, отношениями и явлениями.

Этимологически лексема *политика* берет свое начало от древнегреческого слова *πολιτική* – «государственная деятельность», образованного от *πόλις* – «город, государство», и обозначает «искусство управления государством», «деятельность органов государственной власти и государственного управления», а также «вопросы и события общественной жизни, связанные с функционированием государства». Данная лексема также означает «совокупность действий и мер, направленных на достижение определенных целей».

Следует отметить, что в английском языке существует несколько однокоренных слов, близких по значению. Это *policy, politics* и *polity*. Так, лексема *policy* соотносится с такими понятиями, как *политика, политический курс, стратегия, линия поведения, установка*. Семантическая структура слова *politics* складывается из таких составляющих, как «политика», «искусство управления»; «политическая жизнь, деятельность, события, взгляды, убеждения»; «политическая линия». Лексема *polity* включает такие компоненты, как «форма правления», «общественный или государственный строй, устройство».

Именно к понятиям *polity, policy* и *politics*, употребляемым в английском языке, и прибегают политологи при описании концепта «политика». Так, с понятием *polity* соотносят институциональную политику, определяемую конституцией, парламентом, системой специализированных органов государственной власти, например, судебной системой. Понятие *policy* представляет политический курс, стратегию поведения. *Politics* соотносится с политикой, политическими событиями, политической жизнью, политической

деятельностью, политическими убеждениями, государственной деятельностью, деятельностью органов государственной власти и государственного управления, тактикой принятия решений и согласованных действий.

Семантическая структура понятия «политика» позволяет очертить границы феномена «политический дискурс». Так, в узком понимании политика предполагает институциональный дискурс, а дискурсивная реализация политики в широком смысле осуществляется в неинституциональном дискурсе.

Институциональный характер политического дискурса подчеркивается в определение Т. А. ван Дейка, по мнению которого политический дискурс ограничивается деятельностью политиков, т.е. профессиональными рамками, и определяется как «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [1, с. 74].

В свою очередь Е. И. Шейгал описывает полевой подход к анализу структуры дискурса политики и относит дискурс к политическому, если к сфере политики пренадлежит хотя бы один из трех компонентов: субъект, адресат или содержание речевого произведения. Полевая организация политического дискурса представлена *первичными* и *вторичными* жанрами. П е р в и ч н ы е жанры, к которым относятся программные документы, заявления, речи, дебаты и т.д., формируют центр поля, а на периферии находятся в т о р и ч н ы е, или маргинальные жанры, представляющие собой сочетание элементов политического и других видов дискурса, например, аналитические статьи, бытовые разговоры, письма в редакцию, карикатуры, пародии и т.д. [2, л. 244–245].

В силу того, что жанровая композиция политического дискурса очень разнообразна, представляется важным проанализировать и охарактеризовать один из самых значимых жанров политического дискурса – дискурс предвыборных дебатов, что и явилось целью данной статьи. Дискурс предвыборных дебатов характеризуется, прежде всего, институциональностью и конвенциональностью коммуникативных практик, а также высокой степенью агональности. Более того, предвыборные дебаты выполняют функцию легитимации, обеспечивающую поддержание и воспроизводство властных отношений, так как выборы традиционно рассматриваются в качестве института, легитимирующего государственную власть. Как известно, легитимность и легальность, или законность государственной власти строится на основополагающем принципе национального суверенитета, носителем которого является народ, получающий право непосредственно и через своих представителей устанавливать легитимную власть. Легальность власти имеет своим источником внутреннюю легитимность, подтвержденную и закрепленную результатами демократических выборов, которые и выступают источником легитимации власти и проявлением развитой политической культуры.

Интенциональная направленность политического дискурса предвыборных дебатов состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам общества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. То есть цель политического дискурса предвыборных дебатов направлена не на описание или референцию, а на убеждение в правильности и эффективности предвыборной программы, ориентированное на пробуждение в адресате намерения действовать, а именно проголосовать на выборах. Поэтому эффективность политического дискурса предвыборных дебатов определяется именно относительно этой цели.

Предвыборные дебаты определяются нами как четко структурированный и специально организованный публичный обмен выступлениями и вопросами между двумя и более кандидатами по изложению собственных предвыборных программ, направленный на убеждение в своей правоте первичной аудитории, посредством дебатирования с вторичной аудиторией. Возможный результат предвыборных дебатов определяется непосредственным волеизъявлением избирателей, которое реализуется на стадии голосования на избирательных участках в день выборов в отведенный период времени.

Речь политика, направленная на убеждение первичной аудитории в рациональности предвыборной программы через ведение критической дискуссии со вторичной аудиторией – политическим(и) оппонентом(ами), высоко символична, и ее успех предопределяется тем, насколько эти символы находят отклик в массовом сознании и соответствуют мнениям и оценкам адресатов политического дискурса. И далеко не всегда такое внушение строится на основе аргументации. Пытаясь привлечь аудиторию на свою сторону, политики не всегда прибегают к логическим аргументам. Отстаивая свою позицию и интересы, политик может воздействовать на эмоции, «играть» на чувстве долга или моральных установках. Успех манипуляции и внушения зависит от установок, которые существуют у аудитории по отношению к пропоненту, к сообщению в речи как таковому и к референтному объекту. Например, установки могут характеризовать степень доверия или симпатии к пропоненту, а завоевание выгодных позиций в этом случае зависит от искусства говорящего и от характера реципиента, склонного к абсолютной доверчивости, либо к абсолютной подозрительности. Изменить установки аудитории в нужную сторону можно посредством удачно организованной речи, направленной на создание у адресата ощущения добровольного приятия чужого мнения, заинтересованности, актуальности, истинности и удовлетворенности.

Язык политического дискурса представляет собой средство манипулирования в контексте предвыборных дебатов и характеризуется доминированием декламаторского стиля воззвания или ораторством; пропагандистским триумфализмом; идеологизацией и расширительным употреблением понятий, в ущерб логике; преувеличенной абстракцией и наукообразием; повышенной критичностью и пламенностью; лозунговостью и пристрастием к заклинаниям; агитаторским задором; превалированием «Сверх-Я»; формализмом партийности; претензией на абсолютную истину, метафоричность и др. Эти свойства проявляют полемичность, присущую вообще политическому дискурсу и отличающую его от других видов речи. Эта полемичность сказывается, прежде всего, на выборе слов и представляет собой своеобразную театрализованную агрессию. Полемичность направлена на внушение отрицательного отношения к политическим оппонентам и навязывание ценностей и оценок.

Политический дискурс предвыборных дебатов характеризуется и неверифицируемостью суждений. Речь идет о намеренном использовании в политических предвыборных дебатах таких аргументативных схем, которые бы отвечали задачам воздействия не на разум, а, в первую очередь, на эмоции реципиента. К таким типам аргументации относятся аргументы к традициям, общепризнанным авторитетам, к социокультурным ценностям, историческим примерам. Такому типу аргументации свойственна особая степень эмоциональности.

Еще одной характерной особенностью политического дискурса предвыборных дебатов является нацеленность на устранение мнений и аргументов оппонента и компрометация его личности. Одним из средств нейтрализации оппонента в политических дебатах является его дискредитация, направленная на исключение противника из игры посредством использования, как правило, аргументации к личности (ad hominem), а также заявления об ошибочности и несостоятельности его взглядов.

Следует подчеркнуть особую роль, которую в реализации политического дискурса играют СМИ, благодаря им он становится публичным и адресованным широкой аудитории. Более того, исследователи говорят о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом массмедиа. Сущность взаимоотношений между властью и СМИ заключается в том, что власть постоянно стремится к тотальному подчинению СМИ для обеспечения такой формы воспроизводства политической информации, которая гарантировала бы максимальную стабильность политического положения дел. В свою очередь СМИ оказывают значительное влияние на политический дискурс, обладая практически монопольным правом на реализацию его инструментальных функций и, следовательно, владея инструментами для поддержания и изменения соотношения политических сил в обществе. Что касается реализации политического дискурса предвыборных дебатов, то здесь роль СМИ исключительна, так как проекция информационного поля дискурса на аудиторию, осуществляемая посредством СМИ, является в данном случае первичным необходимым условием процесса инкорпорирования власти.

Подводя итог, можно констатировать, что ядром политической коммуникации является аргументация [3, p. 263], которой отводится ключевая роль в демократии и которая направлена на реализацию институционального смысла института выборов – легитимацию власти и формирование политической элиты посредством демократического политического метода. Необходимым критерием его реализации является наличие такого условия, как равенство социополитического контекста, основанное на принципах ненасилия, свободы слова и мыслительного плюрализма. Выборы как социальный механизм, выполняющий интегративную функцию в политическом процессе, с помощью которого рождается власть, реализуется сущность гражданского общества, формируются политические элиты, происходит процесс социализации личности, осуществляются контроль и регулирование деятельности власти со стороны граждан, фиксируются общественные настроения и реализуются отношения представительства избирателей в органах власти, определяются как аргументативная коммуникативная практика, направленная на формирование гражданственности и сохранение демократической политической культуры посредством ведения критической дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дейк, Т. А. ван.* Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.

2. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 л.

3. *Zhmakina, T.* Argumentation in pre-election debates / T. Zhmakina // Global Science and Innovations 2019 : Central Asia. – 2019. – Vol. 2. – P. 261–264.

The article analyses political discourse of pre-election debates and argumentation that is instrumental and sufficient in democratic change and is determined by the role argumentation plays in democracy, i. e. the way a democratic society makes decisions and policies, and resolves conflicts of opinions. Political discourse of pre-election debates as argumentative activity type presupposes the dialectical and pragmatic approaches and is aimed to study the macro-context of pre-election debates form institutional, conventional and contextual perspectives.

А. В. Бельская
Минск, МГЛУ

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В МЕДИЙНЫХ ИНТЕРВЬЮ
(на материале английского и белорусского языков)

В данной статье мы рассматриваем понятие *вежливость* и стратегии ее реализации в интервью известных людей (политиков, актеров) на английском и белорусском языках. Автор сосредоточился на негативной вежливости и выделил языковые средства реализации в обоих языках. В результате анализа сделан вывод, что негативная вежливость преобладает в интервью на английском языке.

Сегодня, благодаря расширению межкультурных контактов, участниками коммуникации все чаще становятся представители разных лингвокультурных общностей. Их успешное общение предопределяется не только владением языком, но и знанием национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, доминантных особенностей коммуникации, знанием социально-культурных норм, национальных систем вежливости. Незнание всех данных категорий может вызвать культурный шок, стать причиной неудач и провалов в межличностном общении и привести к возникновению конфликтных ситуаций.

Большинство сложностей межкультурной коммуникации возникает именно от того, что собеседники не умеют взаимодействовать, т.е. демонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с нормами данного общества и конкретными ожиданиями партнера. Национально-культурные особенности поведения коммуникантов в данном типе общения связаны с тем, что в разных культурах существует свое понимание вежливости. Данный термин представляет собой категорию коммуникативного сознания и является отражением национального менталитета. Она является неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникативной компетенции и тем системообразующим стержнем, который регулирует коммуникативное поведение людей. Знание национальных особенностей данной категории – ключ к пониманию многих особенностей коммуникативного поведения народа, игнорирование которых затрудняет общение и порождает многочисленные стереотипы [1].

Вежливость как предмет научного исследования традиционно связывают с культурой речи, речевым этикетом, которым уделяется большое внимание. В последнее время наблюдается тенденция рассматривать вежливость в отдельную научную проблему, к которой проявляют интерес специалисты многих гуманитарных наук, таких как психология, этнопсихология, культурология, антропология, психолингвистика, социолингвистика, прагматика, прикладная лингвистика, коммуникация и др., и это не случайно, так как данная категория может рассматриваться только на междисциплинарном уровне и в межкультурном аспекте.

Понятие *вежливость* представляет собой сложное явление, которое тесно связано с основными принципами социокультурной организации общества и межличностными отношениями, существующими между его представителями. В процессе коммуникации происходит не только обмен информацией, но и демонстрируются отношения коммуникантов друг к другу, устанавливаются, поддерживаются, прекращаются социальные контакты. Все это, в свою очередь, подчеркивает важность категории вежливости в человеческих взаимоотношениях в целом и в межкультурном общении в особенности [2].

Вступая в общение, собеседники заинтересованы в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Для этой цели они используют целую систему коммуникативных стратегий.

Среди существующих подходов к изучению вежливости можно выделить несколько основных:

– вежливость как речевые максимы, правила (Г. П. Грайс, Дж. Лич);
– вежливость как сохранение лица (П. Браун, С. Левинсон);
– вежливость как этическая категория (Н. И. Формановская).

Исследователи П. Браун и С. Левинсон вводят такие понятия, как *позитивная вежливость* (positive politeness) и *негативная вежливость* (negative politeness), которые имеют противоположную направленность. Сами авторы считают, что негативная вежливость играет более значимую роль, чем позитивная. П о з и т и в н а я в е ж л и в о с т ь связана с языковым выражением солидарности, включением собеседника и других лиц в одну группу с говорящим, в то время как н е г а т и в н а я в е ж л и в о с т ь связана с желанием избежать конфликтов. Согласно П. Браун и С. Левинсону, вежливое поведение – это одновременно солидарность и сохранение дистанции [3].

Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются основные цели вежливого общения.

Различные типы стратегий связаны с разными речевыми актами. *Стратегии позитивной вежливости*, которые направлены на сближение собеседников, демонстрацию взаимных симпатий, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношений говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). *Стратегии негативной вежливости*, главная цель которых – демонстрация уважения к личной автономии адресата, связаны прежде всего с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника. М. Сифиану, характеризуя данные типы вежливости, отмечает, что негативная вежливость минимизирует невежливость невежливых иллокуций, в то время как позитивная вежливость усиливает вежливость вежливых иллокуций [3].

В данной статье мы хотим обратиться к стратегиям негативной вежливости, а также их реализации в интервью известных людей (политиков, актеров) на английском и белорусском языках.

Английские коммуниканты используют оба типа стратегий с большей интенсивностью и облигаторностью, чем русские. В английской коммуникативной культуре, как отмечают сами англичане, «невозможно быть чрезмерно вежливым». То есть строгое следование коммуникативным предписаниям –

активное использование многочисленных знаков внимания в адрес собеседника, с одной стороны, и подчеркнутое уважение его личной автономии, с другой, воспринимаются как обязательное условие успешной коммуникации.

В белорусской культуре, напротив, избыточная вежливость оценивается отрицательно, более высокое положение в иерархии ценностей занимают искренность, прямота, правдивость, естественность. Белорусские коммуниканты в большой степени озабочены соблюдением баланса между вежливостью и искренностью, под которой понимается совпадение формы высказывания и его содержания. В результате в коммуникативном фокусе вежливого общения у белорусов доминирует содержание, у англичан – форма.

Основные причины различий английской и белорусской коммуникативных культур кроются в исторически сложившемся типе социальных отношений – горизонтальной и вертикальной дистанциях, не совпадающих в сопоставляемых культурах, а также в различных культурных ценностях.

Еще одной причиной отмеченных различий в коммуникативном поведении англичан и белорусов является то, что в английской культуре отсутствует противопоставление «свой – чужой», английская вежливость направлена на всех. Поведение белорусов значительно варьируется в зависимости от того, принадлежит их собеседник к «своим» или «чужим».

Согласно мнению П. Браун и С. Левинсону, к средствам негативной вежливости относятся извинения, языковая и неязыковая почтительность и деперсонификация, определенное употребление модальных глаголов.

Нами был проведен анализ на материале 8 диалогических текстов (интервью) для английских и белорусских средств массовой информации (актеров и режиссеров).

Негативная вежливость была реализована при помощи следующих средств:

1) субъективирование высказываний при помощи таких средств, как *I think, I guess, I'm not sure, I suppose, maybe, for me, to me, in my view* в английском языке. Они используются для того, чтобы избежать категоричности, прямолинейности при выражении мнения (*I think I was a little over-the-hill by that tim," I guess it's good I stayed in music, That was, in my view, part of the job* [4]).

Для субъективирования в белорусском языке используются формулы *у прынцыпе, думаю, наогул* (*Думаю, што яшчэ некалькі гадоў – і графіці канчаткова замацуюцца ў свядомосці публікі як від мастацтва, Да і наогул пейзаж чапляе людзей* [5]).

2) сослагательное наклонение употребляется как в белорусском, так и в английском языках для запроса информации, что снижает прямое коммуникативное воздействие на собеседника (*How would you define your role in this movie?* [6], *Ты чакаў бы такога павароту?* [7]).

3) модальные глаголы также используются в русском и английском языке для снижения прямолинейности запроса информации *(Can you imagine ending on that?, Can you explain the culture to us?* [8], *Ці можна называць графіці прафесійным мастацтвам?* [7]). Однако было отмечено, что в белорусском медийном интервью модальные глаголы использовались не так часто, как в английском, и многие вопросы звучали достаточно прямолинейно (*Пейзажы складана працаваць?, Дык што гэта азначае?* [7]).

Английский язык в принципе обладает богатой системой лексико-грамматических средств выражения модальных значений. Это, прежде всего, система модальных глаголов – *can, could, may, might, must, ought to, will, would, shall, should* и квазимодальных глаголов – *have (got) to, need to, had better*. Ряд исследователей предлагает включать в набор лингвистических элементов, выражающих модальность, также модальные выражения типа *be able to, be going to*, модальные прилагательные и наречия (*necessary /necessarily, probable /probably, possible/ possibly, presumably, definitely, certain/certainly, advisable, perhaps, maybe*) и некоторые вводные конструкции (parentheticals), как, например, *I think, I believe, I'm sure*.

Для английской межличностной коммуникации в целом прямой стиль общения не характерен.

4) лексико-грамматические средства со значением сомнения, предположительности, ирреальности *(I wonder if I have freedom in a way that maybe you might not, Well, maybe not. Maybe you're fine the way you are* [6], *Цяпер мы, наколькі гэта магчыма, падобныя па стылі, але, думаю, поступова кожны пачне сыходзіць у сваю стылістыку, Напэўна, паўплывала ўсё, Мабыць, таму нам і проста адно з адным* [5]).

5) лексические заполнители пауз – *well, so, now*; минимизаторы – *just a second, a spot, a little, a bit*; маркеры вежливости – *please, kindly, sweetly* (*Well, maybe not, My approach is a bit more random, a bit more Just Seventeen, Please do, thank you, Well, I have 24 hours in my day, just like everybody else* [8]). Необходимо отметить, что в интервью на белорусском языке данные средства не были использованы.

В целом мы можем отметить, что в английском языке широко используются модальные глаголы при запросе информации, в то время как в белорусском языке интервьюеры предпочитают прямолинейные вопросы. Лексические заполнители пауз можно встретить только в англоязычных интервью, в то время как для субъективирования высказываний в обоих языках употребляются схожие средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Основы прагматики : пособие / Т. П. Карпилович, И. В. Лешкевич, Т. Н. Гребень. – Минск : МГЛУ, 2014. – 92 с.

2. *Стернин, И. А.* Русское коммуникативное сознание / И. А. Стернин. – Вып. № 3. – Воронеж : Истоки, 2002. – С. 11.

3. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Языки слав. культур, 2009. – 512 с.

4. BBC [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access : http://www.bbc.com. – Date of access : 18.09.2019.

5. Спутник [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access : https://bel.sputnik.by/country/?id=1018225527&date=20151103T112500. – Date of access : 01.09.2019.

6. Biography [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access : http://www.biography.com – Date of access : 27.09.2019.

7. Літаратура і мастацтва [Электронны рэсурс]. – 2019. – Рэжым доступу : http://www.zviazda.by/be/edition/litaratura-i-mastactva. – Дата доступу : 10.10.2019.

8. Interview [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access : https://www.interviewmagazine.com/. – Date of access : 01.10.2019.

In this article we observe the concept of “politeness” and the strategies for its implementation in the interviews with famous people (politicians, actors) in the English and Belorussian languages. We focused on negative politeness and identified language means of its implementation in both languages. We came to the conclusion that negative politeness prevails in the interviews in the English language.

Н. В. Шалесная
Минск, МГЛУ

КЛАССЫ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СТРУКТУРЕ НАУЧНО-УЧЕБНОГО ТЕКСТА ПО ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются средства реализации оценочности в научно-учебном тексте на английском и белорусском языках. Устанавливается структурно-семантическая организация учебника по лингвистике; описывается его суперструктура, которая помогает автору расположить информацию в соответствии с коммуникативной целью. Определяется употребительность лексических оценочных средств; выраженных существительным, прилагательным, наречием и глаголом. Выявляются закономерности их использования в таких структурно-семантических компонентах учебников, как социально-культурный и исторический фон, характеристика объекта, задачи научной дисциплины, авторитетное мнение и комментарий. Сравниваются оценочные средства в учебниках на двух неблизкородственных языках, что позволяет выявить их сходства и различия. Учет данного комплекса оценочных единиц важен для прагматики научного дискурса и является ключевым при создании учебников на рассматриваемых языках.

После признания оценки самостоятельной категорией языка и введения понятия ‘оценочность’ в лингвистике встал вопрос о средствах ее реализации. До сих пор нет единой точки зрения о том, что же выступает в качестве субъекта и объекта оценки, какие языковые средства используются для ее выражения, зависит ли употребление оценочных средств от типа жанров дискурса. Вопрос о субъективности и объективности оценки остается открытым.

При решении этих вопросов необходимо учитывать все компоненты обсуждаемой категории. Е. М. Вольф установила универсальную модальную рамку оценки, выявив, что при оценке всегда в той или иной форме присутствуют субъект и объект, в любом языке оценка подразумевает наличие шкалы и стереотипов, аксиологических предикатов, интенсификаторов и т.п [1]. Принимая во внимание специфику научно-учебного текста, в нашем исследовании мы делаем акцент на том, что подвергается оценке в данном жанре научного дискурса и средствами каких уровней языка реализуется оценка.

Как известно, в научной коммуникации преобладает рациональная оценка, выражающая интеллектуальное отношение автора к старому и новому знанию с учетом его соответствия нормам и требованиям, выработанным в ходе исторического развития науки и научного стиля [2, с. 29].

Оценка наблюдается в текстах на любых языках, однако способы выражения элементов оценки в каждом языке своеобразны. Е. М. Вольф утверждает, что ряды слов, которые участвуют в выражении тех или иных сторон оценочной структуры, в разных языках обладают известным семантическим сходством, но их употребление в высказываниях различается, причем эти различия трудноуловимы [1, с. 9].

В настоящем исследовании оценка изучается на материале двух неблизкородственных языков – английского и белорусского. При выявлении средств оценки мы учитывали структурно-семантическую организацию научно-учебного текста. Любой жанр дискурса имеет универсальную композиционную структуру, которая включает вступление, основную часть и заключение. Учебный текст, который является жанром научного дискурса, обладает собственной схемой содержательных компонентов. Классическая схема представляет из себя введение, основную часть, которая в свою очередь имеет разделы, главы или параграфы и заключение.

Мы не ограничиваемся понятием композиционной структуры, так как она дает лишь общее представление о компонентах, которые облегчают поиск информации, необходимой адресату. Так Т. А. ван Дейк предложил понятие суперструктуры, которая включает семантические компоненты, характерные для определенного жанра [3]. Суперструктура помогает автору расположить информацию в соответствии с коммуникативной целью, а адресату – с наименьшими усилиями определить, какая информация в тексте является наиболее важной [4, с. 23].

Продолжая традицию Т. А. ван Дейка, Л. А. Крюкова выделила пять основных семантических компонентов, характерных для жанра учебника: *социально-культурный и исторический фон, характеристика объекта, задачи научной дисциплины, авторитетное мнение и комментарий* [5, с. 27]. Данные семантические компоненты являются прототипическими и составляют основную часть разделов и глав, наиболее ярко демонстрируя комплекс разноуровневых оценочных средств.

Оценка может относиться не только к предметам или их свойствам. Оцениваются также действия, процессы, состояния, ситуации, положения дел, факты и возможности [6, с. 75]. Все это находит свое отражение в старом знании, которое в нашем исследовании будет выступать в качестве основного объекта оценки.

В результате анализа семантической структуры учебников по лингвистике был выявлен ряд оценочных средств, характерных для его компонентов. На лексическом уровне мы обращаем внимание на выражение оценки с помощью частей речи: имени существительного, имени прилагательного, наречия и глагола.

Среди всего разнообразия лексических средств с оценочной семантикой в большем количестве представлены прилагательные со следующими значениями: интерес (*interesting, цікавы),* значимость *(main, relevant, essential, basic, important, unimportant, важны, галоўны, аснаўны, лішні),* новизна (*actual, new, актуальны, новы, арыгінальны, стары*), точность *(formal, particular, канкрэтны, пэўны, падрабязны, дэталізаваны, агульны),* достоверность *(correct, праўдзівы, праверaны, аб'ектыўны, даставерны),* логичность *(лагічны, фактычны),* подобие *(similar, identical, equal, блізказначны, аналагічны),* отличие *(different, distinctive, distinct, супрацьлеглы)* и др.

Оценочные прилагательные присутствуют во всех семантических компонентах анализируемых учебников. В английских научно-учебных текстах более употребительны оценочные единицы со значениями подобия и отличия.

Такое значение оценки, с одной стороны, помогает выявить сходство нового знания со старым, а с другой – определяет существенную разницу некоторых явлений, понятий и теорий.

Например*: Stylistic analysis of a text allows us to do a* ***similar*** *kind of thing – to examine the working of a text* [7, p. 41]*; Figurative language use is one way in which the phenomenon of language change takes place, as words acquire metaphorical or metonymic meanings* ***different*** *from their original literal ones…* [Ibid, p. 91].

Значения сходства и различия могут выражаться другими частями речи: именем существительным, наречием либо глаголом: *The word cold can be interpreted as a verb, called, because of the* ***similarity*** *in the pronunciation of the two words* [Ibid, p. 46]; *You would probably interpret* ***differently*** *if it came from your GP at their practice* [Ibid, p. 74].

Для учебников на белорусском языке характерно употребление оценочных слов со значением значимости (*асноўны, важны, галоўны, значны, ключавы)*. На лексическом уровне оно передается посредством прилагательных, в частности в превосходной степени сравнения, и существительными. Например: *З гэтай мэтай можна выдзеліць* ***ключавыя*** *словы,* ***асноўныя*** *тэзісы,* ***галоўныя*** *думкі…* [8, с. 167]; ***Асновай*** *пабудовы ўскосных тактык маўленчага ўздзеяння з'яўляецца паралогіка…* [Там же, с. 81].

В анализируемых текстах на английском и белорусском языках оценочные прилагательные зачастую выступают в качестве определения (***main*** *verb,* ***unusual*** *pattern,* ***crucial*** *element,* ***equal*** *stress,* ***простае*** *азначэнне,* ***моцнае*** *ўздзеянне,* ***аб'ектыўны*** *свет,* ***канкрэтны*** *прадмет,* ***высокі*** *патэнцыял*). Например: *Metaphors occur when a word is taken, or 'transported', from the area in which it is usually located to* ***a new*** *context* [7, p. 80]. *Параўнанні, якія валодаюць надзвычай* ***высокім*** *патэнцыялам выяўленчай выразнасці, дазваляюць вобразна апісаць прыродныя з'явы* [8, с. 96].

В англоязычных и белорусскоязычных учебниках по лингвистике наблюдается большое количество прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Однако в первом случае такая оценка характерна для компонента «комментарий». Например: *Overlaps in meaning are much* ***easier*** *to identify…* [7, p. 69]; *It is the form that sells best, is publicized most widely, and is usually* ***the most straightforward*** *to read* [Ibid, p. 116].

В белорусском тексте примеры употребления оценочных прилагательных сравнительной и превосходной степеней сравнения отмечены в суперструктурном компоненте «задачи научной дисциплины» и «социально-культурный и исторический фон», например: *Сучасная рыторыка даследуе структуру рытарычнай дзейнасці чалавека, рытарычныя каноны (правілы) пабудовы публічнага выступлення, апісвае сістэму* ***найбольш эфектыўных*** *і* ***мэтазгодных*** *моўных сродкаў уздзеяння на адрасата* [8, с. 3]; *Таму* ***лепшыя*** *ўмовы для развіцця хрысціянскай пропаведзі былі ў беларускіх і ўкраінскіх рытараў* [Там же, с. 22].

Вторыми по частотности употребления в обоих языках выступают наречия, объектом которых становятся действия и процессы (*widely, easily, accurately, slightly, strongly, arguably, clearly, equally, absolutely, rigidly, successfully, актыўна, лагічна, значна, варта, лёгка, дэталёва*).

Although there is ***clearly*** *still some 'literariness' left in these rewritten versions…* [7, p. 64]; ***Значна*** *ўзмацняе экспрэсіўны эфект выказвання спалучэнне інверсійнага парадку слоў у сказе з іншымі відамі выяўленчай выразнасці маўлення: анафарай* [8, с. 149].

Оценочные значения наречий и прилагательных могут усиливаться благодаря участию наречий-интенсификаторов (***surprisingly*** *difficult,* ***very*** *different,* ***slightly*** *longer,* ***very*** *complicated,* ***rather*** *different,* ***very*** *rarely,* ***highly*** *poetic,* ***fairly*** *common,* ***quite*** *easily,* ***too*** *hard,* ***very*** *common,* ***даволі*** *рэдка*). В учебниках на рассматриваемых языках большинство таких наречий встречается в суперструктурном компоненте «комментарий». Например: *The concept of meaning is* ***surprisingly*** *difficult to define or explain* [7, p. 67]; *In these headlines the sound patterns created by alliteration are* ***fairly*** *common…* [Ibid, p. 149]; ***Даволі рэдка*** *выкарыстоўваецца займеннікавы паліптатон, які выконвае выдзяляльную функцыю і ўзмацняе ўказальнае значэнне* [8, с. 140].

В целях сообщения о дальнейшем исследовании в семантическом компоненте «комментарий» на английском языке используются степени сравнения оценочных наречий. Например: *This pedagogical approach is probably* ***the most widely*** *held notion of what a grammar is and does* [7, p. 42].

В английских учебниках оценка, выраженная именем существительным, является в большинстве случаев отрицательной (*problem, confusion, lack, concern, criticism, critique*) для того, чтобы активизировать познавательную деятельность читателя, обозначить проблемное поле для рассуждения. Она наблюдается в компонентах «авторитетное мнение» и «задачи научной дисциплины». Например: *We have tried wherever possible to take into account all their suggestions,* ***criticisms*** *and comments…* [Ibid, p. 11].

Однако в компоненте «комментарий» появляется в том числе и положительная оценка (significance, variety, value, usefulness). Например: *To make up your own mind about the* ***value*** *and* ***usefulness*** *of the information we have included, you should compare what we have said about the language…* [Ibid, p. 165].

Семантические компоненты текстов на белорусской языке содержат в основном единицы положительной оценки, выраженные существительными (*эфектыўнасць, развіццё, поспех, ўзмацненне, правільнасць, інтарэс*): ***Поспех*** *выступлення ў значнай ступені залежыць ад правільна вызначанай стратэгіі і тактыкі* [8, с. 45].

Гораздо реже используются существительные отрицательной оценки (*парушэнне, беспарадак*), например: *Інверсія, такім чынам, акцэнтуе* ***беспарадак*** *сінтаксічнай канструкцыі* [Там же, с. 149].

Глаголы, которые выражают оценочность, имеют значение 'изменение ситуации в лучшую или худшую сторону' и используются в компоненте «характеристика предмета» научной дисциплины. Это связано с необходимостью описать новое научное знание и показать, как оно взаимодействует с единицами языка и изменяет или дополняет наше представление о старом знании. Среди таких глаголов наблюдаются следующие: *increase, change, узмацняць, развіваць, узбагачаць, павышаць, парушацца, узнаўляць, павялічваць,*

павялічваццa, развіваццa. Примеры: *We may have different motives for analyzing popular texts, but we can use our knowledge of the structures of language in just the same way in order to* ***increase*** *our understanding of how texts are situated…* [7, p. 163]; *Выяўленчую выразнасць і мастацка-вобразную канкрэтнасць паэтычнага слова* ***ўзмацняе*** *прыём развіцця, разгортвання канструкцый з параўнаннем, у склад якіх уключаюцца дадатковыя кампаненты, што* ***развіваюць*** *іх унутраную форму, чым спрыяюць большай вобразнасці* [8, с. 97].

Результаты исследования оценочной лексики показали, что большинство таких средств характерно для компонентов, характеризующих как старое, так и новое научное знание. Поэтому реже всего оценочные единицы обоих языков встречались в компонентах «авторитетное мнение» и «задачи научной дисциплины».

Сопоставление лингвистических средств реализации оценочности в семантической структуре учебников на белорусском и английском языках позволило выявить особенности и закономерности их употребления. Учет всего комплекса языковых ресурсов важен для прагматики научного дискурса и является основополагающим при порождении научно-учебного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Фольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
2. *Баженова, Е. А.* Научный текст в политекстуальном аспекте / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 270 с.
3. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
5. *Крюкова, Л. А.* Семантическая структура научно-учебного текста на английском и русском языках / Л. А. Крюкова // Контрастивные исследования : текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ / редкол. : Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 25–31.
6. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Просвещение. 1988. – 420 с.
7. *Thornborrow, J.* Patterns in Language / J. Thornborrow, Sh. Wareing // An introduction to language and literary style. – L. : Taylor and Francis e-Library, 2005. – 211 p.
8. *Станкевіч, А. А.* Рыторыка : падручнік / А. А. Станкевіч ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя. Ф. Скарыны, 2016. – 282 с.

The paper establishes and describes the structural and semantic entity of textbooks on linguistics. The article deals with some features of evaluative vocabulary used in the English and Belarusian languages. It detects linguistic means of evaluation and shows the way they are used in the components of the semantic structure of textbooks.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

С. М. Володько
Минск, БГЭУ
Т. В. Жмакина
Минск, АУпПРБ

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Язык, мышление и культура представляют собой чрезвычайно сложные, многомерные и многоуровневые структуры. Национальный способ мышления актуализируется не только в лексическом и фразеологическом строе языка, но и на всех уровнях владения языком. Бесспорно, генерирование речи любого вида в процессе изучения языка, в том числе и в сфере государственного управления, происходит посредством мышления, т. е. любые высказывания строятся на основе сформированной концептуальной картины мира, осмыслить которую можно через лексико-семантическое поле изучаемого дискурса.

Сопоставительное изучение языков, начавшееся в XIX веке, связано с именами Я. Гримма, немецкого лингвиста, Р. Раска, датчанина, и А. Х. Востокова, российского ученого. Заслугой этих лингвистов явилось то, что, сравнивая слова и формы родственных языков, они открыли закономерности, которые в дальнейшем были объяснены.

XX век стал свидетелем зарождения лингвистики универсалий. Б. А. Успенский, С. Д. Кацнельсон, В. Н. Ярцева и другие представители этого направления изучали языки мира, выявляя их общность, но не национальную специфику.

Немного позже появился сопоставительный метод, в рамках которого выявлялись сходства и различия языковых подсистем разных языков. Они изучались автономно, а затем сравнивались. В. В. Левицкий, И. А. Стернин, А. Гудавичюс, Р. А. Будагов и другие исследователи, работающие в этом направлении, сделали важный шаг, указав на возможность практического применения результатов сопоставительного изучения языков в их преподавании.

В последнее время рост интереса к сопоставительному изучению языков объясняется многими причинами, основными среди которых являются: «стремление описать национальную картину мира носителей разных языков, необходимость совершенствования двуязычных словарей и расширение сферы преподавания иностранных языков» [1, л. 21].

Контрастивная лингвистика, получившая стремительное развитие в 70–80-х годах и связанная с именами известных отечественных и зарубежных исследователей, таких как В. Д. Аракин, Л. С. Бархударов, Ю. Н. Караулов, Р. А. Будагов, В. Г. Гак, А. И. Смирницкий, J. Ellis, S. M. Lamb, G. Nickel и др., изучает явления и единицы родного языка в сопоставлении с возможными средствами их передачи в изучаемом языке, имея, таким образом, непосредственный выход в практику преподавания языка.

В современном обществе, развивающемся в направлении глобализации, стремительно растущей практики межкультурной коммуникации, неуклонного роста потребности в обмене информацией на иностранных языках, в эффективных учебниках иностранных языков, словарях, разговорниках интерес к сопоставительному изучению языков вполне оправдан [2].

В 2007 году контрастивная лингвистики была выделена в самостоятельную область исследования, сравнивающую языки с чисто прикладной целью – усовершенствованием методов и повышением результативности преподавания языков, в отличие от сопоставительной лингвистики, имеющей более теоретическое направление.

Контрастивная лингвистика, рассматривая различия в двух языках, преследует следующие цели:

– «выявить расхождения каждого из сопоставляемых языков;

– определить особенности каждого из сопоставляемых языков;

– предвидеть и предотвратить нежелательное смешение семантических значений языковых единиц;

– дать надежную лингвистическую базу для теоретиков и практиков перевода» [3, с. 117].

В современном мире актуализируется огромное разнообразие культур, каждая из них связана с определенным языком, который является доминирующим средством общения для ее носителей, поэтому владение тем или иным языком является частью определенной культуры.

Одним из основных препятствий на пути эффективного овладения языком другой культуры является расхождение в языковом мышлении. Это связано с тем, что у разных народов картина мира, которая находит отражение в языке, не совпадает, что выражается в принципах категоризации действительного мира и, следовательно, эксплицируется в лексической и грамматической структурах языка. Поэтому при изучении иностранных лексем происходит совместимость еще неизвестной картины с заданной родным языком картиной мира.

Известный ученый С. Г. Тер-Минасова указывает на то, что «слово нельзя рассматривать как просто название предмета или явления, определенного кусочка окружающей человека действительности. Этот кусочек действительности как бы пропускается через сознание человека и в процессе отражения приобретает некоторые специфические черты, свойственные данному национальному общественному сознанию» [4, с. 24]. Эти расхождения детерминированы, прежде всего, различиями в общественном сознании и условиях жизни этих народов. Следовательно, реконструкция понятийной картины мира изучаемой культуры выступает одной из самых значимых задач преподавателей иностранного языка.

В ситуации межкультурной коммуникации происходит неизбежное сравнение двух лингвокультурных сфер – своей и чужой. Результатом такого сравнения является непонимание или недопонимание специфических проявлений чужой культуры как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Условия социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта народа, его мировоззрение, психология, традиции и т.д.

обусловливают возникновение реалий, понятий и явлений, принципиально отсутствующих у носителей разных языков. Соответственно, в других языках отсутствуют однословные словарные эквиваленты для их передачи.

Настоящая статья посвящена описанию лексико-семантического поля «Государственное управление», характеризующегося сложностью и многогранностью состава лексических и фразеологических единиц, структурно-семантической организации и высокой степенью динамизма происходящих в нем изменений.

Лексико-семантическое поле «Государственное управление» представляет собой одно из доминантных полей языковой картины мира, которое характеризуется значительным объемом входящих в них лексем и устойчивых словосочетаний, быстрым количественным ростом и высокой частотностью употребления в разных видах дискурса. Словосочетание «государственное управление» (public administration) и его лексический вариант «госуправление», закрепившееся в качестве имени рассматриваемого поля, является весьма частотным и имеет статус устойчивой, фразеологизированной единицы.

Ученый Г. А. Заварзина [5] в своем исследовании детально исследует лексико-семантическое поле «Государственное управление» в русском языке и определяет тематические группы, которые формируют ядро, основную и периферийную части данного термилогического поля. Так, ядро формируют лексические и фразеологические единицы, разные по происхождению и времени возникновения, которые входят в тематическую группу «Наименования органов государственной власти и управления» (Президент, Правительство, Парламент, Министерство и др.). Основными принципами отнесения лексики государственного управления к ядру являются такие параметры, как высокая частотность, семантическая содержательность, общеизвестность, важность, словообразовательная продуктивность, широта сочетаемости и стилистическая нейтральность.

Центральная, или основная часть поля государственного управления является наиболее значительной по сравнению с ядерной частью и периферией и представлена лексическими единицами разнообразной тематической отнесенности. Сюда относятся такие тематические группы, как «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления», «Наименования направлений деятельности государственного управления и их специфика», «Обозначения принципов государственного управления», «Наименования государственно-административных документов», «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления», «Обозначения способов поощрения и наказания должностных лиц», «Наименования, связанные с системой выборов должностных лиц государства», «Наименования партий и лиц по партийной принадлежности», «Номинации, формирующие подсистему политикоадминистративного управления», «Номинации, формирующие подсистему экономического управления», «Номинации, формирующие сферу социального управления».

Исследования показали, что экономическая, компьютерная лексика и лексические единицы сферы сервисного обслуживания, относящиеся к собственным лексико-семантическим полям, в настоящее время активно участвуют в формировании центральной части лексико-семантического поля «Государственное

управление», поскольку номинируют значимые для данной сферы понятия и нередко отличаются терминологизированным характером. Примерами служат такие лексемы, как *электронное правительство* ‘e-government’, *политическая сеть* ‘political network’, *модернизация инноваций* ‘modernization of innovations’, *оптимизация* ‘optimization’, *планирование* ‘planning’, *инвестпроект* ‘investment project’, *бюджетное послание* ‘budget message’, *теневая экономика* ‘grey economy’, ‘black market’ и др.

Периферийная часть лексико-семантического поля «Государственное управление» представляет собой единство разнородных языковых единиц, среди которых выделяют новые слова, входящие в состав известных ранее тематических групп, например, *моногород* ‘monocity’, *инновации* ‘innovations’, *демографическая ситуация* ‘demographic situation’, *индексация пенсий* ‘indexation of pensions’, *энергоэффективность* ‘energy efficiency’, *энергосбережение* ‘energy conservation’, *модернизация* ‘modernization’; неологизмы узкоспециального характера, например, *аутсорсинг в органах госуправления* ‘outsourcing in a public sector’, *веб-присутствие органа власти* ‘online presence of a public authority’; неологизмы метафорического и метонимического характера, например, *властная элита* ‘power elite’, ‘establishment’, *высшие должностные лица государства* ‘highest-level leaders’, ‘the highest officers of state’, *верховная власть* ‘supreme authority’, *первые лица* ‘senior-most officials’, *коридорность* ‘corridors of power’, *грязные избирательные технологии* ‘shadowy schemes’, ‘dirty electoral technologies’, *карманное правительство* ‘rubber-stamping government’; устаревшие наименования, находящиеся в пассивном словаре, например, *партийный аппарат* ‘party apparatus’; словесные знаки, привлеченные из других тематических сфер, например, *ребрендинг государственного органа* ‘rebranding of a public body’, *PR-кампания кандидата* ‘PR-campaign of a candidate’.

В силу сложности семантических отношений между языковыми единицами поля, которые сложились в результате длительного формирования сферы государственного управления и достаточно интенсивного ее развития в современный период, лексико-семантическое поле «Государственное управление» характеризуется нечеткостью и размытостью границ между ядерной, центральной и периферийной частями.

Для того, чтобы понять значение той или иной лексической единицы, зачастую приходится обращаться к этимологии рассматриваемого слова. Данные усилия направлены на исследование происхождения этого слова, развитие его значений, специфики семантики, особенности лексико-фразеологической и морфосинтаксической сочетаемости, частотности его употребления в различных регистрах, то, как воспринимают данное слово носители языка, какие ассоциации оно вызывает и т.п. Очевидно, что далеко не все слова имеют прозрачную внутреннюю форму. Примерами могут служить такие лексемы, как *legislative footprints*, *revolving door*, *cooling-off period* и многие другие, значение которых можно понять только исходя из понимания того концепта, который стоит за ними. Так, лексема *legislative footprints* означает ‘правовой след’, и представляет собой документ, в котором отображаются все контакты законодателя относительно законодательного акта с целью недопущения лоббизма интересов или коррумпированных действий; лексема *revolving door*

обозначает ‘ограничения, действующие при увольнении из госструктур при последующем трудоустройстве в организации, являющиеся подотчетными этим госструктурам’ и наоборот; лексема *cooling-off period* означает ‘период «остывания»’, когда сотрудник не может работать или заниматься бизнесом в той сфере, которая была в его непосредственном подчинении, когда он занимал высокопоставленную должность.

Таким образом, словами можно объяснить практически любой концепт, хотя иногда объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста, что свидетельствует о том, что любая лакуна может быть компенсирована.

Подводя итог, можно констатировать, что лексико-семантическое поле сферы государственного управления задается определенным смысловым содержанием – доминантой поля. В нем выделяются ядро (лексема-понятие или группа лексем-понятий), центр (классы основных понятий, реалем с их синонимическими, антонимическими и другими отношениями) и периферию (система смежных реалем, смежных полей – слов-понятий вторичной семантической функции). Фразеологические единицы и устоявшиеся терминологические выражения данного поля наглядно иллюстрируют специфику национального мышления, которая семантически отражена в виде закрепленного в языке знания, принадлежащего данному народу.

Изучение иностранного языка, в частности особенностей дискурса государственного управления, пронизано взаимосвязью языка и мышления. Изучение подъязыка сферы государственного управления направлено на практическое, активное владение и осознанное использование языковых форм, основанное на осмыслении всех существенных закономерностей построения и реализации данного дискурса на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репринцева, Н. М.* Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексикографического описания : дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. М. Репринцева. – Воронеж, 1999. – 240 л.
2. *Стернин, И. А.* Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. – М. : «Восток-Запад», 2007. – 288 с.
3. *Хельбич, Г.* Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков / Г. Хельбич // Новое в зарубежной лингвистике / Г. Хальбич. – Вып. 25. – М., 1989 – С. 313–323.
4. *Тер-Минасова, С. Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков / С. Г. Тер-Минасова. – М., 1986. – 151 с.
5. *Заварзина, Г. А.* Русская лексика государственного управления : история формирования и современные процессы развития : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Г. А. Заварзина. – Воронеж, 2014. – 409 л.

The article analyses the lexical semantic field “public administration”, which is identifiable by structural complexity and diversity of lexical and phraseological units, as well as extreme dynamics of the transformations occurring in its nuclear, central and peripheral parts. Due to the complexity of semantic relations between the linguistic units of the field associated with the duration of its formation and intensive development, the lexical semantic field “public administration” is characterized by the fuzzy and blurred boundaries between its nuclear, central and peripheral parts.

И. Ю. Вострикова
Воронеж (Россия), ВГУ

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ МИКРОГРУПП «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье с помощью приемов сопоставительно-параметрического метода выявляется степень выраженности национальной специфики микрогрупп «Педагогическая трудовая деятельность» лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» глаголов русского и английского языков. Национальная специфика наиболее ярко выявлена в рамках восьми формализованных параметров и может быть охарактеризована как умеренно выраженная.

Современная лингвистика уделяет большое внимание сопоставительному анализу одноименных языковых микросистем в разных языках, а так же выявлению сходств и различий в рамках этих микросистем. Огромный фактический материал, требующий объективного теоретического обобщения и систематизации, накоплен в рамках многочисленных школ сопоставительной лингвистики. Исследования в данной области проводятся многие десятилетия, но только в последние десять лет приоритет отдается сопоставительно-параметрическому методу, разрабатываемому профессорами Воронежского государственного университета Мариной Абрамовной Стерниной и Иосифом Абрамовичем Стерниным [1, с. 3–18]. Этот уникальный, современный метод в сопоставительных исследованиях дает возможность объективно взглянуть на результаты проявления национальной специфики лексических единиц, семантем, групп, полей, текстов в сопоставляемых языках. К настоящему моменту исследователями разработано около 200 формализованных параметров (индексов), сопоставление которых дает возможность сравнить проявление национальной специфики в разных языках в процентах или абсолютных числах.

Нами было исследовано проявление национальной специфики лексико-семантического поля (ЛСП) «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. Проведенное исследование показало возможность изучения национальной специфики лексики в разных языках на материале одноименных лексико-семантических полей и структурных единиц, входящих в рассматриваемые поля. В данной статье нами проводится сопоставление микрогрупп «Педагогическая трудовая деятельность», входящих в ЛСП глагольных лексем «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. Представленный анализ осуществлен с помощью приемов сопоставительно-параметрического метода.

Объем рассматриваемых микрогрупп ЛСП в двух языках существенно различается. Так, *номинативная плотность* [2, с. 111] микрогруппы «Педагогическая трудовая деятельность» в русском языке составляет 16 лексем, а в английском языке – 34 лексемы.

Данная микрогруппа в русском языке включает глаголы, обозначающие:

а) общие наименования педагогической деятельности: *аттестовать, дисциплинировать, обучать/обучить, преподавать, упражнять, учить* и др.;

б) наименования обучающей деятельности, основанной на повторении и отработке навыков: *втолковывать/втолковать, репетировать, тренировать/натренировать* и др.;

в) наименования обучающей деятельности, характеризующей работу с животными: *дрессировать/выдрессировать, укрощать/укротить.*

Заметим, что семь глагольных лексем (*втолковывать, дисциплинировать, муштровать, обучать* и др.) рассматриваемой микрогруппы являются однозначными, остальные девять демонстрируют развитую полисемию. Таким образом, **индекс однозначности** исследуемой микрогруппы [3, с. 18] равен 43,75 %.

Помимо однозначных, две лексемы (*готовить* и *укрощать*) входят в эту микрогруппу по семеме Д1 (здесь используется терминология М. М. Копыленко и З. Д. Поповой) [4, с. 31–32]. По семеме Д2 сюда входят три лексемы (*аттестовать, выучивать, подготавливать*). Две лексемы вошли в данную микрогруппу по коннотативной семеме К1: *вколачивать* – ‘заставлять понять’ и *репетировать* – ‘обучая, помогать проходить курс знаний’.

Две лексемы входят в данную микрогруппу по двум семемам – Д1 и Д2. Это лексема *преподавать* (семема Д1 ‘обучать’, семема Д2 – ‘быть учителем, преподавателем’) и лексема *учить* (семема Д1 ‘передавать знания’, семема Д2 – ‘быть учителем’).

Общее количество семем, по которым лексемы входят в данную структурную единицу – 34, при этом по Д1 – 11, Д2 – 5, К1 – 2. Таким образом, **индекс первичной денотативной отнесенности к группе** равен 32,35 % [3, с. 18], **индекс вторичной денотативной отнесенности к группе** – 14,7 % [Там же, с. 18]. **Индекс первичной коннотативной отнесенности к группе** равен 5,88 % [5, с. 4].

Отметим, что пять лексем рассматриваемой микрогруппы (*вколачивать, выучивать, готовить, репетировать* и *учить*) различными семемами входят в разные структурные единицы изучаемого поля. Так, лексема *выучивать* по семеме Д1 – ‘уча, запомнить’ входит в состав микрогруппы «Учебная трудовая деятельность», а по семеме Д2 ‘обучить’ эта лексема входит в микрогруппу «Педагогическая трудовая деятельность». Итак, из 16 глаголов исследуемой микрогруппы пять лексем входят разными семемами в разные структурные единицы поля, поэтому **индекс структурно-семантической связности** этой микрогруппы с другими структурными единицами поля равен 31,25 % [6, с. 38].

Лексемы данной микрогруппы насчитывают в общей сложности 34 семемы, 26 из них содержат сему трудовой деятельности. Следовательно, **индекс принадлежности** рассматриваемой микрогруппы к полю равен 76,47 % [7, с. 34].

У восьми лексем анализируемой микрогруппы все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы. Таким образом, **индекс лексико-семантической замкнутости** равен 50 % [8, с. 38–39].

В английском языке микрогруппа «Педагогическая трудовая деятельность» включает 34 глагольные лексемы: а) общие наименования педагогической деятельности: *advise, civilize, direct, educate, instruct, lecture, lesson, profess, qualify, teach, tutorise* и др.; б) наименования обучающей деятельности, основанной на повторении, отработке и контроле навыков: *check, coach, drill, examine, exercise, form, grade, re-educate, train* и др.; в) наименования обучающей деятельности, характеризующей работу с животными: *entame, tame.*

Отметим, что четыре лексемы рассматриваемой микрогруппы (*accustom* – ‘приучать’**,** *civilize* – ‘сделать культурным, воспитать’, *entame* – ‘укрощать, приручать’, *sermon* – ‘наставлять, поучать’) являются однозначными, остальные демонстрируют полисемию. **Индекс однозначности** рассматриваемой микрогруппы составляет 11,76 %.

Помимо однозначных, по семеме Д1 в данную микрогруппу входят еще десять лексем *(exercise* – ‘упражнять, тренировать’, *lesson* – ‘учить, обучать’, *profess* – ‘преподавать’ и др.*)*. Восемь лексем *(advise* – ‘консультировать’, *breed* – ‘воспитывать, обучать’, *revise* – ‘проверять’ и др.*)* входят в рассматриваемую микрогруппу по семеме Д2.

Три лексемы включены в рассматриваемую микрогруппу по семеме К1 *(form* – ‘тренировать, дисциплинировать’, *hammer* – ‘втолковывать’, *school* – ‘приучать, тренировать, воспитывать’).

Следует заметить, что девять лексем *(coach, drill, educate, instruct, re-educate, teach, train, tutor, tutorise)* входят в рассматриваемую микрогруппу по двум, трем и четырем семемам. Так, например, лексема *drill* входит сюда по семеме Д1 ‘упражнять, тренировать, натаскивать’ и семеме Д2 ‘обучать строго, муштровать’. Лексема *train* входит в данную группу по четырем семемам: семеме Д1 – ‘воспитывать, учить’, семеме Д2 – ‘обучать, готовить’ и двум семемам К1 – ‘тренировать’, ‘дрессировать’.

Общее количество семем, по которым 34 лексем входят в исследуемую микрогруппу, – 135, при этом по Д1 – 23, Д2 – 19, К1 – 6. Таким образом, **индекс первичной денотативной отнесенности к группе** равен 17,04 %, **индекс вторичной денотативной отнесенности к группе** – 14,07 %. **Индекс первичной коннотативной отнесенности к группе** составляет 4,44 %.

Следует отметить, что 12 лексем рассматриваемой микрогруппы (*breed, form, grade, nurture, train, verify* и др.) разнообразными семемами входят в разные микрогруппы изучаемого поля. Так, лексема *breed* по семеме Д2 ‘воспитывать, обучать’ вошла в анализируемую микрогруппу, а по семеме Д2 ‘разводить скот’ эта лексема входит в микрогруппу «Сельскохозяйственный труд».

Поскольку из 34 лексем данной микрогруппы 12 входят и в другие структурные единицы ЛСП «Трудовая деятельность», **индекс структурно-семантической связности** исследуемой микрогруппы равен 35,29 %.

Лексемы данной микрогруппы насчитывают в общей сложности 135 семем, 70 из них содержат сему трудовой деятельности. Следовательно, **индекс принадлежности** этой микрогруппы к полю равен 51,85 %.

У 10 лексем анализируемой микрогруппы все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы. Таким образом, **индекс лексико-семантической замкнутости** равен 29,41%.

В целом нами было применено восемь формализованных параметров для сопоставления микрогрупп «Педагогическая трудовая деятельность» ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. В рамках сопоставительно-параметрического метода разработаны шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам для параметров, выраженных в процентах и в абсолютных числах [9, с. 105–106]. Используя их мы установили, что по пяти параметрам

(*индекс однозначности, индекс первичной денотативной отнесенности, индекс принадлежности к полю, индекс лексико-семантической замкнутости, относительная номинативная плотность*) национально-специфические различия между исследуемыми группировками в русском и английском языках характеризуются как **существенные**, по двум параметрам (*индекс первичной коннотативной отнесенности и индекс структурно-семантической связности)* – как **видимые**. По *индексу вторичной денотативной отнесенности* национально-специфические различия оказались **несущественными.**

Таким образом, на основании шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок [9, с. 105–106] можно сделать вывод о том, что национальная специфика микрогрупп «Педагогическая трудовая деятельность» ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках в целом характеризуется как **умеренно выраженная,** т.к. в изученных лексических группировках преобладают **существенные** и **видимые** различия.

Индекс	Русский язык	Английский язык	Разница между показателями индексов	Характер национально-специфических различий
Индекс однозначности	43,75 %	11,76 %	31,99	существенные
Индекс первичной денотативной отнесенности	32,35 %	17,04 %	15,31	существенные
Индекс вторичной денотативной отнесенности	14,7 %	14,07 %	0,63	несущественные
Индекс первичной коннотативной отнесенности	5,88 %	4,44 %	1,44	видимые
Индекс структурно-семантической связности	31,25 %	35,29 %	4,04	видимые
Индекс принадлежности к полю	76,47 %	51,85 %	24,62	существенные
Индекс лексико-семантической замкнутости	50 %	29,41 %	20,59	существенные
Относительная номинативная плотность	16	34	2,1	существенные

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернина, М. А.* Сопоставительно-параметрический метод исследования : возможности и перспективы / М. А. Стернина, И. А. Стернин // Сопоставительные исследования-2011. – Воронеж, 2011. – С. 3–18.
2. *Карасик, В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – М. : ГНОЗИС, 2004.
3. *Колтакова, С. В.* Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках : автореф. … канд. филол. наук / С. В. Колтакова. – Воронеж, 2008.
4. *Копыленко, М. М.* Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж, 1989.
5. *Деркач, С. И.* Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках) : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. И. Деркач. – Воронеж, 2011.

6. *Чернова, Н. И.* Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском зыках: дис. … канд. филол. наук / Н. И. Чернова. – Воронеж, 2006.
7. *Шишкина Н.М.* Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. … канд. филол. наук / Н. М. Шишкина. – Воронеж, 2004.
8. *Вострикова, И. Ю.* Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. … канд. филол. наук / И. Ю. Вострикова. – Воронеж, 2006.
9. *Стернина, М. А.* Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2014. – 115 с.

The paper presents the analysis of the national specificity of two microgroups “Pedagogical labour activity” within the verbal lexico-semantic field ‘Labour Activity’ in English and Russian and reveals the degree of its intensity by means of the comparative-parametric method. National specificity can be defined as relatively marked.

Л. В. Лукина
Воронеж (Россия), ВГТУ

КОНТРАСТИВНЫЙ СЕМНЫЙ СЛОВАРЬ НАИМЕНОВАНИЙ РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ КАК НОВЫЙ ТИП ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

Предлагаемая статья посвящена описанию нового типа тематического контрастивного семного словаря на материале русского и английского языков и исследованию новых направлений развития современной контрастивной лексикографии.

Контрастивный семный словарь наименований речевых событий в русском и английском языках подготовлен авторами в рамках проекта «Сопоставительно-параметрическое исследование языка» теоретико-лингвистической школы Воронежского государственного университета.

Представлен механизм контрастивного описания языка, целью которого является выявление национальной специфики языкового мышления. Анализ проводится при помощи разработанных автором индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем и интегрального индекса идентичности лексем. Использование сопоставительно-параметрического метода позволило составителям словаря, опираясь на объективные количественные характеристики, избежать субъективизма при определении оптимального соответствия в ходе лексикографического описания.

В русле сравнительного языкознания в конце XX в. формируется контрастивная лингвистика, являющаяся теоретико-прикладной наукой и имеющая тесную связь с теорией и практикой перевода и лексикографии. Важным направлением контрастивной лингвистики является выявление национальной специфики различных групп слов, что, в свою очередь, позволяет создать основу для составления новых типов переводных словарей. На необходимость создания двуязычных словарей соответствий, где отмечались бы национально-специфические черты семантики перевода, указывает Н. М. Репринцева [1, с. 6].

Выявление национальной специфики семантики слова заключается в определении несовпадающих компонентов значения в сравниваемых соответствиях двух языков. В настоящее время лингвисты-лексикографы и профессиональные переводчики все больше ощущают потребность в более точной передаче семантического объема той или иной единицы. Национальная специфика семантики слова представляет собой реальную проблему, с которой постоянно сталкиваются в своей работе переводчики.

С древнейших времен переводчики стремились иметь такие словари, которые максимально облегчили бы им процесс перевода. Однако все существующие переводные словари давали переводчикам лишь перечень возможных соответствий, оставляя за ними выбор наиболее подходящего варианта. Таким образом, ни один из традиционных двуязычных словарей не отражает дифференциацию значений слов, необходимую в процессе перевода.

В тоже время благодаря развитию контрастивной лингвистики и возникновению в ее рамках контрастивной лексикографии появилась возможность создать основу для составления новых типов переводных двуязычных контрастивных словарей. В таких словарях либо параллельно приводится посемное описание лексем двух сравниваемых языков, при котором наглядно видны как сходства, так и семные расхождения (контрастивный семный словарь), либо дается полный перечень сем лексемы исходного языка с указанием возможных переводных соответствий и их отличий по семному составу (контрастивный толково-переводной словарь), либо перечисляются несовпадающие семы лексем исходного и сравниваемого языков (контрастивный дифференциальный словарь) [5].

Отметим, что все указанные типы контрастивных словарей несомненно облегчают процесс перевода. Однако ни один из них не решает важнейшую для переводчика задачу определения, какой из вариантов перевода той или иной лексической единицы можно считать оптимальным и переводчик должен попрежнему самостоятельно делать выбор в пользу того или иного соответствия, при этом этот выбор зачастую оказывается весьма субъективным.

Чтобы объективно предоставить переводчику оптимальный вариант перевода, нами был предложен еще один тип контрастивного семного двуязычного словаря, основным отличием которого от перечисленных типов словарей является преодоление отмеченного выше их основного недостатка – отсутствия указания на оптимальный переводной вариант.

Авторами был разработан контрастивный семный словарь Наименований речевых событий в русском и английском языках. В словаре представлены 200 русских и 278 английских лексем, обозначающих наименования *речевых событий*, составивших в общей сложности 409 контрастивных пар.

Речевое событие в нашем понимании должно иметь форму устной или письменной речи, развертываться во времени и/или пространстве, предполагает наличие одного или нескольких говорящих (пишущих) и одного или нескольких слушающих (читающих), а также определенной цели, осознаваемой участниками общения.

Словарь составлен по тематическому принципу, контрастивные пары представлены в нем по трем группам: устные, письменные и письменно-устные речевые события. Группы наименований «Устные» и «Письменно-устные речевые события» включают подгруппы «Сообщение информации», «Обсуждение информации» и «Запрос информации»; в группе наименований «Письменные речевые события» представлены две подгруппы: «Сообщение информации» и «Запрос информации».

Отличительной чертой данного словаря является то, что для каждой контрастивной пары определен и указан тип переводного соответствия. Тип соответствия выявляется на основании разработанной в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований шкалы типов переводных соответствий, основанной на значении *интегрального индекса идентичности лексем* [3]. Данный индекс, введенный нами, рассчитывается как среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем каждой пары, которые, в свою очередь, вычисляются через отношение количества совпадающих сем каждой категории к общему количеству сем данной категории.

Интегральный индекс идентичности лексем показывает, насколько близки между собой составляющие контрастивную пару лексемы. Чем больше значение интегрального индекса идентичности лексем, тем меньше между ними национально-специфических различий, тем ближе они по значению между собой. И, наоборот, чем меньше значение интегрального индекса идентичности лексем, тем больше обнаружено у них национально-специфических различий.

На основе анализа значений интегрального индекса идентичности лексем определено 6 категорий возможных переводных соответствий [4, с. 4]. Так, при значении интегрального индекса идентичности равного 100 % соответствие считается эквивалентным, при значении индекса от 76 % до 99 % – оптимальным, от 51 % до 75 % – подходящим, от 26 % до 50 % – приемлемым. При значении индекса меньше 25 % соответствие считается неподходящим. Полное несовпадение индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, ведущее к нулевому значению интегрального индекса, свидетельствует об отсутствии соответствия.

При описании сем в контрастивных парах денотативные семы графически не маркируются, коннотативные семы выделяются прописными буквами, а функциональные семы – курсивом. В контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. Несовпадающие семы выделяются жирным шрифтом, им присваивается значение 0, что означает, что сема безэквивалентна. В случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, в случае частичного совпадения семы – 0,5.

Проиллюстрируем данное положение на конкретном примере лексемы *общение* и трех ее переводных соответствий.

ОБЩЕНИЕ - communication

(эквивалентное соответствие)

- обсуждение
- устное или письменное
- в виде обмена информацией
- с целью установления и поддержания контакта
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- обсуждение
- устное или письменное
- в виде обмена информацией
- с целью установления и поддержания контакта
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

Для данной контрастивной пары индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности и интегральный индекс идентичности равны 100 %.

ОБЩЕНИЕ - contact

(оптимальное соответствие)

- обсуждение
- устное или письменное
- в виде обмена информацией
- с целью установления и поддержания контакта
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- обсуждение
- устное или письменное
- в виде обмена информацией
- с целью установления и поддержания контактов **между людьми, организациями или странами**
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

Для контрастивной пары «общение–contact» индекс денотативной идентичности равен 87,5 %, индексы коннотативной и функциональной идентичности – 100 %, а интегральный индекс идентичности лексем – 96 %.

ОБЩЕНИЕ - intercourse

(подходящее соответствие)

- обсуждение
- устное **или письменное**
- в виде обмена информацией
- **с целью установления и поддержания контакта**
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- ***межстилевое***
- *общенародное*
- ***современное***
- *общераспространенное*
- ***высокоупотребительное***

- обсуждение
- устное
- в виде обмена информацией
- **с целью ближе узнать участников беседы**
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- ***официально-деловое***
- *общенародное*
- ***устаревшее***
- *общераспространенное*
- ***малоупотребительное***

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 75 %, индекс коннотативной идентичности – 100 %, а индекс функциональной идентичности – 40 %. Интегральный индекс идентичности лексем – 68 %.

На основании анализа перечисленных индексов может быть сделан вывод об оптимальном переводческом соответствии конкретной лексеме русского языка, при этом во внимание должны приниматься все введенные нами индексы при лидирующей роли интегрального индекса идентичности.

Сравним полученные значения индексов для рассмотренных контрастивных пар: «общение–communication», «общение–contact» и «общение–intercourse».

контрастивная пара, наименование индекса	Общение – communication, %	Общение – contact, %	Общение – intercourse, %
индекс денотативной идентичности	100	87,5	75
индекс коннотативной идентичности	100	100	100
индекс функциональной идентичности	100	100	40
интегральный индекс идентичности	100	96	68
переводное соответствие	эквивалентное	оптимальное	подходящее

Таким образом, семный анализ рассмотренных контрастивных пар делает возможным дать обоснованные рекомендации по выбору наиболее оптимального переводного соответствия. Таковым является лексема *communication*, поскольку она оказалась эквивалентна по денотативным, коннотативным, функциональным семам и индексу интегральной идентичности и полностью соответствует исходной лексеме русского языка *общение*.

Приведем примеры не совпадения оптимальных соответствий лексем, которые приводятся в традиционных русско-английских словарях и нашем контрастивном семном русско-английском словаре наименований речевых событий. Оптимальным соответствием русской лексемы *изречение* в традиционном русско-английском словаре является английская лексема *dictum*, а в нашем контрастивном словаре таковой оказалась лексема *saying*. Оптимальным переводным соответствием лексемы *нравоучение* в традиционном словаре приводится лексема *lecture*, а с учетом всех индексов им оказывается лексема *preach*. У лексемы *утверждение* в ходе нашего исследования выявлено оптимальное соответствие в английском языке *affirmation*, а в традиционном русско-английском словаре – *assertion*. У русской лексемы *репортаж* в традиционном словаре дается в качестве английского соответствия лексема *reportage*, а в нашем случаи это лексема *commentary*.

Таким образом, как показывают приведенные примеры, предлагаемый тип словаря и ввод в лингвистический оборот предложенных нами индексов дает переводчику реальные данные, основываясь на которых можно выбрать наиболее близкое английское соответствие при переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репринцева Н. М.* Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексикографического описания : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Н. М. Репринцева. – Воронеж, 1999. – 18 с.
2. *Стернин И. А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
3. *Лукина Л. В.* Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках) : дис. … канд. филол. наук / Л. В. Лукина – Воронеж, 2008. – 374 с.
4. *Козельская Д. В.* Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. / Д. В. Козельская, М. А. Стернина. – Воронеж : Ритм, 2018. – 90 с.

The article basing on the analysis of a new contrastive semes dictionary of Russian and English Lexemes Denoting Speech Events reveals new trends of modern comparative lexicography. The dictionary compilers have used comparative-parametric method of linguistic research which gave an opportunity to rely on objective numerical data and thus overcoming the subjectivism of lexicographic description.

L. V. Rychkova, Maysoon Salah Shakir Al-Najm
Grodno, YKSUG

NATIONALLY SPECIFIC MEANINGS OF THE BODY-PART TERMS *FINGER* AND *NAIL*
(Based on the Data from Explanatory Dictionaries of English)

На примере лексики, номинирующей части верхних конечностей, показаны возможности 5 репрезентативных толковых словарей английского языка в отражении значений, специфичных для национальных разновидностей этого языка. С использованием сопоставительных таблиц показаны основные отличия между спектрами значений лексем *finger* ‘палец’ и *nail* ‘ноготь’, характерные для британской и североамериканской разновидностей английского языка. Таким образом, доказано, что при исследовании лексической неоднозначности следует обращать внимание не только на омонимию и полисемию в рамках одной разновидности языка, но и учитывать спектр национально специфических значений, в том числе идиоматически связанных. Поскольку в толковых словарях английского языка приводятся данные, относящиеся только к британской и североамериканской разновидностям английского языка, то необходимо обращение к корпусам, включающим аутентичные тексты других разновидностей.

Research on lexical ambiguity is considered more than important from the point of view of effective communication. In numerous publications (see, for instance [1–6] et al) lexical ambiguity is considered connected to homonymy and/or polysemy. However, the problem of processing homonymous and polysemous words in context have never been studied in connection with different language varieties and, consequently, with nationally specific meanings. The aim of this paper presupposes (1) the contrastive study of the possibilities of the 5 main explanatory dictionaries of English [7–11] in reflecting meanings, which are specific to national varieties (for this purpose 26 items nominating the parts of the upper limbs have been used); (2) to compare the meanings of the target terms, which possess dictionary marks of belonging to a certain English variety. The choice of the body-part terms as the target object of the research is in line with a new approach in teaching English as a foreign language – the approach, which accommodates "nonverbal resources, such as objects and bodies, in the making of meaning" [12, p. 5]. The upper limbs, which in general English are usually nominated as *hands*, are used by people to write, play, cook, sweep, clean, work, wash, carry, arrange, paint, etc. in everyday life. Blind people can use their hands in reading, learning, and writing, at the time when dumb and deaf ones use the hand to communicate with other people and the surrounding. For those reasons we can anticipate the high level of polysemy in the lexis nominating the upper limbs parts including the meanings, which can be considered as nationally specific ones. It is also important to reveal the capacity of the most comprehensive explanatory dictionaries of English to reflect nationally specific meanings.

From the 5 chosen dictionaries only 3 (Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, and Oxford Dictionary) provide the marks of a certain meaning belonging to varieties of English, namely the marks *British* and *American* (in Cambridge and Collins dictionaries), and the mark *North American* (in Oxford Dictionary). So we can come to the conclusion that other varieties of English are not taken into consideration by the compilers of the most comprehensive explanatory dictionaries of English.

In order to illustrate the difference between the capacities of the three dictionaries to provide the nationally specific to British and North American English varieties meanings we made a table, which includes the data about the quantity of specific meanings of the 26 items nominating the upper limbs parts given in every of the 3 dictionaries (see the Table 1).

Table 1

The quantity of meanings, which possess the marks *American* and/or *British* in Cambridge and Collins dictionaries or *North American* in Oxford Dictionary, of the lexis nominating the upper limbs parts and the homonyms proper

Lexeme	Cambridge Dictionary marks		Collins Dictionary marks		Oxford Dictionary mark
	American	*British*	*American*	*British*	*North American*
arm	3	-	11	7	-
armpit	1	-	1	2	1
ball	3	-	15	21	1
digit	2	-	2	1	-
elbow	1	-	5	8	-
finger	2	-	6	15	-
finger nail	1	-	1	1	-
finger tip	1	-	2	3	-
fore arm	1	-	2	1	-
fore finger	1	-	1	1	-
hand	6	-	6	7	-
heel	5	-	-	7	-
index finger	1	-	1	-	-
knuckle	1	-	6	5	-
limb	2	-	4	11	-
little finger	1	-	1	1	-
middle finger	1	-	-	-	-
mitt	1	-	6	5	-
nail	2	-	10	11	-
palm	1	-	11	13	-
paw	1	-	2	2	-
pinkie	1	-	2	1	-
ring finger	-	-	1	1	-
thumb	1	-	4	6	-
thumb nail	3	-	1	3	-
wrist	1	-	-	5	-

The comparison of the dictionary data allows to conclude that namely Collins Dictionary provides specific meanings both for British and North American varieties of English as well as gives the most comprehensive spectrum of explanations of the nationally specific meanings for the lexis nominating the upper limbs parts as well as of the homonyms proper. 4 lexemes with the most representative quantity

of the nationally specific meanings are *ball*, *palm*, *finger*, and *nail*. The first two units have the direct meanings, which are not connected with the upper limbs parts, therefore further we will deal with the nationally specific meanings of the lexemes *finger* and *nail* given by Collins Dictionary (see the tables 2 and 3). If the core of a pair of meanings marked as nationally specific coincides, the explanations are given in the same rows of the tables.

Table 2

Nationally specific meanings of the lexeme *finger* in Collins Dictionary

Meanings marked as British	Meanings marked as American
Any of the digits of the hand, often excluding the thumb.	Any of the five jointed parts projecting from the palm of the hand; esp., any of these other than the thumb.
The part of a glove made to cover a finger.	The part of a glove that covers one of these parts.
Something that resembles a finger in shape or function.	
Digit: the length or width of a finger used as a unit of measurement.	a) Rough unit of measure based on. b) *Rare* the length of a man's middle finger (about 4 1⁄2 inches).
A quantity of liquid in a glass, etc., as deep as a finger is wide; tot.	The breadth of a finger (3⁄4 inch to 1 inch), as in measuring whiskey in a glass.
A projecting machine part, esp. one serving as an indicator, guide, or guard.	*Mechanics*: a projecting part coming into contact with another part and controlling its motion.
Burn one’s fingers.	
Get one’s finger out.	
Lay a finger on.	
To touch or manipulate with the fingers; handle.	
To identify as a criminal or suspect.	
To extend like a finger.	
To use one’s fingers in playing (an instrument, such as a piano or clarinet).	
To indicate on (a composition or part) the fingering required by a pianist, harpsichordist, etc.	
To arrange the keys of (a clarinet, flute, etc) for playing in a certain way.	

Table 3

Nationally specific meanings of the lexeme *nail* in Collins Dictionary

Meanings marked as British	Meanings marked as American
A thin, horny covering that grows out over the upper tip of a finger or toe.	The horny plate covering part of the dorsal surface of the fingers or toes.
A similar growth on a toe of a bird, reptile, etc.; claw.	The claw of a mammal, bird, or reptile.
A tapered piece of metal, commonly pointed and having a flattened head, driven with a hammer, and used to hold pieces or parts together, to hang things on, etc.	a) A fastening device usually made from round or oval wire, having a point at one end and a head at the other. b) Anything resembling such a fastening device, esp. in function or shape.
An old cloth measure, equal to 21⁄4 inches.	A unit of length, formerly used for measuring cloth, equal to two and a quarter inches.
To attach or fasten together or onto something else with or as with nails.	
To secure, hold, or fasten shut with nails.	
To fix (the eyes, attention, etc.) steadily on an object.	
To discover or expose (a lie, etc.).	
Informal to catch, capture, seize, or intercept.	
Informal to hit squarely.	
	Slang a hypodermic needle, used for injecting drugs.
	A nail in one's coffin.
	Bite one's nails.
	Hard as nails.
	Hit the nail on the head.
	On the nail.

The differentiation of meanings marked as specific for British or North American varieties can be seen in three main aspects: 1) different characteristics in the cases when the core meanings coincide; 2) informal/slang differences; 3) idiomatically unique meanings (for *finger* they prevail in British English variety and for *nail* – in North American English).

REFERENCES

1. *Hino, Y.* Effects of polysemy in lexical decision and naming: An alternative to lexical access accounts / Y. Hino, S. J. Lupker // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. –1996. – № 22. – P. 1331–1356.
2. *Klepousniotou, E.* The Processing of Lexical Ambiguity: Homonymy and Polysemy in the Mental Lexicon / E. Klepousniotou // Brain and Language. – 2002. – № 81. – P. 205–223.

3. *Millis, M. L.* The effect of polysemy on lexical decision time: Now you see it, now you don't / M. L. Millis, S. B. Button // Memory & Cognition. – 1989 . – № 17. – P. 141–147.
4. *Onifer, W.* Accessing lexical ambiguities during sentence comprehension: Effects of frequency of meaning and contextual bias / W. Onifer, D. A. Swinney // Memory & Cognition. – 1981. – № 9. – P. 225–236.
5. *Tabossi, P.* Accessing lexical ambiguity in different types of sentential contexts / P. Tabossi // Journal of Memory and Language. – 1988. – № 27. – P. 324–340.
6. *Williams, J. N.* Processing polysemous words in context: Evidence for interrelated meanings / J. N. Williams // Journal of Psycholinguistic Research. – 1992. – № 21. – P. 193–218.
7. Cambridge dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://dictionary.cambridge.org/. – Date of access : 20.10.2019.
8. Collins dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.collinsdictionary.com/. – Date of access : 20.10.2019.
9. Longman dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : www.longmandictionaries.com/. – Date of access : 20.10.2019.
10. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.macmillan-dictionary.com/. – Date of access : 20.10.2019.
11.Oxford dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.oxforddictionaries.com/. – Date of access : 20.10.2019.
12.*Canagarajan, S.* Materializing 'Competence': Perspectives From International STEM Scholars / S. Canagarajan // The Modern Language Journal. – 2018. – № 102, 2. – P. 1–24.

While studying the lexical ambiguity one should pay attention not only to homonymy and polysemy in the frames of a single English variety but should also should consider the spectrum of the nationally specific meanings including idiomatically bound ones. As the explanatory dictionaries of English provide the data relevant only for British and North American varieties, the corpora, which includes authentic texts of other varieties, should be taken into consideration.

Н. И. Малыхина
Воронеж (Россия), ВУНЦ ВВС «ВВА»

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ

Статья посвящена лексикографическому описанию наиболее частотных английских глагольных лексем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, под которой понимается многозначность на уровне частей речи.

Предлагаемый словарь отличается от других двуязычных переводных словарей тем, что в нем в большей мере, чем в обычных двуязычных словарях, уделено внимание особенностям полисемии лексем на уровне различных лексико-грамматических классов слов: перечень семем дается в соответствии с их частеречной отнесенностью.

Материалом для создания словаря послужили 200 наиболее частотных английских глагольных лексем по данным списка частотности Британского национального корпуса. Особое внимание уделяется определению и отражению в словаре коммуникативной востребованности отдельных разнокатегориальных семем в семантемах английских глагольных лексем благодаря использованию материалов корпуса.

Современный период развития лексикографии направлен на совершенствование умений активного владения иностранным языком.

Предлагаемый словарь *лексико-грамматической полисемии* наиболее частотных английских глагольных лексем содержит необходимые сведения, отвечающие практическим нуждам изучающих английский язык.

Одним из удачных достижений данного словаря можно считать, прежде всего, то, что в нем в большей мере, чем в обычных двуязычных словарях, уделено внимание особенностям полисемии глагольных лексем английского языка на уровне отдельных лексико-грамматических классов слов.

Вслед за М. А. Стерниной мы полагаем, что «в случае функционирования одной и той же единицы в качестве различных частей речи мы имеем дело не с омонимами и не со словообразованием, а с особого рода полисемией – полисемией на уровне лексико-грамматических классов слов, или лексико-грамматической полисемией» [1, с. 20].

М. А. Стернина отмечает, что лексико-грамматическая полисемия существует в двух видах – собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, которая может рассматриваться как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова. «В случае лексико-грамматической вариантности, – пишет исследователь, – одному набору лексических сем соответствуют две (а может быть и больше) лексико-грамматические семы. Эти лексико-грамматические (категориальные) семы находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции и реализуются в зависимости от контекста. При лексико-грамматической же полисемии слова каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема [1, с. 25–26].

Авторы-составители данного лексикографического справочника тщательно подходят к подбору дефиниций. В предлагаемых словарных статьях сначала даются глагольные семемы; затем семемы, демонстрирующие лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и других частей речи; далее приводятся субстантивные, адъективные, адвербиальные, междометные и предложные семемы конкретной лексемы.

Материалом для создания словаря послужили 200 наиболее частотных английских глагольных лексем по данным списка частотности Британского национального корпуса [2].

Однако следует отметить, что в словарь включены лишь сто двадцать единиц из исследованных двухсот английских глаголов.

Так, в словарь не были включены следующие восемьдесят глагольных лексем: *accept, achieve, add, admit, agree, allow, announce, apply, appear, argue, arise, arrive, ask, assume, avoid, become, begin, bring, compare, consider, contain, continue, create, decide, depend, describe, determine, develop, discover, discuss, eat, enable, encourage, enjoy, ensure, establish, examine, exist, expect, explain, extend, follow, forget, grow, happen, include, indicate, improve, intend, introduce, involve, learn, lose, maintain, obtain, occur, operate, prepare, prevent, prove, provide, publish, realize, receive, reduce, refer, reflect, remember, replace, represent, require, see, seek,*

seem, send, speak, suggest, teach, tell, write, демонстрирующих только лексическую полисемию и не имеющих семем другой, (кроме глагольной) частеречной отнесенности.

Остальные 120 из 200 наиболее частотных глаголов демонстрируют как лексическую, так и лексико-грамматическую полисемию в обоих ее видах – в виде собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности – и включены в словарь.

Отметим, что современная лексикография использует передовые технологии для составления справочных изданий, в первую очередь возможности электронных корпусов, на которых основано большинство словарей английского языка. Лексикографы при этом получают возможность оперативно реагировать на изменения в языке и отражать их в лексикографических источниках.

Пытаясь идти в ногу со временем, авторы данного словаря обеспечивают пользователя уникальной возможностью взглянуть на проблему ч а с т о т н о с т и значений, представленных в семантической структуре многозначных глагольных лексем.

Для определения частотности семем исследованных лексем нами было проанализировано по тысяче примеров употребления каждой лексемы из Британского национального корпуса [3], каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему. На основании проанализированных примеров употребления указанных лексем был определен введенный Л. А. Барановой *индекс коммуникативной релевантности* (ИКР) каждой семемы, под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы [4, с. 50–52]. Это дает возможность получить данные не только о частотности отдельных значений, но и данные об употребительности семем той или иной частеречной отнесенности.

Индекс коммуникативной релевантности каждой семемы указывается напротив нее в отдельной графе.

Предлагаемый словарь демонстрирует контекстуальную реализацию практически каждого значения входной единицы.

Иллюстративные примеры в словаре почерпнуты из Британского национального корпуса, который содержит тексты разных жанров и стилей. Примеры, в которых исследуемые глаголы подчеркнуты, взяты из использованных лексикографических источников в связи с тем, что данные семемы характеризуются нулевой коммуникативной релевантностью.

Словарь построен по алфавитному принципу. Специальные термины, в случае необходимости, снабжаются условными сокращениями (*тех.*, *воен.* и т.п.). Разговорные выражения и региональные варианты также снабжаются условными сокращениями (*разг.*, *амер.* и т.п.). Пояснения выделены курсивом.

Приведем пример словарной статьи из словаря лексико-грамматической полисемии:

Make

Глагольные семемы	**ИКР**
● *спорт.* Достигать (цели), побеждать. *Colin Hamilton's Gogar, beaten finalists last year, are still on form and the Dryburgh family's Aviemore team could again **make** the semis.*	**0,5 %**
● *карт.* Брать (взятку); бить. *I **made** the trick.*	**0**
● Совершать, делать. *Women **make** us poets, children **make** us philosophers.*	**42,5 %**
● Направляться, следовать (куда-л.); двигаться (в каком-л. направлении). *You'd better **make** straight for the bank, otherwise you'll be too late.*	**10,8 %**
● Готовить, приготовлять. *Sit down here, Jamie, and I'll **make** some tea.*	**8,1 %**
● Скандалить, затеять драку или ссору; устроить сцену. *He hoped she would be civilized enough not to **make** a scene.*	**5,2 %**
● Получать, приобретать, добывать (деньги, средства), зарабатывать. *But it could cost them more than they **make**.*	**3,5 %**
● Составлять, делать, подготавливать (завещание, документ). *What will happen if I don't **make** a will?*	**2,3 %**
● Создавать, творить. *For now, let's begin jotting down a few ideas to **make** a Christmas movie.*	**2,2 %**
● Образовывать; формировать. *Microelectronics and Japan's NEC are developing basic technologies to **make** new generations of chips.*	**0,9 %**
● Выступать (с докладом); произносить речь. *Then Mr Ridley turned up to **make** his statement about the Barlow Clowes affair.*	**0,9 %**
● Обнародовать, сделать общеизвестным; устраивать (шумиху); производить (сенсацию). *The announcement that your manufacturer has brought out a washing powder that does away with washing machines would **make** every front page.*	**0,9 %**
● Считать, определять, предполагать. *So, what do you **make** of that, Mr Barnes, eh?*	**0,8 %**
● *сл.* Сожительствовать. *Did you think that I would **make** love to you for a few days and then let you walk out of my life without trying to get in touch?*	**0,7 %**
● Издавать (звуки); производить (шум); звенеть, стучать. *Empty cans and bottles **make** crunching sounds like oyster shells when they are stepped on.*	**0,6 %**
● Быть, являться. *You'll **make** a well-matched pair.*	**0,6 %**
● Образовывать, составлять. *But coloured girls, they **make** a gang and defend each other or beat others up.*	**0,6 %**
● Заключать (соглашение, сделку). *One subsequent purchase you decide to **make** will still only cost you £14.95, details will be sent with your initial order.*	**0,5 %**
● Составлять, равняться; считать, вычислять. *'Brian, Connie, Scarlet, Pam, Clarissa and Guy – I **make** that six'; said Scarlet, counting on her fingers with her eyes closed.*	**0,5 %**

- Приобретать (друзей, врагов). *He wasn't the sort to **make** friends easily but he seemed to enjoy himself.* **0,4 %**
- Назначать (свидание, встречу). *So, **make** an appointment at your family planning clinic or go and talk to your college doctor.* **0,4 %**
- Выполнять обещанное. *I cannot **make** such a promise.* **0,2 %**
- Убирать (помещение, кровать); приводить в порядок. *I want to **make** order in my books.* **0,1 %**
- Достигать (какого-л. места).*We **made** the station in time to catch the train.* **0,1 %**
- Проходить, проезжать (какое-л. расстояние). *We **made** only three miles that day.* **0,1 %**
- Тренировать, учить (животных). *He **made** the dog himself.* **0**
- *сл.* Красть, украсть. **0**
- Преодолевать (препятствие). *His goal was to **make** the riffle.* **0**
- Подниматься (о воде). *The water **is making** fast.* **0**
- *разг.* Успеть, поспеть (на поезд и т.п.). ***Make** the train.* **0**
- Набрасываться, нападать. **0**
- Компенсировать, восполнять. **0**

Глагольные и субстантивные семемы

- Делать; изготовлять, производить/Производство, работа; изделие; изготовление. *I'm going to **make** him a card with Happy Father's Day on it and a star on it* (глагольный ЛГВ). **14,5 %** **0**
- *воен. жарг.* Назначать (на должность), производить в чин/ Повышение в чине; новое назначение. **0/0**
- *карт.* Сдавать (карты), *тасовать* (колоду)/Тасование (карт). *Whose turn is it to **make**?/It's your **make**.* **0/0**
- Объявлять (козырь или игру)/Объявление (козыря, игры). *The ace **makes*** (глагольный ЛГВ). **0/0**
- Становиться; делаться/Процесс становления; развитие. *He will **make** a good musician* (глагольный ЛГВ). **0/0**

Субстантивные семемы

- *эл.* Замыкание цепи. *At **make**.* **0**
- Марка, стиль, тип, модель, сорт. *In terms of computer technology trade libel* (*клевета) would occur if someone falsely claimed that a particular software dealer was trading in pirated software or was in financial difficulties or if a software house's products were defective or would not operate on a particular **make** of computer.* **1,6 %**
- Продукция, выработка. *Plectra sounds like a **make** of margarine…* **0,3 %**
- Вид, форма, фасон, конструкция. *The height, shape and flexibility varies according to the **make** and model of the boot, and what suits one person will not suit another.* **0,2 %**
- Склад характера. *A man of this **make**.* **0**
- Конституция, сложение. *A man of slender **make**.* **0**

Таким образом, активный пользователь словарного издания получит сведения о развитии полисемии наиболее частотных английских глагольных лексем на уровне отдельных лексико-грамматических классов слов, а также сведения о коммуникативной востребованности значений в семантемах исследованных лексем. Именно такого рода словарь предоставляет пользователю современную, соответствующую последним изменениям того или иного языка информацию. В свете всего сказанного выше можно сделать вывод, что данный лексикографический продукт способствует эффективному усвоению языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернина М. А.* Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 1999. – 159 с.
2. Список частотности Британского национального корпуса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html. – Дата доступа : 19.10.2019.
3. Данные Британского национального корпуса корпуса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bncweb.lancs.ac.uk. – Дата доступа : 19.10.2019.
4. *Баранова Л. А.* Опыт выявления частотности семем / Л. А. Баранова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2009. – Вып. 21. – С. 50–52.

The paper is devoted to the lexicographic description of the most frequent English verbal lexemes developing lexico-grammatical polysemy, by which polysemy at the part-of-speech level is understood. British National Corpus material allowed to reveal the communicative demand of separate sememes including those differing by part-of-speech semes in the semanthemes of the most frequent English verbal lexemes.

Н. Г. Швец
Минск, МГЛУ

ТЕЗАУРУСНЫЙ МЕТОД ОПИСАНИЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ РЕКЛАМНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ

Исследование механизмов порождения и восприятия смысла креолизованных текстов (в том числе и печатных рекламных объявлений), в которых в рамках единого сообщения сплетены вербальные и невербальные компоненты, вызывает большой интерес. Вследствие постоянного увеличения объема семиотически неоднородных массивов текстов современное общество испытывает острую потребность в их автоматизированной обработке. Важной задачей разрабатываемых технологий является поиск оперативных способов формального представления такой информации. В статье предлагается использование тезаурусного способа представления содержания изображения, представляющего собой описание иллюстрации в виде некоторого набора слов и отношений между этими словами в рамках некоторой предметной области. Преимуществом данного метода является то, что он позволяет учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения.

При создании компьютерной системы, моделирующей понимание текста и изображения рекламного объявления человеком, возникает проблема поиска способа эффективной формализации изображения. Необходимо придать иллюстрации «неизобразительный» вид, ибо соответствующие алгоритмы приспособлены для переработки лишь неких символических описаний.

Как известно, одним из методов формального представления знаний о некотором фрагменте реальной действительности является тезаурусный способ представления информации о той или иной предметной области. В нашем исследовании мы предлагаем использовать этот подход для описания изображения.

Анализ 1000 рекламных объявлений на тему «Парфюмерия и косметика» показал, что в 99 % случаев на иллюстрации обязательно присутствует изображение человека. Поэтому в целях нашего исследования были выявлены наиболее употребительные существительные, используемые при описании внешнего облика человека и установлены системные отношения между ними.

Особенности лексического состава описания определяются, прежде всего, структурой самого описания, которое служит для детального изображения состояний действительности с подробным перечислением ряда одновременно существующих объектов и их признаков. Функции объектов выполняют слова, обозначающие основные компоненты внешнего описания, которыми являются:

1) тело человека и его части (соматическая лексика);

2) мимика, поза, жесты (кинетическая лексика);

3) предметы одежды (вестиальная лексика).

Рассмотрим структурные отношения в группе соматической лексики. Для ее систематизации подходит отношение меронимии. *Меронимия* – это способ ассоциативной сетевой организации понятий на основе отношения ЦЕЛОЕ–ЧАСТЬ. Это отношение обладает следующими свойствами:

1) оно транзитивно: ЦЕЛОЕ (ЦЕЛОЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X);

2) дескрипторы-части наследуют отношение АССОЦИАЦИЯ: АСЦ (ЦЕЛОЕ (X)) = АСЦ (X);

3) отношение ЧАСТЬ наследуется видовыми дескрипторами: ЧАСТЬ (ВЫШЕ (X)) = ЧАСТЬ (X);

4) отношение ВЫШЕ – НИЖЕ поглощается отношением ЦЕЛОЕ–ЧАСТЬ: ЦЕЛОЕ (ВЫШЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X), ВЫШЕ (ЦЕЛОЕ = (X)) = ЦЕЛОЕ (X).

К характеризующим лексическим единицам, описывающим внешние признаки, обычно относятся слова, указывающие цвет, форму, толщину, величину. В зависимости от типа характеризуемого объекта набор таких признаков меняется. Можно выделить следующие признаки соматемы «Лицо»:

1) цвет и окраска кожного покрова (*загорелое*, *бледное*, *землистое* и др.);

2) форма (*круглое*, *овальное*, *треугольное* и др.);

3) величина (*большое*, *крупное*, *маленькое* и др.);

4) толщина (*худое*, *сытое*, *тонкое* и др.);

5) характер кожного покрова (*гладкое*, *холеное*, *морщинистое* и др.);

6) характерная деталь (*длинноносое*, *курносое*, *скуластое*, *узколобое*, *большеглазое* и др.):

6.1) величина и форма носа;

6.2) форма скул;

6.3) величина и форма губ;

6.4) величина и форма лба;

6.5) величина, форма и цвет глаз;

6.6) наличие или отсутствие волосяного покрова на лице и голове;

7) состояние здоровья и возраста (*здоровое*, *усталое*, *молодое*, *свежее* и др.);

8) признак внешней выраженности интеллектуальных способностей (*умное*, *мудрое*, *простое*, *глупое* и др.);
9) общее впечатление:
   9.1) положительные оценки (*красивое*, *миловидное*, *приятное* и др.);
   9.2) отрицательные оценки (*неинтересное*, *невзрачное*, *непривлекательное* и др.);
10) доминирующая черта характера, особенность поведения (*благородное*, *честное*, *открытое*, *важное*, *самодовольное* и др.);
11) выражение черт характера и свойств личности (*волевое*, *властное*, *строгое*, *гордое*, *скромное*, *доброе*, *кроткое*, *хитрое*, *угодливое*, *насмешливое* и др.);
12) выражение доминирующих психоэмоциональных состояний (*живое*, *бодрое*, *радостное*, *счастливое*, *сердитое*, *равнодушное* и др.);
13) представление о социальном статусе личности (*благородное*, *интеллигентное* и др.).

Признаки других соматем представлены в табл. 1.

Таблица 1

Признаки соматем

Соматема	Признак	Пример
Волосы	цвет	*русые*
	форма	*прямые*
	длина	*короткие*
	густота	*редкие*
	мягкость	*жесткие*
	толщина	*тонкие*
	влажность	*мокрые*
	блеск	*блестящие*
	сила	*слабые*
	укладка	*растрепанные*
	здоровье	*посеченные*
	тяжесть	*легкие*
	чистота	*грязные*
	общая положительная оценка	*восхитительные*
	общая отрицательная оценка	*некрасивые*
Глаза	цвет	*голубые*
	форма	*круглые*
	величина	*маленькие*
	блеск	*блестящие*
	возраст	*молодые*
	здоровье	*воспаленные*
	эмоции	*восторженные*
	доброта	*злые*
	общая положительная оценка	*притягательные*
	общая отрицательная оценка	*невыразительные*
	образ из сферы флоры	*ореховые*
	образ из сферы фауны	*змеиные*
	образ на основе экзотизмов	*цыганские*
Губы	цвет	*красные*
	форма	*оттопыренные*
	толщина	*пухлые*
	величина	*большие*
	физическое состояние	*свежие*
	влажност	*сухие*

Продолжение таблицы 1

Зубы	цвет форма величина расположение физическое состояние	*белые* *ровные* *мелкие* *редкие* *жемчужные*
Кожа	цвет толщина пигментация возраст особое состояние влажность тип эластичность	*белая* *тонкая* *смуглая* *молодая* *гусиная* *сухая* *комбинированная* *дряблая*
Нос	форма величина цвет характер кожного покрова длина образ на основе сходства по форме с носами животных и птиц	*курносый* *большой* *красный* *блестящий* *короткий* *орлиный*
Ресницы	цвет величина длина густота	*черные* *большие* *длинные* *редкие*
Тело (фигура)	величина толщина тяжесть сложение гибкость длина нагота цвет чистота здоровье возраст сила	*щуплое* *худое* *легкое* *стройное* *гибкое* *короткое* *полуобнаженное* *розовое* *грязное* *больное* *молодое* *дюжее*
Женщина	возраст осанка рост телосложение сила нагота чистота здоровье ухоженность интеллект психоэмоциональное состояние характер социальный статус общая положительная оценка общая отрицательная оценка	*молодая* *грациозная* *высокая* *стройная* *сильная* *голая* *чистая* *здоровая* *ухоженная* *умная* *веселая* *властная* *интеллигентная* *привлекательная* *несимпатичная*

Очень часто на иллюстрации рекламного объявления изображается предмет рекламы (флакон духов, баночка крема и др.). Для его описания используются такие признаки, как форма, цвет, содержимое, название, фирма-изготовитель, а для представления связей между дескрипторами – такие отношения, как ЦЕЛОЕ–ЧАСТЬ, АССОЦИАЦИЯ, ОБЪЕКТ–ХАРАКТЕРНОЕ СВОЙСТВО и др.

Результаты тезаурусного представления иллюстрации рекламного объявления представлены в табл. 2.

Таблица 2

Тезаурусное представление иллюстрации рекламного объявления

Дескриптор (уровень тезаурусной иерархии)	Мероним (уровень тезаурусной иерархии)	Признак (уровень тезаурусной иерархии)	Действие (уровень тезаурусной иерархии) (ассоциация)
женщина (1)	*голова (2)* *руки (2)*		
флакон (1)	*шампунь (2)*	*зеленый (2)* *прямоугольный (2)*	
фон (1)	*фрукты (2)*		
схема-пояснение (1)	*волос (2)* *вещество (2)*		
голова (2)	*волосы (3)*		
руки (2)			*завязывать волосы в узел (3)* *(сила волос)*
шампунь (2)		*fructis (фруктис) (3)* *garnier paris (3)*	
волос (2)	*корень (3)*		
вещество (2)	*молекулы (3)*	*активное (3)* *зеленое (3)*	
фрукты (2)	*дольки (3)*		
волосы (3)		*блестящие (4)* *сильные (4)* *густые (4)* *шелковистые (4)* *длинные (4)* *гладкие (4)*	
корень (3)		*здоровый (4)* *сильный (4)*	
молекулы (3)		*зеленые (4)* *красные (4)*	*проникать в корень (4)* *(сила и блеск волос)*
дольки (3)		*зеленые (4)* *желтые (4)*	

Тезаурус является иерархической структурой, состоящей из дескрипторов различных уровней. Первый уровень тезауруса иллюстрации анализируемого РО (уровень тезауруса в табл. 2 обозначается цифрой в скобках) образуют следующие дескрипторы: *женщина*, *флакон*, *фон* и *схема-пояснение*.

Между дескриптором первого уровня *женщина* и дескрипторами второго уровня *голова* и *руки* устанавливаются системные отношения типа ЦЕЛОЕ (холоним) – ЧАСТЬ (мероним).

Дескриптор первого уровня *флакон* связан с дескриптором второго уровня *шампунь* отношением ЦЕЛОЕ–ЧАСТЬ, а с дескрипторами второго уровня *зеленый* и *прямоугольный* – отношением ОБЪЕКТ–ПРИЗНАК.

Между дескриптором первого уровня *схема-пояснение* и дескрипторами второго уровня *волос* и *вещество* устанавливаются отношения типа ЦЕЛОЕ–ЧАСТЬ.

Третий уровень тезауруса образуют следующие дескрипторы: *волосы, завязывать волосы в узел, сила волос, Fructis (Фруктис), Garnier Paris, корень, молекулы, активное, зеленое, дольки, волосы*.

Дескрипторами четвертого уровня тезауруса являются: *блестящие, сильные, густые, шелковистые, длинные, гладкие, здоровый, сильный, зеленые, красные, желтые, проникать в корень, сила и блеск волос*.

Таким образом, тезаурусный метод позволяет описать иллюстрацию в виде некоторого набора слов (дескрипторов) и отношений между этими лексическими единицами в рамках некоторой предметной области. Основным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения.

This article discusses one of the possible ways to formally present an illustration of an advertisement. The use of the thesaurus method is proposed, which allows one to take into account both dominant and secondary features of the image.

И. С. Карпенко
Воронеж (Россия), ВГУ

РАЗВИТИЕ НОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ МНОГОСЕМЕМНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСЕМ

Статья посвящена изучению новых значений, зафиксированных в результате исследования наиболее частотных многосемемных адъективных лексем русского и английского языков на материале Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса. Автор предпринимает попытку выявить коммуникативную релевантность новых значений, под которой понимается их коммуникативная востребованность, проявляющаяся через частотность употребления того или иного значения. На основе изучения семантем рассматриваемых лексем русского и английского языков автор делает вывод, результатом развития какого типа полисемии (лексической или лексико-грамматической) являются фиксируемые им новые значения в каждом из сравниваемых языков. Констатируется, что в русском языке это результат развития как лексической, так и лексико-грамматической полисемии, в то время как в английском языке – исключительно лексико-грамматической.

Как известно, неотъемлемыми свойствами языка являются открытость и изменчивость лексического состава. Лексический объем разрастается не только благодаря возникновению новых слов, но и в результате увеличения числа значений у ранее известных слов, что в результате приводит как к количественному, так и к качественному изменению в лексике. Обретение новых значений происходит и на лексическом уровне, и на уровне лексико-грамматических классов, т.е. благодаря развитию как лексичекой, так и лексико-грамматической полисемии. Рассматривая лексико-грамматическую полисемию, невозможно обойти стороной вопрос ее взаимоотношений с лексико-грамматической вариантностью. Согласно М. А. Стерниной, «если при лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются, как лексико-грамматически, так и лексически, то в случае лексико-грамматической вариантности семемы выступают в одинаковом наборе лексических сем, но с разными лексико-грамматическими семами» [1, с. 25].

В данной статье мы изучаем новые значения, зафиксированные у русских и английских многосемемных адъективных лексем как на лексическом, так и на лексико-грамматическом уровне. Рассматриваемые лексемы вошли в сто наиболее частотных адъективных лексем по данным Частотного словаря С. А. Шарова и Списка частотности Британского национального корпуса. Отметим, что под *многосемемными лексемами* мы вслед за М. А. Стерниной понимаем лексемы, включающие от шести до десяти семем [1, с. 42]. В группе наиболее частотных многосемемных прилагательных русского языка новые значения были найдены в семантемах девяти лексем: *новый, полный, близкий, живой, скорый, серьезный, рабочий, небольшой, общественный*, в то время как в группе английского языка было обнаружено семь лексем, в семантемах, которых были отмечены ранее не зафиксированные в толковых словарях значения: *common, little, major, particular, private, labour, specific*.

Для нашего исследования было отобрано по 1000 примеров употребления каждой лексемы из Национального корпуса русского языка [2] и Британского Национального корпуса [3]. В ходе исследования была выявлена коммуникативная востребованность незафиксированных ранее значений. Для этих целей был применен введенный Л. А. Кривенко *индекс коммуникативной релевантности* (ИКР), который определяется через отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы [4].

Так в семантеме лексемы *рабочий,* помимо пяти зафиксированных словарями семем: Д1а/n[1] ‘относящийся к классу наемных работников, занятых производительным трудом/человек, принадлежащий к классу наемных работников, занятых производительным трудом’, К1а[2] ‘имеющий отношение к работе’, К1а ‘предназначенный для работы, используемый в какой-нибудь работе’, К1а ‘производящий полезную работу’, К1а ‘относящийся к начальной стадии работы, предварительный’, была выявлена семема К1а ‘годный для работы’ *(Схема **рабочая**, но хорошо бы, чтобы она имела минимальную избирательность по отношению к банкам)* с показателем ИКР – 0,2 %. Семантема лексемы *полный,* включающая в себя по данным словарей семь семем: Д1а «наполненный, занятый целиком, К1а ‘абсолютный, неограниченный ничем, не стесненный’, К1а ‘во всем объеме, во всю величину, исчерпывающий’, К1а ‘целиком проникнутый, охваченный чем-либо’, К1а ‘а содержащий в себе, вместивший в себя предельное количество чего либо’, К1а ‘достигший высшего предела, представляющий крайнюю степень чего-либо’, К1а ‘упитанный, умеренно толстый’ содержит незафиксированную ранее сему К1adv ‘много’ (*Обратил внимание, что в городе опять **полно** глухо тонированных автомобилей, видимо перестали лишать прав)* (ИКР – 2,8 %). У лексемы *серьезный,* помимо отмеченных словарями семем Д1а/adv ‘отличающийся вдумчивостью, глубокомысленный вдумчиво, глубокомысленно’, К1а/adv ‘сосредоточенный/ сосредоточенно’, К1а/adv ‘проникнутый ответственностью, основательностью / основательно’, К1а/adv ‘большой и важный, существенный/важно, суще-

[1] Обозначается частеречная отнесенность лексико-грамматических вариантов семемы

[2] Обозначается частеречная отнесенность семемы

ственно’, К1mw ‘в самом деле, правда’, К1а ‘отличающийся глубиной, нелегковесный, истинный, подлинный’, К1а ‘заслуживающий особого внимания в силу своей важности, значительности или опасности’ была выявлена семема К1adv ‘сильно, значительно’ – *У них **серьезно** увеличивается объем практических занятий и появляется мотивация к такой практике* (показатель ИКР – 9,8 %). В семантеме лексемы *близкий,* помимо семем зарегистрированных словарями: Д1а/adv ‘находящийся неподалеку/неподалеку’, К1а/n ‘находящийся в кровном родстве/родственник’, К1а ‘находящийся, состоящий в тесных отношениях’, К1а ‘наступающий в скором времени, приближающийся’, К1а ‘сходный, похожий’, К1а ‘короткий, недальний’, К1а ‘непосредственно касающийся, затрагивающий интересы кого либо’, в ходе исследования была зафиксирована семема К1adv ‘совсем’ (*Клуб и **близко** не стоит своих денег)* (показатель ИКР – 2,2 %). Исследование выявило наличие нового значения у семантемы лексемы *живой.* Так, у семантемы данной лексемы помимо девяти семем Д1а/n ‘такой, который живет, обладает жизнью/человек, который живет; не умерший’, К1а/n ‘состоящий из людей, живых организмов, растений, образуемый ими/живые существа’, К1а ‘настоящий, подлинный, действительный, отвечающий насущным потребностям социальной жизни’, К1а ‘легкий, занимательный, красочный’, К1а ‘полный жизненных сил, жизнерадостный, подвижный, выразительный’, К1а ‘активно проявляющийся, сильно ощущаемый’, К1а ‘существующий, сохранившийся’», К1а ‘черпающий силу в чем-либо, имеющий что-либо основой своего существования’ была обнаружена семема К1n ‘происходящий в настоящее время’ *(Я пишу эту колонку сегодня, в пятницу утром, даже не по горячим следам, а по **живому**, поскольку драма на улице Мельникова продолжается)* с показателем ИКР равным 0,1 %. Интерес вызывает лексема *новый*, в семантеме которой, помимо пяти семем, зафиксированных в лексикографических источниках: Д1а/n ‘впервые созданный, открытый, появившийся/то, чего не было, что-либо вновь открытое, обнаруженное, услышанное’, К1а ‘только что, приобретенный, купленный или поступивший куда-либо’, К1а ‘малоизвестный’, К1а ‘не бывший или мало бывший в употреблении’, К1а ‘современный, относящийся к ближайшему прошлому или настоящему’, был обнаружен субстантивный лексико-грамматический вариант семемы К1а ‘следующий, очередной’ (*В «Статистическое учреждение» назначили **нового**, которым оказывается старый друг одной из сотрудниц)* с показателем ИКР – 0,1%. Исследование показало также наличие нового лексико-грамматического варианта в семантеме лексемы *скорый.* Так, в семеме К1 a/adv/n ‘такой, который должен произойти, наступить через короткий промежуток времени/встреча через короткий промежуток времени’ незафиксированным словарями оказался субстантивный вариант (*До **скорого**! – и он встал, а свита его шевельнулась)* с показателем ИКР – 1,6 %. Наряду с новым лексико-грамматическим вариантом у семантемы лексемы *скорый*, помимо отмеченных словарями семем: К1а/adv ‘быстрый/быстро’, К1а ‘нетерпеливый, торопящийся, стремительный’, К1n ‘автомашина медицинского учреждения, специализирующегося на оказании неотложной помощи’, К1а/n ‘идущий с большой скоростью/поезд, идущий с большой скоростью’

и К1а ‘длящийся недолгое время’, была выявлена также новая семема Kadv ‘с большей долей вероятности, вероятно’ (***Скорее*** *всего синусовая аритмия, – поставил Павел Алексеевич диагноз)* (показатель ИКР – 1,9 %). Что касается семантемы лексемы *небольшой*, то интерес вызывает субстантивный лексико-грамматический вариант, обнаруженный в составе семемы Д1а/n ‘незначительный по величине, размерам/незначительное’ *(Это будет наш подарок Эрмитажу, то* ***небольшое****, что мы можем сделать, чтобы сохранить для будущего удивительные творения русских декораторов)* с показателем ИКР равным 0,1 %. Семантема данной лексемы также включает семему К1а ‘незначительный по количеству, немногочисленный’, семему К1а ‘непродолжительный’, К1а ‘не имеющий большого значения, неважный’ и К1а ‘посредственный, не проявляющий особого усердия в чем-либо’. При исследовании семантемы лексемы *общественный*, наше внимание привлек субстантивный вариант семемы К1а/n ‘связанный с безвозмездным обслуживанием социально-политических, культурных, профессиональных и т.п. нужд коллектива’ (***Общественное****, как наркотик, все больше и больше подчиняло ее себе и, наконец, стало выше ее семейного очага, судьбы сына и своей собственной*) (показатель ИКР – 0,1 %). Согласно лексикографическим источникам, семантема данной лексемы включает еще пять семем: Д1а ‘порождаемый, создаваемый обществом, осуществляемый обществом, связанный с отношениями людей в обществе’, К1а/n ‘принадлежащий всем, всему обществу; коллективный/коллективное’, К1а ‘проявляемый, выражаемый обществом, общественностью по отношению к чему, кому-либо’, К1а ‘обладающий потребностью жить в обществе, работать на благо общества’ и К1а ‘любящий общество, компанию’.

Рассмотрим новые значения, обнаруженные в семантемах многосемемных лексем английского языка. Так в семантеме лексемы *common* помимо семем, зафиксированных словарями: Д1а ‘распространяющийся на всех, все, охватывающий всех, все’, К1а ‘широко распространенный, общеизвестный, общепринятый’, К1а ‘обыкновенный, обычный, простой’, Д2а ‘простой’, Д2а ‘общий’, К1а ‘грубый, вульгарный, простонародный, простоватый’, Д2а ‘общий’, К1n ‘общинная земля’ у семемы К1а ‘общественный’ был выявлен субстантивный лексико-грамматический вариант ‘общественное место’ *(A popular venue in a central location was the large log fire on the* ***common****, which offered an instant warmup for those sipping cocoa and warm cider)* с показателем ИКР равным 0,1 %. В семантеме лексемы *little*, включающая в себя по данным словарей десять семем: Д1 a/adv/n ‘маленький/мало/малое’, К1а ‘незначительный, несущественный’, К1а ‘мелкий, ничтожный, ограниченный’, К1adv ‘недолго’, К1а ‘не имеющий особого значения, неважный’, Д2а ‘малый’, К1а ‘предназначенный для узкого круга, не массовый’, К1а ‘милый, славный’, К1adv ‘редко’, у семемы К1а ‘молодой’ был выявлен субстантивный вариант ‘молодое существо’ (*You, stupid* ***little****, get upstairs!)* с показателем ИКР равным 0,1 %. Исследование выявило новую семему в семантеме лексемы *major*. Так помимо восьми семем: Д1а ‘самый важный, основной’, К1а ‘главный, крупный, основной’, К1а ‘старший’, Д2 a/n ‘мажорный/мажор’, К1а ‘относящийся к большинству, Д2а/n ‘совершеннолетний/совершеннолетний гражданин’,

Д2а ‘большой’, К1n/v ‘основной предмет специализации в высшей школе/специализироваться’, была зафиксирована субстантивная семема К1n ‘главный спортивный турнир’ *(I am feeling very excited now as it’ll be my first time playing in a* ***major*** *because it’s going to be a boost to my sport career)* (показатель ИКР – 0,3 %). В семантеме лексемы *particular* помимо существующих в словарях значений: Д1а ‘особый, особенный, специфический, конкретный’, К1n ‘частность, деталь’, К1а ‘индивидуальный, частный, отдельный’, К1а ‘тщательный, аккуратный, разборчивый, привередливый’, К1а ‘подробный, детальный, обстоятельный’, Д2а ‘ограниченный’, К1n ‘близкий друг, любимец’, К1а ‘характерная особенность, нечто излюбленное’ у одной из семем К1а ‘исключительный, особенный’ был выявлен адвербиальный вариант ‘особенно’ *(Some people have donated their bodies, which is something Mrs Anderson,* ***particular*** *appreciates)* с показателем ИКР равным 0,1 %. В семантеме лексемы *specific*, включающую семемы: К1а ‘конкретный’, К1а ‘точный, определенный, ограниченный’, К1а ‘характерный’ Д2а ‘удельный’, Д2а/n ‘специфический / специальное, специфическое средство, лекарство от определенной болезни’, Д2а ‘видовой’ и К1n ‘специальное сообщение’ у семемы Д1а ‘особый’ был выявлен адвербиальный вариант ‘особо’ *(The picture gave no clear impression of anyone in particular; it was generic Victorian lady,* ***specific*** *shy poetess)* с показателем ИКР равным 0,1. В семантеме лексемы *labour* помимо семем, отмеченных в словарях: Д1 а/n/v ‘трудовой/труд/трудиться’, К1а/n ‘лейбористский/ лейбористская партия’, К1а/n ‘рабочий/ работник, рабочий класс’, К1а/n/v ‘родовый/роды/рожать’, К1v ‘прилагать усилия, добиваться, стремиться’, К1v ‘двигаться, продвигаться с трудом’, Д2v ‘испытывать’, К1v ‘тщательно разрабатывать’ и К1v ‘мучиться, страдать’ у семемы К1n ‘затрудненность’ был выявлен адвербиальный вариант ‘трудно, трудоемко’ *(That was fine when manpower was cheap and farming was* ***labour*** *intensive, when families worked in the fields man and boy)* (показатель ИКР – 0,1 %).

Как показало проведенное исследование, новые значения в семантемах многосememных адъективных лексем русского языка являются результатом развития как лексической, так и лексико-грамматической полисемии. В английском языке все выявленные нами новые значения оказались результатом развития исключительно лексико-грамматической полисемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернина М. А.* Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 1999. – 160 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 17.09.2018.
3. Британский Национальный Корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.natcorp.ox.ac.uk. – Дата доступа: 17.09.2018.
4. *Кривенко Л. А.* Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики : автореф. дис. … филол. наук / 10.02.19 Л. А. Кривенко. – Воронеж, 2013. – 22 с.

The study is devoted to revealing new meanings of the most frequent multi-sememe Russian and English adjectives. An attempt to determine communicative relevance of the sememes incorporated into semanthemes of multi-sememe Russian and English adjectival lexemes is undertaken.

Liu Peng
Minsk, MSLU

THE CHINESE LANGUAGE UNIT 上 *SHÀNG* AND ITS CORRELATES IN THE ENGLISH LANGUAGE

The term *globalization* has been coined in the 1980s and is increasingly becoming a new prominent and worldwide phenomenon illustrating basic features of modern times. Globalization is primarily an economic process of interaction and integration that's associated with social and cultural aspects [1]. Over nearly 40 years' development, globalization and its impacts are not only visible in the world economy, but they have also penetrated every area, including cultural aspects of life. Since language is a subdivision of culture, it plays a very significant role in the world globalization. To some extent, language facilitated and accelerated the process of interaction and integration.

Under the influences of the globalization, there are quite a lot of people interested in learning Chinese that is spreading faster than other popular European languages becoming an obvious unique sign in the world culture. Along with English, the Chinese language occupies an important position in the world in terms of the number of speakers.

Every European language has its unique grammar system and its own way to put ideas into words, so does the Chinese language. Many Chinese words have several meanings and usages in different contexts. It means they are polysemous. In the Chinese language there are some notional words, such as 上*shàng* 'up', 下*xià* 'down', 前 *qián* 'front', 后*hòu* 'behind' used for indicating spatial orientations and called "words of orientation and location" [2]. Although in the Chinese language there are no parts of speech like in the European languages, Chinese linguists also divide the Chinese words into notional words and function words. Apart from various lexical meanings of these words of orientation and location, they often have peculiar grammatical features related to spatial orientation.

Spatial issues in linguistics are increasingly becoming a popular research topic (see for ref. the works of L. Tamly, R. S. Jackendoff, R. W. Langacker and so forth). This paper deals with the peculiarities of the Chinese word 上 *shàng* 'up, on, over, above and so forth' and its correlates in the English language. From the perspective of its lexical meanings and grammatical characteristics, the language unit 上 *shàng* is one of the most actively and frequently used words as a noun, adjective and verb with spatial features in the Chinese language. Moreover, besides the above mentioned 3 parts of speech, this lexical unit may correlate in the English language with an adverb, preposition, numeral, and a pronoun. The above said makes the language unit 上 *shàng* an interesting object of research which will help to shed light on the mechanics of spatial cognition in typologically different languages.

The research materials related with the language unit 上 *shàng* are collected on the basis of dictionaries and two corpora (Chinese CNCORPUS and BCC corpus (Chinese-English parallel corpus)). The data obtained suggest the following conclusions.

The language unit *上 shàng* is one of the 20 frequently used words in the Chinese language: it shows 38,084 context examples in the *现代汉语语料库* (Chinese CNCORPUS) [3]; 360,038 related context examples in the *语料库汉英双语* (bilingual BCC corpus) [4]. Moreover, in the *新世界汉英大词典(第二版)* (New Century Chinese-English Dictionary, the 2nd edition) there are 27 main kinds of Chinese definitions and explanations with the equivalent English translations of the language unit *上 shàng*. On the basis of these 27 lexical meanings, there are 19 semantic explanations which include spatial characteristics, and 240 related phrases and phrase structures with the language unit *上 shàng* and their equivalent English translations [5, p.1468–1475]. On the other hand, there are 135 of these 240 phrases and phrase structures with the language unit *上 shàng* which contain spatial meanings. These data can be displayed in the following table.

Table

The quantity of the definitions, phrases and context examples of the language unit *上 shàng* in the corpora and dictionaries

No.	Criteria for analysis	Data
1.	Context examples in the Chinese CNCORPUS	38,084 findings
2.	Context examples in the bilingual (Chinese and English) corpus of BCC	360,038 findings
3.	Chinese definitions and explanations with the equivalent English translations	27 definitions
4.	Definitions with semantic spatial characteristics	19 definitions
5.	The related phrases and phrase structures	240 phrases
6.	Phrases and phrase structures with spatial relations	135 phrases

The findings from the above mentioned corpora offer the platform for the contextual analysis of the language unit *上 shàng* in two languages. As stated above, *上 shàng* may correlate to different parts of speech in Chinese and English. At the same time, the spatial components of the language unit *上 shàng* accompany these grammatical features. The following examples from BCC corpus show the language unit *上 shàng* with spatial orientations and relations used as different word categories in English.

(1) *意大利维格尼拉镇镇长说：“你可以**在**山**上**安一面镜子，将阳光线反射**到**大广场**上**”。该镇长已把这个方案呈报给意大利皮埃蒙特地区，等待批准。*/(1a) *You put a mirror **on** the mountain to reflect the sun's rays **into** your main square, says the mayor of Viganella, who has just presented the project to Italy's Piedmont region for approval.*

In example 1, *上 shàng* can be used separately, but most time it is used with other Chinese words composing a phrase or structure to reflect the context meanings: with the preposition *在 zài* 'indicates the time, place, situation, scope, etc. of the matter' [6] and the verb *到 dào* 'go to, arrive' to equal with the English prepositions *on* and *into*, and both of them indicate spatial relations. The language unit

上 shàng with the Chinese preposition *在 zài* compose a structure which is equivalent with the English preposition *on* to express the static status of something. Here, from the context, the mirror can be put up on the mountain or laid down the surface of the mountain, thus, the language unit *上 shàng* and the preposition *on* indicate the three dimensional or two dimensional spatial relations. On the other hand, *上 shàng* with the Chinese verb *到 dào* 'go to, arrive' make up a structure akin to the English preposition *into* to express spatial directions. On the basis of the Chinese context, the sun rays will be projected on the surface of the square, and *上 shàng* in example 1 emphasizes that the result and location of the sun ray is on the square reflecting the dimensional spatial relation. However, in example 1a, *into* indicates that the moving routes and directions of the sun ray is from the mountain reflected into the square, so it seems that the sun ray penetrates the surface and enters the inner side of the square, while the English translation reveals that the spatial direction of the sun ray is from a high point to a low point.

(2) *一位中文导游在凡尔赛宫大门处接待我们，并带我们**上楼**。*/ (2a) *A Chinese-speaking guide met us at the palace gate and led us **upstairs**.*

Except for prepositional correlates of *上 shàng*, there are findings where it is used as an adverb either. In example 2, *上 shàng* with the Chinese noun *楼 lóu* 'stair' make up a phrase used as an adverb which reveals spatial directions. In the Chinese context the guide takes the visitors to go to the upper floors. Therefore, *上 shàng* is translated as an adverb *upstairs* showing spatial direction from the bottom to the top.

(3) *2100年以后，海平面还将继续上升，预计在未来几个世纪可能上升好几米。*/ (3a) *Ocean levels would keep on **rising** after 2100 and "several meters of sea level **rise** must be expected over the next few centuries".*

上 shàng can also correlate with verbs and nouns in English. In example 3, *上 shàng* is used with the verb *升 shēng* 'ascend' formed and only used as a verb phrase and equaled with the English translation *rise* which can be used as a noun and a verb. Here, in example 3a, the first *rise* is used as a verb, and the second – as a noun, both expressing the same spatial directions. Therefore, no matter if *上 shàng* is used as a verb or a noun in the English translation, it reflects the same spatial orientation: that the sea level ascends from a low place to a high place.

(4) *在街道上，走在上风口比走在下风口要减少50%的污染。*/ (4a) *Walk on the **windward** side of the street where exposure to pollutants can be 50 percent less than on the downside.*

上 shàng can also be used as an adjective, often accompanied by other words, as in example 4, where it is combined with the noun phrase *风口 fēngkǒu* 'the side that the wind blows' forming a new noun phrase which equals with the English adjective *windward*. The English adjective *windward*, just like *上 shàng* in the noun phrase, indicates spatial direction: the wind blows from the upper side to the downside.

(5) *《哈利波特与死亡圣器》**(上)**预计在2010年底首映，下集则将在2011年与观众见面。*/ (5a) *Part **one** of "Harry Potter and the Deathly Hallows" is due out in late 2010 and part two is planned for release in 2011.*

In the Chinese language, when *上 shàng* is used as a noun, it can also be applied for pointing out the parts, fragments and volumes of the books, scripts, TV series, films and so forth. In this case *上 shàng* is always with its antonym *下 xià* 'below, down,

next, underneath and so on' to stress that the works have two parts, the first one called *上 shàng* and the second one presented by *下 xià*. In example 6a, the book is divided into two parts, the numeral *one* from the *part one* can be replaced by *上 shàng*. If the works are divided into three parts, the language unit *中zhōng*, 'centre, middle, medium' is used, then *上 shàng* and *下 xià* will represent the first and the last part, and the second or the middle part will be replaced by *中 zhōng*. To equal with *上 shàng*, the language units *中 zhōng* and *下 xià* also acquire spatial characteristics, but in this example they are used as numerals in the English language without reflecting any spatial relations.

(6) *当然eBay不属于**以上**任何一种!但是法院需要将法律应用在这个新事物上,关于商标侵权的法律是建立在这些已经过时的分类上的。*/(6a) *Of course eBay is none of **these** things. But courts must apply the law they have, and the case law for trademark infringement is based on these kinds of outdated classifications*.

Unlike in the Chinese language, *上 shàng* can be used as a pronoun in English, but not frequently. In example 6, *上 shàng* is used with the word *以 yǐ* 'used as word formation, always used with nouns to express time, space, direction, location and so on' [7] making up a noun phrase. The examples show that the demonstrative pronoun *these* is equivalent with the Chinese noun phrase *以上 yǐshàng* to replace the previous or above mentioned things. Thus, being reflected as a pronoun in English (examples 6 and 6a) *上 shàng* at the same time doesn't indicate spatial relations.

To sum up, the language unit *上 shàng* with semantic spatial characteristics functions in 3 parts of speech: as a noun, adjective and verb in Chinese. At the same time, it can be reflected in English as 7 parts of speech. However, a number of examples from the BCC corpus indicates that the correlates of *上 shàng* in English are mainly verbs and prepositions with spatial orientations and relations: *on, in, at, to, by, from, off, onto, into, over, up, above, with* and so forth.

These findings suggest the need to a further more detailed research of the peculiarities of spatial cognition displayed in Chinese and English.

LITERATURE

1. 百度百科 [Electronic resource]. – Mode of access: https://baike.baidu.com/item/globalization/5802256. – Date of access: 20.12.2018. (Bǎidù bǎikē).

2. 有道翻译 [Electronic resource]. – Mode of access: http://dict.youdao.com/search?q=noun%20of%20locality%0D%0A&keyfrom=fanyi.smartResult. – Date of access: 20.12.2018. (Youdao translation).

3. 语料库在线 (Chinese CNCORPUS) [Electronic resource]. – Mode of access: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai. – Date of access: 20.12.2018.

4. BCC语料库 [Electronic resource]. – Mode of access: http://bcc.blcu.edu.cn/bi/search/31 – Date of access: 20.12.2018. (BCC Corpus).

5. 惠宇、杜瑞清 新世界汉英大词典(第二版) 缩印本, 北京:外语教学与研究出版社, 2017年, 第1468-1475页。(The New Century Chinese-English dictionary).

6. "在" 的解释 – 在线新华词典 [Electronic resource]. – Mode of access: http://xh.5156edu.com/ html3/9436.html. – Date of access: 10.11.2018. (Xinhua Online dictionary (Modern Chinese dictionary)).

7. "以" 的解释 – 在线新华词典 [Electronic resource]. – Mode of access: http://xh.5156edu.com/ html3/2706.html. – Date of access: 10.11.2018. (Xinhua Online dictionary (Modern Chinese dictionary)).

В. И. Федосова
Воронеж (Россия), ВГУ

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВЕННЫХ ЛИЦ НА ОСНОВЕ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Целью данного исследования является контрастивный анализ наименований родственных лиц на основе брачных отношений в русском и английском языках. Исследование проводилось на основе сопоставительно-параметрического метода. В русском языке в исследуемую группу вошла 21 лексическая единица, в английском – 41, что составило 78 контрастивные пар. Анализ контрастивных пар проводился с использованием введенных в рамках сопоставительно-параметрического метода индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем. Для каждой контрастивной пары был подсчитан также интегральный индекс идентичности лексем, на основе которого сделан вывод о типе переводного соответствия. В исследуемой группе было выявлено 5 эквивалентных, 34 оптимальных, 38 подходящих соответствий, одно приемлемое соответствие, а также 2 отсутствия соответствия, что свидетельствует о выраженной национальной специфике.

На материале толковых и переводных словарей русского и английского языков «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, «Частотный словарь русского языка» С. А. Шарова, «Новый большой англо-русский словарь» под редакцией Ю. Д. Апресяна, «Longman Dictionary of English Language and Culture», «Collins COBUILD English Dictionary», «Cambridge International Dictionary of English» нами было проведено контрастивное исследование наименований родственных лиц, ставших таковыми в результате брачных отношений.

В русском языке в исследуемую группу вошла 21 лексическая единица (*благоверная, баба, деверь, жена, женушка, золовка, зять, младшая жена, муж, муженек, подруга жизни, свояченица, свояк, свекор, свекровь, супруга, супружница, супруг, тесть, теща, шурин).*

Отмеченному количеству русских лексических единиц соответствует 41 английская лексема (*bedfellow, better-half, ball and chain, brother-in-law, consort, daughter-in-law, concubine, father-in-law, fere, feme, good brother, good father, good mother, good sister, goodman, goodwife, husband, hubby, lady, lord, man, mate, marrow, misses, moiety, mother-in-law, mulier, old lady, old man, parent-in-law, partner, son-in-law, sister-in-law, spouse, sultana, squaw, the little woman, wife, wifey, woman, yokefellow).* В общей сложности количество контрастивных пар в данной группе составило 78 пар.

Исследование проводилось на основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований [1]. Для анализа контрастивных пар нами были использованы следующие формализованные параметры, введенные в рамках данного метода Л. В. Лукиной:

- *индекс денотативной идентичности лексем* – соотношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрас-тивной паре;
- *индекс коннотативной идентичности лексем* – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

• *индекс функциональной идентичности лексем* – соотношение совпадающих функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

• *интегральный индекс идентичности лексем* – среднее арифметическое индексов денотативной, индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности [2].

Нами был использован также *индекс множественности соответствий*, под которым вслед за Лукиной мы понимаем количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка [2].

Исследование показало, что количество векторных соответствий в рассматриваемой группе колеблется от 0 до13.

Наибольшее количество соответствий (13) в английском языке было выявлено для русских лексем ***супруга*** *(bedfellow, better-half, consort, fere, lady, mate, marrow, moiety, mulier, partner, spouse, wife, yokefellow)* и ***жена*** *(ball and chain, better half, goodwife, feme, misses, old lady, partner, squaw, spouse, sultana, the little woman, wife, woman).* У русской лексемы ***супруг*** выявлено 12 английских соответствий: *better-half, bedfellow, consort, goodman, fere, husband, lord, mate, marrow, partner, spouse, yokefellow,* у лексемы ***муж*** – 9 соответствий *(bedfellow, goodman, husband, lord, man, mate, old man, partner, spouse*).

Пять лексем русского языка имеют по три соответствия в английском языке (***зять*** *– good brother, son-in-law, brother-in-law;* ***свекор*** *– good father, father-in-law, parent-in-law;* ***тесть*** *– good father, father-in-law, parent-in-law;* ***свекровь*** *– mother-in-law, good mother, parent-in-law;* ***теща*** *– mother-in-law, good mother, parent-in-law*), четыре лексемы данной группы имеют два векторных соответствия (***благоверная*** *– better half, wife;* ***деверь*** *– brother-in-law, good brother;* ***свояченица*** *– sister-in-law, good sister;* ***шурин*** *– brother-in-law; good brother),* 8 лексем – одно соответствие в английском языке *(****баба*** *– wife;* ***женушка*** *– wifey;* ***муженек*** *– hubby;* ***подруга жизни*** *– wife;* ***младшая жена*** *– concubine;* ***золовка*** *– sister-in-law;* ***свояк*** *– brother-in-law;* ***невестка*** *– daughter-in-law;* ***сноха*** *– daughter-in-law).*

Две лексемы английского языка *sister wife* ‘лицо женского пола, состоящее в семейном союзе по отношению к другим женам в обществе, допускающем полигамию’ и *trophy wife* ‘лицо женского пола, молодого возраста, с эффектной внешностью, состоящее в официальном семейном союзе с богатым пожилым человеком и определяющее статус мужа’ оказались относительно русского языка безэквивалентными.

Чтобы определить тип переводного соответствия лексем рассматриваемой группы нами была использована разработанная Д. В. Козельской шкала, согласно которой выделяется 6 категорий возможных переводных соответствий. Так, при значении интегрального индекса идентичности 100 % соответствие считается эквивалентным, при значении индекса от 76 % до 99 % – оптимальным, от 51 % до 75 % – подходящим, от 26 % до 50 % – приемлемым. При значении индекса меньше 25 % соответствия признаются неподходящими. Полное несовпадение индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, ведущее к нулевому значению интегрального индекса, свидетельствует об отсутствии соответствия [3].

Как показал анализ исследуемой группы, в ней выявляются эквивалентные, оптимальные и подходящие соответствия.

В качестве примера эквивалентного соответствия приведем контрастивную пару *муж – husband* и *жена – wife* интегральный индекс которых составил 100 %.

Муж – Husband[1]

- лицо
- мужского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к своей жене

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- лицо
- мужского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к своей жене

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

Жена – Wife

- лицо
- женского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к своему мужу

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- лицо
- женского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к своему мужу

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

[1]При анализе национальной специфики контрастивных пар мы вслед за Л. В. Лукиной проводим семное описание в следующем порядке: денотативные, коннотативные и функциональные семы. Для удобства и наглядности в перечне семы приводятся разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами, функциональные семы приводятся курсивом). При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак «0», что означает, что сема безэквивалентна [2].

Как видно из приведенного описания, у данных контрастивных пар совпадают все семы, в результате чего мы можем говорить, что лексемы, составляющие контрастивные пары, являются эквивалентными.

В качестве примера оптимального соответствия приведем контрастивные пары *женушка – wifey* и *муженек – hubby*:

Жена – Wifey

- лицо
- женского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к мужу

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- **ЛАСКАТЕЛЬНОЕ**
- *разговорное*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

- лицо
- женского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к мужу

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- **СНИСХОДИТЕЛЬНОЕ**
- *разговорное*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

Муженек – Hubby

- *лицо*
- *мужского пола*
- *состоящее в официальном семейном союзе*
- *по отношению к своей жене*

- *НЕОЦЕНОЧНОЕ*
- *ЛАСКОВОЕ*
- *разговорное*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

- *лицо*
- *мужского пола*
- *состоящее в официальном семейном союзе*
- *по отношению к своей жене*

- *НЕОЦЕНОЧНОЕ*
- *ЛАСКОВОЕ*
- *разговорное*
- *общенародное*
- ***устаревающее***
- *общераспространенное*
- *редкое*

Интегральный индекс идентичности лексем рассматриваемой пары составил 83 % и 93 %, что позволяет признать лексемы оптимальными соответствиями.

В качестве примеров подходящего соответствия рассмотрим контрастивные пары *зять – son-in-law* и *муж – lord:*

Зять – Son-in-law

- лицо
- мужского пола
- являющееся мужем дочери, **сестры, золовки**

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

- лицо
- мужского пола
- являющееся мужем дочери

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

Муж – Lord

- лицо
- мужского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к своей жене
- **0**

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- **НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ**
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- лицо
- мужского пола
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к своей жене
- **являющееся хозяином собственности**

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- **ШУТЛИВОЕ**
- ***поэтическое***
- *общенародное*
- ***архаичное***
- *общераспространенное*
- ***неупотребительное***

Для данных контрастивных пар интегральный индекс идентичности лексем равен 61 % и 57 %, что свидетельствует, что данные лексемы являются подходящими соответствиями.

В исследуемой группе также был выявлен пример приемлемого соответствия *жена – squaw* со значением интегрального индекса идентичности лексем 40 %:

Жена – Squaw

- лицо
- женского пола
- 0
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к мужу
- **НЕОЦЕНОЧНОЕ**
- **НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ**
- ***межстилевое***
- *общенародное*
- *современное*
- ***общераспространенное***
- ***высокоупотребительное***

- лицо
- женского пола
- **принадлежащее к племени североамериканских индейцев**
- состоящее в официальном семейном союзе
- по отношению к мужу
- **НЕГАТИВНОЕ**
- **ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ**
- ***жаргонное***
- *общенародное*
- *современное*
- ***американское***
- ***редкое***

В целом в процессе исследования выявлено 5 эквивалентных, 34 оптимальных, 38 подходящих соответствий, одно приемлемое соответствие, а также 2 отсутствия соответствия, что свидетельствует о выраженной национальной специфике исследуемых групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернина, М. А.* Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки. – 115 с.

2. *Лукина, Л. В.* Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках) / Л. В. Лукина : автореф. дис. … канд. филол. наук. 10.02.19. – Воронеж, 2008. – 19 с.

3. *Козельская, Д. В.* Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках / Д. В. Козельская, М. А. Стернина. – Воронеж: Ритм, 2018. – 90 с.

The paper presents a contrastive analysis of the group of names denoting marital relationship. In Russian this group includes 21 lexemes, in English – 41 which in whole make 78 contrastive pairs. Denotational, connotational and functional identity and national peculiarity of each contrastive pair are considered, types of translation correspondences are revealed.

Т. А. Козлова
Минск, МГЛУ

ПОЛЯРНОСТЬ ОЦЕНКИ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА

В статье в сопоставительном аспекте рассматриваются особенности английских, белорусских и русских наименований моральных качеств, в семантике которых лексикографические источники фиксируют значения как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Исследуемые языковые единицы сопоставляются по количеству, принадлежности к лексико-семантическим группам, наличию стилистического компонента. Определяются способы выявления оценки в значении лексемы. Устанавливаются способы экспликации оценки при функционировании данных единиц в художественном тексте.

Человек фиксирует отношение к миру, противопоставляя объекты, факты, события, ценности по двум основным направлениям – хорошее или плохое. Однако устройство мира и его восприятие человеком сложнее, поэтому в языке имеются единицы, в семантике которых зафиксировано как положительное, так и отрицательное начала.

Исследование полярности оценки целесообразно проводить на основе языковых средств наименования моральных качеств, так как данная категория является оценочной. Методом сплошной выборки из лексикографических источников в белорусском языке [1] было выявлено 12 *оценочно амбивалентных* единиц, номинирующих моральные качества, то есть единиц, в семантике которых зафиксированы значения как с положительной, так и с отрицательной оценкой. В русском языке выявлено 16 соответствующих единиц [2], в английском – 15 [3].

Оценочность в семантике исследуемых единиц выявляется благодаря указанию в дефиниции лексемы на синоним или антоним, в семантике которого эксплицируется положительная или отрицательная оценка; благодаря отсылке к другой лексеме, имеющей однозначную оценку; благодаря указанию на соответствие или несоответствие норме, принятой в обществе. Для лексем белорусского языка характерно, что положительная оценка в первом лексикографическом значении представлена у 3 слов, отрицательная – у 6. В русском и английском языках указанное соответствие противоположно: положительная оценка представлена у 9 лексем в русском языке и 11 – в английском, отрицательная – у 6 и 3 лексем соответственно.

При этом противопоставленность оценки наблюдается не только в рамках бинарных оппозиций «положительное–отрицательное», «отрицательное–положительное», но и по направлению «нейтральная оценка–отрицательная оценка» (2 единицы в белорусском языке, по 1 единице в русском и английском языках). Оценка в семантике 1 лексемы белорусского языка изменяется в направлении «нейтральная оценка–положительная оценка». В дефинициях английских лексем нейтральная оценка может присоединяться к положительной, что фиксируется пометой *in a good or neutral sense* (2 слова).

Анализ стилистических помет в словарных дефинициях позволил выявить следующую языковую особенность исследуемых единиц: в белорусском языке оценочно амбивалентные единицы, называющие моральные качества, относятся

преимущественно к стилистически нейтральной лексике (3 слова имеют помету *разг.* в одном из своих значений: *ліслівасць, сярдзітасць, ваяўнічасць*). В русском языке такую помету имеет 1 лексема (*гордость*), 4 лексемы отмечаются как устаревшие в одном из своих значений (*бесстрашие, елейность, смирение, смиренность*). В отличие от белорусского и русского языков в английском языке в словаре [3] 4 лексико-семантических вариантов имеют помету *obs.* (*animosity, familiarity, indifference, sanctimony*), 1 – *arch.* (*assiduity*), 1 – *occas.* (*lowliness*). При этом 11 лексико-семантических вариантов не представлено в словаре [4]. Следует отметить, что поляризация оценки в английском языке произошла за счет смещения в сторону отрицательного фланга шкалы оценок.

Языковые средства номинации моральных качеств с полярной оценкой не представляют единого объединения во всех трех исследуемых языках, а репрезентируют различные лексико-семантические группы. Наиболее равномерно по данным группам распределены лексико-семантические варианты оценочно амбивалентных единиц, называющих моральные качества в белорусском языке, где самой репрезентативной является лексико-семантическая группа «Упартасць» (3 лексемы, две из которых являются языковыми дублетами). В русском языке наряду с лексико-семантической группой «Упрямство» (3 лексемы) наибольшая репрезентативность характерна для лексико-семантических групп «Высокомерие» (4 лексемы), «Смелость», «Нравственность», «Настойчивость» (по 3 лексемы в каждой). Сходства между русским и английским языком наблюдаются в наибольшей репрезентативности лексико-семантической группы «Courage» в английском языке (4 лексемы). При этом в английском языке настолько же репрезентативна лексико-семантическая группа, которая включает языковые единицы, называющие чрезмерное проявление смелости – «Foolhardiness». Более того, тремя лексемами представлена лексико-семантическая группа «Aloofness», однако две единицы представляют собой языковые дублеты.

Наряду с совпадением отдельных лексико-семантических групп в трех языках наблюдается совпадение отдельных оценочно амбивалентных единиц. Общими для трех языков являются соотносимые единицы *гонар – гордость – pride, эканомнасць – экономность – parsimony.* В белорусском и русском языках совпадают соотносимые единицы *ваяўнічасць – воинственность, патрабавальнасць – требовательность, строгасць – строгость, упартасць – упрямство, прамалінейнасць – прямолинейность*; в белорусском и английском языках – пара *стрыманасць – reserve*, в русском и английском языках – пара *церемонность – ceremoniousness*.

Направление изменения оценки в указанных парах практически всегда совпадает, обратное направление оценки наблюдается в паре *упартасць – упрямство,* в паре *прамалінейнасць – прямолинейность* смещение оценки к отрицательной обнаруживается в обоих случаях, однако в белорусском языке изменение происходит по направлению «положительная оценка – отрицательная оценка», а в русском языке – «нейтральная оценка – отрицательная оценка», в паре *церемонность – ceremoniousness* в русском языке оценка изменяется от отрицательной к положительной, в английском – от нейтральной к отрицательной. Таким образом, уникальными с точки зрения наличия оценки в се-

мантике языковой единицы в сопоставительном аспекте являются 7 лексем в белорусском языке (58 % от количества оценочно амбивалентных единиц в белорусском языке),14 лексем в русском языке (70 % от количества оценочно амбивалентных единиц в русском языке), 12 лексем в английском языке (80 % от количества оценочно амбивалентных единиц в английском языке).

Актуализация оценочного компонента происходит при функционировании единицы в тексте. Методом сплошной выборки из произведений художественной литературы второй половины XX в., а также на основе данных национальных корпусов было выявлено 148 словоупотребления оценочно амбивалентных единиц, называющих моральные качества в белорусском языке, 272 – в русском и 137 – в английском языках.

Выявление направления оценки у оценочно амбивалентных единиц, называющих моральные качества, осуществлялось на основе анализа синтаксических и семантических особенностей исследуемых единиц. Так, направление оценки исследуемых языковых единиц можно выявить на основе анализа синтаксических конструкций, в которые они включены. По мнению Н. Д. Арутюновой, в случае частнооценочных наименований собственно конъюнкция соединяет слова, находящиеся на одном полюсе шкалы оценок [5, с. 97]. Данное утверждение позволяет говорить, что в случае включения лексической единицы в ряд других единиц с положительной оценкой, у оценочно амбивалентной единицы объективируется положительная оценка, а в случае включения в ряд лексем с отрицательной оценкой объективируется отрицательная оценка: *Твар [Гужа], як ні дзіўна, не выдаваў нічога:* ***ні*** *асаблівай* ***злосці, ні строгасці, ні*** *якой* ***пагрозы****, толькі вочы былі дужа пільныя і сцюдзёныя* (В. Быкаў. «Знак бяды»). Отношение конъюнкции проявляется и в случае вхождения единицы в синонимические отношения.

В то же время противительная, уступительная и возмещающая конъюнкция соединяет слова, находящиеся на разных полюсах [5, с. 97]. Так, при противопоставлении направление оценки полярно: *It was easy for him to mistake* ***indifference*** *for* ***sympathy*** (G. Greene. «A Burn-Out Case»).

При сравнении оценочно амбивалентные единицы эксплицируют знак оценки, имеющийся в семантике сопоставляемой лексемы или словосочетания: *За жывое ўзяло. Крычаць хочацца. І* ***ўпартасць, як у таго натурыстага каня*** (І. Мележ. «Подых навальніцы»).

Анализ семантики слов, с которыми исследуемые языковые единицы вступают в различные синтагматические связи, позволяет выделить следующие факторы, влияющие на направление оценки в семантике оценочно амбивалентных единиц.

Одним из многочисленных случаев объективации оценки в семантике исследуемых единиц является указание на эмоцию, вызываемую качеством, которое названо исследуемой единицей: объективация положительной оценки происходит в случае, если именуемое качество вызывает положительные эмоции (*задаволены ваяўнічасцю жанчыны; импонировала снисходительность к людям; she was delighted by the success of her bravery*). Если вызываемая эмоция является отрицательной, то и в лексеме, называющей моральное качество, актуализируется отрицательная оценка (*ад упартасці накіпае шаленства; церемонность его угнетала; irritable indifference*).

Подобные отношения наблюдаются при анализе результата, достигнутого с помощью качества, номинируемого исследуемой лексемой: если результат благоприятен, то лексема эксплицирует положительную оценку (*этакое упрямство на руку*), если качество не приводит к должным результатам, то в семантике лексемы объективируется отрицательная оценка (*мяккасцю не адвучыш ад крадзяжу*).

Правомерность утверждения о взаимосвязи направления оценки и вызываемой эмоции или достигнутого результата доказывается положением о том, что эмоциональные, утилитарные, нормативные оценки являются связующим звеном между этическими оценками и внешним миром [6, с. 53].

В тексте вербализуется степень проявления качества, что свидетельствует о соответствии принятому стандарту или несоответствии ему. В последнем случае для белорусского и русского языков высокочастотна актуализация отрицательной оценки через указание на «излишек» качества.

Контекстный анализ позволяет выявить связь с метафорой *вместилище*, предложенной Лакоффом [7, с. 118]. Человеку свойственно накапливать, хранить то, что он считает добром, а в случае его отсутствия стремиться к его получению. В данных случаях в семантике оценочно амбивалентных единиц, называющих моральные качества, эксплицируется положительная оценка. При этом в белорусском и русском языках фиксируется отказ от нежелательных качеств, что свидетельствует в пользу актуализации отрицательной оценки. То, что считают хорошим, открыто демонстрируют, однако если при явном проявлении качества отмечается его неискренность, то направление оценки смещается к отрицательному флангу шкалы (*паказны гонар, a glib assurance*).

Показательным способом экспликации оценки является сочетаемость с другими лексемами, имеющими в своей семантике оценку. Наиболее частотным является сочетаемость с общеоценочными или частнооценочными прилагательными, называющими моральное качество, эмоцию, волеизъявление. В таких случаях исследуемая лексема актуализирует ту оценку, которая представлена в единицах, с которыми она находится в синтагматических отношениях.

Функциональный подход к исследованию семантики оценочно амбивалентных единиц позволяет установить взаимосвязь объективации оценочного компонента в семантике лексемы, называющей моральное качество, и категории лиц, которой данное качество присуще. Так, лексема *гонар* актуализирует положительную оценку при сочетаемости с наименованиями следующих категорий лиц: военные, коммунисты, партийные лица, мужчины и женщины. В русском языке перечень лиц, которые наделяются качеством, именуемым соотносимой лексемой *гордость*, расширяется за счет включения деятелей науки и пролетариата. Сочетаемость лексем *строгасць, патрабавальнасць* с наименованиями лиц руководящих должностей в белорусском языке объективирует отрицательную оценку. В английском языке примеры сочетаемости с наименованиями профессий единичны.

Наряду с синтаксическими и семантическими способами объективации оценки в художественном тексте следует отметить способ иллюстрации значения слова с помощью примера: *Martins couldn't help feeling a certain pride – nobody had ever before referred to him as a novelist; and that sense of pride and importance carried him over the disappointment when Lime was not there to meet him at the airpor* (G. Greene. «The Third Man»).

Анализ словоупотреблений единиц, называющих моральные качества в белорусском, русском и английском языках, позволил выявить отдельные случаи, когда направление оценки установить невозможно: *Затое важнейшымі з ягоных [Сахно] якасцей былі патрабавальнасць і воля* (В. Быкаў.).

Следует отметить, что в художественной литературе данного периода не отмечено ни одного словоупотребления лексем *эканомнасць*, *непакорлівасць, покровительственность, assiduity, lowliness, ceremoniousness, contumacy, sparingness, indifferency*. Единичны примеры словоупотреблений *сярдзітасць, прамалінейнасць, елейность, молодечество, sanctimony, shamefulness*, однако они сохраняют общую тенденцию экспликации оценки. Все выявленные примеры употребления лексем *ліслівасць* и *безадказнасць* в белорусском языке, *parsimony* и *animosity* в английском языке объективируют отрицательную оценку, что свидетельствует о том, что в сознании носителей соответствующих лингвокультур данные лексемы номинируют качество соотносимое с отрицательным флангом шкалы оценок. Именно значение с отрицательной оценкой в семантике данных единиц указано первым в лексикографических источниках белорусского языка, а значение с положительной оценкой не указано в современных английских словарях.

Таким образом, комплексный анализ семантики оценочно амбивалентных единиц, называющих моральные качества, позволил установить, что полярность оценки, зафиксированная в лексикографических источниках, свойственна стилистически разным единицам в белорусском, русском и английском языках, что влияет на частотность употребления данных единиц. Способы экспликации оценки в тексте универсальны, однако оценочный признак, свойственный семантике рассматриваемой лексики, по-разному проявляется при функционировании лексемы в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал. : М. Р. Суднік [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984. – 5 т.
2. Большой академический словарь русского языка: в 23 т. / под ред. К. С. Горбачевича. – 3-е изд. – СПб.: Наука, 2004–2014. – 23 т.
3. The Oxford English Dictionary : in 12 vol. / ed. : A. H. James, Al. Murray. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1961. – 12 vol.
4. Oxford dictionary of English / ed. : C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. – 2088 p.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
6. *Писанова, Т. В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики : эстетические и этические оценки / Т. В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.
7. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

The article is dedicated to a comparative study of evaluative polarity in the semantics of the words denoting moral qualities in the English, Belarusian, and Russian languages. The lexemes under consideration are compared in different aspects, such as quantity, stylistic reference, lexico-semantic group reference. The ways of defining evaluation in the semantics of the given words are provided. The article reveals the peculiarities of the semantics of the words functioning in the literature of the XX c.

А. А. Куц
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОБЕДЫ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (на материале белорусского и русского языков)

В статье описаны особенности семантики языковых средств обозначения победы в сопоставительном аспекте. В результате семного анализа дефиниций *победы* и *перамогі* обнаружено сходство в семантике языковых единиц. При исследовании функционирования обозначений победы в тексте выявлены семантические особенности, которые указывают на национально-культурную специфику этих понятий. На основании данных языка и речи, полученных в результате анализа, структурируется лексическое понятие *победа – перамога* с учетом национально-культурных особенностей.

Лексикографическое значение в силу традиций составления словарных толкований (фиксация действительно значимых, наиболее общих признаков лексического значения слова) и определенных обстоятельств (отсутствие последовательно разработанной теории семантического анализа слова, результирующая в примеры порочного круга и взаимоотсылок при толковании слов [1, с. 240] (например *перамога* – ‘поўны поспех, трыумф’ [2, т. 4, с. 202]; *трыумф* – ‘бліскучы поспех, выдатная перамога’ [2, т. 5, с. 537])), всегда оказывается по объему меньше значения в сознании носителей языка [3, с. 67]. Другими словами, лексикографическое значение содержит лишь минимальный набор наиболее существенных, типичных, общеизвестных семантических признаков подлежащего толкованию явления, что «свидетельствует о несводимости значения слова к его толкованию» [3, с. 67]. Данное утверждение подтверждается случаями, когда словарь не может предложить переводчику словарное соответствие, требуемое по контексту. Следовательно, в данной статье речь пойдет о лексическом понятии, так как «значение слова стремится к понятию как к своему пределу» [4, с. 13].

Значение слова следует отграничивать от его употребления, так как «употребление не равноценно значению, в нем скрыто много смысловых возможностей слова» [5, с. 21]. Согласно В. В. Виноградову, значение слова зависит от свойств части речи, грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения слова с синонимами и с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова [6, с. 165]. Исходя из этого, исследование значения слова представляется целесообразным проводить на основе анализа его функционирования, так как многие семантические признаки/семы слова (периферийные, потенциальные, реже ядерные), отсутствующие в словарных дефинициях, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова [3, с. 67] (признаки *бліскучая, феерычная, вызначальная* и др. в значении белорусского слова *перамога*). О зависимости

значения от тех контекстов, в которых выступает слово также писал Д. Н. Шмелев: «собственное значение слова – это искусственная абстракция, так как значение всегда обусловлено контекстом» [1, с. 156].

Отдельно взятая лексическая единица и ее план содержания принадлежат уровню языка, а ее словоупотребление в тексе – уровню речи. Рассмотрим и сопоставим семы слов *перамога* и *победа* на уровне языка и речи в белорусском и русском языках. Признавая текст культурологическим феноменом, полагаем, что как потенциал слова в целом, так и культурологический потенциал раскрывается именно при его употреблении в тексте, и выявляется при сопоставлении с другими языками.

Следующие лексико-семантические варианты слова *победа* включены в дефиниции современных толковых словарей русского языка: К. Крапівы ‘1) Поспех у змаганні (вайне, баі і пад.). // Поспех у працоўным або спартыўным спаборніцтве. // Поспех у ажыццяўленні чаго-н., дасягнуты ў выніку барацьбы, пераадолення якіх-н. цяжкасцей; 2) Поўны поспех, трыумф’ [2, т. 4, с. 202]; І. М. Бунчука: ‘1) Поспех у бітве, вайне, поўнае па-ражэнне праціўніка; 2) Поспех у барацьбе за што-н., ажыццяуленне чаго-н ў выніку барацьбы, пераадолення чаго-н.’ [7, с. 467]; І. Л. Капылова ‘1) Поспех у бітве, вайне, поўнае паражэнне праціўніка; 2) Поспех у барацьбе за што-н., ажыццяуленне, дасягненне чаго-н. у выніку барацьбы, пераадолення чаго-н.’ [8, с. 585]. При сопоставлении словарных дефиниций можно вычленить следующие семы: 1) указание на *препятствие*; 2) указание на *преодоление препятствия*; 3) указание на *успех* как *результат*; 4) указание на *поражение противника*.

Следующие лексико-семантические варианты слова *перамога* включены в дефиниции современных толковых словарей белорусского языка: С. И. Ожегова ‘1) Успех в битве, войне при полном поражении противника. 2) Успех в борьбе за что-н., осуществление, достижение чего-н.’ [9, с. 429–430]; Д. Н. Ушакова ‘1) Одержать победу над кем-чем-н., нанести поражение противнику’ [10, с. 698]; Т. Ф. Ефремовой ‘1) Успех в бою, в битве, закончившийся полным поражением противника. // Успех в спортивном состязании, соревновании, закончившийся поражением соперника. 2) перен. Успех в борьбе за что-л. Какое-л. достижение в результате борьбы, преодоления чего-л.’ [11, т. 2, с. 754]. При сопоставлении словарных дефиниций можно вычленить следующие семы: 1) указание на *препятствие*; 2) указание на *преодоление* препятствия; 3) указание на *успех* как результат; 4) указание на *поражение противника*.

Сопоставив лексикографические дефиниции слова *перамога* и *победа*, можно констатировать полное совпадение сем в обоих языках.

На основании корпусных данных белорусского [12] и русского [13] языков было отобрано по 100 газетных контекстов для выявления семантических особенностей функционирования имени существительного *победа* и всех его словоформ в речи. Под *контекстом* понимается «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. Иначе говоря, контекст есть фрагмент текста минус определяемая единица» [14, с. 238]. Отбор контекстов производился методом сплошной выборки. Временные рамки отбора контекстов – 2012 год.

Из числа газет, представленных в корпусе, для исследования отобраны максимально равнозначные: белорусскоязычная «Звязда» и русскоязычная «Известия».

Актуальность исследования функционирования языковых единиц обозначения победы в газетном тексте заключается в том, что он охватывает большое число событий, фактов, явлений, моментально реагирует на любые социальные и языковые изменения. Большое количество авторов позволяет представить языковые возможности во всем разнообразии, что, в свою очередь, приводит к наиболее полной актуализации значений слова *победа*.

Семный анализ словарных дефиниций позволяет выделить следующие темы: военная, спортивная, бытовая (сема ‘труд’). При анализе контекстов удалось выявить дополнительные темы, в которых актуализируется слово *победа*: политическая и религиозная. Полная таблица в процентном соотношении на 100 контекстов представлена следующим образом.

	«Звязда» Белорусский язык	«Известия», Русский язык
Спортивная	50	43
Бытовая / Социальная	34	13
Политическая	9	22
Военная	6	2
Религиозная	1	1
Правовая	–	5

Согласно таблице, в белорусской языковой действительности победа в первую очередь связывается со спортом, а потом – с социально-бытовой тематикой. В русской языковой действительности победа также связывается в основном со спортом, но на втором месте идет политика. В русскоязычном материале дополнительно выделена правовая тематика.

Актуализация победы распространяется на названия **мест** (**бел:** Плошча перамогі (4); парк Перамогі (3); астаноука парк Перамогі; **рус:** Площадь Победы (1); Парк Победы (2); Красная площадь (2). Памятные места употребляются в основном с семой ‘свята’; **событий** (**бел:** Дзень перамогі (3)[1]; перамога Расіі у 1812 (1); перамога Петра 1 над шведамі (1); **рус:** День Победы (4); Отечественная война 1812 (4); Великая Отечественная Война (4); Парад Победы (1). С победой связываются определенные **деятели,** разные в отобранном материале двух газет (**бел:** Лукашэнка (11); Азаранка (6); Максім Мірны (5); Сувораў (1); Уго Чавес (2); Напалеон (2); **рус:** Путин (8); Медведев (2); Шарапова (4); Зюганов (1). Среди наиболее употребляемых имен являются имена действующих глав государств Беларуси и России.

Победа **актуализируется во времени** (**бел:** *да Перамогі было* ***так далёка****; разлічвала на* ***больш «хуткія» секунды****; Перамогі на выбарах дабіваюцца* ***не ў дзень*** *выбараў*; **рус:** ***быстрая*** *победа;* ***очень долго*** *ждал своего часа*) и **в пространстве** (**бел:** *Плошча перамогі; парк Перамогі; астаноўка парк Перамогі;*

[1]Цифрами отмечено количество употреблений на 100 контекстов.

у гасцях; **рус:** *поле (8); Красная площадь (2); электоральное поле; ринг; Площадь Победы; Парк Победы*) и является составной частью событий, реализующихся в следующих **форматах проведения** (**бел:** *конкурсы (13); чэмпіянаты (12); турніры (9); алімпіяды (5); святы (5); кампаніі (1); турзлеты (1); выставы (1)*; **рус:** *встречи (7); игры (6); матчи (39); олимпийские игры (1); Еврокубки гонок; Ролан Гаррос; Евро-2008).* Примечательно, что русской прессе упоминаются конкретные названия спортивных событий, в белорусской – нет.

В качестве **субъектов** победы может выступать как **конкретное лицо** (**бел:** *Азаранка (6); Максім Мірны (5); Напалеон (2)*; *Зюганов (1); Суораў (1); Уго Чавес (2); экс-чэмпіён (1);* **рус:** *капитан (4); Мария Шарапова (4); тренер (10); главный тренер (6); кандидат (2); лауреат (4),* так **группы лиц** (**бел:** *гамяльчане (3); савецкі народ; дуэт; каманда; кандыдаты; гросмайстры; цукровыя прадпрыемствы; апазіцыйны блок; брацкія народы; краіна*; **рус:** *коллектив (1); клуб (18) ; Эппл (компания); команды (3); партии (6); регион (6); страна (18); народ (5)*, так и **абстрактные сущности** (**бел:** *Гэта свята ўсяляе веру ў перамогу* ***дабра****; «Перамога* **дэмакратыі**» *ў Егіпце*). Следовательно, *победа* – антропоцентрична, это явление социальное и вне человеческой деятельности неосуществимо.

В некоторых случаях *победа* выступает не в качестве объекта (предмета на которое направлено действие), а в качестве **субъекта** (**бел:** *перамога* ***натхніць*** *нашых алімпійцаў; промнямі радасці і перамогі ўсё жыццё* ***асвятляць****; перамога 3:2* ***давала*** *перад гасцявым паядынкам пэўныя гарантыі; Перамога савецкага народа ў вайне, з выключнай сілай* ***паказала*** *ўсю веліч, жыццездольнасць і ўстойлівасць совецкага грамадскага і дзяржаўнага ладу;* **рус:** *победа «Спартака», которая* ***позволила*** *красно-белым набрать первые очки … и сохранить шансы; победа* ***вывела*** *Федерера на первую строчку в мировом рейтинге*; *Удивление* ***вызвала*** *победа; Эта победа* ***помогла*** *римскому клубу попасть в еврокубковую зону; Победа в чемпионате России* ***обеспечивает*** *спортсмену гарантированное участие в Олимпийских играх; Все зависело от условий, в которых приходилось работать политтехнологам, и ресурса, который* ***могла*** *принести победа).* Олицетворение победы свидетельствует о ее исключительной важности в жизни общества и отдельно взятого человека.

Победе обязательно предшествует этап, в котором рассчитывающие на победу прилагают определенные силы и используют свои знания, умения и навыки (**бел:** *дзякуючы* ***надзейнасці*** *і* ***выдатнай якасці****; дзякуючы* ***умеламу кіраўніцтву****; перамагае пры іншых роўных умовах той, хто* ***мае стратэгію****; галавакружныя* ***трукі*** *і віртуозная* ***тэхніка****;* ***мэтанакіраванасць, самаддача*** *і* ***воля*** *да перамогі вызначаюць сапраўднага спартсмена;* **рус:** *иметь дополнительную* ***мотивацию****; быть по-хорошему* ***нетерпеливой****; играть* ***не слишком экономно****; затрачивать* ***максимальную энергию*** *для удара;* ***самоотдача*** *наших; медаль далась значительно тяжелее).* Данные примеры позволяют выделить архисему ‘труд’, которая включает в себя семы ‘целенаправленная деятельность человека’; ‘усилие, умственное или физическое, направленное на достижение чего-либо’. Помимо этого, выделена сема ‘обязательное владение отличитель-

ными способностями, положительными человеческими качествами'. Что примечательно, согласно примерам в спорте даже отрицательные качества рассматриваются положительно, если они способствуют победе: *дзяўчаты* ***па-спартыўнаму агрэсіўныя****, змагаюцца за кожны мяч; я хацеў* ***агрэсіўную абарону*** *адаптаваць пад іх характар.*

Актуализация победы также проявляется в **действиях**, которые можно разделить на 3 периода: а) предшествующие победе, б) знаменующие победу, и в) следующие за победой: (**бел:** а) *настройвацца (2); прадказаць (1); рабіць стаўкі на (1)*; *павіншаваць (6); імкнуцца (1);* б) *дасягнуць (4); атрымаць (3); дабівацца (2); прабіцца ў васьмёрку мацнейшых; зарабіць; здабыць*; **рус:** а) *рассчитать (2); надеяться (8); прочить (2); думать о (1); бороться (1); играть на победу (1);* б) *одержать (5); выбить победу из рук коммунистов (1); вырвать (1); купить (1); добиться (6); сыграть на победу; обеспечить (2); упустить (2); отдать (1);* в) *оценить (1); праздновать (2); радоваться (2); признать(1).* Данные характеристики позволяют выделить сему 'деятельность как обязательный компонент победы'.

Актуализация распространяется на **эмоционально-оценочные компоненты значения** *победы* (**бел:** *абсалютная (1); вырваная з дзірваном (1); пераканаўчая (1); упэўненая (2); мінімальная (1); нервовая (2); безагаворачная (1); выдатная (2); бліскучая (2); сенсацыйная (1); шматлікая (1); заслужаная (2); вызначальная (1); важная (1)*; *феерычная (2);* **рус:** *убедительная (2); крупная (1); легкая (1); разгромная (1); гигантская (1); большая (1); номенклатурная (1); безоговорочная (2); жесткая (1); настоящая (2).* Эти слова обладают ярко-выраженной положительной оценочной коннотацией, что позволяет выделить сему 'значимое событие'.

Лексическое окружение *победы*, обозначающее эмоциональное состояние, материальные и духовные блага, положение в обществе, позволяет выделить архисему **'результат' (бел:** *расплата за перамогу; вядомасць на ўвесь свет; выдатны вынік; атрымала «золата» – сапраўдны залаты злітак*; *яе перамогі на міжнароднай арэне – гонар, на які працавалі ўсе каманды* **рус:** *радость; счастливые лица; выиграть титул; высокие гонорары; деньги из бюджета на развитие инфраструктуры города; Премия составила 300 тыс. рублей; приз, денежный эквивалент которого 900 тыс. рублей; вырваться в лидеры; первое место; мировое первенство; показать стопроцентный результат; культовая фигура; выйти на чистое первое место; налаживать контакты; первая строчка в мировом рейтинге; укрепить свои позиции*). В русскоязычной газете в качестве результата превалируют лексические средства, обозначающие материальные блага в виде денежных средств, а в белорусскоязычной газете упоминаются духовные блага и положение, обретаемое в связи с победой.

Таким образом, актуализация является сложным явлением и реализуется в контексте. Актуализация способствует проявлению тех или иных сем значения слова, которые проявляются только на уровне речи. За счет сем, выделенных на основании данных языка и речи, представляется возможным выделить следующее лексическое понятие победы: *значимое социальное событие, нео-*

существимое вне человеческой деятельности, которое подразумевает наличие определенных положительных качеств у человека и целенаправленное применение усилий, умственных или физических, нацеленных на успешное преодоление препятствия в спортивной, бытовой, политической, военной, правовой или религиозной сферах. Результатом этого выступают одновременно два плана: положительный для стороны, одержавшей победу, и отрицательный для стороны потерпевшей поражение. Положительный/отрицательный план подразумевает овладение/потерю материальными либо духовными благами, обретение/потерю статуса в обществе. Победа обладает хронотопом, в разных культурах связывается с разными историческими личностями, местами и событиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – Изд. 4-е. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 280 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульн. рэд. А. А. Арціховіча (К. Крапівы). – Мінск : БСЭ, 1977–1984. – 5 т.
3. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин, –М. : Восток–Запад АСТ, 2007. – 314 с.
4. *Степанов, Ю. С.* Основы общего языкознания : учеб.пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
5. *Виноградов, В. В.* Русский язык : грамматическое учение о слове : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / В. В. Виноградов. – М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
6. *Виноградов, В. В.* Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избр. труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162–189.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / Нац. акадэмія навук Беларусі, І-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульн. рэд. І. М. Бунчука [і інш.]. – 4-е выд. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя, 2005. – 783 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / Нац. акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў бел. культуры, мовы і літаратуры, ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа ; пад рэд. І. Л. Капылова [і інш.]. – Мінск : БЭ, 2016. – 967 с.
9. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : Оникс Мир и Образование, 2010. – 736 с.
10. *Ушаков, Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2007. – VIII, – 1239 с.
11. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный : Св. 136 000 слов. ст. : Ок. 250 000 семант. единиц : В 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 2 т. – (Библиотека словарей русского языка : А).
12. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://bnkorpus.info. – Дата доступа : 22.06.2016.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/new/. – Дата доступа : 22.06.2016.

In the article the notion of victory is being analyzed indicated. Semantic features of victory language means are investigated and compared. The research is carried out within newspaper corpus contexts belonging to the Belarusian newspaper ‘Звязда’ and to the Russian newspaper ‘Известия’.

В. В. Степанова
Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

СУБСТАНТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ-КОМПОЗИТЫ С КОМПОНЕНТОМ ‘GLAS’

В статье рассматривается состав и структура немецких субстантивных терминов-композитов с компонентом ‘Glas’ с учетом их использования в разных типах профессионального дискурса стекольной промышленности, а именно в собственно профессиональном и смешанном профессиональном дискурсах. Приводится идеографическая классификация терминологической лексики для обоих типов дискурса, в рамках которой устанавливаются сходства и различия в составе терминов. Анализируется процентный состав терминов-композитов с разным числом компонентов по отношению к общему числу терминов в каждом из рассматриваемых дискурсов. Делается вывод о численном превосходстве двухкомпонентных терминов в собственно профессиональном и смешанном профессиональном дискурсах. Приводятся различные варианты перевода компонента ‘Glas’ на русский язык в зависимости от занимаемой в сложном термине позиции.

В данной статье наше исследовательское внимание будет сосредоточено на анализе немецких субстантивных терминов-композитов, содержащих компонент ‘Glas’ ‘стекло’. Рассматриваемые термины представляют терминологию стекольного производства, которая составляет основу специальной лексики, используемой в профессиональном дискурсе стекольной промышленности. Однако отраслевой профессиональный дискурс (ОПД) по своей структуре неоднороден; в нем, в зависимости от профессиональной специализации коммуникантов и, как следствие, использования ими соответствующей терминологии, можно выделить несколько типов дискурсов [1, с. 138]. Поэтому в нашем исследовании мы рассмотрим состав и структуру терминов-композитов с компонентом ‘Glas’ с учетом их использования в различных типах профессионального дискурса стекольной промышленности, а именно в собственно профессиональном (техническом и технологическом) и смешанном профессиональном (административно-юридическом) дискурсах, а также проанализируем варианты перевода компонента Glas в различных позициях.

Термины были отобраны методом сплошной выборки из текстов, представляющих собой описание технологии и компонентов стекольного производства [2] (технический и технологический дискурс), а также из нормативного документа, в котором представлены правила техники безопасности на рабочем месте [3] (административно-юридический дискурс), находящихся в свободном доступе в сети Интернет.

На основе анализа собранных композитов была составлена следующая идеографическая классификация терминов:

1. Термины, обозначающие понятия, характеризующие свойства стекла/стекломассы (в процессе производства). Термины данной группы представлены в рассматриваемых контекстах неодинаково. В нормативном документе упоминается только *die Glastemperatur* – ‘температура стекла (стекломассы)’, в то время как в техническом помимо этого термина присутствуют еще *die*

Glasqualität – ‘качество стекла’ и *die Glasviskosität* – ‘вязкость стекла’. Этот факт говорит о том, что в контексте обеспечения безопасности на рабочем месте температура стекла имеет наибольшее значение, тогда как в описании технологии производства значимы все параметры.

2. Термины, обозначающие фрагменты производственной линии (крупные единицы оборудования). В обоих контекстах упоминается стекловаренная печь, однако в нормативном документе используется только термин *die Glaswanne* – ‘стекловаренная ванная печь’, который является достаточно общим и не отражает специфики конкретного производства. В техническом контексте представлены шесть подобных терминов: *die Glasschmelzanlage* – ‘установка для варки стекла’, *die Glasschmelzwanne* – ‘стекловаренная ванная печь’, *der Glasschmelzofen* – ‘стекловаренная печь’, *die Floatglaswanne* – ‘печь для производства листового стекла’, *die Hohlglaswanne* – ‘ванная печь для сортового стекла’, *die Cold-Top-Glasschmelzwanne* – ‘стекловаренная печь с холодным сводом’. В этих терминах в разной степени отражаются особенности производства (указывается тип производимого стекла *Floatglas* – ‘листовое стекло’, *Hohlglas* – ‘полое стекло’ или тип конструкции *Cold-Top* – ‘холодный свод’). Логично, что в описании технологии и компонентов производства необходимо соблюдать предельную точность, поэтому спектр используемых специалистами наименований стекловаренной печи достаточно широк, в то время как в нормативном документе упоминается лишь общее название печи для отсылки к ней как к источнику опасности. В нормативном документе также упоминаются еще несколько единиц оборудования, однако они также имеют обобщенный характер, указывают не на конкретную единицу оборудования, а на существование такого оборудования в принципе: *die Hohlglasherstellungsmaschine* – ‘машина для производства полого (пустотелого) стекла’, *die Heißend-Glasvergütungseinrichtung* – ‘оборудование для повышения качества стекла на горячем конце’, *die Heißend-Glasprüfmaschine* – ‘машина для контроля стеклоизделий (стекла) на горячем конце’.

3. Термины, обозначающие типы стекла (по химическому составу, назначению и т. д.). С одной стороны, в обоих контекстах наблюдается присутствие идентичных терминов, например, *das Hohlglas* – ‘сортовое (полое, пустотелое) стекло’, *das Flachglas* – ‘листовое стекло’, с другой стороны, в рассматриваемом нормативном документе обнаруживается полное отсутствие терминов, обозначающих типы стекла по химическому составу, тогда как в техническом документе они присутствуют в большом количестве: *das Bleikristallglas* – ‘свинцовое хрустальное стекло’, *das Fluoropalglas* – ‘фтористое опаловое стекло’, *das Borosilikatglas* – ‘боросиликатное стекло’ и др. В описании технологии и компонентов производства присутствуют также термины, обозначающие расположение стекла (стекломассы) в пространстве в тот момент, когда оно еще находится в процессе производства: *das Bodenglas* – ‘придонное стекло’, *das Oberflächenglas* – ‘поверхностный слой стекломассы’. В нормативном документе эти термины не обнаруживаются.

4. Термины, обозначающие изделия из стекла. В нормативном документе представлено достаточно большое количество как общих названий изделий из стекла, так и их наименований: *das Kleinglas* – ‘мелкие изделия из стекла’, *das Behälterglas* – ‘стеклянная тара’, *das Konservenglas* – ‘стеклянная консервная банка/широкогорлая банка’, *das Verpackungsglas* – ‘стеклянная тара/тарное стекло’, *das Trinkglas* – ‘стакан’, *der Glasbaustein* – ‘стеклоблок‘, *die Glasflasche* – ‘стеклянная бутылка’, *das Einscheibensicherheitsglas* – ‘однослойное безопасное стекло/закаленное стекло’ и др. В техническом тексте количество подобных терминов меньше примерно в два раза. Предположительно, это можно объяснить тем, что в описании технологии производства в большей степени необходимо показать, как и из чего производят тот или иной тип (вид) стекла, а не то, какие именно изделия получают в итоге. В то же время для обеспечения безопасности на рабочем месте большое значение имеет то, с какой именно продукцией (изделием из стекла) имеет дело работник.

5. Термины, обозначающие процессы, элементы оборудования и прочие понятия, связанные с обработкой, физическими параметрами стекла (стекломассы). В данной группе наблюдается численное превосходство терминов, обнаруженных в техническом документе (их больше почти в два раза). И если термины из нормативного документа охватывают в основном те моменты, которые связаны с нанесением потенциального вреда здоровью, например, *der Glassplitter* – ‘осколки стекла/битое стекло’, *der Glasstrahl* – ‘поток стекла’, *der Glastropfen* – ‘капля стекла’, *die Glaspartikeln (Pl)* – ‘частицы стекла’ и др., то термины-композиты, найденные в технических документах, освещают все аспекты, связанные с воздействием на стекломассу и различными параметрами, ее характеризующими: *der Glasstand* – ‘уровень стекла (стекломассы)’, *die Glasmenge* – ‘порция стекломассы’, *die Glasentnahme* – ‘забор стекломассы’, *die Glasströmung* – ‘поток стекломассы’, *die Glasstandsmessung* – ‘измерение уровня стекла (стекломассы)’, *die Glasstandsregelung* – ‘регулирование уровня стекломассы’, *der Glasstandsregler* – ‘регулятор уровня стекломассы’ и др.

6. Термины, обозначающие отрасль деятельности и вид деятельности. Самая малочисленная группа терминов: в нормативном документе обнаружено три термина, два из которых являются синонимичными: *die Glasindustrie* – ‘стекольная промышленность’, *die Hohlglasproduktion/die Hohlglasherstellung* – ‘производство полого (пустотелого) стекла’. В техническом документе обнаружен всего один термин: *die Glasindustrie* – ‘стекольная промышленность’. Данные термины, несмотря на свою малочисленность, являются своеобразной системой координат, определяющей сферу деятельности, о которой идет речь в каждом конкретном контексте.

Среди отобранных терминов (как из нормативного, так и из технических документов) можно выделить двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные сложные термины. Процентное соотношение терминов-композитов с различным количеством компонентов к общему числу терминов, обнаруженных в исследуемых текстах, представлено ниже в таблице.

Удельный вес субстантивных терминов-композитов

Число компонентов	Нормативный Документ, %	Технический Документ, %
2	73,2	48
3	12,2	40,4
4	9,7	9,6
5	4,9	2

Из приведенной выше таблицы видно, что в нормативном документе обнаруживается преобладание двухкомпонентных терминов (73,2 %), трехкомпонентных терминов насчитывается всего 12,2 %, что на 61 % меньше, чем двухкомпонентных. В технических текстах ситуация немного иная: здесь двухкомпонентных и трехкомпонентных терминов 48 % и 40,4 % от общего числа соответственно; при этом разница между ними составляет всего 7,6 %.

Безусловно, приведенные в данной таблице результаты не являются окончательными, поскольку при анализе большего количества текстов процентные соотношения могут измениться.

Компонент ‘Glas’ может занимать любую позицию в сложном термине. Занимая первое место в композите, компонент ‘Glas’ выполняет чаще всего определительную функцию по отношению ко второму (или последующим компонентам) и переводится на русский язык следующим образом:

1) прилагательным:

- ‘стекольный’ (*die Glasindustrie* – ‘стекольная промышленность’) [4];
- ‘стеклянный’ (*die Glasflasche* – ‘стеклянная бутылка’) [4];
- ‘стекловаренный’ (*die Glaswanne* – ‘стекловаренная ванная печь’) [4];

2) существительным:

- ‘стекло’ в родительном падеже (*die Glasviskosität* – ‘вязкость стекла’) [5] или с предлогом (*die Glaswaren (Pl)* – ‘изделия из стекла’) [4];
- ‘стекломасса’ в родительном падеже (*die Glasstandsregelung* – ‘регулирование уровня стекломассы’) [5] или с предлогом (*das Glasbad* – ‘ванна со стекломассой’) [5];

3) субстантивным композитом (*der Glasbaustein* – ‘стеклоблок‘) [4].

Занимая вторую (последнюю) позицию, компонент Glas, как правило, выступает в роли определяемого и обозначает либо тип производимого стекла, либо изделие из этого стекла. На русский язык может переводиться следующим образом:

1) существительным ‘стекло’ (*das Ornamentglas* – ‘орнаментное (узорчатое) стекло’) [5];

2) прилагательным ‘стеклянный’ (*das Behälterglas* – ‘стеклянная тара’) [4];

3) описательным оборотом при отсутствии зафиксированного в словаре перевода и невозможности определить перевод композита по его компонентам (*das C-Glas* – ‘стекло с повышенной химической устойчивостью’).

Интересным представляется также порядок перевода сложных немецких терминов с компонентами на английском языке. Например, перевод термина *die Cold-Top-Glasschmelzwanne* не был обнаружен нами ни в одном словаре. Однако был найден английский термин *cold top glassmelter*, что переводится как ‘стекловаренная печь с холодным сводом’, а поскольку *glassmelter* это и есть *Glasschmelzwanne*, то логично предположить, что и немецкий термин переводится как ‘стекловаренная печь с холодным сводом’.

Итак, по результатам нашего исследования была разработана идеографическая классификация терминов-композитов с компонентом ‘Glas’. В нее вошли шесть групп терминов, обозначающих: понятия, характеризующие свойства стекла/стекломассы (в процессе производства), фрагменты производственной линии (крупные единицы оборудования), типы стекла (по химическому составу, назначению и т. д.), изделия из стекла, процессы, элементы оборудования и прочие понятия, связанные с обработкой, физическими параметрами стекла (стекломассы), отрасль деятельности и вид деятельности.

Анализ также показал, что в каждом из типов текстов преобладают двухкомпонентные термины-композиты, однако процент их содержания в нормативном документе гораздо выше, чем в техническом (73,2 % и 48 % соответственно).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанова В. В.* О типах отраслевого профессионального дискурса / В. В. Степанова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – Гомель, 2019. – № 1 (112). – С. 137–140.
2. SORG [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sorg.de – Дата доступа : 20.11.2018.
3. DGUV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://publikationen. dguv.de/dguv/pdf/10002/bgr230.pdf – Дата доступа : 05.01.19.
4. Мультитран [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www. multitran.com. – Дата доступа : 17.09.19.
5. Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://translate. academic.ru. – Дата доступа : 17.09.19.

The article deals with the composition and structure of German noun compound terms with the component ‘Glas’ taking into account their use in different types of glass industry professional discourse. The ideographic classification of compound terms is suggested. The author points out different translations of the component ‘Glas’.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Л. С. Крохалева
Минск, МГЛУ

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КАТЕГОРИАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается проблема типологического потенциала общетекстовых стилистических категорий информативности, субъективной модальности, диалогичности. В качестве непосредственного объекта анализа избраны описательные фрагменты художественной прозы, в которых исследуется специфика реализации категории информативности в одном из ее возможных вариантов – конкретизирующей содержательно-фактуальной информации. Выявлены языковые средства актуализации семантического параметра конкретизирующей фактуальности на лексическом и грамматическом уровнях.

Категориально-стилистический подход является в настоящее время одним из основных направлений в дискурсивно-стилевой парадигме исследования конкретных речевых разновидностей текста. Его появление и развитие стало логическим продолжением «процесса осознания недостаточности опоры на уровневую единицу стилистического анализа» [1, с. 96] и поиска универсальных обобщающих параметров, способных атрибутировать жанр/тип текста не только в функционально-стилевом, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Для текстов, функционирующих в сфере научной коммуникации, в рамках данного направления уже разработан свой понятийный аппарат и в целом определен основной репертуар единиц анализа – т. н. *функциональных семантико-стилистических категорий* (оценки, авторизации, акцентности, гипотетичности, точности и др.), организующихся по принципу их целевого назначения и коммуникативно-прагматической специфики в конкретном жанре, иными словами – обладающих определенным текстотипологическим потенциалом (работы М. М. Кожиной, Е. А. Баженовой, Н. П. Котюровой, В. Е. Чернявской, Т. П. Карпилович).

Что касается категориально-стилистической трактовки художественных текстотипов, то она затруднена в связи с различными подходами, а также степенью разработанности обобщающих свойств, позиционируемых в качестве категорий художественно-речевого целого. В подавляющем большинстве постклассических исследований дифференциальные признаки текстов, функционирующих в сфере вербального искусства, выявляются в ходе изучения способов языковой экспликации традиционно описываемых общетекстовых категорий, структура содержания которых (т. н. *категориальных полей*) позволяет сместить фокус исследовательского внимания в сторону собственно коммуникативного аспекта. Это, прежде всего, *категория диалогичности*, трактуемая как универсальный функционально-стилевой параметр текста вообще (М. Н. Кожина [2]), а также *категории субъективной модальности и информативности*.

Так, интерпретация художественного текста с дискурсивно-диалогических позиций осуществляется на базе описания различных видов интерсубъектных и интертекстовых/интердискурсивных диалогов, а также выявления языковых маркеров субкатегорий авторизации и адресованности, актуализирующих два основных компонента коммуникативной цепи – адресанта и адресата (Т. Ф. Плеханова, Н. В. Петрова, О. П. Воробьева, Е. А. Гончарова, Н. Л. Романова и др.).

В рамках набирающего силу лингвопоэтического направления в качестве единицы анализа используется исконно литературоведческая категория полифонии, разработанная в трудах М. М. Бахтина на основе художественно-речевого целого. При этом типы дилогических отношений исследуются как на собственно языковом, так и на композиционно-образном и тематическом уровнях, что помогает снять условные границы между лингвистическим и литературоведческим подходами в ходе широкого общефилологического толкования текста [3].

Что касается категории субъективной модальности, то данные, полученные в ходе сопоставительного исследования специфики реализации когнитивно-речевого субъекта в художественной, научной и медийной сферах, позволяют говорить о полисубъектной и, соответственно, полимодальной структуре художественного повествования в отличие от моносубъектных, не осложненных дополнительными модальными обертонами структур авторской речи в медийном и научном дискурсах [4; 5; 6; 7].

Категория информативности в ряду дискурсивно-стилистических категорий исследована достаточно фрагментарно, что объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью самой проблематики дискурсивных/коммуникативных категорий как единиц анализа художественного текста (подробный анализ проблем дискурсологии и описание репертуара «научных» коммуникативных категорий см. в монографии Т. П. Карпилович [8]), условностью границ между ними, качественной неоднородностью текстовой информации, её осложнённостью многочисленными факторами коммуникативно-дискурсивного характера, важнейшим из которых является субъективно-авторское преломление объективной действительности.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные со спецификой языковой экспликации смыслового поля стилистико-текстовой категории информативности, реализуемой в описательных контекстах художественного прозаического произведения.

Описательные контексты (термин И. Р. Гальперина) выбраны в качестве объекта типологического изучения по причине их внесюжетного, факультативного характера в художественном повествовании, а также наличия подобного рода единств в композиционно-смысловой структуре основных научных жанров (презентация эмпирического материала, вневременное статичное изображение научного объекта, факта или явления), что делает возможным проведение необходимых параллелей в плане выявления их дифференциальных признаков в двух полярных коммуникативных практиках. При этом важно отметить, что, по мнению ряда исследователей, установление инвариантных категориальных черт конкретного текстотипа возможно и по результатам анализа его отдельного сегмента, ибо «и тексту целого произведения, и его отдельному фрагменту присущи одни и те же свойства» [1, с. 97].

Общепринятым является положение, согласно которому содержательное поле художественно-речевого целого гетерогенно и представлено тремя видами информации: собственно фактуальной, подтекстовой и концептуальной [9]. При этом именно *признак фактуальности*, определяемый для описательного контекста как свойство, отражающее его денотативную соотнесенность с некоторым сегментом внеязыковой ситуации, является инвариантным компонентом структуры фактуального содержания текста в любой коммуникативной сфере. Важно подчеркнуть, что *фактуальность информации* отражает денотативную, а не предметную отнесенность контекста. Так, в качестве объекта описания как в научной, так и в художественной прозе может выступать один и тот же факт, предмет или явление, однако мыслятся они с различной степенью конкретности. В научной речи описательный контекст обычно денотативно ориентирован на объект, изображаемый в качестве типичного представителя определенного класса предметов, явлений, типовых ситуаций, в чем проявляется специфика научно-познавательной деятельности субъекта, стремящегося объединить некий набор сведений и фактов в определенную упорядоченную систему. В художественной речи, напротив, развитие содержания идет, как правило, по линии акцентирования конкретных признаков изображаемого объекта, связанных со зрительным, слуховым восприятием, эмоциональным состоянием художника слова, в результате чего достигается индивидуализация объекта, выделение его из класса ему подобных. Фактуальность информации, реализуемой на данном текстовом пространстве, может быть терминирована, таким образом, как *конкретизирующая фактуальность*.

На поверхностном уровне конкретизация денотата в художественном описании достигается целым рядом средств обозначения как самого объекта, так и его признаков. Так, одним из способов конкретизации объекта является его обозначение сочетанием существительного с лексическими единицами, способными создать индивидуализирующий языковой контекст: указательными и притяжательными местоимениями, именами собственными в притяжательном падеже, оценочными прилагательными. Например: *This solitary passenger was a man of medium height but of massive built, square and bulky about the shoulders, and thick-chested* [10, p. 10]. В приведенном примере единичность именования достигается за счет индивидуализации признаков, имплицитно присутствующих в существительных, соответствующим языковым окружением: сочетанием абстрактных признаков с конкретными, выраженными атрибутами *solitary, massive, square and bulky*.

На уровне предложения конкретизирующая номинация объекта описания находит свою экспликацию в формах предиката вводящих высказываний. Так, выраженность именной части сказуемого прилагательным, основной функцией которого является денотативная, связанная с указанием на качество или другой признак предмета или события, как правило, является показателем того, что в контексте описывается единичный объект. Например: *The walls and ceiling of the room were perfectly black with age and dirt* [11, p. 97]. *The wood was silent, still and secret in the evening drizzle of rain* ... [12, p. 111].

Особенности фактуального содержания художественного описания, его соотнесенность с конкретным, единичным объектом эксплицируются также средствами языкового воплощения признаков, приписываемых объекту

изображения. К ним относятся прилагательные оценочной семантики, передающие не собственные свойства объекта, а признаки, отражающие определенное отношение субъекта к предмету. Например: *What they saw was a girl of twenty-seven or twenty-eight, or even twenty-nine, with dark bobbed hair, decided eyebrows, a smouldering eye, a jutting nose, a mouth that was a discontented crimson curve, and a firm round chin. She was not pretty* ... [10, p. 31].

В приведенном фрагменте наряду с прилагательными, выражающими объективные признаки описываемого персонажа: *dark, bobbed, round, jutting,* присутствует группа слов, соотнесенная с прагматическим аспектом высказывания. Прилагательные *decided, smouldering, firm, good, pretty,* обозначая признаки в определенном смысле «внешние» по отношению к объекту описания, выступают в роли дополнительных определителей и тем самым способствуют спецификации объекта.

Различные способы квалификации прилагательных, выражающих признаки объекта изображения, также служат целям конкретизации содержания художественного описания. Приведем примеры: *On one side of the road rose a high rough bank, where hazels and stunted oaks with their roots half-exposed, held uncertain tenure. The soil was too loose for the latter and strong winds had blown some nearly horizontal* [13, p. 239]. *His pointed short beard, so well trimmed, seemed to give him the status of a pillar of society ... And he was exceedingly neat* [14, p. 28]. Наречия-интенсификаторы *too, nearly, exceedingly,* усиливая степень проявления качества у некоторых объектов, тем самым вскрывают их конкретность, связанную с оценочным отношением субъекта восприятия.

Индивидуализирующую функцию в художественном описании выполняют и различные образные стилистические приемы: метафоры, сравнения, метафорические эпитеты. Эта способность названных лексических стилистических средств конкретизировать объект изображения связана с субъективностью лежащего в их основе образа, определяемой индивидуальностью ощущения и восприятия каждого отдельного субъекта. Например: *Down by the dell-hole, more vivid colours were awakening, and Lent lilies stood sentinel on its margin, or advanced in battalions over the grass. Tulips were a tray of jewels* [15, p. 197].

Конкретизация объекта субъектом восприятия предполагает, помимо приписывания ему «дополнительных» признаков, связанных с особенностями видения предмета, способность автора отмечать наряду с существенными и признаки несущественные, второстепенные. Возможности, которыми располагает художественное описание для выражения временного, окказионального характера признаков объекта, достаточно многообразны. Это, прежде всего, особая семантическая группа прилагательных, способных обозначать признаки, ограниченные во времени, т. н. *пространственно-временных конкретизаторов* (термин Е. А. Рейман) – *now, this time, here, there, to the right, to the left*, а также т. н. *сигналы предынформации* (термин З. Я. Тураевой), к которым относятся лексические единицы типа *again, still, already,* имплицирующие своей семантикой тот факт, что настоящее состояние объекта представляет собой результат некоторых действий, происшедших к моменту сообщения. Проиллюстрируем сказанное следующим примером: *To the west the mountains were already a flat silhouette against the evening sky, but in front of him to the north the upper slopes were still alive with light and shadow* [16, p. 7].

Идея качественного состояния и, следовательно, действительности признака для определенной временной/пространственной ситуации, может быть передана и морфологическими средствами языка: с помощью форм степеней сравнения прилагательных, причастием II в составе залоговых и перфектных форм глаголов-сказуемых. Например: *In the heart of this cluster of huts stood a large building, formerly used as a manufactory of some kind. It had, in its day, probably furnished employment to the inhabitants of the surrounding tenements, but it had long since gone to ruin. The rat, the worm, and the action of the damp, had weakened and rotted the piles on which it stood; and a considerable portion of the building had already sunk down into the water* [11, p. 371].

Очевидно, что в соответствии с ядерно-периферийным принципом организации категориальных полей выявленные маркеры конкретизации фактуального содержания не относятся к ядру поля информативности. Вместе с тем в совокупности с другими разноуровневыми языковыми единицами они могут служить цели типологической идентификации художественных текстов на уровне их контекстного структурирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котюрова, М. П.* Стилистика научной речи: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. П. Котюрова. – 2-е изд. испр. – М. : Издат. центр «Академия», 2012. – 240 с.
2. *Кожина, М. Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях / М. Н. Кожина // Филологические науки. – 1984. - №2. – С. 35–41.
3. *Морозова, А. Н.* Полифония слова и текста (James Joyce's Dubliners): монография/ А. Н.Морозова, Т. Г. Никитина, А. С. Сидоренко: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. – Самара: СГСПУ, 2016. – 180 с.
4. *Пелевина, Н. Н.* Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации: на материале немецкого языка: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Н. Н. Пелевина. – СПб., 2009. – 51 с.
5. *Солганик, Г. Я.* О структуре художественной речи в сопоставлении с публицистической / Г. Я. Солганик // Медиалингвистика. – 2015. – №1(6). – С. 34–39.
6. *Плеханова, Т. Ф.* Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
7. *Петрова, Н. В.* Интертекстуальность как общий механизм текстообразования : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. / Н. В. Петрова. – Волгоград. 2005. – 18 с.
8. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
9. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 139 с.
10. *Priestley, J. B.* Angel Pavement / J. B. Priestley . – M. : Progress Publishers, 1974. – 504 p.
11. *Dickens, Ch.* The Adventures of Oliver Twist / Ch. Dickens. – M. : Foreign Languages Publishing House, 1955. – 551 p.
12. *Lawrence, D. H.* Lady Chatterley's Lover / D. H. Lawrence. – New York: The New American Library, 1957. – 260 p.
13. *Bronte, Ch.* Shirley / Ch. Bronte. - M.: Foreign Languages Publishing House, 1956. – 667 p.
14. *Bennet, A.* The Card / A. Bennet. – L.: Penguin Books, 1976. – 219 p.
15. *Forster, E. M.* Howards End / E. M. Forster. – L.: The King Fisher Library, 1977. – 280 p.
16. *Huxley, A.* After Many a Summer / A. Huxley. – London: Granada Publishing, 1976. – 254 p.

The article deals with the problem of the typological potential of text-stylistic categories. The analysis conducted revealed a set of language means conveying the specific character of realization of factual information in the descriptive passages of literary texts.

M. O. Lojko
Grodno, YKSUG

METAPHORICAL MODELS IN ECONOMIC DISCOURSE (Derived from English Media Texts)

Метафора в англоязычном экономическом дискурсе рассматривается как средство концептуализации понятий. На основе теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона анализируются метафоры, выбранные из англоязычных медийных текстов экономической тематики, включая финансовый сектор. Показано, что метафоры служат важным коммуникативным источником для концептуализации реалий в области экономики.

The significance of metaphor as a creative force in language has been recognized, and many claims have been made on its behalf. According to Ullman *metaphor* is encountered "in various guises": as a factor in motivation, as an expressive device, a source of polysemy and synonymy, as a means of filling gaps in vocabulary, etc. However, from Aristotle onwards it is common to address metaphor at the level of literature because "there can be no doubt about the crucial importance of metaphor in language and literature" [1, 212–214].

However, this account has changed with time. Some theorists have suggested that metaphors are not merely stylistic, but they are cognitively important as well. G. Lakoff and M. Johnson argue that metaphors are pervasive in everyday life, not just in language, but also in thought and action: "Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature" [2, p. 3]. Accordingly, a conceptual system is considered as a set of mappings, or correspondences, between two domains: the source and the target. The domains are conceptual entities of varying levels of complexity and organization. The *source domain* is a concept that is metaphorically used to provide the means of understanding of another concept, while the *target domain* is a semantic domain that is structured and understood metaphorically in terms of another domain [3, p. 276].

In order to show how our conceptual system organizes abstract concepts the authors distinguish *structural, orientational* and *ontological metaphors*.

Structural metaphors are those where one concept is metaphorically structured in terms of another; they are grounded in systematic correlations within our experience. The authors give several examples of daily metaphors, such as: *time is money*, as evidenced by the sentences: That flat tire *cost* me an hour; Do you have *much* time *left*? etc.

Orientational metaphors organize a whole system of concepts with respect to one another and provide the basis for understanding concepts in spatial orientation terms: up-down, front-back, on-off, near-far, etc. For example, *happy is up*; *unhappy is down*, *health and life are up*, etc.

But one can do only so much with spatial orientations in physical environment. Meanwhile, the basic experiences of human spatial orientations (especially our own bodies), provide the basis for a variety of ontological metaphors, "ways of viewing events, activities, emotions, ideas, etc., as entities and substances" [2, 25]. Ontological metaphors serve many purposes, and various kinds of metaphors reflect the purposes they serve, i.e., to comprehend events, actions, activities, and states. Events and actions are conceptualized metaphorically as objects, activities as substances, states as containers.

A large number of economic concepts are expressed through ontological metaphors exemplifying the conceptual metaphor theory. G. Lakoff and M. Johnson underline the fact that abstract notions are often made more concrete by means of a metaphor that presents them as objects or as living entities. Indeed, any analysis of an economic text or discourse will reveal that health metaphors occur and recur constantly. They are clearly related to those most primary concerns of human beings: the individual person as a complex and integrated social and psychological entity and his/her health.

The material for the study comes from the online sources of newspapers *Fortune five hundred*, *The Financial Times*, magazines *The Economist*, *Time*, specialized news sites: money.com, Blogs and Twitters. The language used in these sources concerns international relations, politics, finance, economics, business, and particular market sectors and so on.

We often speak of the economy in terms that conjure up a human being. One of the most striking ontological metaphors in this respect is the one that says that the economy is a person. Not any person, however, although all characteristics of a human being may be used, such as the brain, the conscience, or the body.

Therefore, these attributes indicate that the economy can act, express feelings and emotions, and as any human being may be prone to different diseases. Let us consider the metaphor *the economy is a body* as it is reflected in everyday English language: *Less certain is whether the rest of the world will* ***catch America's property flu;*** *But this still* ***healthy annual increase*** *disguises a more worrying recent trend*; *America's* ***housing market is on its sickbed****; That leaves lots of* ***companies with a headache***; *There is, says one hedge-fund manager, "****massive indigestion****"; A majority of shareholders generally* ***approve of the poison pills***; *The American* ***market looks either sickly or critically ill*** *depending on who* ***takes its temperature****; The* ***health of the market will be in doubt***; ***America's sneezing*** *has already induced a few sniffles in other rich countries, but that* ***emerging economies have*** *so far* ***proved immune****; The credit* ***markets*** *still* ***look*** *decidedly* ***sick****.*

In the examples, the *conceptual metaphor* is structured by a range of coherent systems of metaphorical expressions which specify a kind of a state. They give metaphorical models for what the economy is and thereby allow us to focus on exactly the same aspect of a human being, i.e., the human body, health and illnesses (the source domain) that is used to talk metaphorically about the target domain concept – the economy.

These metaphors give us a conception of the economy as having a sick/healthy body that is expressed in health-related or even outright medical referential terms which are commonly used in economic discourse. For instance, symptoms of illnesses: *a headache, to be on a sickbed,(health) to be in doubt, to catch a flue, indigestion, to be ill, to sneeze, to look sick;* treatment of illnesses: *to take temperature, poison pills;* normal health conditions*: to be immune, health/healthy annual increase.*

The most obvious ontological metaphors are those where the physical object is further specified as being a person. But the cases of personification metaphors can be even subtle when we look at another commonplace statement that says that a *corporation/company is a person*. The analogical process elicited by the verb "be", transfers some qualities typical of a "person" (source domain) onto "a company/corporation" (target domain).

The word *corporation* derived from the Latin *corporatio* designates any of the political and economic bodies forming a corporative state, each being composed of the employers and employees in a certain industry, profession, etc. [4, 311]. The definition might reveal sufficient similarities for the economy to treat the corporation as a person. It points out that it is an undeniable aspect of human nature for persons to join together, to form corporations, companies, partnerships, and other kinds of associations. Indeed, individuals are human within a corporation and being a member of it they have to perform various business activities. Because a corporation can engage in many of the some activities as people, the economy often deals with corporations as though they were persons. For instance, corporations can have their own property, enter into contracts, buy and sell shares, property, incur losses, sue and be sued, etc. As a person, a corporation has the power to delegate responsibilities to its employees – the officers, managers, heads of the departments, and directors.

For example, Reuters and Bloomberg, privately held financial software, data, and leading media companies, provide the most important up-to-date information needed by businessmen, financiers and companies about current and historical prices on almost all world stocks, analytics, summaries and other important information about the state of the modern financial market. The readers can select among those that are important not only for professionals, but also for residents of any country and around the world. For instance: *Both **Reuters and Bloomberg have become associated with** the fastest and most credible digital information sources in the financial industry; **Bloomberg today announced** that the first electronically negotiated euro-short-term rate swamp transaction was executed*; *The terminals of **Reuters and Bloomberg will soon provide** crypto currency data from an index; Heading into 2019 **Bloomberg is entertaining** the idea of becoming dynamic digital advertising with linear TV services.*

The Federal Reserve Bank (also known informally as the Fed) is the central banking system of the US which employs hundreds of economists. The Fed serves many purposes: charges interest rates, processes a variety of financial transactions, controls monetary policy, and maintains the stability of the financial system in the US, for example: *The **Fed will cut interest rate**s*; *The **Fed is moving in** the right direction despite "highly flawed" model; The **Fed is** also **likely to announce** the end of its operation to unwind its balance sheet; The **Fed is** still on course **to start lifting*** the federal funds rate later this year; *The strength in the dollar could complicate the **Fed's plans to normalize** monetary policy.*

Various corporations may also be conceptualized as a person: *The **Securities and Exchange Commission introduced** a new set* of rules; Even ***Goldman Sachs appears to have** management **problems**; The **London Stock Exchange obtains*** almost a third of its revenue from "information services".

As a single person financial bodies have the capacity to act and the responsibility for their actions that refer specifically to their activities: *to cut interest rate, to lift federal funds, to control monetary system, to introduce new rules , to obtain revenue, to have management problems*, and so on. However, it is not a "real" person. Furthermore, by defining *a corporation /company as a single person*, the metaphor leaves the aspect of "groupness" in the dark.

Actually, along with the "body" metaphors the most obvious ontological metaphors are those where the physical object is specified as being a person, i.e. by inputting human qualities to things that are not human. This allows us

to comprehend a wide variety of experiences with nonhuman entities in terms of human motivations, characteristics and activities [2, 33]. These are some of the examples defining *the economy as a person*:

House prices have moved *in tandem over the past decade;* ***House-price inflation has dipped*** *in France;* ***Profits could stay high*** *because the balance of power had moved in favour of capital*; ***Financial services may have dragged*** *the rest of corporate America;* ***Liquidity tends to disappear*** *during times of turmoil*; ***Billions of dollars sit idling on*** *the balance – sheets of energy and mining companies; If* ***the economy deteriorates*** *before the credit problem is solved.*

The metaphor *house prices have moved in tandem* specifies the economy's boom or bust: the buyer's demand for property determines market prices and quantities. As incomes rise, the demand for property increases at all prices. Buyers expect that they will have a job for many years to come; they purchase homes that require payments over a long period of time. Metaphorically it denotes a rising property market when large purchase encourages price rise. The metaphor may also persuade us that it is the time to sell property at a higher price.

On the other hand, the metaphor *house-price inflation has dipped* describes the situation when the demand for housing is in decline for any reasons: if buyers fear losing their jobs, they demand fewer expensive goods (homes), requiring long-terms payments. The metaphor refers to a falling property market and other similar concepts, such as reduction of employment rate, low purchasing capacity and may lead us to buy property at a lower price.

The following example is *profits could stay high.* It refers to capital-driven companies and executive bodies which get favours from those in power through taxes lowering, various rulings and regulations, and government assistance. The metaphor may leave the impression that these are under control and quite predictable, which eventually leads to more significant profits.

A further example is *financial services may have dragged.* This metaphor underlines the increasing dependence on financial services, i.e. when the performance of financial markets and the prices of stocks and shares define the degree of economic success.

The metaphor *liquidity tends to disappear* relates to an unstable financial period which brings about less cash and/or valid money on the market. There is a situation, when the real price of money is steadily decreasing and people/companies do not have enough trust in cash transactions any more. The situation like this may persuade people to convert cash into goods or services as soon as possible. Subsequently, it leads us to expect worse times ahead, e.g., inflation.

The metaphorical expression *billions of dollars sit idling on* highlights a financial period, when there is no investment opportunity or it is risky to invest because banks are likely to go bankrupt or to convert cash into services or goods because of the recession. Metaphorically, the expression persuades people/companies that it would be safer for them to keep cash.

In the provided examples there are no actual human beings referred to. But personification is not a single unified process. It is a general category that covers a range of metaphors, each picking out different aspects of a person or ways of looking at a person. What they have in common is that they are extensions of ontological metaphors and allow us to make sense of phenomena in human terms on the basis of our motivations, actions, and goals. Considering something as abstract as *house prices,*

house-price inflation, profits, financial services, liquidity and so on in human terms has an explanatory power of the sort that makes sense to most people. When we have to pass through different economic periods due to complex economic and political factors that are not comprehensible to common people, metaphors like these give us at least some ideas of the abstract notions.

To sum up, the language of economy often resorts to ontological metaphors to allow us to understand an abstract or unknown concept in terms of another that is concrete or familiar. Ontological metaphors, notably those of personification, present ideas or entities as if they were human beings and are found quite often in English economic discourse. Their aim is to present economic concepts in a concise and memorable manner that uses well-known vocabulary and establishes a comparison with a domain that is culturally easy to relate to. The peculiarity of metaphors is that they remain more efficient than a literal explanation because literal language would not express complex concepts in a less complex manner than metaphors do.

REFERENCES

1. *Ullman, S.* An Introduction to the Science of Meaning / S. Ullman. – New York : Barnes & Noble, 1962. – 278 p.
2. *Lakoff, G.* Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
3. *Lakoff, G.* Women, fire, and dangerous things / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
4. Webster's New World Dictionary of American English / V. Neufeldt [and others]; ed. by V. Neufeldt. – 3rd college ed. – New York : Simon & Schuster, Inc., 1988. – 1575 p.

In the article metaphor is viewed on the basis of G. Lakoff and M. Johnson's conceptual theory. The cognitive approach is provided to metaphors selected from media texts on economic issues, including the financial sector. The features of metaphorical expressions are highlighted and the causes of metaphorical conceptualization pertaining to economic aspects are revealed.

С. А. Приходько
Россия, Новозыбков, Новозыбковский краеведческий музей

СЕМАНТИКА ТЕАТРАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. И. ЛЕНИНА (на базе труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»)

2019 г., объявленный в России Годом театра, ознаменовался 110-летием выхода в свет крупнейшей книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», поэтому целесообразным представляется подход к творческому наследию В. И. Ленина не как к философскому дискурсу, а как к полемическому дискурсу. Актуальность настоящего исследования обусловлена проводившимися в течение десятилетий изысканиями, ориентированными на изучение творческого наследия основателя и первого руководителя Советского государства как философских текстов, а не как объектов, построенных по законам лингвистики.

Автор развертывает перед читателем палитру полемических приемов В. И. Ленина, определяя контекстуальное значение каждого из них. Также автор уточняет использованные полемические средства. Театроним стимулирует формирование метафорической конструкции в утвердительных предложениях в труде «Материализм и эмпириокритицизм», но данная тенденция не исключает функционирование театральной лексемы в ином контексте. Прием высмеивания, выступающий в качестве органического риторического инструмента, автор определяет как метод речевого суггестивного воздействия на читательскую аудиторию.

Весь дореволюционный дискурс В. И. Ленина, наиболее ярко репрезентированный в работе «Материализм и эмпириокритицизм», неразрывно связан с ожесточенным политическим противостоянием и в результате стал полемическим. После прихода к власти партии большевиков характер ленинского дискурса существенно изменился.

Тесную связь понятий *полемика* и *риторика* подчеркивает М. В. Ерохина. Их связь исследователь называет исторической и родовидовой и трактует полемический дискурс как часть риторического дискурса, предлагая анализировать его с точки зрения форм реализации борьбы (полемические темпераменты, приоритетные авторские стратегии, риторические приемы и т. д.) [1, с. 8]. В этой связи М. В. Ерохина активно использует понятие риторическая полемика [1, с. 6, 12] и утверждает, что риторические фигуры составляют особую полемическую модальность [1, с. 13–14]. Подход М. В. Ерохиной является наиболее релевантным, поскольку в нем предусмотрен анализ полемического дискурса путем рассмотрения манифестированных в нем риторических приемов. Подход к дискурсу В. И. Ленина (и других советских лидеров) через призму риторики востребован в лингвистической науке [2].

Влияние театрального дискурса на другие тематические виды медиадискурса обусловлено не только использованием театральных метафор, но и активным включением аллюзий, отсылок к сфере театра, построением композиции текстов на основе театральных образов. Важную роль играют экстралингвистические факторы, философское осмысление жизни как театра. В результате сложных когнитивных процессов само понятие театральности оказывается связанным с различными сферами общественной жизни. Термин *театральность* регулярно фиксируется в материалах СМИ, посвященных вопросам политики, спорта и экономики.

Широкое распространение пиара способствует рассмотрению современного общества как общества спектакля. В большинстве случаев театральная лексика, проникая во многие тематические дискурсы, несет в себе ироничную, негативную оценку искусственности. Нюанс фальшивости нередко прослеживается в игре киноактера или театрального артиста. Вовлеченность театрального дискурса во взаимодействие с другими дискурсами увеличивает разнообразие и экспрессивность эстетических и этических оценок, а также способствует осознанию активного включения категории театральности в современную жизнь, восприятию театрального искусства на новом (общественно-политическом) уровне [3].

Актуальным представляется анализ наиболее ярких новых примеров обыгрывания театральной лексики, которая становится источником метафоризации и прецедентности в полемическом дискурсе.

В настоящей статье под *театральным дискурсом* понимается область коммуникации, конструируемая письменными и устными текстами различных функциональных стилей и жанров, освещающими театральную сферу. А. С. Шевченко определяет театральный дискурс как знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве и обладающую обязательными свойствами: информативностью, коммуникативно-прагматической направленностью, связностью и целостностью [4, с. 10].

Процесс исследования не является полноценным без специальных лексикографических источников, но методика научного поиска не должна сводиться к изучению словарных статей. Также важным является учет контекстуальных значений лексем [5], поскольку он исключает неадекватную интерпретацию грамматических структур [6, с. 47].

Поскольку В. И. Ленин в качестве производителя дискурса не мог ни с кем предварительно проконсультироваться по вопросу уместности какой-либо шутки в сложившемся контексте, он надеялся исключительно на собственное языковое чутье. Умение предугадать реакцию читателя можно признать талантом автора. В исследовании К. Ф. Седова можно найти своеобразную, но не очень четкую классификацию юмористических и околоюмористических высказываний [7]. К. Ф. Седов подчеркивает, что в письменной речи «средства выражения выступают основным предметом деятельности» [7, с. 73].

Если полемист предполагает, что аудитория относится к нему дружески, наилучшим способом привлечь внимание, настроить ее на нужный лад является юмор. Повод к шутке не имеет значения, но юмористическое замечание должно быть уместно, иначе оно сыграет против оратора [8, с. 142]. Осмеяние антагонистов в политическом дискурсе всегда признавалось действенным приемом [8, с. 257–262]. Важно учитывать, что в политической полемике В. И. Ленина юмор может превращаться в «одно из наиболее эффективных средств разрядки» [8], способ отказа от стилистических констант.

Отказ В. И. Ленина от высокого стиля продиктован приемом высмеивания. Элементы разговорной речи способны эмоционально активизировать реципиента, привлечь его на сторону автора. Таким образом, они являются прагматически оправданными. «Разговорная речь всегда эмоциональна» [9, с. 36] и служит сближению отправителя и получателя дискурса, поскольку настраивает их чувства на одну волну.

Прецедентными текстами для полемического творчества В. И. Ленина можно признать литературные произведения русских классиков XIX века. Театральные приемы и средства В. И. Ленин заимствовал из наследия М. Е. Салтыкова-Щедрина, великолепного сатирика и замечательного театрального критика. М. Е. Салтыков-Щедрин наполнил остроумными структурами свои литературные шедевры. Многие его остроты превратились в крылатые выражения и востребованы в народе даже через 150 лет после их появления. Русский классик в своём театральном цикле вышел далеко за пределы анализа сценических приёмов, проанализировав глубокие знания данного вида искусства и контекстуальные особенности своей эпохи. Наиболее интересен следующий факт: М. Е. Салтыков-Щедрин даже предвосхитил методику работы над ролью, сложившуюся в начале XX в., как раз в период расцвета литературного творчества В. И. Ленина [10]. Глубокое знание будущим революционером наследия М. Е. Салтыкова-Щедрина не подлежит сомнению [11]. Образы и приемы русского классика повлияли на дискурсивный театр В. И. Ленина.

В ряде контекстов интродукция театрального понятия является порождающим приемом полемического дискурса. Можно вести речь о театральном компоненте метафорической конструкции. В фокусе внимания исследователя метафорический спектр труда «Материализм и эмпириокритицизм» оказывался неоднократно [12; 13]. Метафора признана вызывать улыбку у читателя.

Преимущество юмористических вкраплений является бесспорным: юмор «способен оживить любое выступление» [14, с. 55]. В. В. Дементьев приводит смеховую коммуникацию в качестве одной из важных сфер современной русской речи [15, с. 58], поэтому письменную речь В. И. Ленина, зафиксированную в конце первого десятилетия XX столетия в книге «Материализм и эмпириокритицизм», следует считать инновационным проявлением полемического дискурса. Как и в общем советском языкознании [16], так и в посвящённых языку В. И. Ленина публикациях [17; 18] анализу подвергались шутливые коннотации. Через призму полемической сатиры многократно исследовался и сам текст труда «Материализм и эмпириокритицизм» [19; 20; 21].

Театральное понятие *слава*, зафиксированное в словаре [22, с. 88], обретая негативный признак («печальный»), формирует смысловой центр высказывания и помогает В. И. Ленину осуществлять критику позиции ревизионистов: «Это – настоящий “бунт на коленях”, по справедливому выражению одного марксиста. Это – типичный философский ревизионизм, ибо только ревизионисты *приобрели себе печальную* ***славу*** своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно “рассчитаться” с покинутыми взглядами» [23, с. 22–23].

Лексема *маска* также относится к театральному лексическому пласту [24]. В следующих контекстах дискурсивного театра она является театральным компонентом словосочетания *срывать маску*, признаваемого метафорой.

Маркер ‘маска’ является в труде «Материализм и эмпириокритицизм» средством вербализации переходов между микротемами (от чужой речи к авторскому комментарию и обратно). Указатель ‘маска’ подходит и для контекстуального перечисления («не только…, но и…»), и для формальной сравнительной неопределённости («трудно сказать, кто»), служащей маркером промежуточного вывода. После цитаты из открытого письма В. Шуппе, адресованного Р. Авенариусу, следует анализ эпистолярного текста, который предшествует очередному фрагменту диалога между данными идеалистами: «Мистификация Авенариуса, всецело повторяющего ошибку Фихте, превосходно разоблачена здесь… Таков вопрос о существовании земли до человека, до всякого ощущающего существа. Мы будем сейчас говорить об этом подробнее. Теперь же отметим, что ***маску*** с Авенариуса, с его фиктивного “реализма” *срывает* не только Н. Смит, противник его теории, но и имманент В. Шуппе, который горячо приветствовал появление “Человеческого понятия о мире”, как подтверждение наивного реализма. Дело в том, что на такой “реализм”, т. е. на такую мистификацию материализма, которую преподнес Авенариус, вполне согласен В. Шуппе… “То, что́ вы хотели элиминировать, то вы молча предположили”, – писал Шуппе Авенариусу. И трудно сказать, кто больнее *срывает* ***маску*** *с мистификатора Авенариуса,* – Смит ли своим прямым и ясным опровержением, или Шуппе своим восторженным отзывом о заключительной работе Авенариуса» [23, с. 80–81].

Синонимами театрального термина *трюк* [24] необходимо признать лексемы В. И. Ленина *ужимка* и *гримасы*, выполняющие ту же функцию либо поодиночке, либо комплексно.

После 3 обширных выдержек из махистских работ В. И. Ленин подвёл предварительный итог, интегрировав в полемическом контексте противопоставление наречия общей оценки и негативно-эмоционально окрашенного

театронима: «Все приведенные нами философы, кто прямо, *кто с* ***ужимкой,*** заменяют основную философскую линию материализма (от бытия к мышлению, от материи к ощущению) обратной линией идеализма» [23, с. 158].

Итак, в процессе анализа театрального направления ленинского полемического дискурса можно согласиться с выводом Е. А. Ножина: «Искусством подхвата реплики и обращения ее против оппонента в совершенстве владел В. И. Ленин» [8, с. 328].

Театральное искусство всегда двигали вперед вдохновение автора сценария и фантазия режиссера.

С. П. Кутьмин в своем словаре указывает, что *фантазия* (от греч. *воображение*) – способность к творческому воображению, мечта, выдумка, нечто неправдоподобное. Один из элементов актерского мастерства системы К. С. Станиславского – «воображение и фантазия» [25, с. 31]. В упомянутом лексикографическом исследовании четко ставится знак равенства между понятиями *воображение* и *фантазия*.

Данные термины зафиксированы и в других словарях [26, с. 11–12; 22, с. 109–110], и в труде «Материализм и эмпириокритицизм»: «Базаров, как и все махисты, сбился на том, что смешал изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые ***воображением*** *невежественной и забитой массы человечества, суть больная* ***фантазия***, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя» [23, с. 199].

Понятие *воображение* является звеном между религиозным направлением и всем человечеством, оформляя генерализацию. Театроним *фантазия* благодаря В. И. Ленину обретает снова отрицательный признак (‘больная’) и становится коннектором землян и философского направления, наоборот, позволяя провести конкретизацию. Полемист искусно вплел театральный термин *фантазия* в синонимический ряд («фантазия – выверты – негодный продукт»), усиленный буквальным лексическим повтором («негодный»).

Таким образом, один и тот же театроним дает возможность В. И. Ленину осуществить противоположные логические операции.

В другой речевой ситуации В. И. Ленин реализовал прием противопоставления противников-идеалистов и союзников-материалистов. В дуальном ленинском микротеатре материалисты играют роли заботливых наставников, в то время как идеалисты представляют собой безнадежных учеников. Семантически два предложения выражают обозначенную единственную мысль, но синтаксис отличается от их генерального смысла. Вероятно, В. И. Ленин не желал утомлять читателя длинным предложением. Также пунктуационное разделение продикто-вано необходимостью сосредоточить внимание адресата именно на недостатках оппонентов. Перевести внимание читательской аудитории полемисту помогает второе предложение, превращенное в синонимические пары и ряды. Театральный термин *публика* [24] служит средством смыслового развития метафоры *бросать песок в глаза*, которую В. И. Ленин трансформировал в номинативную структуру: «О плохих материалистах Маркс, Энгельс и Дицген разговаривали, считаясь с ними и желая исправить их ошибки,

а о юмистах и берклианцах, Махе и Авенариусе, они и разговаривать не стали бы, ограничившись одним еще более презрительным замечанием по адресу *всего* их направления. Поэтому *бесконечные* ***ужимки*** *наших махистов и* ***гримасы*** *их* по поводу Гольбаха и К°, Бюхнера и К° и т.д. означают всецело и исключительно *бросание песку в глаза* ***публике,*** прикрытие отступления всего махизма от самых основ материализма вообще, боязнь прямо и ясно посчитаться с Энгельсом» [23, с. 257].

Поскольку В. И. Ленин был лично знаком с рядом противников, в том числе с В. А. Базаровым, А. А. Богдановым и А. В. Луначарским, которому конфликт с будущим основателем и руководителем Советского государства не помешал стать первым народным комиссаром просвещения РСФСР, можно вести речь не только о языковом предчувствии, но и о дискурсивной интуиции. В. И. Ленин смог просчитать речевую реакцию каждого из этих философов на многократную критику в труде «Материализм и эмпириокритицизм».

В заключение можно отметить, что непременным спутником театральной лексики признана многочленная эмоционально-оценочная цепочка, близкая по семантическому наполнению к синонимическому ряду. Эмфаза позволяет увеличить суггестивный эффект приема высмеивания. Если конструируемая В. И. Лениным речевая ситуация содержит театральную метафорическую модель, пресуппозиционным атрибутом является указание на ничтожность идеалистической идеи и на превосходство материалистического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерохина, М. В.* Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / М. В. Ерохина. – Саратов : Саратовский гос. ун., 2010. – 18 с.
2. *Яров, С. В.* Риторика вождей: В. И. Ленин и И. В. Сталин как ораторы / С. В. Яров // Звезда. – 2007. – №11. – С. 168–179.
3. *Зверев, А. И.* Театральная лексика и терминология в политическом дискурсе (на материале русской и немецкой публицистики): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / А. И. Зверев. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2015. – 26 с.
4. *Шевченко, А. С.* Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на примере русского, английского, бурятского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / А. С. Шевченко. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2012. – 20 с.
5. *Steinmüller, U.* Kommunikationstheorie: Eine Einführung für Literatur und Sprachwissenschaftler / U. Steinmüller. – Stuttgart: Kohlhammer, 1977. – 135 S.
6. *Nilsen, D. L. F.* Semantic Theory: A Linguistic Perspective / D. L. F. Nilsen. – Rowley, Massachusetts: Nembury House Publishers, 1975. – 93 p.
7. *Седов, К. Ф.* Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2011. – 336 с.
8. *Ножин, Е. А.* Основы советского ораторского искусства (Методика лекторского мастерства и ораторского искусства) / Е. А. Ножин. – М. : Знание, 1981. – 352 с.
9. *Олешков, М. Ю.* Прагматика эмотивности в институциональном дискурсе // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та / М. Ю. Олешков. – Сер. 1. Филология. – 2011. №2. – С. 34–42.
10. *Харитонова, А. Е.* М. Е. Салтыков-Щедрин как театральный критик / А. Е. Харитонова // Бахрушинские чтения: коллективная монография / А. Е. Харитонова. – М. : Государственный центральный театральный музей, 2017. – С. 49–55.

11. *Ольминский, М. С.* Щедрин и Ленин / М. С. Ольшанский // Статьи о Салтыкове-Щедрине. – М. : Гослитиздат, 1959. – С. 101–108.
12. *Приходько, С. А.* Военная метафорика политического дискурса В. И. Ленина (на материале книги «Материализм и эмпириокритицизм») / С. А. Приходько // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб. науч. тр. – Калуга: Калуж. гос. ун-т, 2011. – Вып. 7. – С. 58–61.
13. *Приходько, С. А.* Паремический потенциал в полемическом дискурсе В. И. Ленина: борьба мнений / С. А. Приходько // Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты: материалы Международного фразеологического семинара. Луганск, 15 февр. 2018 г. – Луганск: Луган. нац. ун-т, 2018. – С. 66–70.
14. *Тру, Х.* Энергия смеха / Х. Тру // Секреты ораторского мастерства. – Минск: Попурри, 2003. – С. 47–56.
15. *Дементьев, В. В.* О национальной обусловленности аномалий общения: русские коммуникативные ценности и коммуникативные неудачи / В. В. Дементьев // Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография – Н. Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2011. – Вып. 1: Язык и дискурс. – С. 53–77.
16.*Колшанский, Г. В.* Контекстная семантика (Лингвистическое наследие XX века) / Г. В. Колшанский. – М. : Либроком, 2010. – 152 с.
17.*Зиновьева, В. Г.* Фразеологические единицы как средства сатиры в работах В. И. Ленина: автореф. дис. … канд. филол. наук / В. Г. Зиновьева. – М. : Московский государственный университет, 1967. – 21 с.
18. *Наумов, К. В.* Речевые средства юмора в публицистике В. И. Ленина / К. В. Наумов, В. И. Силина // Русская речь. – 1987. – №2. – С. 19–24.
19. *Полюхов, Н. М.* Великий образец живого слова (К 50-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм») / Н. М. Полюхов // Русский язык в школе. – М., 1959. – №5. – С. 6–11.
20. *Приходько, С. А.* Оппозиции в политическом дискурсе В. И. Ленина (на базе труда «Материализм и эмпириокритицизм») / С. А. Приходько // Политическая лингвистика. – 2011. – №4. – С. 129–138.
21. *Финкель, А. М.* О языке и стиле В. И. Ленина / А. М. Финкель. – Харьков: Пролетарий, 1925. – Вып. 1. – 103 с.
22. *Перель, Э.* Англо-русский и русско-английский театральный словарь / Э. Перель. – М. : Филоматис, 2005. – 440 с.
23. *Ленин, В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1989. – 508 с.
24. *Миронова, В. М.* Театральные термины и понятия. Материалы к словарю / В. М. Миронова, И. Р. Скляревская, Н. А. Таршис. – СПб. : Российский институт истории искусств, 2015. – Вып. 3 – 296 с.
25. *Кутьмин, С. П.* Краткий словарь театральных терминов / С. П. Кутьмин. – Тюмень: Тюменский государственный институт искусств и культуры, 2003. – 57 с.
26. *Зверева, Н. А.* Словарь театральных терминов: создание актерского образа / Н. А. Зверева, Д. Г. Ливнев. – М. : Рос. акад. театрального искусства, Государственный институт театрального искусства, 2007. – 133 с.

The current year, declared the Year of theatre in the Russian Federation, and the 110th anniversary of the publication of V. I. Lenin's book “Materialism and Empirio-Criticism” make the analysis of theatrical vocabulary in political polemics relevant. In this article you can find evaluation of the theatronyms that generate metaphor in the polemical discourse of V. I. Lenin. The author accompanies his estimates with examples. Based on the data of numerous lexicographical works, the author proves that V. I. Lenin’s theatrical names are skillfully woven into the system of rhetorical means and serve as the basis of suggestive influence on the addressee, since they are aimed at ridiculing a political opponent.

М. С. Саковец
Минск, БГУ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И ШВЕДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена русским и шведским фразеологическим единицам, описывающим внешность, характер, эмоции и поведение человека. Рассмотрены две группы наиболее употребительных фразеологизмов в обоих языках: фразеологизмы с соматическими компонентами и фразеологизмы с компонентами-зоонимами. Особое внимание уделено лексико-семантической схожести русских и шведских фразеологизмов, содержащих в своем составе соматизмы и зоонимы. Отмечены также некоторые различия русских и шведских фразеологизмов, характеризующих человека.

В менталитете шведского и русского народов много общего и универсального, что, несомненно, проявляется во фразеологии шведского и русского языков. Однако каждому народу присущи свои национально-культурные особенности, которые также находят отражение во фразеологических единицах. *Фразеологические единицы* (фразеологизмы) – это семантически связан ные сочетания слов, которые характеризуются постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением, не выводимым из значения составляющих компонентов. [1]

Фразеологизмы, благодаря своей образности и экспрессивности, делают речь ярче, эмоциональнее и выразительнее, вне зависимости от того, на каком языке мы говорим – на шведском или русском. Русский и шведский языки, не являясь близкородственными, тем не менее, имеют множество схожих фразеологических единиц. При их анализе можно заметить, что во фразеологическом фонде обоих языков содержится большое количество выражений, характеризующих человека с разных сторон, например: внешность, черты характера, эмоциональное состояние и особенности поведения.

Одной из особенностей, присущей многим фразеологическим единицам, характеризующим человека, является наличие соматизмов в их составе. *Компонент-соматизм* – это компонент фразеологической единицы, обозна-чающий части тела человека и животных. [2]

Частое употребление соматизмов обусловлено тем, что они представляют собой один из древнейших слоев лексики русского и шведского языков. Одинаковые свойства и функции частей тела человека часто сходным образом отражаются во фразеологических единицах обоих языков. Например, как в русской, так и в шведской культуре слово *голова/huvud* воспринимается как важнейшая часть тела и ассоциируется с такими понятиями, как мышление, разум и интеллект. Поэтому этот соматизм встречается во фразеологизмах, описывающих умственные способности и поведение человека, как с положительной стороны, так и с отрицательной стороны:

иметь голову на плечах – ha huvudet på skaft (дословно: ‘иметь голову на черенке’),

ясная голова – klar i huvudet,

голова два уха – dum i huvudet (дословно: ‘глупая голова’),

пустая голова – tom i huvudet,

зарывать голову в песок – sticka huvudet i sanden.

Безрассудство и необдуманность действий выражаются во фразеологизмах *потерять голову – tappa huvudet*, *сломя/очертя голову – hals över huvud* (дословно: шея через голову), а фразеологизмы *дырявая голова/голова садовая – ha huvudet under armen* (дословно: иметь голову под рукой) характеризуют забывчивого и легкомысленного человека.

Большое количество информации воспринимается нами зрительно и на слух, поэтому неудивительно, что в русской и шведской фразеологии можно обнаружить довольно много фразеологических единиц с компонентами *глаз/öga* и *ухо/öra*, указывающими на получение информации, например:

иметь глаза на затылке – ha ögonen i nacken,

с глазу на глаз – mellan fyra ögon (дословно: ‘между четырьмя глазами’),

смотреть в оба (глаза) – ha ögonen med sig (дословно: ‘иметь глаза с собой’),

слушать вполуха/одним ухом – lyssna med ett halvt öra,

навострить уши – spetsa öronen,

в одно ухо влетает, в другое вылетает – gå in genom ena örat och ut genom det andra.

Поскольку глаза часто отражают эмоции и чувства человека, следовательно, это также проявляется и во фразеологии. Например, для выражения удивления используются фразеологизмы *делать большие глаза – göra stora ögon*, а для выражения стыда: *прятать глаза (от стыда) – skämmas ögonen ur sig*.

Уши в силу своего расположения на теле человека также могут символизировать крайнюю степень чего-либо: *влюбленный по уши – kär upp över öronen*, *по уши в долгах – skuldsatt upp över öronen*.

Соматизмы *рот/mun* и *язык/tunga* также связаны с передачей информации:

иметь острый язык – ha en vass tunga,

набрать в рот воды – hålla mun (дословно: ‘держать рот’),

держать язык за зубами – hålla tand för tunga (дословно: ‘держать зуб за языком’).

Как в русском, так и в шведском языке соматизм *нос/näsa* часто обозначает близость чего-либо, например: *не видеть дальше своего носа – inte se längre än näsan räcker*. В отрицательном значении *нос/näsa* отражает чрезмерное любопытство, заносчивость или недовольство:

задирать нос – sätta näsan i vädret (дословно: ‘поставить нос в погоду’),

воротить нос – rynka på näsan (дословно: ‘морщить нос’),

совать свой нос не в свое дело – lägga näsan i blöt (дословно: ‘положить нос во влагу’).

Слова *рука/hand* и *палец/finger* также часто встречаются во фразеологических единицах, характеризующих человека:

руки чешутся – det kliar i händerna/fingrarna,

смотреть сквозь пальцы – se genom fingrarna,

знать что-то как свои пять пальцев – kunna något på sina fem fingrar,

держать себя в руках – hålla fingrarna i styr (дословно: ‘держать пальцы в управлении’),

развязаны руки, не быть связанным по рукам – ha fria händer (дословно: ‘иметь свободные руки’).

Соматизмы *нога/ben* и *ступня/fot* в исследуемых языках символизируют движение или устойчивость: *стоять обеими ногами на земле – stå med bägge fötterna på jorden* (дословно: ‘стоять обеими ступнями на земле’), *стоять на*

своих ногах – stå på egna ben, удирать со всех ног – lägga benen på ryggen (дословно: ‘положить ноги на спину’). Следует отметить, что лексема *ступня/fot* реже используется в русских, чем в шведских фразеологизмах.

Соматизм *сердце/hjärta* связан с проявлением эмоций и чувств: *сердце в пятки уходит – ha hjärtat i halsgropen* (дословно: ‘иметь сердце в шейной ямке’), *разбить сердце – krossa någons hjärta*, а также используется для описания характера человека: *иметь золотое сердце – ha ett hjärta av guld, иметь каменное сердце – ha ett hjärta av sten.*

Проанализированные выше примеры свидетельствуют о наличии большого количества фразеологических эквивалентов и аналогов русского и шведского языков, каким-то образом характеризующих человека и имеющих в своем составе соматический компонент. Однако также в таких фразеологизмах заметны и лексико-семантические расхождения. Во фразеологическом фонде сопоставляемых языков имеются соматические фразеологические единицы, специфичные для конкретного языка. Например, в шведском языке при описании очень спокойного человека используется фразеологизм *ha is i magen* (дословно: ‘иметь лед в животе’), а человека, умеющего постоять за себя, характеризуют фразеологизмом *ha skinn på näsan* (дословно: ‘иметь кожу на носу’). Типичными же для русской культуры являются фразеологизмы *без царя в голове, бить челом, семи пядей во лбу*.

Значительную часть фразеологического фонда сопоставляемых языков составляют фразеологические единицы антропоцентрической направленности с компонентом-зоонимом. Под *зоонимом* понимается имя нарицательное, обозначающее животное (собака, кошка, волк, лиса и др.). Разные народы испокон веков наблюдали за окружающими животными и проводили сравнения с ними на основе внешнего вида и повадок животных. В большинстве фразеологических единиц с компонентом-зоонимом встречается тип метафорического переноса, при котором названия животных используются для описания человека, обозначения тех или иных его качеств, черт внешности, характера, умственных способностей. К тому же зоонимы зачастую являются символами моральных и интеллектуальных качеств человека [3].

В шведском и русском языках можно отметить наличие как полных, так и частичных структурно-семантических фразеологических эквивалентов сравнительно-образного характера, описывающих человека. Такие фразеологические единицы зачастую представляют собой устойчивые сравнения и строятся по одинаковой модели: в шведском языке с союзом *som*, а в русском – *как*.

Так, например, для описания внешности и физических качеств человека используются следующие фразеологизмы: *уродливый как обезьяна – ful som en apa, толстый как свинья – tjock som ett svin, глаза как у коровы – ögon som en ko, красный как рак – röd som en kräft, сильный как медведь/лошадь/бык – stark som en björn/en häst/en tjur.*

Для выражения различных черт характера человека часто употребляются сравнения, универсальные для многих языков. Например, фразеологические единицы с зоонимом *осел* и в русском, и в шведском языке имеют отрицательную коннотацию: *глуп как осел – dum som en åsna, envis som en åsna – упрямый как осел.* Для выражения человеческой трусости и храбрости во фразеологизмах обоих языков используются образы зайца и льва: *дрожать как заяц –*

vara rädd som en hare, храбрый как лев – modig som ett lejon; для выражения хитрости – образ лисы: *хитрый как лиса – listig som en räv;* для выражения верности – образ собаки: *верный как собака – trogen som en hund.*

Примером отражения поведения человека посредством фразеологизмов с компонентами-зоонимами являются следующие фразеологические эквиваленты: *извиваться как змея – slinga sig som en orm, тихий как мышь – tyst som en mus, расхаживать как петух – gå som en tupp.* [4]

Однако в зоонимических фразеологизмах шведского и русского языков также отражается специфика образного мышления конкретного народа и его картина мира. Например, воровство у шведов ассоциируется с вороном, а у русских – с сорокой: *stjäla som en korp* (дословно: ‘воровать как ворон’) – *воровать как сорока*. Лень в шведской культуре отождествляется с образом коровы, а в русской культуре используется образ тюленя: *lat som en ko* (дословно: ‘ленивый как корова’) – *ленивый как тюлень*. В шведской культуре злого человека сравнивают с пчелой, а в русской – с собакой: *arg som ett bi* (дословно: ‘злой как пчела’) – *злой как собака.*

Некоторые фразеологические единицы с компонентами-зоонимами имеют национально-культурную специфику, отражающую условия жизни и быта народа. Для шведов, например, характерно сравнение человеческих качеств с различными сортами рыб и морепродуктов, что обусловлено географическим расположением страны (Швеция – морская держава, где развит рыбный промысел). Например, пластичный человек, а также человек, скрывающий свои истинные намерения или избегающий прямого ответа, у шведов ассоциируется с угрем: *vig/smidig som en ål* (дословно: ‘ловкий/гибкий как угорь’) и *hal som en ål* (дословно: ‘скользкий как угорь’). Про бодрого и шустрого человека шведы говорят *kry som en abborre* (дословно: ‘бодрый как окунь’) и *pigg som en mört* (‘бодрый как плотва’), про радостного – *glad som en lax* (дословно: ‘радостный как лосось’), а про худого – *mager som en räka* (дословно: ‘худой как креветка’).

Таким образом, при сравнительном анализе русских и шведских фразеологических единиц, характеризующих человека, обнаружено множество эквивалентов и аналогов. В сопоставляемых языках в качестве компонентов таких фразеологических единиц широко используются соматизмы и зоонимы. Лексико-семантическая схожесть таких фразеологизмов в обоих языках обусловлена идентичными ассоциациями со свойствами и функциями частей тела человека и поведением животных. Однако можно также отметить наличие русских и шведских соматических и зоонимических фразеологизмов, которые не имеют аналогов или калек в другом языке в силу своей национально-культурной специфики. В связи с этим сопоставительный анализ шведских и русских соматических и зоонимических фразеологизмов представляет собой широкое поле для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://bigenc.ru/linguistics/text/4735262. – Дата доступа : 10.10.2019.

2. *Шарманов, В. В.* Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и немецкого языков // Universum: Филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2014. № 10 (12). – Режим доступа : http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1656. – Дата доступа : 10.10.2019.

3. *Саламатина, О. А.* Роль компонентов-зоонимов в формировании общего фразеологического значения английских фразеологических единиц / О. А. Саламатина // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5–3. – С. 428–430.
4. *Алёшин, А. С.* Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека. Словарь / А. С. Алёшин. – СПб., 2017. – 144 с.

The article is devoted to Russian and Swedish phraseological units describing people's appearance, character, emotions and behaviour. Two groups of the most common phraseologisms are examined: phraseologisms with somatic components and phraseologisms with component-zoonyms. Special attention is given to lexical-semantic similarity of Russian and Swedish phraseologisms containing somatisms and zoonyms. Some differences in Russian and Swedish phraseologisms characterising people are also marked out.

А. С. Баханович
Минск, МГЛУ

РОЛЬ ИРОНИИ АБСУРДА В СОЗДАНИИ ПОРТРЕТА ГЕРОЕВ В БЕЛОРУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Рассматривается абсурдная (сюрреалистическая) разновидность иронии в разноструктурных языках на материале белорусско- и англоязычных произведений П. В. Васюченко «Дзівоснае лета паноў Кубліцкага ды Заблоцкага», С. Давидовича «Развод па-славянску», С. Фрая «Миф. Греческие мифы в пересказе», Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс: на грани безумия» и С. Кинселлы «Шопоголик на Манхэттене». Установлено, что ирония абсурда может быть структурирована ироническим олицетворением, сравнением, реминисценцией и т.д. Ироническое отношение автора и героя к действительности проявляется в элементах ирреальности, игре с нормами, абсурдном характере господствующей системы ценностей.

Ирония – стилистический прием-троп, «игра со смыслом», разновидность импликатуры, предусматривающая смысловые подстановки или замещения. Правомерно рассматривать данное явление как вид комического и трагического, интеллектуальную эмоцию, эстетический способ рефлексии, особую модальность, форму языковой игры, форму оценочного, критического, эмоционального освоения окружающего мира, которая обнаруживает связь с творческой позицией автора, его мировоззрением.

Обобщая определения иронии, данные Т. Ф. Лимарёвой, А. В. Сергиенко, О. Г. Петровой, О. П. Ермаковой, Д. Мюкке, С. Аттардо, Л. Хатчеон, мы пришли к выводу, что это средство реализации субъективно-оценочной модальности, а также сложная лингвистическая и эстетическая категория, основанная на явно-притворном изображении отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать описываемое явление. Ирония возникает как результат одновременной актуализации нескольких значений слова в контексте (задача читателя – разгадать эту многозначность).

Для распознавания иронии в тексте нами были определены принципы ее формирования. К числу необходимых компонентов создания иронии мы относим: 1) двуплановость, под которой мы понимаем наличие двух смыслов (позитивного и негативного); 2) формальные сигналы – паралингвистические знаки и специальные слова (улыбка, ухмылка, взгляд и интонация); 3) семантические сигналы – употребление возвышенной лексики, в которой фиксирована

функция сигнализации иронии (*возлежать, соблаговолить*). К факультативным условиям могут быть причислены: языковая маркированность нарушения логики сочетаемости; игровое поведение продуцента иронии (говорящий умышленно нарушает принципы кооперации общения); деонтическая оценка, которая связана с этическим понятием нормы.

Проблеме абсурда и его соотношения со смыслом посвящена обширная лингвистическая литература (Р. Барт, 1994; М. Эсслин, 2010; Ж. Делёз, 2011; Е. В. Клюев, 2000; В. И. Карасик, 2003; О. Д. Буренина, 2004). Существуют разнообразные трактовки категории абсурда. М. Эсслин в работе «Театр абсурда» приводит следующие определения: 1) дисгармония в контексте; 2) несоответствие, порожденное причинами или правилами; как несовместимое, необоснованное, алогичное. В англоязычном толковом словаре понятие *абсурд* означает еще и ‘смехотворный’. Ионеско в эссе о Кафке определяет его так: «Абсурд – это нечто, лишенное цели… Оторванный от своих религиозных, метафизических и трансцендентальных корней человек погиб; все его действия бессмысленны, абсурдны, бесполезны» [1, с. 24].

Как указывает О. Д. Буренина, понятие абсурда, означавшее у ранних греческих философов нечто нежелательное, противоположное гармонии, по сути было эквивалентно понятию Хаоса. Тем самым абсурд выступал как эстетическая категория, выражающая отрицательные свойства мира и противоположная прекрасному и возвышенному, в основе которых находится положительная общечеловеческая ценность предмета [2, с. 8].

По мнению О. Д. Бурениной, существуют три разновидности абсурда: логический (отрицание центрального компонента рациональности – логики), поэтический (нарушение восприятия искусства), метафизический (нарушение восприятия действительности) [2, с. 191]. Лингвист считает, что основной функцией абсурда в культуре является трансгрессия (переход границы между возможным и невозможным) и, как следствие, – культурный прогресс.

С точки зрения В. И. Карасика, понимание абсурдности высказывания – «… это осознание отсутствия смысла там, где смысл должен быть» [3, с. 113]. Исследователь выделяет следующие базовые типы абсурда: онтологический (или мировоззренческий), фидеистический (вера в иррациональное), проблемный (включающий неустранимое противоречие), игровой (интеллектуальная игра, насмешка; сюда же относится и нонсенс) [3, с. 114].

Следует разграничить термины *нонсенс* и *абсурд*. Нонсенс – это то, что не имеет смысла, но также и то, что противоположно отсутствию последнего, что само по себе дарует смысл [4, с. 103]. Абсурд – нелепость, противоречие. Абсурдным считается также выражение, которое внешне не является противоречивым, но из которого все-таки может быть выведено противоречие.

К. М. Шилихина приходит к выводу, что для привнесения иронического смысла в абсурдное по своему смыслу высказывание читателю необходимо базироваться на знаниях о внешнем мире (точнее, знании о социальной норме), а также осведомленности о текущем положении дел (о регулярном нарушении этой нормы). Интерпретируя текст как ироничный, адресат находит рациональное объяснение абсурдному представлению ситуации [5, с. 335].

Абсурдное представление ситуации – это сигналы роли «несведущего простака», маски, которую надевает на себя говорящий (именно так поступал Сократ в диалогах Платона). Говорящий делает попытку упразднить имеющееся у участников коммуникации знание о мире и существующие в нем правила взаимодействия между объектами и заменить их на новые, игровые конвенции [5, с. 168].

Ирония абсурда выделяется и современными лингвистами, поскольку она отличается от других способов иронизирования несколькими свойствами: во-первых, она легче распознается, во-вторых, она практически всегда производит комический эффект, в-третьих, она наименее зависима от контекста [6, с. 59].

На основе проанализированных исследований представляется возможным очертить границы иронии абсурда: не имеет коррелята в окружающем мире (логические рассуждения идут вразрез с социальными ценностями и моральными нормами) [6, с. 54]; речевое поведение продуцента иронии абсолютно нерационально; заведомо абсурдная информация нарушает максиму качества информации Грайса, что является одним из принципов создания иронической образности.

Источником примеров *абсурдной (сюрреалистической) иронии* послужили роман-сказка П. В. Васюченко «Дзівоснае лета паноў Кубліцкага ды Заблоцкага»:

– Вошы патрэбныя, каб паны раз-пораз галаву чухалі, раздумваючы над важнымі пытаннямі. І для крывацёку карысна. Масаж галавы.

– Дык ты, пане Макс, кажаш, што няма шкодных жывёлаў? Ну, пра вошай ты нам добра давёў, хоць мы з панам Кубліцкім не маем столькі валасоў, каб у дастатковай колькасці іх гадаваць і рабіць сабе масаж. А што ты скажаш наконт каларадсага жука? Прывезлі яго з Мерыкі на нашу галаву… Пэўна нехта даў маху. Мажліва, нячысцік? [7, с. 43].

Данный диалог насыщен абсурдными рассуждениями о пользе вшей, что не коррелируется с реальностью. Пан Заблоцки иронично оценивает ситуацию и пытается найти объяснение: «мажліва, нячысцік?», которое только усиливает противоречивость.

Также был выявлен расширенный пример олицетворения (персонификации, антропопатизма, прозопопеи) – приписывания свойств человеческой психики предметам и явлениям реального или вымышленного мира: в данном случае коту, который принес в дом мышь и отпустил ее. Автор создает аллегоричный образ кота-генерала и его «мышиного войска». Языковая игра находит отражение в риторических вопросах, имеющих ироническую импликатуру. В результате комплекс использованных стилистических средств создает парадоксальный образ:

– А гэта я папуляцыю аднаўляю, – патлумачыў кот Буркун. – Вы, панове, сваімі гаспадарчымі эксперыментамі, пасткамі ды атрутамі вынішчылі бадай усё маё мышынае войска. Кім я цяпер камандаваць буду? Хто мне пішчаць будзе: «Здароў будзь, пане генерале?». Як мне цяпер ладзіць мышыныя парады? Каго я буду ўзнагарджваць ордэнам Селядцовага хваста і медалём Малочнае сасіскі?! Вы ж мяне і войска, і званні, і ганаровае варты пазбавілі! Нашто вы ў мяне сэнс жыцця адабралі? Дык я цяпер буду самастойна хату мышамі засяляць і страчанае сваё кацінае ўчасце вяртаць. Абвяшчаецца датэрміновы восеньскі набор у мышынае войска (восень яшэ не настала) [7, с. 52–53].

В сборнике повестей С. Давидовича «Развод па-славянску» ирония также создается посредством олицетворения. Охотник Кузьма рассказывает историю, про то, как заблудился зимой в лесу, выпил, чтобы согреться, а утром проснулся в берлоге, с медведицей в обнимку. Образ медведицы, которая требует алименты – противоречит здравому смыслу. Продуцент иронической образности, Кузьма, весельчак, способный к самоиронии и абсурдизации событий:

Убачылі неяк зубаскалы мядзведзевы сляды ля вёскі і пусцілі чутку, што мядзведзіца прыходзіла да мяне спаганяць аліменты. А другім разам сплялі, што бачылі мядзведзіцу з медзведзянятамі і тая сварылася на мяне: «Не будзеце слухацца, Кузьме, вашаму бацьку, скажу!» [8, с. 34].

В англоязычном художественном дискурсе ирония абсурда также широко применяется авторами:

There are many different accounts as to how Zeus escaped the attention of the great Kronos, god of earth, sky and seas. One records that a nymph named ADAMANTHEA suspended the infant Zeus by rope from a tree. Strung up between earth, sea and sky he remained in this way invisible to his father. It is a ***pleasingly Daliesque image – the baby who would become the mightiest of all beings gurgling, babbling and chuckling in mid-air, hanging between the elements over which he was destined to rule*** ‘Бытует много разных изложений того, как Зевс избежал внимания великого Кроноса, бога земли, неба и моря. Согласно одному варианту, нимфа по имени АДАМАНТЕЯ подвесила младенца Зевса на веревке на дереве. Находясь между землей, морем и небом, он оставался незримым для своего отца. Приятный образ, в стиле Дали: дитятко, что станет самым могучим из всех живых, пускает слюни, лопочет и хихикает, свисая с дерева среди стихий, какими ему суждено править’ [9, с. 54].

В сборнике повестей «Миф. Греческие мифы в пересказе» С. Фрай имплицитно апеллирует к существующим в обществе представлениям о том, как необходимо обращаться с ребенком, поэтому подвесить ребенка за ножку на дереве – представляется абсурдным. Автор использует художественный прием реминисценции, ссылаясь на С. Дали, и характеризует описываемую картину как *pleasingly Daliesque image* ‘приятный образ в стиле Дали’, в то время как его картины – воплощение экстравагантной личности и сюрреалистического безумия, авангардизма. Наречие *pleasingly* ‘приятно’ выполняет функции антифразиса, противопоставляя словарное значения контекстуальному смыслу, что и вызывает иронический эффект. Кроме того, в антифрастическом употреблении лексической единицы ярко проявляется аксиологический аспект иронии, поскольку он позволяет выразительно противопоставить ожидаемое или желательное положение вещей фактическому. Фигура Зевса в данном случае достаточно контрадикторная, наблюдается совмещение образа Громовержца и беспомощного младенца. С. Фрай игнорирует правдоподобие с целью спровоцировать смех, отвращение или удивление по поводу неестественных и абсурдных объектов его воображения.

В бестселлере С. Кинселлы «Шопоголик на Манхэттене» Ребекка Блумвуд выражает критически-насмешливое отношение к стереотипам о жителях Нью-Йорка посредством иронического высказывания. Ирония усиливается за счет абсурдности риторического вопроса *shoot someone, maybe?* ‘может, пристрелить кого-нибудь?’, который противоречит любым моральным и социальным нормам:

I'll show Luke I can fit into this city. I'll show him I can be a true New Yorker. I'll go to the gym, and then I'll eat a bagel, and then I'll… shoot someone, maybe? 'Я докажу Люку, что смогу вписаться в этот город. Что смогу стать настоящим нью-йоркцем. Пойду в спортзал, потом выпью какой-нибудь полезный травяной отвар, а потом… потом, может, пристрелить кого-нибудь?' [10, с. 187].

В романе Х. Филдинг «Бриджит Джонс: на грани безумия» также выявлен пример иронии абсурда. Бриджит обладает нетривиальным мышлением, и абсурдизация реальности помогает ей снизить важность некоторых проблем. Героиня так сильно ревнует своего возлюбленного к коллеге Ребекке, что воображает невероятные способы борьбы с соперницей:

I stumbled back to the flat wondering if I could turn Rebecca into a Buffalo and set her on fire without creating enough smoke to alert Scotland Yard 'Я неровным шагом пошла к дому, раздумывая про себя, как бы мне превратить Ребекку в буйвола и поджечь, но так, чтобы дыма было не слишком много и Скотленд-Ярд не переполошился' [11, с. 207].

Интерес представляют высказывания, в которых продуцент иронии создает *абсурдную корреляцию* (сравнивая реальное положение дел с нарочито преувеличенным, искаженным):

But that bulging, ballooning secret had to be released somehow before he burst. No unmilked cow with swollen udders, no mother of overdue twins, no gut-stuffed gastronome straining on the privy, could ever feel such a desperate need for relief from their agonies than this poor barber 'Но этот брякнувший, неуемный секрет надо было как-то стравить, пока он не рванул. Ни одна недоенная корова, ни одна мать с переношенными близнецами, ни один облопавшийся до отвала гурман, тужащийся в клозете, никогда не ощущали подобную отчаянную нужду в облегчении их мук, как тот несчастный цирюльник' [9, с. 506].

Брадобрей Мидаса пообещал, что никому не расскажет о том, что у царя под тюрбаном ослиные уши. Автор соизмеряет молчание цирюльника с явлениями, которые значительно труднее. С. Фрай сгущает смысл, сравнивая хранение тайны с недоенной коровой, переношенными близнецами и т.д., в результате чего возникает фантасмагорическая ситуация, нагромождение причудливых образов.

Изучив вышеприведенные примеры иронии абсурда, мы пришли к следующим выводам: 1) продуцент иронии сознательно представляет ситуацию так, что высказывание начинает противоречить стандартным представлениям о мире, демонстрируя бессмысленность какого-либо положения, вскрывая наличие диссонанса; 2) признаками абсурдной реальности являются: алогичность, хаотичность, трагичность, уравнивание противоположностей, иллюзорность, обманчивость; 3) автор конструирует особую действительность, в которой пребывают персонажи, оптимальные для выражения художественного замысла: обладающие иррациональным мышлением, оценивающей позицией в отношении к себе самому и своему окружению; 4) в ироническом мировоззрении героев произведений, авторских высказываниях смываются границы между добром и злом, логическим и алогичным, реальным и непостижимым, обнаруживается их пересечение, взаимопроникновение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эсслин, М.* Театр абсурда / М. Эсслин; пер., вступ. ст., избр. рус. библиограф., коммент. и указ. имен Г. В. Коваленко; ред. Е. С. Алекссева. – СПб. : Балтийские сезоны, 2010. – 527 с.
2. *Буренина, О. Д.* Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг : сб. ст. / отв. ред. О. Буренина. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 448 с.
3. *Карасик, В. И.* Типы абсурда // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 112–126.
4. *Делёз, Ж.* Логика смысла / Ж. Делёз; пер. с фр. Я. И. Свирского ; Ин-т философии РАН. – М. : Академ. проект, 2011. – 470 с.
5. *Шилихина, К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 л.
6. *Kapogianni, E.* Irony via “Surrealism” / E. Kapogianni // The Pragmatics of Humour across Discourse Domains / Ed. by M. Dynel. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 51–70.
7. *Васючэнка, П. В.* Дзівоснае лета паноў Кубліцкага ды Заблоцкага: раман-казка / П. В. Васючэнка. – Мінск : Кнігазбор, 2018. – 103 с.
8. *Давідовіч, С. Ф.* Развод па-славянску: апавяданні, аповесці / С. Ф. Давідовіч. – Мінск : Маст. літ., 2005. – 356 с.
9. *Фрай, С.* Миф. Греческие мифы в пересказе / С. Фрай ; пер. с англ. Ш. Мартыновой. – М. : Phantom press, 2018. – 534 с.
10. *Kinsella, S.* Shopaholic Takes Manhattan / S. Kinsella. – Bantam Dell, 2002. – 251 p.
11. *Филдинг, Х.* Бриджит Джонс. На грани безумия / H. Fielding // Bridget Jones: the Edge of Reason. Billingual. – М. : Эксмо, 2015. – 672 с.

The paper considers an absurd (surreal) kind of irony in multi-structural languages on the material of Belarusian and English literary works. It has been established that the irony of the absurd can be structured by ironic personification, comparison, reminiscence, etc. The ironic attitude of the author and the hero to reality is manifested in the elements of irreality, a game with norms and the absurd nature of the prevailing system of values.

Н. В. Егоров
Минск, МГЛУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются прагматические функции лексико-стилистических средств в научно-популярном дискурсе на примере англо- и белорусскоязычных печатных изданий. С опорой на авторитетные источники автор статьи отмечает важность эмоционального компонента в рассматриваемом дискурсе, через который адресант непосредственно воздействует на потенциального реципиента нового научного знания. Особое внимание уделяется анализу лексико-стилистических средств в научно-популярном дискурсе; их использование способствует реализации прагматического потенциала текста. Установлено, что в дискурсе на сопоставляемых языках функционирует схожий набор средств – эпитеты, метафоры, фразеологизмы и сравнения. В заключение делается вывод о том, что через использование указанных средств реализуются базовые стратегии научно-популярного дискурса – информирование и убеждение.

Суть научно-популярного дискурса можно описать через одну из его характеристик, отражающих эмоциональный компонент, – суггестивность, т.е. неаргументированное воздействие на воображение, эмоции, подсознание адресата посредством лингвистических и нелингвистических средств [1; 2].

Эмоция «всегда явно или скрытно сопутствует любому высказыванию и отражается в нем по-разному» [3, с. 9]. Как отмечает В. И. Шаховский, «ключом к изучению человеческих эмоций» является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, <…> предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующей эмоции» [4, с. 383]. Категория эмоциональности, по мнению В. И. Болотова, «предполагает воздействие на человека и представляет собой чувственную реакцию на текст» [5, с. 15]. Основным языковым средством выражения эмоциональности является эмотивная лексика, однако и лексико-стилистические средства вносят определенный вклад в актуализацию данной категории. В настоящей статье рассматриваются их прагматические функции в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках.

Исходя из вышесказанного, автор научно-популярного дискурса как популяризатор нового научного знания должен успешно использовать язык «для интеллектуального, эмоционального и волевого воздействия на адресата речи» [6, с. 273], имея в распоряжении ряд лексико-стилистических средств.

Следует отметить, что указанные средства обладают «способностью эксклюзивного выражения состояния “эго” отправителя речи, его психологической картины души» [3, с. 51], а также могут «передавать эмоциональные состояния других участников коммуникации» [7, с. 60].

Материалом для исследования в настоящей работе послужили научно-популярные статьи из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «National Geographic», «The New York Times» и статьи того же жанра из белорусскоязычных журналов «Родная прырода», «Беларуская думка», газеты «Звязда» за тот же временной отрезок.

Проведенный анализ показал, что наиболее распространенными лексико-стилистическими средствами, используемыми в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках, являются эпитеты, метафоры, фразеологизмы, сравнения. Среди других средств эмоционального воздействия встречаются разговорные единицы, параллельные синтаксические структуры, эмфатические конструкции, инверсия, парцелляция, эллипсис, однако они не получают широкого распространения в рассматриваемом типе дискурса.

Результаты анализа употребительности лексико-стилистических средств в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках отображены в таблице.

Употребительность лексико-стилистических средств
в научно-популярном дискурсе

Лексико-стилистические средства	Английский язык		Белорусский язык	
	кол-во	процентное соотношение	кол-во	процентное соотношение
Эпитет	272	58,62	142	50,71
Фразеологизм	93	20,04	71	25,36
Сравнение	58	12,5	9	3,22
Метафора	41	8,84	58	20,71
Всего:	464	100	280	100

Для англоязычного научно-популярного дискурса по сравнению с белорусскоязычным характерна более высокая частотность употребления эпитетов как в количественном, так и в процентном соотношении: *Some scientists have focused on another* ***fascinating*** *aspect of many Ediacarans: their* ***finer*** *architecture* (National Geographic, 03.2018) ‘Некоторые ученые обращают внимание на другую занимательную особенность многих представителей Эдиакария: их утонченное строение’; *Чалавечы мозг – вельмі складаная і адначасова вельмі* ***дзіўная*** *рэч* (Звязда, 11.09.2018).

Эпитет образно определяет предметы или действия, подчеркивает характерное для них свойство, выполняя эстетическую функцию [8, с. 460]. В научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках «эпитеты используются в авторской речи и комментариях ученых для эмоциональной характеристики сущности научных открытий и их практической значимости» [9, с. 72].

Одна из традиционных классификаций эпитетов представлена в словаре эпитетов русского литературного языка, согласно которой выделяются три типа: общеязыковые, народно-поэтические и индивидуально-авторские. Особенностями общеязыковых эпитетов как самого многочисленного типа являются относительная устойчивость связи между определяющим и определяемым, воспроизводимость и неоднократность употребления подобных словосочетаний. Народно-поэтические эпитеты берут свое начало в литературном языке из устного народного творчества и характеризуются постоянством, ограниченностью сочетаний определяющего с определяемым. В основе индивидуально-авторского типа лежат неповторимые смысловые ассоциации и окказиональный характер употребления [10, с. 6–7].

Проведенный анализ показал, что в научно-популярном дискурсе наиболее употребительными являются общеязыковые и индивидуально-авторские эпитеты. Приведем примеры этих типов эпитетов в исследуемом дискурсе на сопоставляемых языках.

Примеры общеязыковых эпитетов: *Aldridge’s* ***heroic*** *rescue is an example of what scientists call extreme altruism –* ***selfless*** *acts to help those <…> at the risk of* ***grave*** *personal harm* (National Geographic, 01.2018) ‘Героическое спасение г-жи Олдридж является примером того, что ученые называют крайней степенью альтруизма – самоотверженный акт помощи тем <…>, кто рискует получить серьезные телесные травмы’; *Пятае пакаленне мабільнай сувязі – 5G абяцае* ***небывалыя*** *хуткасці доступу да інтэрнэту* (Звязда, 28.09.2018).

Примеры индивидуально-авторских эпитетов: *This view has led many scientists to accept the once* ***heretical*** *idea that addiction is possible without drugs* (National Geographic, 09.2017) ‘Данная точка зрения подтолкнула многих ученых к принятию некогда отступнической идеи о том, что наступление зависимости возможно и без наркотиков’; *Такім чынам, менавіта пісьменнікі Новага часу <…> зрабілі беларускую мову* ***інтэлектуальнай*** *і* ***надзвычай пластычнай***, ***эстэтычна прывабнай*** *і зручнай у карыстанні* (Беларуская думка, 01.2019).

Среди лексико-стилистических средств в обоих языках встречается метафора, позволяющая лучше понять новые идеи на основе обыденного знания. Метафора представляет собой довольно распространенное средство словесной

образности, различное в своем текстовом проявлении и функциональной активности и являющееся составной частью различных типов коммуникации: от неформальной беседы до научных материалов [8; 11]. Адресант в научно-популярном дискурсе удовлетворяет через нее «потребность человеческого мышления, оперирующего одновременно абстракциями и образами» [12, с. 37]. Как отмечает Л. М. Алексеева, метафора лежит в основе процесса индивидуального научного творчества адресанта, целью которого является представление новизны научного знания и его вербализации [13]. Это средство в исследуемом дискурсе выполняет прагматическую функцию эмоционально-экспрессивного воздействия и убеждения и придает информационную значимость повествованию [9, с. 72]: *Christner and other researchers are sending weather balloons <…> to try to answer the question – and shed light on what these* ***citizens of the sky*** *get out of the deal* (Popular Science, 07-08.2017) ‘Кристнер и другие исследователи отправляют метеозонды <…> в попытках найти ответ и пролить свет на то, что эти небожители [прим. - микробы] имеют в плюсе’; *Калі ў 2010 годзе быў секвеніраваны поўны геном неандэртальца, параўнанне з ДНК сучаснага чалавека паказала, што ўсе неафрыканскія людзі валодаюць* ***кавалачкамі ДНК*** *неандэртальцаў, замешанымі ў геноме* (Звязда, 11.03.2016).

С опорой на классификации Т. В. Жеребило и М. Н. Кожиной [6, с. 192; 8, с. 458] мы различаем три типа метафор: 1) общеязыкового характера (стертые, т.е. утратившие образность): *computer pioneer*, *маленькая працаўніца* (о пчелах)*;* 2) сохраняющие образность («свежесть»): *code of life* (о ДНК), *Сінявокая* (о Беларуси)*;* 3) индивидуально-авторские*: curtains of efficiency* (о компьютерных программах), *нектараносны канвеер.*

Следует отметить, что в проанализированных белорусскоязычных текстах научно-популярного дискурса (25,36 %) немногим чаще, чем в англоязычных (20,04 %), встречаются фразеологизмы, призванные облегчить процесс усвоения читателем новой информации: *While typical investing is regulated by some central authority who can <…> provide an economic safety net when* ***the bottom falls out****, cryptocurrencies regulate themselves* (Popular Mechanics, 04.2018) ‘В то время как стандартные инвестиции контролирует специальный орган центральной власти, способный сыграть роль экономической подушки безопасности, когда земля уходит из-под ног, криптовалюты регулируют себя сами’; *Дадзенае даследаванне не прапануе нейкіх новых метадаў выяўлення пазаземных формаў жыцця, але цалкам даступна тлумачыць, як «касмічная гарыла» здольная* ***зблытаць нам усе карты*** *і прымусіць* ***глядзець не ў той бок*** (Звязда, 11.09.2018).

В американском научно-популярном дискурсе отмечены случаи использования сравнения (12,5 %) как эффективного способа передачи эмоциональной оценки: *“****Sunlight is like a lighter for this ecosystem****; it’s why we’re here now,” says Manu San Félix, a diver and photographer who has joined us on the beach <…>* (National Geographic, 01.2018) ‘«Солнечный свет как запал для этой экосистемы; именно поэтому мы сейчас здесь», – говорит Ману Сан Феликс, дайвер и фотограф, присоединившийся к нам на пляже …’. В белорусскоязычном дискурсе данное средство мало распространено (3,22 %): ***Раёнка, нібы лета-пісец свайго часу,*** *фіксуе ўсе змены, што адбываюцца ў грамадстве, зада-вальняючы інфармацыйныя запыты свайго чытача* (Беларуская думка, 04.2018).

Таким образом, в англо- и белорусскоязычном научно-популярном дискурсе на лексико-стилистическом уровне используется схожий набор средств – эпитет, метафора, фразеологизм, сравнение. Они придают письменной речи автора живость, обеспечивают образную подачу материала и стимулируют адресата на дальнейшие размышления. Количество эпитетов, фразеологизмов и сравнений выше в американском дискурсе, чем в белорусском, что говорит о его более ярко выраженной эмоциональной составляющей, тогда как белорусскоязычные авторы склонны придерживаться нейтрального стиля изложения.

Используя перечисленные выше лексико-стилистические средства, адресант облегчает восприятие информации при толковании научного знания и оказывает непосредственное эмоциональное воздействие на адресата, тем самым реализуя обе базовые стратегии научно-популярного дискурса – информирование и убеждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Желтухина, М. Р*. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М. Р. Желтухина. – Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
2. Медиатекст и культура / под ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. – 196 с.
3. *Буянова, Л. Ю.* Эмотивность и эмоциогенность в языке : механизмы экспликации и концептуализации / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006. – 277 с.
4. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 414 с.
5. *Болотов, В. И.* Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста) / В. И. Болотов. – Ташкент : Изд-во «Фан», 1981. – 116 с.
6. *Жеребило, Т. В.* Словарь лингвистических терминов / отв. ред. Т. В. Жеребило. –5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. *Чалагаева, В. В.* Языковые средства реализации тональности новостного дискурса (на материале газетной и телевизионной хроники на английском и русском языках) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / В. В. Чалагаева. – Минск, 2018. – 155 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников: под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
9. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
10. *Горбачевич, К. С.* Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич; отв. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2002. – 224 с.
11. *Semino, E.* Metaphor in discourse / E. Semino. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. – XII, 247 p.
12. *Никитина, С. Е.* Семантический анализ языка науки : на материале лингвистики / С. Е. Никитина; отв. ред. Н. А. Слюсаева. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 146 с.
13. *Алексеева, Л. М.* Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. М. Алексеева ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1998. – 33 с.

The article analyses the pragmatic functions of lexical stylistic means in English and Belarusian popular science discourse. The author focuses the reader's attention on the most widely used means in both languages, namely, epithets, metaphors, phraseological units, and similes. Besides, he exposes their role in proving novelty and facilitating comprehension of new scientific knowledge.

А. Е. Локонова
Москва, МГИМО (У) МИД России

АНТОНИМЫ КАК ЕДИНИЦЫ КОНТРАСТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена изучению антонимов как единиц контраста. В силу своей многоаспектности контраст проявляется на различных языковых уровнях. В данной статье рассматривается выражение контраста на лексическом уровне. Антонимы как лексические единицы, способные противопоставляться друг другу по значению, составляют основу контраста. Отмечается, что антонимы чаще всего принадлежат одной части речи. Однако, благодаря функции антонимов выражать семантические отношения противоположности, допускается рассмотрение разночастеречных элементов. В статье подвергаются анализу три типа антонимов: контрарные, комплементарные, векторные. Каждый тип имеет свои характеристики. Анализ, проведенный на материале политических статей из англоязычных журналов и газет, показал, что антонимы употребляются в статьях политического характера в качестве единиц контраста.

Контраст как явление сложное и междисциплинарное изучается учеными с разных позиций и получило научное обоснование в различных сферах: философия, логика, эстетика, психология и т.д. В языкознании термин *контраст* тесно связан с такими понятиями, как «противоречие», «противоположность», «противопоставление». Ф. де Соссюр утверждал, что «язык является системой, исключительно основанной на противопоставлении его конкретных единиц» [1, с. 696]. Многие лингвисты пытались дать свое толкование такого явления, как контраст. О. С. Ахманова вводит определение, которого придерживаются многие ученые: «контраст есть взаимное противопоставление синтагматически соположенных единиц, противопоставление сосуществующих единиц» [2, с. 207]. При этом Ахманова рассматривает термин *противопоставление* как «фигуру речи, состоящую в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности» [2, с. 207].

Контраст как явление многоаспектное может проявляться на разных уровнях текста, организует его структуру [3, с. 62]. Целью данного исследования является изучение единиц контраста, которые выражаются антонимами, на лексическом уровне. Обычно в качестве антонимов выступают слова, принадлежащие к одной и той же части речи. Однако функция антонимов – обозначать и выражать семантические отношения противоположности – допускает возможность рассмотрения разночастеречных элементов в вопросе установления их антонимичности [4, с. 199].

Контраст характерен для политического дискурса. Общепринятым является мнение, что политика представляет собой борьбу за власть, которая предполагает противоречие внутри партий, противостояние идеологий. Одним из способов отражения противоречия и борьбы в политическом дискурсе служит использование антонимов. Сфера политики подразумевает навязывание аудитории той

или иной точки зрения, антонимы могут употребляться в качестве лексического средства воздействия на читателя. Так, например, политики в своих речах противопоставляют ключевые понятия, такие как *war – peace, marriage – divorce, friend – foe*, с целью выделения важной для политического текста идеи.

Проблема антонимии не подвергалась изучению до середины XX века. Отсутствие классификаций и исследований проявления антонимии в тексте способствовало возросшему интересу к данному явлению среди отечественных и зарубежных лингвистов. За основу первых исследований антонимов был взят логико-философский критерий, благодаря которому удалось дать более точное определение этого понятия, а также создать классификацию антонимов на его основе. Особого внимания заслуживает работа лингвиста Дж. Лайонза, который создал классификацию всех антонимов английского языка по типам противоположностей. Было выделено три класса антонимов – комплементарные антонимы, собственно антонимы и конверсивы, а также описаны их свойства [5, с. 56]. Созданием классификации антонимов занимались и многие отечественные лингвисты. Так, Г. В. Андреева предложила теорию контрастноспособных единиц, участвующих в репрезентации контраста на лексическом уровне целого текста. Под термином *контрастноспособность лексических единиц* исследователь понимает «свойство слова вступать в больший или меньший набор парадигматических противопоставлений, одно из которых реализуется в данном тексте» [6, с. 15]. Г. В. Андреева выделяет две группы контрастноспособных единиц: реальные и потенциальные контрастивы. Антонимы в данной классификации характеризуются как реальные контрастивы (языковая единица, обладающая реальной или потенциальной способностью контрастного противопоставления и реализующая ее в контексте контраста), способные образовывать автономные лексические оппозиции [6, с.16].

Наиболее четкую и структурированную классификацию лексических антонимов предложил Л. А. Новиков. Российский лингвист занимался созданием структурной и семантической классификации слов с противоположным значением. Согласно утверждениям Л. А. Новикова, антонимы со структурной точки зрения подразделяются на однокоренные и разнокоренные. При этом он подчеркивает, что большинство антонимов имеют разные корни. С семантической точки зрения антонимы характеризуются сходными однотипными значениями, предельно противопоставленными друг другу по одному существенному дифференциальному признаку [7, с. 10]. Выделяется три типа антонимов: контрарные, комплементарные и векторные.

Анализ проводится на материале статей, опубликованных в журналах «The Spectator», «The Economist», «The New York Times», «The Guardian» и посвященных уходу с поста премьер-министра Терезы Мэй и избранию нового премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона. Тема выхода Великобритании из состава ЕС является актуальной на сегодняшний день. В своих статьях авторы политических журналов проводят анализ политики Мэй, прогнозируют действия Джонсона, а также поднимают актуальный вопрос, что станет

с Великобританией после 31 октября 2019 года. В данном исследовании за основу берется классификация предложенная Л. А. Новиковым, как наиболее подходящая к материалу исследования. Рассмотрим все три типа антонимов на материале политического дискурса.

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность. Данный тип антонимов является самым распространенным в языке, который реализует контрарную качественную противоположность, а также создает градуальную оппозицию (постепенное изменение качества, создание промежуточного звена между двух противоположных понятий). Контрарный тип антонимов является наиболее распространенным видом противоположности.

В примере *Boris Johnson, Sajid Javid and Dominic Raab all want to use the threat of* ***no deal*** *to extract* ***a better deal*** *from the EU* используется контрарный тип антонимов. В противопоставлении *no-deal – better deal* автор указывает на план британских политиков во главе с Борисом Джонсоном использовать угрозу выхода Великобритании из ЕС без сделки с целью получения сделки на лучших условиях. Пропущенные элементы противопоставления *no-deal – better deal* автор статьи использует в качестве описания альтернативных вариантов решения проблемы Брексита: *«temporary deal», «put-it-off-until-tomorrow deal»* [8, p. 5].

В примере *Leavers argued that victory would enable them to negotiate a* ***brilliant deal*** *with the European Union. Now they advocate leaving with* ***no deal at all***, взятом из статьи журнала «The Economist», также подразумеваются контрарные антонимы *no-deal – better deal* [9, p. 11]. Однако автор видоизменяет данное противопоставление путем добавления интенсификаторов *brilliant* и *at all* с целью демонстрации кардинального изменения позиции сторонников Брексита. Антоним *better deal* в данной цепочке занимает место промежуточного элемента.

В статье «*How to save the Tory party»* автор размышляет о безвыходной ситуации, в которой сейчас находится партия консерваторов. В связи с затянувшимся выходом Великобритании из ЕС партия тори теряет свою популярность. В примере *Look at the millions who transferred their votes from Bernie Sanders to Trump. It is no longer* ***left vs right.*** *It is something else entirely. So what do the Conservatives do?* автор статьи сравнивает положение партии консерваторов с непопулярностью Дональда Трампа [10, p. 19]. Антонимы *left – right* относятся к контрарному типу антонимов, так как автор выражает четкое противопоставление двух личностей (*Sanders/Trump*), двух партий при помощи антонимов *left – right*. Несмотря на явную противоположность, имплицитно в данной цепочке автор подчеркивает существование других партий (*Lib Dem, UKIP*), которые, по его мнению, могут оказать поддержку партии Консерваторов.

2. Антонимы, выражающие дополнительность. В данном виде полностью отсутствует промежуточный элемент. Таким образом, «шкала противопоставления представлена двумя противоположными членами, которые являются предельными и дополняют друг друга до целого, при этом отрицание одного дает значение другого» [7, с. 12]:

В примере *Brexit has stamped identities on two opposing groups long in the making. Whatever the outcome, Britain is now a land of* ***Remainers and Leavers*** присутствует противопоставление *remain – leave,* которое отражает отношение подданых Великобритании к выходу из ЕС [9, p. 11]. Страна раскололась на два противоборствующих лагеря: те, кто поддерживают Брексит – *Leavers*, и те, кто выступают против выхода Великобритании из ЕС – *Remainers*. Антонимы *Remainers – Leavers* являются взаимоисключающими терминами, которые дополняют друг друга до единого целого – позиции целой страны (*The UK).*

Комплементарные антонимы *do – die* в примере *Mr Johnson's vow to leave on that date,* ***"do or die"****, makes it impossible to leave with any new deal. It also reveals that he is fundamentally unserious about negotiating one* демонстрируют, во-первых, серьезность намерений Бориса Джонсона относительно выхода Великобритании из ЕС без заключения какой-либо сделки, а во-вторых, подчеркивают невозможность получения нового соглашения под руководством нового премьер-министра [9, p. 11].

В примере *And whereas it became clear that Mrs May* ***was bluffing*** *about walking out, Mr. Johnson might just* ***be serious*** автор использует комплементарные антонимы *(to be bluffing* употребляется в значении 'to be not serious') с целью продемонстрировать разницу подходов к политике Брексита двух премьер-министров Великобритании – Терезы Мэй и Бориса Джонсона [9, p. 11]. Согласно мнению автора, Тереза Мэй не верила в успех Брексита, в отличие от нового премьер-министра Джонсона, который, напротив, был серьезно настроен вывести Великобританию из ЕС к 31 октября 2019.

3. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков. Оппозиция данного типа антонимов основана на логически противоположенных понятиях.

В примере *He has replaced his usual tactic of responding to questions with* ***long, digressive answers*** *with making* ***short points, even one-word replies*** противопоставление *answer – point* является ярким примером выражения логически противоположных понятий [11, p. 12]. *Answer* в значении 'решение проблемы' и *point* в значении 'небольшой блок информации' выражают противоположную направленность значений. Более того, автор сопровождает векторные понятия парой антонимичных прилагательных *long – short* с целью усиления противоположности значений.

В примере *At every stage, however, Boris's critics have been confounded. His jobs* ***change****, but his style* ***remains*** автор старается напомнить читателям о том, что Борис Джонсон в качестве министра иностранных дел Великобритании был подвергнут критике со стороны некоторых журналистов, а также политических деятелей за свою резкую позицию во внешней политике Великобритании [12, p. 5]. Кроме того, автор отмечает особый «стиль» Джонсона, который заключается в том, что при вступлении на новую должность Мистер Джонсон не приводит с собой свою команду (*he doesn't really have many chums*). Должность премьер-министра подразумевает смену «стиля». В качестве примера автор вспоминает предыдущих премьер-министров Великобритании, которые приходили со своей

командой: *Tony Blair and Gordon Brown both had their tribes: the Blairites and Brownites; David Cameron's government was known as a 'chumocracy'*. Однако автор уверен, что в сложившейся ситуации неменяющийся нетрадиционный для премьер-министра «стиль» поможет Джонсону получить желанное соглашение к 31 октября.

Таким образом, анализ данного материала показывает, что антонимы являются единицами контраста, которые широко употребляются в политическом дискурсе. При этом рассмотренные типы антонимов (контрарные, комплементарные и векторные) способствуют выражению идеи автора в политическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соссюр, Ф.* Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 576 с.
3. *Левковская, Н. А.* Роль контраста как концептуальное основание эссе в формировании смысловых доминант текста / Н. А. Левковская // Герценовские чтения. Иностранные языки. – 2018. – С. 62–63.
4. *Боева, Н. Б.* Антонимическая когезия в современном английском языке / Н. Б. Боева // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. тр. – Рязань : РГПУ, 2002. – С. 199–203.
5. *Лайонз, Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
6. *Андреева, Г. В.* Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Г. В. Андреева – Л., 1984. – 16 с.
7. *Новиков, Л. А.* Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М. : Рус. яз., 1984. – С. 5–30.
8. Hard Sums // The Spectator. – 2019. – 15th of June. – P. 5.
9. Who's gonna stop no-deal? // The Economist. – 2019. – 31st of Aug. – P. 11.
10. How to save the Tory party // The Economist.– 2019. – 8th of June. – P. 19.
11. A whole new Boris. How long can it last? // The Spectator. – 2019. – 6th of July – P. 12.
12. Boris Begins // The Spectator. – 2019. – 27th of July. – P. 5.

The article is devoted to the antonyms as contrast units in the political discourse and reveals the realization of three types of antonyms: contrary, complementary and vector. Political articles from English magazines and newspapers were in the focus of the analysis. The analysis shows that antonyms are widely used in the political discourse.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

О. А. Артемова
Минск, МГЛУ

ДЕМОНСТРАТИВЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена сопоставительному анализу белорусских и английских указательных местоимений как актуализаторов пространственного дейксиса, употребление которых зависит от типа ситуации. В экзофорическом типе ситуации выбор указательного местоимения обусловлен материальностью и выделенностью объекта указания, физическим расстоянием до него и способностью перцептора воспринимать его визуально. В распознавательном типе ситуации выбор между проксимальными и дистальными указательными местоимениями определяется общим пресуппозиционным фондом знаний коммуникантов и их эмоциональным состоянием. В дискурсивно-дейктическом типе ситуации выбор английского демонстратива в отличие от белорусского зависит от коммуникативного статуса источника информации.

Указательные местоимения, или демонстративы, являются ядерными маркерами пространственного дейксиса. В системах указательных местоимений языков мира точкой отсчета, как правило, выступает говорящий и расстояние от него до объекта указания. Эти слова входят в список первых десяти английских слов с пространственной семантикой, усваиваемых детьми прежде, чем они начинают продуцировать простые предложения. Однако существуют языки, в которых дейктические оппозиции могут строиться на параметре «видимости / невидимости референта, его размещении выше / ниже говорящего, ближе к реке / дальше от реки» и т.п. [6]. Подобные сложные дейктические системы свойственны конкретному мышлению. Однако в результате длительного процесса упрощения и абстрагирования языка, расширения понятия указательности, появления других способов выделения предметов окружающей действительности эти сложные системы превращаются в более простые четырехчленные, трехчленные, а позже двухчленные системы с оппозицией по близости/дальности относительно говорящего, выступающего точкой отсчета, как в сопоставляемых языках: белорус. *гэты, гэтакі*, англ. *this* ‘это’, *these* ‘эти’ и белорус. *той, тыя*, англ. *that* ‘то’, *those* ‘те’.

Традиционно данные местоимения осуществляют прямое указание на объект или явление в канонической речевой ситуации. Они выполняют *экзофорическую* функцию: выделяют объект из окружающей среды и фокусируют на нем внимание собеседника. В данном типе ситуаций говорящий сопровождает свое указание невербальными проксемическими (жесты, направление взгляда) или кинетическими (приближение говорящего к предмету) знаками [6, p. 94]: – *Падпалкоўнік махае рукой па дарозе. – Дык так: старшы вось* ***гэты*** *капітан, –* ***ківае*** *ён* ***на*** *Сахно* (В. Быкаў. «Мёртвым не баліць») [4]; «*Look», he* [Ignosi] *said; «what is* ***this****?» and he* ***pointed to*** *the picture of a great snake tattooed*

in blue round his middle (H. R. Haggard. «King Solomon's Mines») '– Смотри, – сказал он [Игнози]. – Знаешь ли ты, что **это** такое? – И **указал** на знак Великой Змеи, вытатуированный синей краской на его теле' [4]. В экзофорической функции выбор демонстратива обусловлено следующими факторами.

1. Границами зрительного поля перцептора – субъекта наблюдения. Общеизвестно, что каноническое положение наблюдателя в пространстве – это его положение стоя, а основным каналом получения информации об окружающем мире является зрение. Говорящий использует указательные местоимения, чтобы ввести объект в общее поле зрения других участников. Следовательно, дейктический центр – это горизонтальная линия на уровне глаз говорящего: объекты, находящиеся на этой линии, категоризуются как близко расположенные к коммуникантам и обозначаются проксимальными демонстративами *гэты, гэтыя* и *this, these*: *– Ты паглядзі на **гэтыя** сосны!* (І. Шамякін. «Сэрца на далоні») [4]; *Look at **this** beige coat* (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») '– Посмотрите на **это** бежевое пальто' [4].

Объекты выше, ниже этой линии или за спиной перцептора категоризуются как находящиеся на расстоянии и обозначаются дистальными демонстративами *той, тыя, that, those*: *За кармой шыпіць і пеніцца вада. А там на носе…. Паглядзі, бачыш **тую** зорку ў вадзе?* («У нашых сэрцах – памяць аб кожным чацвёртым»); *– Look at **those** stars!* (I. Asimov. «The Gods Themselves») '– Взгляните-ка на **те** звезды' [4].

Как правило, расстояние определяется говорящим визуально. Тем не менее объекты вне поля зрения коммуникантов могут восприниматься ими другими сенсорными каналами, например, обонянием. Использование данного анализатора обусловливает исключение объекта из личной сферы говорящего и его маркирование указательным местоимением *that*: *What is **that** smell?* (W. Groom. «Forrest Gump») '– Чем **это** воняет?' [4]; *What is **that** smell, do you know?* 'Что **это** за запах, вы не знаете?' [7]; *And **that** smell, you recognise **that** smell?* 'И **этот** запах, ты узнаешь **этот** запах?' [7]. В белорусском языке невидимый объект и его запах включаются говорящим в личную сферу и обозначаются местоимением *гэта*: *Валерык пацягнуў носам. – А што **гэта** так пахне, дзядуля?* (П. Ліпка. «Рунец»).

2. Степенью выделенности объектов и их однородностью. Нахождение в общем поле зрения нескольких объектов разных категорий с максимальной степенью выделенности налагает запрет на использование указательных местоимений в сопоставляемых языках: *Жылі сабе мужчына і жанчына. Мужчына быў дужым і высакародным, а жанчына – прыгожай і добрай* [2]. В английском языке в таких случаях используется определенный артикль *the*: *They have two children: …a boy and … a girl. **The** boy is ten, **the** girl is only three* 'У них двое детей: ... мальчик и ... девочка. Мальчику – десять лет, девочке – три'.

3. Единством пространства отправителя сообщения и адресата, что является обязательным признаком канонической речевой ситуации. Однако в телефонном разговоре это условие не соблюдается. В английском языке такое несовпадение выражается эксплицитно: пространство отправителя сообщения обозначается местоимением *this*, пространство слушающего на другом конце провода – *that*: *Hello, **this** is Clair. Who is **that** speaking? Is **that** Mike?* '– Алло, Клер слушает. Кто **это**? **Это** Майк?'. Телефонной коммуникации на белорусском языке свойственно сохранение общности пространств адресанта и адресата. Об этом

свидетельствует обозначение личной сферы получателя сообщения на другом конце провода указательным местоимением *гэта*: *Наглядчыца? **Гэта** ты, Караліна? Слухай мяне ўважліва, дарагая* [1].

Результаты сопоставительного анализа демонстративов разноструктурных языков Х. Дисселя показывают, что экзофорическая ситуация – не единственный случай употребления указательных местоимений [6]. Наряду с экзофорическим (собственно-дейктическим) типом ситуации автор говорит о *дискурсивно-дейктическом* и *распознавательном* типах. Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на выбор демонстративов в данных типах ситуаций в белорусском и английском языках.

Указательные местоимения в дискурсивно-дейктическом типе ситуации показывают связь между двумя высказываниями и соотносятся с целой пропо-зицией, поэтому их подкрепление жестом невозможно: *Загорскі абвёў вачыма вязняў і ўбачыў, што Андрэя між іх не было. І **гэта** было добра. Значыцца, яго ўжо ўмыкнулі хлопцы* (У. Караткевіч. «Зброя») [4]; *У руцэ ён трымаў трыста баксаў, **тое** было для яго багацце* (В. Быкаў. «Афганец») [4]; «*If I had brains I wouldn't be here» Bonello said. «**That**'s pretty good, Tenente», Aymo said* (E. Hemingway. «Farewell to Arms») 'Был бы я умный, не был бы здесь, – сказал Бонелло. А ведь неплохо сказано, tenente, – сказал Аймо' [4].

В дискурсивно-дейктическом типе ситуаций фактором, оказывающим влияние на выбор демонстратива, является источник информации, в качестве которого может выступать говорящий, адресат или третье лицо. Например, в следующем контексте адресант, ссылаясь на сведения, предоставленные собеседнику третьими лицами, использует демонстратив *that*: *– You mean you'd rather go to New York and live among Yankees than come to Atlanta? – Who told you **that***? '– Вы хотите сказать, что скорее поедете в Нью-Йорк и будете жить среди янки, только не в Атланте? – Кто Вам **это** сказал?' [4]. В следующем примере говорящий сам является источником сообщения и, информируя собеседника, употребляет указательное местоимение *this*: *– Listen to **this**. On Auction Day, when the sun goes down, Gunther will sneak us out of town* (L. Snicket. «The Erzatz Elevator») '– **Послушайте**, – сказала он. – В день аукциона после захода солнца, нас Гюнтер тайком увезет отсюда' [4].

Полагается, что данная особенность обусловлена личностно-ориентированным аспектом указательных местоимений: прагматически демонстративы *this / these* включают референт в личную сферу говорящего и представляют его как источник информации. Дистальные демонстративы *that / those* указывают на принадлежность данных сведений адресату или третьему лицу, которые не присваиваются говорящим и не включаются в его личную сферу.

Когда говорящий сомневается в достаточной идентифицируемости референта для адресата, указательные местоимения в сопоставляемых языках выполняют распознавательную функцию: *– Камандзір атрада? Ну, **гэты**… Дубавы. – Дубавы? – чамусьці здзівіўся следчы, і Рыбак працягла паглядзеў у яго вочы* (В. Быкаў. «Сотнікаў») [4]; *– Скажы-тка мне, а **гэта**, ці жывая, ці не, што каля Сёмкі Парашчынага хата стаяла? Ну, як яе?* (І. Чыгрынаў. «У ціхім тумане») [4]; *He's got **this**… sort of automatic defense, hasn't he?..* 'У него есть **эта**… автоматическая защита, что ли, так?' (T. Pratchett. «Good Omens»).

В основе распознавательной функции демонстративов лежит наличие общего пресуппозиционного фонда (Common Ground) – предварительных знаний о референте у собеседников. Этот фактор оказывает влияние на выбор между указательными местоимениями *гэты, гэтыя*, *this, these* и дистальными *той*, *тыя*, *that, those*. Наличие общих знаний о референте уменьшает умозрительное или физическое расстояние собеседников до объекта указания и обусловливает употребление носителями сопоставляемых языков указательных местоимений *гэта/гэтыя, this/these: Мы малявалі на зямлі палкамі, на шпалерах самаробкай і фарбай – на аркушах белай паперы. Памятаеце, як* ***гэты*** *працэс захапляў?* [4]; *Tom took something out of his pocket. «Do you remember* ***this****?» said he. Becky almost smiled. «It's our wedding-cake, Tom* (M. Twain. «The Adventures of Tom Sawyer») 'Том достал что-то из кармана. – Помнишь **это**? – спросил он. – Это наш свадебный пирог, Том' [4].

Отсутствие общего пресуппозиционного фонда или отдаленность совместного опыта во времени и пространстве обусловливают употребление указательных местоимений *той*, *тыя* и *that, those*: *– Памятаеш* ***тую*** *італьянку? Што папрасіла была пранесці сабачку? – Ну. – Дык от з таго часу і забаўляюся з ім* (П. Місько. «Грот афаліны») [4]; *Do ye mind of* ***that****? – the night Red Colin fell, it was* (R. L. Stevenson. «Catriona») 'Ты помнишь тот случай?' [4].

Важно отметить, что в распознавательном типе ситуации указательные местоимения актуализируют не только степень известности информации коммуникантам, но и их отношение к ней. Действительно, эмоциональная позиция говорящего оказывает непосредственное влияние на выбор дейктического слова. Употребление проксимальных демонстративов *this, these* свидетельствует об общности взглядов собеседников и сигнализирует о пересечении их личных сфер: «*I wish we could stay here», she said, looking down at the windy, twilit valley between the hills. «I like* ***this*** *place.* ***This*** *is a good place», he agreed* (U. Le Guin. «The Tombs of Atuan») '– Как бы мне хотелось остаться здесь, – сказала она, глядя на ветреную сумеречную долину, укрывшуюся меж высоких гор. – Мне нравится **это** место. – Да, **это** местечко неплохое, – согласился Гед' [4].

Употребление дистальных демонстративов *той, тыя* и *that, those* говорит о взаимном отчуждении, враждебности, недоверии собеседников друг к другу и свидетельствует о непересечении их личных пространств: *– Асцярожней, хлопцы,* ***той*** *тып небяспечны, – на хаду папярэдзіў адзін дружыннік* (Т. Хадкевіч) [5]; *«Another, a small, sharp-nosed, sharp-chinned commercial man of some kind, he immediately disliked. I hope I don't have to have* ***that*** *man on my jury», he said to Steger, quietly* (T. Dreiser. «The Financier») 'Другого, по-видимому, торговца, низкорослого, с тонким носом и острым подбородком, Каупервуд почему-то сразу невзлюбил. – Надеюсь, не обязательно, чтобы **тот** тип вошел в состав присяжных? – тихо спросил он Стеджера' [4]. В данных контекстах говорящие не испытывают симпатии к человеку, выступающему предметом речи, поэтому они исключают референт *тып* и *man* 'человек' демонстративами *той* и *that* из своего личного пространства. В подобных контекстах понятие физической дистанции получает метафорическое расширение и приобретает значение 'эмоциональная отдаленность'.

Широкая семантика белорусского указательного местоимения *гэта* обусловливает появление у него пейоративно-дистанцирующего значения для передачи психологической отстраненности говорящего (*– Ён і цяпер піша? – Хто? – праслухаў Коля. – Ну, **гэты** твой... Макс Мілер?)* [4] и эвфемизации понятий из сферы интимной жизни (*Часам бацькі ў імкненні выхаваць дзяцей, лепшых за іх саміх, нават не дапускаюць са сваімі дзецьмі размовы пра сексуальныя адносіны. І тым больш недапушчальным лічаць, калі з іх дзецьмі «пра **гэта**» будзе гаварыць нехта іншы)* [3].

Таким образом, употребление белорусских и английских указательных местоимений зависит от типа ситуации. В экзофорическом типе ситуации выбор указательного местоимения обусловлен материальностью и выделенностью объекта указания, физическим расстоянием до него и способностью перцептора воспринимать его визуально. В распознавательном типе ситуации выбор между проксимальными и дистальными указательными местоимениями определяется общим пресуппозиционным фондом знаний коммуникантов и их эмоциональным состоянием. В дискурсивно-дейктическом типе ситуации выбор английского демонстратива зависит от коммуникативного статуса источника информации, в отличие от белорусского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ён прыходзіў з дажджом [Электронны рэсурс] / Г. Янкута (уклад.). – Мінск : Янушкевіч, 2015. – 292 с. – Рэжым доступу : https://www.books.google.by/books?id=DDl8DwAAQBAJ&pg=PT261&lpg=PT261&d. – Дата доступу : 23.05.2017.

2. Маленькі блоХ: «395 знакаў пра каханне, не лічыўшы прабелаў» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.dzietki.by/forum/weblog_entry.php?e=608. – Дата доступу : 04.04.2017.

3. Настаўніцкая газета [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://nastgaz.by. – Дата доступу : 23.04.2017.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/new/search-para-en.html. – Дата доступа : 12.08.2018.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.skarnik.by/tsbm/13068. – Дата доступу : 04.12.2016.

6. *Diessel, H.* Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization / H. Diessel. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – 205 p.

7. RiversoContext [Electronic resource]. – Mode of access : http:// www.context.reverso.net. – Date of access : 18.03.2016.

8. *Sacks, H.* Two Preferences in the Organization Reference to Persons in Conversation and Their Interaction / H. Sacks, E. A. Schegloff // Everyday Language: Studies in Ethnomethodology. – N. Y., 1979. – P. 15–21.

The article is devoted to a comparative analysis of Belarusian and English demonstrative pronouns as actualizers of spatial deixis. Their use depends on the type of situation. In the exophoric type of situation, the choice of a demonstrative pronoun depends on the materiality and saliency of the object of pointing, the physical distance from it and the ability of the perceptor to perceive it visually. In the recognition type of situation the choice between proximal and distal demonstrative pronouns is determined by the communicants' general presuppositional fund and their emotional state. In the discursive-deictic type the choice of the English demonstrative depends on the communicative status of the source of information in contrast to the Belarusian language.

Н. А. Копачева
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ
(на материале английского и русского языков)

В статье анализируются вводные конструкции в текстах интервью. Материалом для исследования послужили электронные ресурсы текстов интервью известных СМИ с американскими и российскими политическими деятелями Д. Трампом и В. Путиным. Рассматриваются особенности понимания терминов «вводные» и «парентетические конструкции» отечественными и зарубежными лингвистами. Описываются структурные, функциональные и прагматические свойства вводных элементов. Наряду со значениями субъективной модальности, оценки, авторизации вводные элементы выполняют дополнительные коммуникативно-стилистические функции уточнения, дополнения, комментария, которые осуществляют структурную, смысловую и внутритекстовую связь в структуре текстов интервью.

Целью данной работы является анализ некоторых прагматических функций вводных конструкций в одном из жанров медийного дискурса – интервью. Исследование прагматического аспекта вводных конструкций представляет собой актуальное направление в лингвистике, так как изучение языковых процессов предполагает исследование языковой личности. Вводные и/или вставные конструкции, широко распространенные в индоевропейских языках, являются особой универсальной синтаксической категорией, так назы-ваемой категорией вводности в терминологии некоторых лингвистов [1]. Неоднородность этой категории отражена в работах отечественных и зарубежных лингвистов, как в терминологическом аппарате, так и в подходах к классификации средств выражения этой категории. Так, на основании структурного подхода английский грамматист Г. Свит выделяет три группы вводных элементов: вставные (inserted), вводные (parenthetic), appended (привески). В грамматике О. Есперсена категория вводности представлена в двух видах: вводные предложения (parenthetic clauses) и авторские вкрапления (speaker's parentheses). Разделяя фактически парентетические конструкции на вводные и вставные элементы, английские лингвисты не представляют четких критериев их разграничения. В работах отечественных лингвистов по проблеме категории вводности в английском языке мы также находим попытки выделения вставных и вводных конструкций как отдельных явлений: вставные конструкции называются «девиацией», а вводные конструкции представлены как «интродукции». По мнению автора, эти два понятия различаются в функциональном и коммуникативном планах [2]. Известны также исследования лингвистов, в которых вставные и вводные конструкции объединяются термином «парентеза» [3], или «парентетическими внесениями» [4]. Таким образом, понятие «парентеза» (parenthesis) используется в отечественной и зарубежной синтаксической традиции, под которым подразумеваются вводные и вставные включения, состоящие из слова, словосочетания или предложения. В английской грамматике интерес представляет семантический подход, на основании которого вводные или парентетические конструкции называют термином «stance adverbials» и подразделяют их на три семантические категории: эпистемические вводные элементы (epistemic stance adverbials), слова, выражающие отношение говорящего (attitude stance adverbials), вводные слова, выполняющие определенную

стилистическую функцию (style stance adverbials) [5].Такой подход используется и в других исследованиях на материале разных языков и дискурсов. Таким образом, анализ работ по данной проблеме показывает, что, несмотря на существующие различия в подходах к исследованию парентетических конструкций в отечественной и зарубежной лингвистике, между ними существует определенный изоморфизм в трактовке их структурных типов, семантических и прагматических значений. Определяющими критериями существующих подходов выступают структура, значение и позиция вводных элементов в линейной структуре предложения. Такой изоморфизм дает нам основания использовать в настоящем исследовании термины *вводные конструкции* и/или *парентетические конструкции* как синонимы.

Материалом для анализа послужили электронные ресурсы текстов интервью известных СМИ с американскими и российскими политическими деятелями Д. Трампом и В. Путиным. Как справедливо отмечают исследователи, в печатных и электронных СМИ интервью носит, как правило, конкретный характер, имеет информационный повод и тематически ориентирован [6; 7].

Изучение практического языкового материала позволяет нам выделить три морфолого-синтаксические группы вводных конструкций в анализируемых текстах интервью. По своей структуре вводные конструкции могут быть выражены одним словом, как правило, наречием: *absolutely, probably, surely; однозначно, непременно* и др.; сочетанием слов с предлогом: *by the way, at least, first of all, in any case, прежде всего, по крайней мере* и др.; предложением: *I think, you know, it's been reported, как вам известно, я полагаю, я уверен* и др.

На материале отобранных текстов мы предприняли попытку проанализировать взаимодействие структурных и смысловых свойств вводных элементов, их способность в формировании определенных коммуникативно-прагматических установок между адресантом и адресатом.

Фрагмент интервью Д. Трампа представителю газеты «The Washington Post»:

HIATT: Do you want to start?

TRUMP: ***Well, to start with****, we're working hard,* ***I think,*** *we're all in the same business of trying to make our country better, a better place, so we have something in common. I've been treated very, very badly by The Washington Post,* but, ***you know, I guess*** *– and I'm your neighbor, I'm your neighbor right down the road,* ***in fact,*** *we're* ***actually*** *giving a press conference there in a little while,* ***I think*** *your people are going to be there.* ***And by the way****, Bob Costa is an excellent reporter, I've found him to be just an excellent reporter.* ***I should tell you****, because I have to give you the good and the bad. Not that he does me any favors, because he doesn't, but he's a real professional* [8].

В анализируемом отрывке вводные конструкции многофункциональны и имеют ярко выраженную коммуникативно-прагматическую направленность. Вводные фразы *to start with, in fact, actually* выполняют контактно устанавливающую функцию с редактором газеты. С помощью вводных и вставных конструкций Д. Трамп подготавливает почву для откровенной беседы. В то же время такое частое использование вводных конструкций свидетельствует о его эмоциональном состоянии, о его стремлении показать свое личное отношение к обсуждаемой проблеме. Вводные конструкции *I should tell you, and by the way* выполняют функции уточнения и дополнения с целью убеждения адресата.

Фрагмент интервью Д. Трампа представителю журнала «Time»:

TIME: So just continuing on this idea of America's role on the world stage, what is your message to the demonstrators in Hong Kong right now?

TRUMP: Well, ***look,*** *my message is that they're obviously having a big impact, because it's been pulled back and it will be pulled back further.And* ***I think*** *that they've been very effective in their dealings with China.* ***By the way,*** *I have a very good relationship with China, just that they've treated us unfairly with respect to trade for many years,* ***you know.*** *Since the WTO, we've been treated unfairly.* ***Frankly,*** *we've helped create China. I give them a lot of credit, but we've helped create China. …They* ***actually*** *had a deal with us. We were very close to having a deal,* ***I must say****, and then they pulled back on three major points that were just unacceptable to me* [9].

В данном контексте вводные фразы *you know, I think, I must say, actually* являются акцентуаторами и интенсификаторами авторской субъективной модальности, основанной на его уверенности и компетентности.

Проанализируем пример из интервью В. Путина Л. Барберу, представителю газеты «The Financial Times» в преддверии саммита «Группы двадцати»:

Л. Б а р б е р: Как изменился мир за 20 лет Вашего пребывания у власти?

В. П у т и н: ***Во-первых****, я не был все эти 20 лет у власти.* ***Как Вы знаете****, я четыре года был Председателем Правительства, а это не высшая власть в Российской Федерации, но,* ***тем не менее,*** *во властных структурах, верхних эшелонах я нахожусь достаточно давно и ,* ***действительно,*** *могу судить о том, что и как меняется. Вот,* ***собственно,*** *Вы сейчас сами сказали, задавая вопрос, как и что изменилось: Вы сказали про торговые войны, Вы сказали про ситуацию в Персидском заливе. Ситуация не стала лучше,* ***я скажу так очень аккуратно,*** *оставаясь в известной мере оптимистом.* ***А если сказать прямо****, она,* ***конечно,*** *стала более драматичной и взрывоопасной* [10].

В данном фрагменте интервью ответ В. Путина является, на наш взгляд, образцом корректности, уверенности и убедительности. Этому во многом способствуют используемые вводные конструкции, которые акцентируют субъективную авторскую позицию, в частности, его компетентность и осведомленность о предмете разговора. Рассмотрим еще один пример:

Л. Б а р б е р: У Вас будет встреча с Мухаммедом Бен Салманом в Осаке. Можем ли мы ожидать продления действующего соглашения по добыче нефти, ограничений по добыче?

В. П у т и н: ***Как вы знаете****, Россия не является членом ОПЕК, хотя мы,* ***конечно,*** *один из крупнейших производителей. Мы добываем сегодня,* ***по-моему,*** *11,3 миллиона баррелей в сутки. Правда, Штаты сейчас нас уже немножко обогнали. Но* ***мы считаем****, что наши договоренности с Саудовской Аравией и* ***вообще*** *с ОПЕК в целом по стабилизации добычи сыграли положительную роль в стабилизации и прогнозировании ситуации на рынке.* ***Думаю****, что в этом заинтересованы как страны – производители нефти, так и потребители* [10].

Вводные слова в анализируемом тексте способствуют выражению авторского оценочного отношения к обсуждаемой проблеме. В. Путин представляет собственную нейтральную оценку сложившейся ситуации в мире и определяет пути дальнейшего развития ситуации.

Таким образом, языковые средства выражения категории вводности приобретают особую значимость в текстах интервью, поскольку они способствуют убедительному языковому представлению позиции говорящего. Анализ струк-

турных особенностей вводных конструкций показывает, что они являются изоморфными в рассматриваемых текстах, в которых представлены все морфолого-синтаксические типы. Наиболее частотными оказались вводные конструкции-предложения в функции авторизации: *you know, as you know, as you can imagine, как вы знаете, мы считаем, а если сказать прямо.* Указанные парентезы используются для усиления концентрации внимания аудитории на самом важном содержании сообщения и направлены на убеждение адресата.

Исследуемые вводные конструкции осложняют структуру предложения и как бы «нарушают» линейную последовательность высказывания. Но это нарушение обладает коммуникативной, структурной и стилистической значимостью. С коммуникативной точки зрения они оказываются тесно связанными с содержанием высказывания, выражая различные аспекты авторского отношения к теме диалога и устанавливая посредством вводных элементов коммуникативный контакт между адресантом и адресатом.

Хотя вводные слова синтаксически не связаны с членами предложения, помещенные в линейную структуру высказывания, они определяют структурную и смысловую значимость высказывания. Их позиция в текстах интервью позволяет говорящему варьировать смысловые приоритеты. Такая позиционная мобильность обладает, на наш взгляд, дополнительным оттеночным значением, что требует отдельного исследования. Но независимо от их места в линейной структуре предложения, вводные конструкции отвечают за организацию текста и осуществляют внутритекстовую связь.

Следовательно, вводные конструкции, не обладая денотативным значением и синтаксической связью с членами предложения, выполняют функцию семантико-прагматических маркеров в структуре текста интервью и способствуют выражению коммуникативного намерения говорящего. Анализируемые политические интервью отличаются такими особыми прагматическими свойствами, как направленность на адресата, информативность, субъективная модальность, публичность. Коммуникация в интервью предстает как особая система межличностного взаимодействия, а вводные конструкции играют важную роль в логико-коммуникативной организации структуры текста интервью, одновременно выполняя функцию воздействия на адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валгина, Н. С.* Синтаксис современного русского языка : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М., 2002. – 229 с.
2. *Горбачева, Е. Н.* Вводные высказывания в структуре текста : дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. Н. Горбачева. – М., 2003. – 154 л.
3. *Поликарпова, О. Н.* Комментативная парантеза как единица композиционного синтаксиса : дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О. Н. Поликарпова. – Барнаул, 2011. – 193 л.
4. *Александрова, О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса : на материале английского языка : учеб. пособие / В. О Александрова. – М. : Либроком, 2009. – 216 с.
5. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.] ; foreword by R. Quirk. – London : Longman, 2000. – 1203 p.
6. *Ильченко, С. Б.* Интервью в журналистике: как это делается : учеб. пособие / С. Б. Ильченко. – СПб., 2016. – 236 с.
7. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Наука, 2008. – 264 с.
8. Interview with Donald Trump [Electronic resource] / ed. C.Thomas. –Mode of access : https://townhall.com/columnists/calthomas/ 2016/06/10/interview-with-donald-trump-n2175646. – Date of access : 05.09.2019.

9. D. Trump's Interview with TIME on 2020 [Electronic resource] / by TIME Staff. – 2019. – June 20. – Mode of access : https://time.com/5611476/donald-trump-transcript-time-interview. – Date of access : 26.10.2019.
10. Интервью Владимира Путина газете «The Financial Times» [Electronic resource]. – Режим доступа : https://www.discred.ru/2019/06/28/intervyu-vladimira-putina-gazete-the-financial-times-polnyj-tekst-video. – Дата доступа : 26.10.2019.

The article analyses pragmatic functions of parenthetical constructions in the texts of interviews with the famous American and Russian public figures. The survey of the notion «parenthetical words and constructions» by different linguists has been described. Structural, functional and semantic features of the parenthetical constructions have been considered.

А. Г. Литвинович
Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы

СКРЫТОГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

В статье рассматривается функционально-семантическая категория каузативности, которая в языках разных типов (русском, белорусском, английском и немецком) относится к разряду «скрытых» грамматических категорий, поскольку не имеет четкого инвентаря средств оформления каузативного значения на поверхностном уровне.

Необходимость изучения определенных лингвистических объектов в сопоставительном аспекте объясняется наличием межэтнических, социокультурных и языковых контактов. Исследование категории каузативности на материале языков разных типов является актуальным, несмотря на значительное количество литературы, посвященной данной теме, так как оно способствует выявлению системных свойств названной выше категории в каждом из сопоставляемых языков посредством применения одинаковых классификационных критериев и единого метода лингвистической интерпретации.

Выделение и анализ сходств и отличий определенной категории в языках разных типов может базироваться на уровневом либо межуровневом подходе к исследуемому явлению. В данной работе рассмотрим только лексические средства (глаголы) выражения каузативного значения, представляющие собой один из уровней, на котором реализуется каузативная семантика. Это связано с центральной, определяющей ролью глагола в передаче значения каузативности. Он образует структурное и семантическое ядро предложения, реализуя причинно-следственные отношения.

Каузативность как лингвистический феномен относится к сфере «скрытой» грамматики, то есть не обладает релевантностью в области грамматической парадигматики, но при этом играет существенную роль в грамматическом плане. В русском, белорусском, английском и немецком языках каузативность существует в форме функционально-семантической категории (ФСК), центральную зону которой занимают каузативные глаголы.

Следует сразу же отметить, что ФСК каузативности отличается от тех объектов, которые традиционно принято рассматривать как ФСК или функционально-семантическое поле (например, темпоральность, модальность, персональ-

ность, аспектуальность, залоговость). ФСК обычно опирается на специальную систему грамматических форм, морфологическое ядро. Например, ядро темпоральности представлено категорией времени, персональности – категорией лица.

Не имея морфологического ядра в рассматриваемых языках, ФСК каузативности объединяет разноуровневые средства для выражения единой семантической функции ‘каузировать’.

Как особая грамматическая категория морфологический каузатив в современном русском языке не существует [1, с. 20]. Нет такой грамматической категории и в современном белорусском, а также английском и немецком языках. Между некоторыми каузативными глаголами и их некаузативными коррелятами наблюдаются морфемно-деривационные соответствия.

Приведем некоторые способы образования каузативных оппозиций: 1) основа глагола + *-ить* – основа глагола + *-нуть* (с передвижением ударения с суффикса на корень и чередованиями в корне): рус. *гасить – гаснуть* (белорус. *тушыць – тухнуць*), рус. *глушить – глохнуть* (белорус. *глушыць – глухнуць*); 2) глаголы на *-ить* – глаголы на *-еть*: рус. *молодить – молодеть* (белорус. *маладзіць – маладзець*), рус. *белить – белеть* (белорус. *бяліць – бялець*).

Чрезвычайно продуктивным является возвратно-постфиксальный тип оппозиции, в котором каузативное значение закрепляется за глаголом, немаркированным в грамматическом отношении, а некаузативное значение – за возвратным глаголом: рус. *активизировать – активизироваться, восстановить – восстановиться, беспокоить – беспокоиться*, белорус. *турбаваць – турбавацца, круціць – круціцца.*

В устной речи, как отмечает Б. Ю. Норман, наблюдается процесс «окказиональной дерефлексивизации», когда от возвратного некаузативного глагола образуется каузативный невозвратный: *согласиться – согласить (народ), улыбаться – улыбать (губы), расплакаться – расплакать (сынишку)* [2, с. 26].

Каузативные глаголы могут образовываться от прилагательных: рус. *круглый – закруглять (делать круглее или круглым), чистый – чистить, холодный – охлаждать,* белорус. *белы – бяліць, шырокі – пашыраць.*

Имеются и другие соответствия такого рода, но они, как правило, нерегулярны: рус. *напомнить – вспомнить, нервировать – нервничать, растить – расти, уверять – верить*, белорус. *нагадаць – прыгадаць, кіпяціць – кіпець*.

В английском и немецком языках сохранились некоторые морфемно-деривационные соответствия: англ. *raise* ‘поднимать’ – *rise* ‘подниматься’, нем. *setzen* ‘садить (сажать)’ – *sitzen* ‘сидеть’. Чаще всего каузативные глаголы морфологически производны от имен прилагательных: англ. *white* ‘белый’ – *whiten* ‘белить’, нем. *breit* ‘широкий’ – *verbreiten* ‘расширять’.

Наличие морфемно-деривационных соответствий между каузативными и некаузативными глаголами в русском языке позволяет говорящим образовывать по аналогии с этими соответствиями от некаузативного глагола окказиональный каузативный глагол. Например: *нюнить – разнюнить (кого-либо)* [3, с. 100]. Такие окказиональные каузативные глаголы отсутствуют в словарях и особенно часто встречаются в детской речи.

Эти наблюдения свидетельствуют о том, что язык, возможно, стремится к созданию регулярных, продуктивных средств выражения каузативной семантики.

Во многих индоевропейских языках утрата морфологического каузатива привела к образованию новых способов выражения каузативных отношений, таких, например, как синтаксический каузатив. Значение каузативности на этом уровне (синтаксическом) передается эксплицитно, с помощью глагольно-инфинитивных конструкций. Глаголы англ. *have, make, get*, нем. *lassen*, рус. *давать, заставлять, велеть*, белорус. *даваць, прымушаць* и др., выступающие в качестве вспомогательных в таких конструкциях, имеют значение ‘понуждать к действию или новому состоянию’. Кроме глагольно-инфинитивных, существуют также глагольно-именные обороты с каузативным значением: *возбуждать зависть, вызывать любовь*.

Многочисленность аналитических каузативов в славянских языках объясняется, с одной стороны, тем, что аффиксация не охватывает все необходимые точки грамматического пространства глагола. С другой стороны, широкая употребительность глагольно-инфинитивных и именных каузативных конструкций, возможно, связана с общей тенденцией современного русского и, в меньшей степени, белорусского языка к аналитизму.

К синтаксическим способам выражения каузативных отношений относится симметричный (термин Т. А. Кильдибековой) тип оппозиции, при котором в одной лексеме сочетается и каузативное, и некаузативное значение. Таковы глаголы, которые могут иметь и переходное, и непереходное употребление: *оттаивать (Ветви оттаивают – Рабочие оттаивают землю огнем)*. К симметричным глаголам Т. А. Кильдибекова относит *бабахнуть, газировать, измельчать, истощать, примыкать, причаливать, уйти, брызгать, бурлить, веять, капать, коптить, кружить* и др. При «окказиональной транзитивации» каузативное/некаузативное значение определяется из окружения глаголов, из их сочетаемости [4, с. 73].

Совмещение каузативного и некаузативного значения в одном глаголе более характерно для английского языка, чем для русского, например, water *boils* ‘вода *кипит’* – my mother *boils* water ‘моя мать *кипятит* воду’.

В русском, белорусском, английском и немецком языках ФСК каузативности, как уже отмечалось, не опирается на морфологическую категорию, которая занимала бы центральное положение по отношению к иным компонентам поля, поэтому роль ядра (центра) играют каузативные глаголы, которые являются основным средством передачи каузативных отношений и представляют собой ядро ФСК каузативности.

Каузативные глаголы совместно с некаузативными коррелятами составляют каузативную пару, называемую супплетивной оппозицией. Такие оппозиции характерны для рассматриваемых русского, белорусского, английского и немецкого языков: рус. *баюкать – засыпать*, белорус. *паліць – гарэць*, англ. *fell* ‘валить, сбивать с ног’– *fall* ‘падать’, нем. *aufwecken* ‘будить’ – *erwachen* ‘просыпаться’.

Выделяются различные типы формальных оппозиций (ФО) между каузативным и некаузативным глаголом: 1) деривационные (рус. *открыть – открыться*), 2) конверсивные (англ. *change* ‘менять’ – *change* ‘меняться’), 3) морфологические (рус. *выращивать – расти*), 4) супплетивные (рус. *жечь – гореть*) [5, с. 3–5; 6, с. 42].

Перечисленные четыре типа называются полными, поскольку налицо оба их члена. Они охватывают основную часть каузативных оппозиций в славянских (русском, белорусском) и германских (английском, немецком) языках.

Особый интерес вызывает существование неполных оппозиций. Неполные ФО представлены следующими типами.

1. Неполные транзитивные ФО: представлен лишь каузативный глагол. В роли некаузативного члена оппозиции здесь, как правило, выступает сочетание вспомогательного глагола (глагола-связки) и причастия прошедшего времени (отглагольного прилагательного) от каузативного глагола (англ. *place* ‘помещать’ – *be placed*, нем. *schwarzen* ‘чернить’ – *schwarz werden*, рус. *защищать – быть защищенным*, белорус. *бяліць – быць белым*).

2. Неполные интранзитивные ФО: представлен лишь некаузативный глагол. В роли каузативного члена оппозиции выступает сочетание служебного каузативного глагола и некаузативного глагола в форме инфинитива (англ. *remember – make remember* ‘заставить вспомнить’, нем. *sprechen – sprechen lassen* ‘позволить говорить’, рус. *уйти – заставить уйти*, белорус. *прыгадаць – прымусіць прыгадаць*).

3. Перифрастические ФО: оба члена оппозиции могут быть выражены лишь посредством перифразы (англ. *make more frequent* ‘участить’ – *become more frequent* ‘участиться’) [5, с. 4].

Суммируя сказанное, подчеркнем, что категория каузативности объединяет две функционально-семантические сферы, представленные в классе глаголов: сферу действия и сферу состояния, устанавливая однонаправленность отношений между ними. Глаголы состояния (статические глаголы) имеют элементарную семантическую структуру, так как обозначают процессы, не выходящие за сферу субъекта, который характеризуется при них как носитель статического, пассивного признака. Глаголы, обозначающие изменение состояния актанта, связаны с соотносительными переходными глаголами через каузацию: воздействие, называемое динамическими глаголами, каузирует состояние, передаваемое их статическими коррелятами. Глаголы, содержащие сему причинности, мотивации, являются каузативными (*поить* – побуждать *пить*, *учить* – побуждать *знать*).

Исходя из сказанного выше, подчеркнем, что значение ‘каузировать’ может передаваться с помощью разнообразного инвентаря средств: морфологических (морфемно-деривационные соответствия между каузативными и некаузативными глаголами, например, рус. *зеленить – зеленеть*), лексических (белорус. *паліць – гарэць*), синтаксических, включающих каузативные конструкции (нем. *schreiben lassen* ‘велеть написать’) и некаузативные глаголы, приобретающие каузативное значение в предложении (англ. *water boils* ‘вода кипит’ – *my mother boils water* ‘мама кипятит воду’). Непреходящий интерес к лексическим средствам выражения каузативного значения объясняется особенностями каузативных глаголов, связанными с нежесткостью и нерегулярностью лексической системы рассматриваемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чудинов, А. П.* О деривации глаголов с каузативным значением / А.П. Чудинов // Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания : межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т; редкол.: Л. М. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1984. – С. 20–24.

2. *Норман, Б. Ю.* Синтаксичен каузатив в българския, руския и белоруския език / Б. Ю. Норман // Съпоставително езикознание. – 1979. – № 2. – С. 23–30.
3. *Цейтлин, С. Н.* Каузативные оппозиции в детской речи / С. Н. Цейтлин // Функциональный анализ грамматических единиц : сб. науч. ст. / Ленигр. гос. пед. ин-т ; редкол. : А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1980. – С. 99–103.
4. *Кильдибекова, Т. А.* Глаголы действия в современном русском языке / Т. А. Кильдибекова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 160 с.
5. *Сильницкий, Г. Г.* К сопоставительному изучению форм выражения смысловых каузативных оппозиций в русском, французском, итальянском, немецком и английском языках / Г. Г. Сильницкий, Н. Д. Трегубов, З. Ф. Смирнова // Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов : сб. науч. ст. / Смолен. пед. ин-т ; редкол.: Г. Г. Сильницкий [и др.]. – Смоленск, 1973. – С. 3–12.
6. *Levin, B.* A preliminary analysis of causative verbs in English / B. Levin, M. Rappaport Hovav // The acquisition of the lexicon / ed. by. L. Gleitman, B. Landau. – Cambridge, 1994. – P. 35–81.

The article deals with the functional-semantic category of causativity. In languages of different types (Russian, Belorussian, English and German) causativity belongs to the sphere of "hidden" grammatical categories since it does not dispose of a clear set of means for the causative meaning expression at the surface level.

А. В. Сытько
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ЛЕКСИЧЕСКОГО КЛАССА «ИНФОРМАЦИЯ, СООБЩЕНИЕ, РЕЧЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале немецкого и русского языков)

В статье рассматривается функциональный потенциал перволичных деонтических конструкций, где пропозициональным действием выступает говорение с различным коммуникативным содержанием. Особое внимание уделяется функционированию сочетаемостных моделей «деонтический маркер + речевой глагол», сформированных и ограниченных политическим дискурсом. Сопоставление русского и немецкого языков позволило продемонстрировать функциональную универсальность данных модальных конструкций в политическом дискурсе.

Институциональные дискурсы специфичны не только условиями регламентированного производства, особым образом иерархизированными участниками, специальной «телеологией», но и особенным проявлением модальности. Цель политического дискурса – не описать (т.е. не референция), а убедить. В его функционировании важны не только внешние характеристики текста, его поверхностная структура, социальный контекст, но и план содержания, семантика.

В политической речи как жанровой разновидности политического дискурса существует особый способ подачи информации с целью оказания влияния на массового адресата: модальные высказывания от 1-го лица: волитивные (*я хочу / ich will)* и деонтические (*я должен / ich muss*). Они относятся к группе лексико-семантических средств речевого манипулятивного воздействия. Пропозициональным действием в них выступают речеактовые глаголы, которые Н. Е. Шведова называет лексемами со значением 'информация, сообщение, речь' (Шведова, 2007). Они представляют собой неформированный способ представления о положении дел. *Целью* данной работы стало выявление функционального потенциала деонтических я-конструкций в немецко- и русскоязычной политической речи.

В деонтических *я*-структурах именно говорящий выступает модальным субъектом, потенциальным исполнителем действия-говорения. Они представляют собой как субъектные конструкции, где модальный субъект эксплицирован (*должен, обязан, не могу не, вынужден/ich muss, позволю себе, имею право/ich darf, kann),* так и бессубъектные конструкции, являющиеся маркером «присутствия говорящего», где модальный субъект имплицирован (*надо, нужно, необходимо, приходится, стоит, нельзя не/man muss)*. В данной работе мы останавливаемся только на структурах с эксплицированным субъектом.

Деонтическое отношение к действию-говорению формируется в политической речи либо объективно-ситуативными условиями: сложившимися обстоятельствами в ситуации негативной оценки, либо индивидуально-ситуативными причинами: волевыми, интеллектуальными решениями говорящего, его предпочтениями и потребностями, предположениями, но не как самостоятельной личности, а как субъекта политического дискурса, в отличие от волитивного отношения, которое обусловлено субъективными желаниями говорящего. Обращение к частотности деонтических и волитивных конструкций с речевыми глаголами в выборке политических речей, составляющей 125 выступлений президента РФ и канцлера ФРГ[1] (общим объемом 311 732 словоупотребления для русского языка и 367 229 – для немецкого), показало, что деонтические и волитивные конструкции представлены в русском языке в количественном отношении одинаково (132 к 122), в немецком отмечены несколько реже (102 к 144)[2].

В политической речи деонтические конструкции реализуют функции разных типов.

1. Функция актуализации значимой информации. Рассматриваемые структуры представляют собой конвенциональный способ указать на сообщение, по отношению к которому говорящий занимает особое положение: испытывает необходимость или имеет право/основание выделить некоторое положение дел. Деонтические лексемы выступают коммуникативными сигналами, указывающими на *информационную ценность* последующего сообщения о положении дел, реализую рему высказывания. Это становится возможным благодаря семантике маркеров, передающих обязательность или деонтическую возможность. При этом само сообщение анонсируется посредством речемыслительного глагола, например,

A. Merkel: <…>, aber ***ich muss schon sagen****, dass die Frage der Regulierung insoweit entscheidend ist, weil sich der Steuerzahler, der dann ja in Form der Allgemeinheit immer eintritt, natürlich auch seine durchaus richtigen Gedanken dazu macht* (Rede anlässlich des XIX. Deutschen Bankentags des Bundesverbands deutscher Banken, 31.03.11) ‘но *я должна сказать*, что вопрос регулирования имеет здесь решающее значение, потому что налогоплательщик, который всегда действует от широкой общественности, конечно, задумывается об этом совершенно справедливо’.

[1] В выборку вошли речи глав государств, представленные на официальных сайтах Президента РФ http://www.kremlin.ru/events/president за период с 2000 по 2018 гг., президента ФРГ http://www.bundespraesident.de и канцлера ФРГ https://www.bundeskanzlerin.de за период с 2008 по 2018 гг.

[2] Для сравнения отбирались волитивные конструкции только в индикативе: *я хочу/ich will.*

Такое управление вниманием адресата создает необходимый фундамент для «правильной» интерпретации сообщения.

Следует отметить, что *я*-конструкции разрешительности (*позволю себе, имею право, могу/ich darf, kann)* отмечаются в политической речи чаще. Так, в немецкой выборке обнаружено 73 я-структуры с деонтической возможностью по сравнению с 32 *я*-высказываниями с обязательностью, в русском языке соотношение почти равное: 66 к 59. Это объясняется попыткой говорящего как субъекта политического дискурса редуцировать меру своей ответственности за содержание сообщения.

2. Когезионный потенциал деонтических *я*-конструкций. Характерной чертой деонтических клише с речеактовыми глаголами является ярко выраженная *текстообразующая* функция, которая определяется их способностью участвовать в мотивации внутритекстовых связей. Выступая средством связности, они активизируют анафорические и катафорические связи, что особенно важно при построении воздействующей речи:

A. Merkel*: **Ich darf daran erinnern**: Europa hat sich im Jahr 2000 mit der sogenannten Lissabon-Strategie das Ziel gegeben, im Jahr 2010 der dynamischste Kontinent der Welt zu sein.* (Rede beim BGA-Unternehmertag, 24.10.12) ‘*Я могу напомнить*, что в 2000 году с помощью так называемой Лиссабонской стратегии Европа поставила перед собой цель: в 2010 году стать самым динамичным континентом в мире’.

В. В. Путин*: И я **позволю себе** маленькую **реплику по вопросу** о нацеливании ракет* (Выступление Президента РФ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом США Дж. Бушем, 24.05.2002).

Структурируя тестовое целое, в политической речи они служат для переключения внимания получателя на наиболее существенные с точки зрения политика содержательные фрагменты, напоминают о главной теме, подготавливают адресата к дальнейшему восприятию информации.

3. Текстовые функции деонтических конструкций в политической речи. Перволичность деонтической конструкции с речеактовым глаголом обусловливает перформативность модального высказывания: ***должен сказать*** = [*говорю*], в результате чего семантическая нагрузка в них падает на речевой глагол, например, *A. Merkel: Ich **darf Euch versichern**: Auch Mädchen können das* (Rede anlässlich der Auftaktveranstaltung zum Girls‘ Day, 21.04.10) ‘*Я могу вас заверить*: даже девушки могут это сделать’. В политической речи необходимость в такой перформативной заставке возникает для того, чтобы специфицировать характер произносимого сообщения как представления, утверждения, уточнения, повторения, добавления, подчеркивания, объяснения и пр., что оформляется при участии определенных «сопроводителей», а именно:

1) не характеризуемых по содержанию (*заметить/hinweisen, повторить/wiederholen, продолжить/weitersagen, подчеркнуть/betonen, заметить/bemerken/hinweisen, добавить/hinzufügen/ergänzen, упомянуть/erwähnen, констатировать/feststellen, объяснить/erklären*);

2) характеризуемых по содержанию (*согласиться/zusagen, признать/zugeben, напомнить/erinnern, сообщить/mitteilen/berichten заверить/versichern, обещать/zusagen/versprechen*);

3) выражающих осознанную субъективность: предположение, сомнение, мнение, умозаключение (*выразить уверенность, высказать предположение/eine Vermutung äußern*).

Именно семантика речевого глагола определяет прагмасемантические и текстовые функции деонтического высказывания, которые в политической речи сводятся к следующим:

• Управление пониманием. С помощью речевых глаголов *пояснить, разъяснить, объяснить/erklären* деонтическая конструкция позволяет политику вводить дополнительную информацию, разъясняющую названное положение дел, для правильной интерпретации сообщаемого, например, A. Merkel*: Ich bitte um Verzeihung dafür, wenn ich mich etwas zu technisch ausgedrückt haben sollte.* ***Aber ich muss das erklären, damit man weiß****, woran wir arbeiten und dass wir die Dinge vernünftig betrachten* (Rede beim BGA-Unternehmertag, 24.10.12) ‘Я извиняюсь за то, что изъяснялась слишком технически. Но я *должна это объяснить, чтобы стало понятно*, над чем мы работаем, и что мы с пониманием подходим к решениям’.

• Маркирование осознанной субъективности. Такое некатегоричное указание на истинностное отношение говорящего к последующему положению дел, представляющему собой некое отклонение от нормативной ситуации, коммуникативно обосновано: дополнение деонтического высказывания эпистемическими операторами направлено на поддержание коммуникативного имиджа политика как вежливой личности, например, В. В. Путин*: Я, кстати,* ***позволю себе предположить****, что такой болезненный для нашего общества вопрос, как коррупция, во многом связан с тем, что у нас появилось слишком много душевно неразвитых людей* (Заседание Совета при Президенте по культуре и искусству, 25.12.15). Экспликация истинностных оценок осуществляется также путем введения в поверхностную структуру деонтического высказывания таких маркеров, как *честно, прямо, объективно/(ganz) ehrlich*: *В. В. Путин:* ***Должен честно сказать****, Правительство никак не может решиться действовать в этой сфере последовательно* («Прямая линия» с Президентом России, 19.12.2003).

• Маркирование согласования оценочной позиции говорящего относительно некоторого положения дел с точки зрения истинностных или аксиологических параметров, например:

В. В. Путин: *В том, что эти и другие важные законы до сих пор не приняты, виноваты, конечно, не только депутаты предыдущего созыва.* ***Должен признать*** *<…>, что в предыдущий период законодательная инициатива Правительства проявлялась довольно слабо* (Выступление на 1-м пленарном заседании Государственной Думы 3-его созыва, 18.01.2000).

A. Merkel: ***Ich muss zum Schluss akzeptieren****, dass die beste Ordnung noch immer die ist, in der alle angehört werden und zum Schluss die Mehrheit entscheidet.* (Rede beim 2. Sächsischen Frauennetzwerktreffen, 15.07.19) ‘В конце концов, я *должна согласиться* с тем, что лучшим порядком остается тот, в котором всех выслушивают, и в результате решение принимает большинство’.

Бóльшую часть выборки составляет модель модальный маркер + *сказать*, глагол, который является наиболее общим перформативом.

Однако для политической речи не типично выражать допущение существования негативной реальности при помощи автореферентных конструкций, поскольку, с одной стороны, признание ошибок может характеризовать политика как рефлексирующую личность, с другой – это может нанести ущерб его репутации. Поэтому чаще всего в этой функции используются бессубъектные структуры, где происходит смещение коммуникативного центра высказывания с модального *я*-субъекта на пропозицию, например:

В. В. Путин: *Именно изъяны национальной юрисдикции,* ***надо признать*** *это, недостаточность гарантий защиты частной собственности вынудили многих предпринимателей регистрировать свои активы за рубежом и выводить эти активы* (Выступление на пленарном заседании XI форума общероссийской общественной организации «Деловая Россия», 06.02.2019). Смысловая неопределенность политического дискурса осложняет установление субъекта деонтики (*я,* или *я* + *вы*, или я + вы + они).

Следует отметить, что несогласование, которое проявляется в реализации возражения, в выборке политической речи отмечено не было. Несогласование позиции показывает, что говорящий считает свое мнение наиболее достоверным, что звучит безапелляционно, а политической речи для достижения убеждения свойственно стремление к согласию.

• Акцентирование собственного мнения. Говорящий как субъект дискурса, основываясь на собственном опыте, эмфатизирует с помощью глаголов *подчеркнуть/betonen* последующую пропозицию, наделяя ее повышенной информативностью.

Экспликация своей позиции реализуется в русской речи специальным деонтическим маркером, указывающим на мнение, например:

В. В. Путин: ***Считаю необходимым подчеркнуть*** *(и это очень важно): растущая военная мощь России – это надежная гарантия мира на нашей планете, поскольку эта мощь сохраняет и будет сохранять стратегическое равновесие* ... (Послание Президента Федеральному Собранию, 01.03.18).

В немецкой речи подобные конструкции содержат эмотивную оценку, которая выходит за модальную рамку деонтического высказывания. Обращение к эмоциям предполагает «присвоение» референта высказывания, например:

A. Merkel: *Wir wollen den multilateralen Ansatz stärken. Eigentlich ist es ein* ***wenig traurig, dass man das betonen muss*** (Rede beim Unternehmertag des Bundesverbands Großhandel, Außenhandel, Dienstleistungen e.v., 15.10.18) ‘Мы хотим укрепить многосторонний подход. На самом деле, *немного грустно*, что *нужно это акцентировать*’.

• Переакцентуация текстовых фрагментов с целью оказать на аудиторию определенное воздействие и дать возможность адресату переосмыслить уже известные сведения в новом контексте, например:

В. В. Путин: *... что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит.* ***Но я позволю себе напомнить*** *в этой аудитории, что было сказано* (Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10.02.2007).

A. Merkel: ***Ich darf daran erinnern****: Europa hat sich im Jahr 2000 mit der sogenannten Lissabon-Strategie das Ziel gegeben, im Jahr 2010 der dynamischste Kontinent der Welt zu sein. Dieses Ziel haben wir erkennbar verfehlt* (Rede beim BGA-Unternehmertag, 24.10.12) '*Я могу напомнить*, что в 2000 году с помощью так называемой Лиссабонской стратегии Европа поставила перед собой цель: в 2010 году стать самым динамичным континентом в мире. Мы явно упустили эту цель'.

Следует отметить, что модель «деонтический маркер + речевой глагол» заполняется более разнообразно в случае деонтической возможности. Бóльшую часть выборки (около 60 % в обоих языках) составляет модель «модальный маркер + глагол *сказать*», который является наиболее общим перформативом. Семантическое расширение такие конструкции получают за счет синтагматических распространителей.

Таким образом, коммуникативно-организующая и композиционно-структурная функции присущи данным структурам в целом, прагмасемантические и текстовые задаются конкретным дискурсом. Очевидно, что маркеры деонтической возможности и деонтической необходимости сочетаются в политической речи с разными речевыми глаголами, что обусловливает их дискурсивные функциональные различия.

The article discusses the functional potential of deontic constructions in political speech. The study treats only deontic structure, where the speaker is the modal agent and as a propositional action is speaking action. The content of the model "deontic marker + speech verb" can be very different, however as this study shows the "filling" and functioning of these models is determined and limited by political discourse. A comparison of the Russian and German languages made it possible to demonstrate the functional universality of these modal constructions, due to political discourse.

О. В. Аношина
Минск, МГЛУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНВЕРСИИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

В статье анализируется порядок слов в современном англоязычном кинодискурсе. Изложены основные подходы к определению прямого порядка и инверсии, принципы тема-рематического членения предложения, проанализированы различные языковые средства, используемые для выделения того или иного члена предложения. Подробно рассмотрена инверсия обстоятельства, дополнения и определения и акцентуализация подлежащего при смещении его в конец предложения. В статье представлено признаваемое большинством исследователей разграничение инверсии на частичную и полную. В зависимости от выполняемой функции выделяется грамматическая, коммуникативная и эмфатическая инверсия. Представлены результаты исследования использования инверсии в современном англоязычном кинодискурсе, приведена частотность и описаны особенности использования инверсии, наиболее частотные типы инверсии, проведено сравнение частотности использования инверсии в американском и британском кинодискурсе.

Порядок слов в английском языке играет важнейшую роль. Английский язык утратил в ходе своего развития большую часть окончаний, в современном его варианте только место слова в предложении определяет, используется оно в роли подлежащего или в роли дополнения. Для утвердительных предложений в письменной речи для английского языка характерен порядок «подлежащее –

сказуемое – дополнение». Предложения без подлежащего возможны в английском языке, но в них оно подразумевается. В разговорной речи частотны эллиптические предложения, где опущено подлежащее *I* или *it: Would be nice if you could take her off our hands every now and then* [7, S1E5, 19:24]. Для устной речи также характерно фронтальное положение дополнения, когда оно приобретает статус топика (темы) или фокуса (в этом случае дополнение выделяется интонационно). Дополнение может также стоять на первом месте в предложении с целью выделения фронтированного элемента. Такие высказывания считаются «маркированными» и заключают в себе дополнительное значение [1, с. 77–79]: *For my money it was just an ordinary cock-up* [8, S1E2, 32:11]. Когда нарушается обычный порядок следования членов предложения, выделенный путем размещения на необычном для него месте член предложения получает специальные коннотации эмоциональности и экспрессивности [Там же, с. 114].

Инверсию можно определить как нарушение расположения синтаксически связанных между собой членов предложения. Далеко не все члены предложения могут инвертироваться, так подлежащее может следовать за глаголом, но артикль или указательное местоимение всегда предшествуют тому существительному, к которому они относятся [2, с. 115].

Д. Ларсен-Фриман выделяет следующие средства эфматизации и смещения фокуса: фонологические (ударение и интонация), лексические (специальные слова и фразы) и синтаксические (порядок слов и специальные фокусные конструкции) [1, с. 655–656].

Стилистика изучает синтаксис как раздел грамматики в области выражения различных эмоционально-экспрессивных значений при помощи порядка слов, синтаксических конструкций, того или иного способа связи между частями высказывания: повторы, эллипсы и др. Существующие в языке различные синтаксические конструкции, способные выражать приблизительно одни смыслы, сравниваются и сопоставляются между собой для выявления расхождений в их экспрессивном значении. Так, к выразительным средствам языка, служащим усилению экспрессивности или приданию эмоциональной окраски, относят повторы, параллелизмы, антитезы [6, с. 6–8].

Тема-рематическая структуризация предложения позволяет выделить в нем то, что является предметом высказывания, и то, что об этом предмете сообщается. Это деление близко к логико-содержательному членению предложения на подлежащее (тема) и сказуемое (рема). Ремой может выступать и все предложение целиком. В языке существуют следующие средства актуализации тема-рематического деления предложения: интонация, порядок слов, синтаксические конструкции и лексические средства. Ситуация и контекст могут влиять на тема-рематическую структуру предложения. Интонация может помочь выделить и, соответственно, придать статус ремы, подлежащему, части группы сказуемого, переведя остальные синтаксические позиции в статус темы [4, с. 256-258].

Что касается порядка слов, И. П. Иванова отмечает, что вынос дополнения или обстоятельства в начало предложения придает им статус темы: *For my money it was just an ordinary cock-up* [8, S1E2, 32:11].

Что касается подлежащего, рематичным его делает позиция в конце предложения, сказуемому с таким подлежащим может предшествовать *there*: *There's been prophecies* [8, S1E4, 4:23]. Предложения с инверсивным располо-

жением главных членов представляют собой частный случай экзистенциальных предложений, для которых в принципе характерна рематичность подлежащего (наиболее распространенный тип – предложения с *there is*).

Следовательно, на фоне строго фиксированного порядка слов в английском языке, тема-рематическое членение предложения особенно ярко отражает порядок слов в предложении. Средствами рематизации подлежащего служит *there is*, средством рематизации любого члена предложения, кроме сказуемого, служит конструкция типа *It is … who/that…* [4, с. 256-258]: *It's the upbringing that's important* [8, S1E4, 28:23].

Сигналами рематичности выступают частицы *only, almost, at least*, когда они использованы в присущей им выделительной функции. Личный глагол обычно рематичен. Обычная тематичность подлежащего определяет его частую выраженность именами собственными, местоимениями, существительными с определенным артиклем и другими показателями определенности. Тем не менее, в позиции тематического подлежащего возможны и существительные с неопределенным артиклем, а в функции ремы – существительные с определенным артиклем, поэтому артикль и его функциональные эквиваленты нельзя рассматривать как показатели тематичности / рематичности [4, с. 258].

Прагматический синтаксис реализует функционально-ориентированный подход к изучению предложений, анализ того, какое коммуникативно-функциональное назначение имеет предложение в речевом акте общения. Этот подход позволяет увидеть, что структурно идентичные предложения могут выполнять разные коммуникативные роли. *I'll watch you* может быть констатацией факта, угрозой или обещанием [Там же, с. 269].

Мы в своей работе будем придерживаться следующей классификации инверсии: полная и частичная, в зависимости от того, все сказуемое (*Here **is** our guest of honor*) [7, S1E4, 23:37] или его часть стоят перед подлежащим (***May** you be forgiven*) [8, S1E3, 51:20]. Н. А. Кобрина также упоминает двойную инверсию, когда части сказуемого размещаются перед подлежащим. Очевидно, что подобное определение инверсии не включает в себя случаи, когда инвертируются второстепенные члены предложения, порядок же подлежащее – сказуемое при этом не нарушается.

Исследователь Н. А. Кобрина выделяет грамматическую, коммуникативную и эмфатическую инверсию в зависимости от выполняемой ею функции [5, с. 276].

Грамматическая инверсия – это то изменение порядка слов в предложении, которое уже получило статус грамматической нормы [2, с. 48]. Иными словами, в тех случаях, когда инверсия лишена дополнительной эмоциональной окраски, где она воспринимается как нормальный порядок слов, она выполняет грамматическую функцию. Такой тип инверсии используется:

1) для разграничения между коммуникативными типами предложений (общие вопросы, вежливые просьбы и разделительные вопросы, специальные вопросы за исключением вопросов к подлежащему и его определению): *What's in human prophecies that matters to us?* [8, S1E4, 4:24];

2) в предложениях, начинающихся с *there*, за которым стоят глаголы существования, движения, изменения ситуации: *Well, there does appear to be a spirit* [8, S1E5, 1:18];

3) в восклицательных предложениях, выражающих пожелание, отчаяние, негодование и другие сильные эмоции: *May the armies of glory march beside you!* [8, S1E4, 16:10];

4) в восклицательных предложениях, отрицательных по форме, но положительных по значению: *Won't that be awesome!* [8, S1E5, 8:58];

5) в отрицательных повелительных предложениях: *Don't you stick you tongue!* [8, S1E5, 43:34];

6) в качестве грамматического средства субординации в сложных предложениях с придаточными нереального условия и уступки, соединенных бессоюзно: *And the Spear of Destiny, should you run across them* [8, S1E3, 18:49];

7) в предложениях, начинающихся с обстоятельства места: *There is no longer a Witchfinder General* [8, S1E2, 19:08];

8) в сценических ремарках;

9) может использоваться после прямой речи в предложении, указывающем на авторство;

10) в предложениях-ответах, где говорящий утверждает, что он или кто-либо другой тоже совершает данное действие или находится в этом состоянии (в то же время, если подтверждается высказанная ранее мысль, сохраняется прямой порядок слов): *I don't know why I'm still talking to you. – Well, frankly neither do I.* [8, S1E3, 51:59];

11) в случае, когда вторая часть предложения содержит часть сравнительной конструкции (необязательно).

Что касается эмфатической и коммуникативной инверсии, то Н. А. Кобрина отмечает, что их разграничение зачастую затруднительно. Эмфатическая, иными словами, стилистическая инверсия – это постановка того или иного члена предложения в необычное для него положение с целью его эмфатического выделения, такая инверсия не меняет грамматического значения конструкции [6, с. 81]. Если сравнить *We go off then* и *Off we go then* [8, S1E5, 37:27], где постпозитивный глагольный элемент вынесен на первое место, мы увидим, что грамматическое значение не изменилось, но появился новый оттенок значения, наиболее существенным элементом сообщения стал постпозитивный элемент *off*.

Акцентуализация достигается за счет помещения слова в непривычное для него место: так подлежащее находится в конце предложения, а предикативы и дополнения – на первом месте в предложении. Когда подлежащее размещается в конце предложения, оно часто обособляется, подобный тип инверсии был зафиксирован и нами: *Hard on the buttocks, horses!* [8, S1E3, 10:19].

Фронтированные дополнения и предикативы также часто обособляются: *No matter how apparently successful it may seem…* [8, S1E2, 31:48].

Если дополнение предложное, то предлог может стоять после глагола или глагольной группы либо же в конце всего предложения: *This nowadays one hears not of.* Порой дополнение фронтируется для акцентуализации сказуемого (или его части): *Talent Mr. Macowber has, capital Mr. Macowber has not.*

Фронтальное положение акцентирует наречия времени, образа действия и степени, которые обычно стоят рядом со сказуемым. Послелоги, использующиеся как наречия, при постановке на первое место в предложении выделяют сказуемое: *Off you go, Witchfinder Private Pulsifer* [8, S1E4, 16:05].

Определения выделяются при постановке их в постпозицию, если такое положение для них не нормально. При смещении определения в постпозицию, фокус смещается на определение, на него падает основное ударение: *The day following was to decide our fate.* В стихотворении определение, выраженное одиночным причастием или прилагательным, может стоять после определяемого слова, завершать строку, и, следовательно, становиться самым весомым логически и эмоционально: *Have ye souls in heaven too Double-lived in regions new?*

Порядок слов также может выступать средством связи предложений в тексте, когда одна мысль продолжется в следующем предложении. Часто в данном случае эту связь поддерживают указательные местоимения: *Some people looked down on him. Those people he despised.*

Среди синтаксических единиц, которые могут занять первое место в предложении с эмфатической инверсией, М. Д. Кузнец выделяет предикатив или (реже) простое глагольное сказуемое; обстоятельство – те обстоятельства и обороты, которые обычно не занимают фронтальное положение; прямое и предложное дополнение [6, с. 82].

Обособленные члены предложения также часто подвергаются инверсии. Обособленный член предложения берет на себя функцию добавочного сказуемого [Там же, с. 87–88]. В нашем исследуемом материале также зафиксирован случай обособления инвертированного члена предложения, особенно примечательно, что обособлен и инвертирован комплимент дополнения, который состоит в от-ношениях вторичной предикации с прямым дополнением: *Progress, you could call it* [8, S1E4, 10:30].

И. В. Дмитриева также отмечает, что при эмфатической инверсии может быть акцентуализирован любой член предложения [3, с. 43], на первом месте в предложении тогда оказываются: предикатив, послелог, *so, thus, now, then, no sooner, under no account, on no condition, on no account, not only, not once, never, nor, not, seldom, scarcely, hardly, rarely, well, many, little, only* (за которым следует обстоятельство времени), *so/such* (за которыми следует *that*, обстоятельство (часто образа действия)).

Основной чертой коммуникативной инверсии служит вынесение ремы в конец предложения. Такая инверсия имеет место:

1) после *there, here*;

2) когда предложение начинается с обстоятельства места или направления, часто развернутого;

3) в предложениях, начинающихся с *so, neither*;

4) после *as, than, so* [3, с. 43].

В исследованном нами материале (5 эпизодов британского сериала 2019 г. «Благие знамения» и 5 эпизодов американского сериала 2019 г. «Почему женщины убивают») мы проанализировали случаи употребления коммуникативной и эмфатической инверсии и обнаружили, что эмфатическая и коммуникативная инверсия в кинодискурсе – достаточно редкое явление.

В исследованном британском кинодискурсе зафиксировано 34 случая использования эмфатической и коммуникативной инверсии. Самый частотный тип инверсии – полная коммуникативная инверсия в предложениях, начинающихся с *here/there* (19 употреблений): *Well, there does appear to be a spirit matching that description* [8, S1E5, 18:18], *Here is the selection of your favourite sushi rolls* [8, S1E1, 12:55].

На втором месте по частоте стоит частичная коммуникативная инверсия (7 употреблений): *So does Atlantis* [8, S1E4, 4:23], *Neither have we* [8, S1E4, 18:06].

Что касается эмфатической инверсии, то зафиксировано 8 случаев частичной инверсии. В 4 случаях на первое место в предложении выносился предикатив (комплимент подлежащего либо комплимент дополнения). В поэзии подобный тип инверсии выполняет ритмообразующую функцию: *When robins blue chariot inverted be…, When the skies are crimson seen* [8, S1E4, 21:45]. В остальных случаях инверсия использовалась для подчеркивания осведомленности и го-товности к сотрудничеству: *Have you got it? – Absolutely, Your Honour. Tadfield it is* [8, S1E3, 45:41].

В 4 случаях частичной эмфатической инверсии предложения начинались с *no matter* ‘не имеет значения’: *No matter how apparently successful it may seem upon the way, in the end it will founder on rocks of iniquity and vanish* [8, S1E2, 31:48]. Инверсия служила усилию эмоциональной окраски высказывания.

В исследованном американском кинодискурсе зафиксировано только 6 случаев использования эмфатической и коммуникативной инверсии. Дважды было зафиксировано использование полной коммуникативной инверсии: *Here’s our guest of honour* [7, S1E4, 23:37]*; Here’s our prescription* [7, S1E5, 30:26]. Два раза была употреблена частичная коммуникативная инверсия: *So did I* [7, S1E4, 34:07]*; Neither does Naomi* [7, S1E6, 30:06]. Дважды была использована и частичная эмфатическая инверсия: *Salad it is* [7, S1E1, 13:04]*; Only then can you understand the choices she made* [7, S1E1, 45:44]. В первом случае фронтированный предикатив подчеркнул согласие мужа уступить жене. Во втором приведенном примере инверсия служит средством акцентуализации обстоятельства *then* ‘тогда’.

Меньшая частотность полной коммуникативной инверсии в американском кинодискурсе может быть объяснена использованием личных местоимений после *here/there*, когда согласно нормам языка порядок слов остается прямым: *Here he comes now* [7, S1E1, 8:49].

Высокая зафиксированная частота употребления коммуникативной и эмфатической инверсии в британском кинодискурсе, по сравнению с американским, требует, на наш взгляд, дальнейшего изучения на большем объеме материала. Тем не менее полученные результаты могут быть использованы при подготовке семинарских занятий по теоретической грамматике и синтактике, а также практических занятий по функциональной и коммуникативной грамматике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Larsen-Freeman, D.* The Grammar Book / D. Larsen-Freeman. – National Geographic Learning: HEINLE CENGAGE learning, 2016. – 911 p.

2. *Арнольд, И. В.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов – 5-е изд., испр. и доп. / И. В. Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.

3. *Дмитриева, И. В.* Сборник таблиц по практической грамматике английского языка : учеб. пособие / И. В. Дмитриева. – Минск : МГЛУ, 2000. – 47 с.

4. *Иванова, И. П.* Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.

5. *Кобрина, Н. А.* Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис / Н. А. Кобрина. – СПб., СОЮЗ, 1999. – 496 с.
6. *Кузнец, М. Д.,* Стилистика английского языка: пособие для студ. пед. ин-тов / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – 175 с.
7. Why women kill [Electronic resource] / CBS, 2019. - Mode of access : http://fanserial.net/why-women-kill. – Date of access : 15.08.2019.
8. Good Omens [Electronic resource] / Amazon Prime, 2019. – https://zloeki-no.su/series/Blagie_znameniya. – Date of access : 10.08.2019.

The paper looks into the word order in modern English, analysing inverted word order, its types and functions, and provides data on inversion, its most typical patterns and peculiarities in modern cinema discourse.

В. А. Медюлянова
Минск, МГЛУ

СВОЙСТВА И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В РУССКОМ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Несмотря на то, что многие из европейских языков не являются близкородственными (русский, английский, французский и др.), персональный дейксис в русском и других европейских языках ввиду его выраженности личными местоимениями и спрягаемости глагола по лицам характеризуется в целом одинаково.

Целью данной статьи является: 1) выделить основные свойства персонального дейксиса (далее ПД), опираясь на труды теоретиков в области личного, пространственного и других видов дейксиса; 2) дать характеристику ПД русского и других европейских языков исходя из характеристик средств выражения ПД, присущих этим языкам.

Под свойствами персонального дейксиса мы понимаем его основные постоянные качества, а под характеристиками – описание совокупности его свойств. В сопоставительных целях в качестве опорного (основного) языка нами выбран русский. Другие европейские языки привлечены в той степени, в которой их примеры показательны для демонстрации того или иного признака или явления.

В ходе анализа теоретической литературы по вопросам дейксиса выделены следующие с в о й с т в а, присущие ПД большинства изученных языков, которые и были положены в теории дейксиса в основу определения не только личного, но и других видов и средств языкового указания.

1. Специфичность референции. Дейксис в теории референции рассматривается как один из ее способов [1]. Ссылка на лицо с помощью дейктических средств может осуществляться только в условиях текущего коммуникативного акта с присутствием референта, в чем и заключается ее специфичность.

2. Актуализация – свойство дейксиса выделять внеязыковые объекты из ряда других в текущих координатах речевого акта. Дейктики «привязывают» субъект – лицо к определенной ситуации, причем их актуализационные свойства присущи им в разной степени [2, с. 114].

3. Конституирование речевой ситуации. Ключевым для определения термина *дейксис* в лингвистике является понятие указания, что обусловлено этимологически и закреплено в теории дейксиса. Однако мы придерживаемся

мнения, что дейктики не просто указывают на центр координации, а являются инструментами его создания. Говорящий фиксирует дейктический центр, обозначая его *Я-Здесь-Сейчас*, закрепляя объекты и события в заданной им системе координат. Конституирование неразрывно связано с актуализацией, поскольку посредством указания актуализируется объект внеязыковой действительности, тем самым создается объект речи.

4. Способность принимать на себя дополнительную функционально-ролевую нагрузку. Помимо непосредственного указания на лицо – физический субъект, участвующий в речеобмене, ПД может кодировать и другие параметры коммуникации, такие как иерархические отношения статусности, социальную дистанцию, а также ничем не обусловленное (субъективное) отношение собеседников друг к другу.

Хотя свойства ПД носят универсальный характер, что обусловлено универсальностью языкового указания вообще, характеристики ПД зависят от особенностей сложившихся в языках дейктических систем, соотношения применяемых средств для выражения ПД в конкретном языке и варьируются от языка к языку.

Опираясь на выводы исследователей различных видов языкового указания (пространственного, временного и др.), можно выделить существенные для ПД характеристики, соотнесенные с выделенными выше свойствами.

В аспекте референции выделены следующие характеристики ПД:

- ситуативность (подвижность, относительность, шифтерность, переменность) [3, с. 5–6], т.е. смысловая зависимость от ситуации речи. Например, в одном речевом эпизоде местоимением *ты* обозначается одно лицо, а в другом – совершенно другое;
- субъективность, т.е. указание на лицо производится не на основании релевантных признаков самого предмета (*мама, учитель, мужчина* и др.), а по признаку соотнесения с говорящим лицом (*ты, Вы* и др.) [Там же].

Такие отличительные признаки дейктических слов, как ситуативность и субъективность, позволили противопоставить им назывные слова, которые, по выражению С. Д. Кацнельсона, «надситуативны». Поэтому в традиционной лингвистике «дейксис как один из способов референции противопоставляется номинации» [4]. Однако в лексической системе языков существуют слова, выполняющие как номинативную, так и дейктическую функцию. Например, в семантику глагола *приходить* включены компоненты ‘перемещение’ и ‘направление перемещения к говорящему’. Данные наблюдения определяют следующую характеристику дейксиса:

- смешанность/чистота дейксиса определяется исходя из факта представленности/непредставленности назывного компонента в семантике примененного для указания слова [5, с. 10]. В терминологии Е. Л. Ерзинкян, лексемы, обладающие как назывной, так и дейктической функцией, определяются как полудейктики [6, с. 30]. Дж. Лайонз вводит собственное обозначение «чистого» и «нечистого» дейксиса, с помощью такого разделения он различает чисто дейктичные выражения и выражения, значения которых частично дейктичны, а частично недейктичны [7, с. 322]. Например, немецкие местоимения *ich* и *du* чисто дейктичны, так как обозначают говорящего и адресата без сообщения дополнительной информации. А местоимения *er* и *sie* не чисто дейктичны, поскольку кодируют пол референта.

По мнению Е. В. Падучевой, местоимения представляют собой «самый чистый класс референтных выражений» [8, с. 11]. Соответственно, языки с наибольшим удельным весом местоимений в структуре дейктических средств (английский, французский и др.) будут иметь «чистый» ПД.

Рассмотрим основную характеристику, связанную с таким свойством ПД, как актуализация – эгоцентризм. Эта характеристика выделяется в качестве основной в так называемой нормативной теории дейксиса, предложенной К. Бюлером и развиваемой другими исследователями, разделяющими его воззрения. Для дейктического выделения объекта из ряда других необходима ориентация относительно некоего центра координат в пространстве, который обычно совпадает с говорящим, т.е. наблюдается постоянная соотнесенность Ориго (центр указательного поля) с субъектом речи [7].

Критики тезиса К. Бюлера об эгоцентричности дейксиса отмечают, что в предложенной им модели дейктического поля нет места адресату [2, с. 86]. Таким образом, при смещении исследовательского интереса к дейксису в сферу живой коммуникации, предполагающей вовлеченность в нее как минимум двух лиц, понимание эгоцентризма с точки зрения нормативной теории дейксиса теряет свою актуальность.

Финский славист А. Мустайоки обращает внимание на то, что говорящий при построении высказывания должен выбирать, с точки зрения кого из актантов описывать положение дел (тип ориентации). «При выборе ОРИЕНТАЦИИ одному из актантов назначается лидирующая роль. Из этого вытекает предпочтение одного из членов конверсивной пары глаголов» [9, с. 40]. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами:

(1) *Я получила от вас рекомендательное письмо.*

(2) *Вы дали мне рекомендательное письмо.*

(3) *Мне было дано вами рекомендательное письмо.*

Далее в нашем исследовании эгоцентричным ПД мы будем считать такое указание в высказываниях, в которых действие направлено от говорящего, как в примере 1, либо говорящий выводится на первый план и оформляется темой в высказывании (пример 3).

При рассмотрении такого свойства ПД, как конституирование речевой ситуации, выделены следующие характеристики:

- эксплицитность/имплицитность. В отличие от эксплицитного дейксиса имплицитный формально не обозначен, т.е. никак не выражен в поверхностной структуре предложения [6];
- прямой ПД/косвенный (непрямой, опосредованный) ПД. Под прямым ПД мы будем понимать использование таких средств языка, которые непосредственно предназначены для осуществления языкового указания (личные и притяжательные местоимения, личные окончания глаголов). Под косвенным (непрямым, опосредованным) ПД понимается указание на лицо через посредство иных, не предназначенных для целей указания языковых единиц, тем не менее, помогающих правильно идентифицировать лицо в речи.

Как отмечает Е. О. Мидова на примере речевых актов, воззрения языковедов на понятия имплицитности и косвенности различны, что обусловлено пересечением рассматриваемых понятий в лингвистике [10]. Для демонстрации различия между ними приведем следующие примеры из русского и польского языков:

(4) *Какова цель визита в Польшу?*

(5) *Jaki jest cel pani przyjazdu do Polski?* ‘Какова цель Вашего визита в Польшу?’.

В примере (4) отсутствуют какие бы то ни было языковые маркеры лица. Соотнесение содержания высказывания с собеседником осуществляется исключительно на основании контекста ситуации. В примере (5) для указания на собеседника использован номинативный способ референции с помощью назывного слова *pani*, означающего персону женского пола, очевидно, присутствующую в ситуации общения. Т.е. указание на лицо осуществляется опосредованно, через номинацию как способ референции.

В аспекте дополнительной функционально-ролевой нагрузки ПД получает такие характеристики, как социальная маркированность и прагматическая мотивированность.

В рамках данной статьи под социальной маркированностью понимается отражение в семантике языковой структуры социальных отношений между участниками ситуации. Данный аспект получил освещение в работах лингвистов, но изучался как «принципиально иное явление, также имеющее отношение к проблеме социальной маркированности языковых единиц» [11, с. 38].

В целях исследования ПД считаем возможным привести следующее несколько уточненное определение прагматической мотивированности М. Б. Бергельсон [12, с. 4] – это закрепленность оценочного компонента в семантической структуре дейктика либо выбор употребления дейктика на основе экстралингвистических, прагматических факторов.

При характеризации ПД в русском языке следует исходить из того, что к его показателям, прежде всего, относятся личные и притяжательные местоимения, а также личные формы глаголов, что обусловливает его ситуативность. Исключение составляют единичные случаи, когда в качестве дейктических выступают номинативные средства, апеллирующие к социальному, семейному статусам, должности и др. Номинативная референция не привязывает коммуникантов к текущей ситуации речи. В следующем примере лицо, именуемое боссом, остается им как в конкретной коммуникации, так и за ее пределами:

(6) *Вот как ты выполняешь указания своего босса (мои)?*.

При анализе эксплицитности/имплицитности ПД следует учитывать, что большинство европейских языков обладают развитой парадигмой личных местоимений, которые в основном противопоставлены по лицу и числу. Кроме того, во многих языках глаголы принимают личные окончания, согласуясь с прономинальным субъектом. Очевидно, что ПД имеет все основания считаться эксплицитным. Тем не менее, языки мира разнятся между собой по возможности опущения прономинального субъекта в поверхностной структуре. Опущение личного местоимения может сделать указание имплицитным, как, например, в английском языке, в котором формально лицо обозначено только в глаголе 3-го лица ед. числа. Хотя данный язык отнесен к категории non-pro-drop, опущения имеют место в разговорной речи. Во многих европейских языках с развитой глагольной морфологией, как, например, в польском, итальянском, испанском, отсутствие избыточного местоимения является нормой.

Таким образом, в европейских языках, в том числе в русском, ПД преимущественно эксплицитный: лицо выражено либо местоимением, либо финитной формой глагола, либо и тем и другим одновременно. Хотя имеют место случаи

имплицитного дейксиса при эллипсисе местоименного подлежащего в языках с неполной глагольной парадигмой лица (как в английском языке), что в целом свойственно разговорно-бытовой речи (*Hope you got it* ‘Надеюсь, ты понял’) либо высказываниям, перешедшим в разряд клише. Например, фраза *I thank you*, означающая ‘Я благодарю вас’, сократилась до *Thank you* ‘Спасибо’.

При оценке русского местоименного дейксиса с точки зрения выполнения ими дополнительных функций следует учитывать наличие в русском языке двух местоимений 2-го лица мн. числа *вы* и *Вы*. Первое может означать как обращение к нескольким лицам, так и предписанную этикетными нормами вежливость, которая является атрибутом формальной коммуникации и не несет никакой прагматической окраски. Местоимение *Вы* изначально подчеркивает социальную дистанцию между коммуникантами, поскольку, употребляя его, адресант ставит себя в позицию ниже адресата. Однако компонент социальной маркированности местоимения *Вы* выражается лишь графически, поэтому в устной речи остается незамеченным.

Так называемое различие *ты/вы*, маркирующее социальные отношения, присутствует в большинстве европейских языков (немецкий, французский, испанский, португальский, сербский, хорватский и др.). Исключение составляет английский язык, в котором местоимения 2-го лица представлены лишь одним вариантом *you* для ед. и мн. числа, что практически сводит к нулю его потенциал прагматически мотивированного употребления. Однако, как отмечают исследователи, в отличие от, например, азиатских языков феномен *ты/вы* демонстрируется «на относительно небольшой шкале», т. е. только в местоимениях, обозначающих адресата [7, с. 326].

На основании анализа теоретических работ по проблемам дейксиса мы пришли к выводу, что свойства ПД универсальны. Однако характеристики этих свойств различны и определяются сложившимися в языках мира дейктическими системами. Несмотря на то, что многие из европейских языков не являются близкородственными (русский, английский, французский, венгерский и др.), ПД русского и других европейских языков ввиду его выраженности личными местоимениями и спрягаемости глагола по лицам характеризуется в целом одинаково. ПД в данных языках преимущественно ситуативный, субъективный, «чистый» в случае выраженности личными местоимениями и «смешанный» в случае выраженности личными аффиксами; эксплицитный, социально маркирован в отношении адресата. В европейских языках ПД может быть прагматически мотивированным при выборе употребления средств ПД на основе прагматического фактора. По типу ориентации в высказывании в европейских языках преимущество в ту или иную сторону не наблюдается, т.е. ПД может быть как эгоцентричным, так и неэгоцентричным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н. Б.* Референция / Н. Б. Арутюнова // Языкознание. Большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.

2. *Джоунс, П.* Дейксис и актуализация предложения / П. Джоунс // Актуализация предложения : в 2 т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб., ун-та, 1997. – Т. 1 : Категории и механизмы / отв. ред. А. В. Зеленщиков. – 236 с.

3. *Кацнельсон, С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон ; под общ. ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.

4. *Виноградов, В. А.* Дейксис / В. А. Виноградов // Языкознание. Большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
5. *Сребрянская, Н. А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н. А. Сребрянская. – Воронеж : ВГПУ, 2005. – 255 с.
6. *Ерзинкян, Е. Л.* Дейктическая семантика слова / Е. Л. Ерзинкян. – Ереван, 1988. – 171 с.
7. *Лайонз, Дж.* Лингвистическая семантика. Введение / Дж. Лайонз. – М. : Яз. слав. культуры, 2003. – 400 с.
8. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева ; отв. ред. В. А. Успенский. – 6-е изд., испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 296 с.
9. *Мустайоки, А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Яз. слав. культуры, 2006. – 512 с.
10. *Мидова, Е. А.* Косвенность речевого акта в современной лингвистической прагматике / Е. А. Мидова // Вестн. НГЛУ. – Вып. 38. Язык и культура – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 2017. – С. 84–95.
11. *Крысин, Л. П.* Социальная маркированность языковых единиц / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 26–42.
12. *Бергельсон, М. Б.* Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Б. Бергельсон. – М., 2005. – 404 с.

Despite the fact that many of the European languages are not closely related (Russian, English, French and others), person deixis in Russian and other European languages have basically the same characteristics because of their representation by personal pronouns and verb conjugation in persons.

Н. В. Угринович
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИСОЕДИНЕННОГО ЭЛЕМЕНТА В РАЗДЕЛЕННОМ ВОПРОСЕ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ИЛЛОКУТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
(на материале немецкого и белорусского языков)

В статье рассматривается взаимосвязь между используемой в качестве присоединенного элемента лексемой и иллокутивной направленностью разделенного вопроса в немецком и белорусском языках, который достаточно частотно используется в роли косвенного репрезентатива и директива. Установлено, что тип иллокуции детерминирует структуру и коммуникативный тип первой, автономной, части вопроса, выбор лексемы-присоединения обусловлен ее функциональной семантикой. Для вопросов-репрезентативов характерно сохранение семантики рациональной субъективной оценки, которая определяет выбор присоединенных лексем со значением предположения, которое требует подтверждения. В автономной части вопросов-директивов используются средства выражения побудительности, поэтому присоединенный элемент чаще всего парцеллируется, реализуя запрос о мнении.

В языкознании в настоящее время значительное место занимает изучение функциональной и коммуникативной сторон языковых явлений. Исследование вопросительных предложений вызывает в данном отношении особый интерес, так как представляет собой одну из сложных с точки зрения семантики и прагматики единиц языка. Актуальным представляется рассмотрение разделенного вопроса, который является одним из средств эффективной коммуникации,

представляя собой в европейских языках универсалию. Данная структура способствует поддержанию коммуникации, дает слушающему возможность включиться в диалог.

Разделенный вопрос в немецком и белорусском языках представлен двухсегментным образованием, состоящим из автономных частей, объединенных в одну просодическую структуру. Однако коммуникативный смысл всей конструкции реализуется только в сочетании невопросительной части и морфологически независимого (в отличие от английского языка) присоединенного вопросительного элемента, который образует тесную синтаксическую и семантическую связь с основной частью: *Мы хім```рэ↘йшымі будзем, ```а↗? Wir ver```steh↘en uns, was↗?*.

Материалом для анализа послужили 535 диалогических единств на немецком языке и 540 на белорусском, извлеченных из диалогов художественных произведений современных белорусских и немецких авторов. В выборке разделенный вопрос выступает в роли косвенного репрезентатива и директива в 33,2 % случаев в немецком языке и в 30,4 % в белорусском, где отмечаются также вопросы-комиссивы. В остальной части выборки данная структура реализует свою первичную иллокутивную функцию вопроса.

Целью данной работы стало выявление взаимосвязи между используемой в качестве присоединенного элемента лексемой и иллокутивной направленностью разделенного вопроса в немецком и белорусском языках.

Анализ материала показал, что в качестве присоединенных элементов в немецком и белорусском языках выступают различные языковые единицы. Морфологически они относятся к следующим частям речи: частицам (*ja* ‘да’; *nicht* ‘не’; *also* ‘итак’); наречиям (*wie* ‘как’; *klar* ‘ясно’; *так; ясна*); вопросительным местоимениям (*was* ‘что’); междометиям (*he* ‘эй’; *nicht wahr* ‘не правда ли’; *га*; *што*; *а*); союзным словам (*oder* ‘или’); причастиям (*verstanden* ‘понятно’). Кроме этого, в немецком и белорусском языках в роли вопросительного присоединения отмечаются комбинации вопросительной частицы и вопросительного слова *ці як* или вопросительного местоимения *ці што*, в немецком подобным эквивалентом выступает соединение союзного слова и отрицательной частицы *oder nicht* ‘или нет’.

Присоединенные элементы можно разделить на три функциональные группы [1; 2; 3; 4]: 1) подчеркивающие ожидание согласия с высказанной мыслью. Сюда относятся: частица *ja* ‘да’ и *nicht* ‘не’, вопросительное местоимение *was* ‘что’, междометия *nicht wahr* ‘не правда ли’, *што, а*; союзное слово *oder* ‘или’, наречие *так*, сочетания *ці як, ці што, oder nicht*; 2) усиливающие настоятельность говорящего в получении ответной реакции: частица *also* ‘итак’, наречие *wie* ‘как’, междометия *he* ‘эй’, *га*; 3) используемые говорящим с целью проверки коммуникативной успешности: наречия *klar* ‘ясно’, *так, ясна*, причастие *verstanden* ‘понятно’. Однако не все указанные присоединенные элементы используются в разделенном вопросе при оформлении косвенных речевых актов. В зависимости от иллокутивного типа в вопросе фиксируются следующие присоединенные элементы (таблица).

Относительная частотность присоединенных вопросительных элементов в различных речевых актах

Речевой акт	Присоединенный элемент *														Абсолют. кол-во опросов
	немецкий язык, % выборки										белорусский язык, % выборки				
	was	*ja*	*nicht*	*oder*	*nicht wahr*	*wie*	*oder nicht*	*klar*	*he*	Абсолют. кол-во опросов	*а*	*га*	*так*	*што*	
Директив	1	4	–	–	–	–	–	–	–	25	3	–	1,6	–	2
Репрезетатив	13	2	4	1	7	0,7	0,1	0,1	0,3	164	14	2	3	3,8	122
Комиссив	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	16

*П р и м е ч а н и е: относительная частотность присоединенных элементов рассчитывалась от общего количества разделенных вопросов в выборке для каждого языка.

Наиболее частотным элементом в немецком языке выступает вопросительное местоимение *was* ‘что’, отмеченное в 14 % вопросов в косвенных речевых актах. В белорусском языке в 20 % выборки с косвенными речевыми актами фиксируется междометие *а*.

Самым употребительным косвенным актом выступает вопрос-репрезентатив, зафиксированный в 30,6 % диалогических единств в немецком языке и в 22,6 % в белорусском. Количество используемых лексем в качестве присоединенного элемента в немецком языке гораздо шире, чем в белорусском языке: вопросительное местоимение *was* ‘что’, междометие *wahr* ‘не правда ли’, частицы *ja* ‘да’, *nicht* ‘не’, *he* ‘эй’, союзное слово *oder* ‘или’, наречие *wie* ‘как’, комбинация *oder nicht* ‘или нет’; наречие *klar* ‘ясно’. Используя такую языковую форму, говорящий информирует собеседника о некотором положении дел. Отметим, что вопросы сами по себе включают субъективную истинностную оценку, которая может касаться положения дел в целом, наличия события в действительности, качеств некоторого объекта или ситуации. Так, говорящий предоставляет собеседнику возможность не согласиться с высказанным сообщением о положении дел.

С синтаксической точки зрения первая часть немецких вопросов-репрезентативов представлена, как правило (74 %), повествовательным полным предложением, например:

D i l l d a p p: ...*Das ist praktisch und leicht zu merken**, nicht**?*;

D e r R i e s e: *Ja* [6] ‘Это практично и можно легко заметить, нет? – Да’.

Неполные синтаксические структуры типичны только для репрезентативов с присоединенной лексемой *was* ‘что’ и составляют ¾ случаев с данным элементом. В таких вопросах опускается подлежащее, выраженное местоимением, например:

(1) *Marill sah sie schief an. „Was sagst du zu diesem Knaben?“ fragte er Steiner. „Macht sich,* ***was****?“* [Es macht sich, was?].

„Und wie!“ ‘Мариль недоверчиво посмотрел на нее. «Что ты скажешь этому мальчику?» – спросил он Штайнера. «Все уладится, что?» – «И как!»’ [4].

либо часть составного именного сказуемого (глагол-связка), например:

(2) *„Liebst du mich eigentlich?“ fragte ich.*

Sie schüttelte den Kopf. „Du mich?“.

„Nein. Ein Glück, ***was****?“* [Es ist ein Glück, was?].

„Ein großes Glück“ ‘«Ты меня собственно любишь?» – спросил я. Она покачала головой. «Ты меня?» – «Нет. Счастье, так?» – «Большое счастье»’ [5].

В белорусском языке в косвенных репрезентативах употребляются 4 присоединенных элемента: междометие *а, га, што*, наречие *так*, которые в структуре предложения могут занимать различные позиции. Так, междометие *а*, со значением припоминания, предположения, удивления, и наречие *так* ‘правільна, сапраўды’, используются в постпозиции и чаще всего парцеллируются. Обе лексемы указывают на предположение говорящего. При выделении их в самостоятельное высказывание оно получает значение запроса на подтверждение истинностной оценки (=подтверди, что это соответствует действительности), например:

М я д з в е д з ь: *Дзякуй, Маша. Але мядзведзі жывуць толькі ў лесе. Тут наш дом. Ды і Мышцы адной сумна будзе.* ***Так****, Мышка?*

М ы ш к а: *Не… не… не ведаю я…* [3].

Для элемента *што* типична инициальная позиция, в которой он получает акцентное выделение:

С а б а к а Б я з в о к а: *(вяртаецца, накіроўваецца да міскі, паляпаў па корцы ільду.) Пап’еш тут...*

К о ш к а Б я с х в о с т к а: ***Што****, вада замёрзла?*

С а б а к а Б я з в о к а: *Ага! Лядком узялася* [1].

Вопрос-репрезентатив, содержащий в своем вербальном составе лексические единицы оценки (*wunderbar, klasse, prima, hervorragend, so schön, so hübsch, viel besser*; *дужа, вельмі цікава, вельмі хораша, вельмі прыемна*) и указывающий на аксиологические характеристики некоторого объекта или ситуации, представлен, как правило, неполным предложением с присоединенным элементом *was*. Реакцией на такие вопросы выступает подтверждение, оформленное синонимичными словами аксиологической оценки, например:

(1) *Tanzfläche, und eine hübsche schlanke Tänzerin wirbelte über das Parkett.*

*„****Wunderbar****, was?“ fragte er und klatschte.*

*„****Hervorragend****!“ Kern klatschte mit*’ Танцпол, и хорошенькая, стройная танцовщица кружилась по паркету. «Прекрасно, не так ли?» спросил он и зааплодировал. «Превосходно!»’ [4].

Вопросы-репрезентативы с элементом *ja* ‘да’ являются звеном в ряду вопросительной цепочки и служат для передачи эмоциональной реакции на сложившееся положение дел в целом:

(2) *B: Weil es nötig ist? Weil ich es bereits getan habe?*

C: ***Die Prinzessin auf der Erbse, ja? Was ist mit ihrem Arm?***

B: Sie ist gefallen und hat ihn gebrochen. ‘B: Потому что это необходимо? Потому что я как раз это сделала? C: Принцесса на горошине, да? Что с ее рукой? B: Она упала и сломала ее’ [6].

В косвенных директивах в качестве присоединенного элемента в немецком языке зафиксированы вопросительное местоимение *was* и частица *ja*, в белорусском языке – междометие *а* и наречие *так*. Следует отметить, что первая часть разделенного вопроса, реализующего данный тип речевого акта, оформляется побудительной структурой, а вторая часть в большей части выборки представляет собой парцеллированное обращение, которое выносится за рамки побудительного высказывания: *„**Komm, trink eins mit. Anisette, was?**“ „Sie nickte“* ‘«Пойдем, выпей с нами. Анизетте, что?». Она кивнула’ [5].

Использованное в постпозиции вопросительное местоимение *was* ‘что’ замещает не явление или объект, что является его основной функцией, а запрос о мнении адресата. В результате присоединенный элемент может быть развернут до фразы «что ты на это скажешь/что ты думаешь по этому поводу». Говорящий таким образом указывает на ожидание согласия или выполнение определенного действия.

Первая часть разделенного вопроса-директива может содержать в вербальном составе модальные глаголы, которые реализуют побудительность:

Nina *(weicht zurück): Herr Montag, ich glaub, Sie haben ne Gehirnerschütterung! Sie* ***müssen*** *sich jetzt ganz schnell hinlegen,* ***ja****? Dreht sich da was?* ‘Нина (отклоняется назад): Господин Монтаг, я полагаю, у Вас сотрясение! Вам следует срочно прилечь, ведь так? Кружится голова?’ [6].

Отметим, что наличие модальных глаголов в первой части характерно только для вопроса с присоединением *ja* ‘да’, которое подчеркивает уверенность говорящего в правильности своих слов и вступает в отношения семантической гармонии с модальным глаголом, указывающим, в том числе, и на сформированное на основании сложившихся обстоятельств уверенное предположение говорящего о необходимости действия.

В белорусском языке в вопросах-директивах, где первая часть – побуждение, используется побудительная частица *а*, которая усиливает апеллятивность, дублируя значение императива, например:

– ***Пакажы, а?***

– Не, і што б вы без мяне рабілі?! Глядзіце! Паказваю апошні раз!.. [1].

В белорусском языке разделенный вопрос используется также в комиссивной функции. В качестве присоединенного элемента выступает междометие *а*, реализующее иное, по сравнению с директивами и репрезентативами, значение: досады, возмущения, например:

– А не павядзеш да свайго дзядулі, то я вазьму і з’ем цябе, ***а****?*

– Нічога не паробіш… Пайшлі [2].

Таким образом, коммуникативные характеристики первой части разделенного вопроса и его вербальное наполнение детерминируют его иллокутивную направленность. Выбор присоединенных элементов обусловлен лексической

семантикой данных единиц. Многозначность лексем, выступающих в этой роли, обусловливает их употребление в разных косвенных иллокутивах (элемент *а* в белорусском языке). Комбинация в вопросе двух иллокуций – сообщении/положении дел и запрос о подтверждении мнения (для репрезентативов), побуждение и запрос о мнении (для директивов) – позволяет выделять вторую интенцию в парцеллированное высказывание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускі тлумачальны слоўнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.skarnik.by/tsbm. – Дата доступу : 29.09.2019.
2. *Капылоў, І. Л.* Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Бел. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
3. Duden, Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.duden.de/woerterbuch. – Дата доступа : 29.09.2019.
4. *Wahrig, G.* Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – München : Bertrlsmann Lexikon Verl., 2000. – 1451 c.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Ткачоў, В. Ю.* Дзень сюрпрызаў / В. Ю. Ткачоў [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://royallib.com/author/tkacho_vasl.html. – Дата доступа : 25.09.2019.
2. *Ткачоў, В. Ю.* Чароўная хатка / В. Ю. Ткачоў [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://royallib.com/author/tkacho_vasl.html. – Дата доступа : 25.09.2019.
3. *Ткачоў, В. Ю.* Чарадзейны рукзачок / В. Ю. Ткачоў [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://royallib.com/author/tkacho_vasl.html. – Дата доступа : 25.09.2019.
4. *Remarque, E. M.* Liebe deine Nächsten / E. M. Remarque. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Wien : Verl. Ullstein GmbH, 1981. – 201 S.
5. *Remarque, E. M.* Drei Kameraden / E. M. Remarque. – Moskau : Verl. für fremdsprachige Literatur, 1960. – 198 S.
6. Spectaculum: 61 Moderne Theaterstücke. – Berlin : Suhrkampf Verl., 1996. – 215 S.

The subject of the study is the correlation between the semantics of tags and the illocutionary force of tag-question in German and Belarusian. The analysis reveals that the type of illocution determines the structure and communicative type of the first, autonomous, question part, the choice of tag is determined by its functional semantics.

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Т. Ф. Иванова
Минск, МГЛУ

ЭМОТИВНОСТЬ НОВОСТНОЙ ЗАМЕТКИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются средства выражения точки зрения автора в жанре новостной заметки на материале параллельных немецких и русских текстов. Выявленный набор эксплицитных средств, представленный оценочной и заимствованной лексикой, цитацией, цифровыми данными, сравнениями, модальными наречиями и частицами, позволяет определить их прагматический потенциал в информационном жанре новостной заметки на немецком и русском языках в плане оказании воздействия на адресата на эмоциональном уровне.

Российские и отечественные исследователи традиционно разделяют публицистические жанры на информационные, аналитические и художественно-публицистические [1, с. 37]. Новостная заметка относится к информационным жанрам и, наряду, например, с репортажем, выступает одним из основных носителей информации, позволяющей аудитории осуществлять постоянный мониторинг наиболее значимых событий в различных сферах общественно-политической действительности.

Существуют и другие подходы к систематизации публицистических жанров. Согласно немецкой традиции выделяются пять классов текстов: 1) информативные тексты (informationsbetonte Texte), 2) тексты, выражающие мнение (meinungsbetonte Texte), 3) побуждающие тексты (auffordernde Texte), 4) инструктирующие тексты (instruierend-anweisende Texte), 5) контактоустанавливающие тексты (kontaktorientierende Texte) [2, S. 33]. Внутри классов выделяются речевые жанры текстов (Textsorten), которые различаются лексической наполняемостью, структурой текста, синтаксисом, стилистическими приемами. Согласно данной классификации новостная заметка, наряду с репортажем и интервью, также относится к информативным текстам.

Существует также разделение на «жесткие» и «мягкие» новостные заметки. В «жестких» заметках подается только основная информация о событии, а второстепенные подробности опускаются. «Мягкая» заметка уделяет внимание и подробностям происшествия, и мелким деталям [3, с. 33–34].

Встречается аналогичное разделение заметок, но под другим наименованием: краткие и расширенные заметки, с которыми схожи понятия «жёсткой» и «мягкой» заметки. Краткая заметка, констатируя произошедшее событие, может содержать краткую информацию о действующем лице, месте, времени и источнике информации [4, с. 36]. Такие новости в прессе – это, в большинстве случаев, перепечатка срочных сообщений новостных агентств о важных событиях. О событиях, которые заслуживают дополнительного внимания и на освещение которых требуется достаточно времени, публикуют расширенные новостные заметки [Там же, с. 38]. Расширенная («мягкая») заметка допускает наличие дополнительной информации (информативное описание/информативное повествование), которая позволяет читателю самому проанализировать описываемое событие.

Согласно выше представленному общепринятому определению новостной заметки, главной задачей журналиста, выступающего в жанре заметки, является последовательное представление читательской аудитории какого-либо факта или события реальной действительности. Отсюда сновными чертами заметки являются четкость изложения, объективность и беспристрастность со стороны ее автора. Именно поэтому считается и неуместным, и не соответствующим целеполаганию новостной заметки выражение собственного мнения автора заметки.

С другой стороны, текст новостной заметки, как и любой другой тип текста, должен выполнять все присущие языку функции, как информативную, так и коммуникативную, экспрессивную (воздействия), когнитивную, эстетическую. Функциональная организация новостной заметки как текста публицистического дискурса в любом случае ориентирована на воздействие и связана с лексико-стилистическими ресурсами типа текста. В настоящее время публицистические жанры, и новостная заметка не составляет исключение, активно изучались и изучаются именно с точки зрения теории речевого воздействия, так как публицистические тексты строятся с учетом возможности их воздействия на сознание и поведение адресатов сообщения (Н. Д. Арутюнова, О. С. Иссерс, Л. Р. Дускаева, В. Г. Костомаров).

Материал исследования, представленный параллельными текстами расширенных новостных заметок на немецком и русском языках из корпуса немецко-русско-немецких параллельных текстов (deutschland.de News. Разработчики: Д. Н. Шаповаленко, В. В. Пищиков), а также текстами из немецких журналов и газет («Шпигель», «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», «Вельт» и «Цайт») и их переводами, показывает, что одним из принципов отбора языковых средств в тексте новостной заметки следует признать их явно или неявно выраженную эмотивность, то есть наличие определенного эмоционального потенциала.

Термин *эмотивность* (так же, как и *эмоциональность*, *оценочность*, *модальность*) не поддается до настоящего времени общепризнанному определению, раскрывающему их сущность. Чаще всего предлагается использовать их в понимании В. И. Шаховского: *эмоциальность* – для обозначения психологических и психолингвистических сущностей, *оценочность* – для обозначения языковой категории, означающей свойство языковых единиц определять обозначаемые сущность по оси «хорошо»/плохо», а *эмотивность* обозначает языковую категорию, характеризующую языковые единицы, которые обладают эмоциональным потенциалом [5]. Модальность рассматривается при этом как двуаспектная категория, отражающая, с одной стороны, то, как автор текста отображает действительность, а с другой – выражающая отношение автора к предмету речи.

Безусловно, текст, транслирующий новости, стремится к нейтральной или явно не выраженной авторской позиции, тем более что в большинстве случаев заметки не имеют подписи. Однако, хотя присутствие авторского «я» сведено к минимуму, сам стиль и структура публикации включают в себя оценочный компонент, который, так или иначе, проступает уже в заголовке текста:

Zustimmung zur EU wächst: ‘Поддержка в пользу ЕС растет’;

Gutes Image der EU ‘Положительный имидж Евросоюза’;

Dax erreicht Rekordhoch ‘DAX достиг рекордной отметки’;

Produktion im Aufschwung ‘Производство на подъеме’;

Touristenmagnet Deutschland ‘Германия притягивает туристов словно магнит’;

Deutscher Bundestag wird bunter ‘Немецкий Бундестаг становится более разноцветным’;

Studenten gewinnen Nachwuchs-Oscars ‘Студенты выиграли молодежный «Оскар»’.

При рассмотрения эмотивного потенциала заголовков мы опираемся на традиционное деление эмоций на положительные и отрицательные. В примерах, приведенных выше, заголовки явно формируют у читателя положительное, нужное автору отношение к описываемым событиям, следовательно, обеспечивают эффективность коммуникации в заданном адресантом направлении.

Первый после заголовка абзац новостной заметки представляет собой энергичный зачин текста, цель которого та же, что и заголовка – завладеть интересом читателя, например:

Im Bundestag gibt es künftig mehr Abgeordnete mit einer Einwanderungsgeschichte ‘Отныне в Бундестаге будет больше депутатов, которые являются выходцами из семей мигрантов’.

Безусловно, в каждом конкретном заголовке новостной заметки наблюдается совмещение информативной и экспрессивной функций, и вряд ли можно говорить о преобладании одной из них. Манера озаглавливания и способ подачи текстового материала выражают определенную модальность, зависящую, как правило, не только и не столько от конкретного автора, сколько от позиции определенного печатного издания или онлайн-органа, или всего издательства, в целом.

Такой структурно-коммуникативный подход в теории коммуникации обязательно включает в себя, по мнению специалистов, некоторые элементы языковой манипуляции, когда оценка автора и/или коллективного автора, так или иначе, доводится до читателя. Адресату как бы предписывается не столько то, «что» он должен думать, сколько то, «как» он должен думать [6]. Для достижения данной цели используется ряд стратегий, например, оперирование цифрами, цитация, использование лексических единиц с выраженным эмоциональным оттенком, использование разговорной и оценочной лексики и т.п.

Оперирование цифрами является в структуре новостных заметок достаточно частотным функциональным элементом, когда журналист, ссылаясь на достоверные источники, насыщает свое сообщение цифрами, например:

– Die großen Parteien in Deutschland reiben sich die Hände: Die CDU zählt rund 4500 Neueintritte seit Jahresbeginn. Zum Vergleich: Im ersten Quartal des vergangenen Jahres waren es etwa 3800, heißt es aus der Zentrale der Christdemokraten. Die Grünen feiern nach eigenen Angaben mit vorläufig 536 Neuzugängen seit Anfang Januar und aktuell 62 132 Mitgliedern ein Allzeithoch. Die SPD berichtet im Mai sogar von 17 000 Neueintritten seit Jahresbeginn. Die FDP begrüßte im ersten Quartal 4600 Neuzugänge und damit mehr als im gesamten Vorjahr (4100).

– Берлин (dpa) – Крупные партии в Германии потирают руки: в ХДС с начала года вступили 4 500 человек. Для сравнения: в первом квартале прошлого года этот показатель составил примерно 3 800 человек, – так говорится в сообщении штаб-квартиры христианских демократов. По данным партии зеленых с начала января насчитывается 536 новых членов, а всего число членов

партии составляет в данный момент 62 132, что на сегодняшний день является рекордом с момента создания этой партии. В СдПГ утверждают, что к маю с начала года в партию вступили целых 17 000 новых членов – это уже на данный момент больше чем за весь 2016 год. СвДП в первом квартале приветствовала 4 600 новых членов, что превышает показатель за весь прошлый год (4 100).

При такой подаче сообщения возможно и расхождение в цифрах, которые, тем не менее, никто из читателей не подвергает проверке. Этот факт говорит в пользу того, что подачу статистических данных в новостной заметке можно рассматривать как своеобразный риторический прием, свидетельствующий об эмотивности цифровых элементов текста оригинала и текста перевода.

Следующим практически обязательным функциональным элементом в структуре подавляющего количества проанализированных текстов заметок выступает *цитация.* Она обладает определенными формально-содержательными характеристиками, к которым относится содержательное тождество с текстом-источником и указание авторства. Но выбор цитаты, ее расположение в тексте являются при этом прерогативой журналиста, реализацией коммуникативного намерения цитирующего автора заметки:

– Berlin (dpa) – Zugfahren ohne klassische Fahrkarte: Die Deutsche Bahn plant, das digitale Ticketing einzuführen. «Der Zug kann dann über das Handy eines Passagiers erkennen, dass er eingestiegen ist», sagte Bahnchef Richard Lutz der deutschen Zeitung «Bild am Sonntag». «Je nachdem, wo er aussteigt, wird die Fahrt automatisch abgerechnet werden.» Die nötige WLAN-Infrastruktur existiere bereits. Beim digitalen Ticketing sei die Bahn noch im Versuchsstadium. «Aber ich glaube, dass diese Entwicklung in den nächsten Jahren Stück für Stück kommen wird», sagte Lutz. Künftig werde man «kein Ticket mehr für die Bahn brauchen». Der Bahnchef betonte mit Blick auf den weltweiten Hackerangriff vom Freitagabend, das Unternehmen sei auf solche Bedrohungen vorbereitet. «Die Sicherheit des Bahnverkehrs war zu jedem Zeitpunkt gewährleistet.». Es gebe schon seit längerem ein Cyber-Security-Team sowie Systeme zur Früherkennung. Darüber hinaus kündigte er eine Sicherheitsoffensive an…

– Берлин (dpa) – Сесть на поезд без ставшего уже неотъемлемой частью поездки обычного билета: «Дойче бан» планирует ввести систему дигитальных билетов. «Поезд может через мобильный телефон пассажира распознать, что тот вошел в вагон», – объяснил глава концерна Рихард Луц немецкой газете «Бильд ам Зоннтаг». «В зависимости от того, где пассажир сойдет с поезда, произойдет автоматический подсчет цены за проезд». Необходимая для этого инфраструктура беспроводного Интернета – вай-фай, по словам Луца, уже существует. По части системы дигитальных билетов «Дойче бан» находится на стадии проведения испытаний. «Но я полагаю, что развитие в этом направлении в последующие годы постепенно будет проявляться все отчетливее», – сказал Луц. Он считает, что в будущем больше не будет необходимости «в билетах для проезда по железной дороге». Говоря о всемирной хакерской атаке, которая произошла на прошлой неделе, глава «Дойче бан» подчеркнул, что концерн подготовлен к таким угрозам: «Безопасность железнодорожных сообщений обеспечивалась при любой ситуации». Как сказал глава концерна,

в «Дойче бан» уже давно существует команда по кибербезопасности, а также специальные системы раннего распознавания угроз. Кроме этого Луц сообщил о начале масштабной компании по укреплению безопасности…

В данном тексте приведенные выдержки из интервью с главой концерна являются апелляцией к авторитетному источнику, что относится, с точки зрения теории коммуникации, к универсальной тактике манипулирования, и, следовательно, к субъективизации новостного текста, поскольку его автор, используя цитацию и оперируя цифровыми данными, стремится показать правдивость представленной информации. Тем не менее, несмотря на кажущуюся подчеркнутую объективность, общий смысл чужих слов структурируется и трансформируется все же под углом зрения журналиста. Немецкоязычный текст и его перевод на русский язык не содержат явных сигналов оценочности, но при внимательной интерпретации их структурно-коммуникативной направленности они обнаруживаются при сопоставлении количественного соотношения позитивных и негативных деталей, которые не могут не находиться в зависимости от позиции печатного издания. Воздействующая сила означенных элементов осуществляется неявно, но эффективно, поскольку не вызывает ни возражения, ни отторжения.

Вышеприведенные примеры на материале немецкого и русского языков показывают, что текст новостной заметки следует отнести к воздействующему типу дискурса, где переплетены и убеждение, и внушение, и манипуляция. Это осуществляется внедрением имплицитной оценочной информации в фактологическую информацию, в результате чего увеличивается доля субъективности новостного сообщения.

Однако наблюдается и достаточно широкий диапазон эксплицитно выраженной оценочной информации. Как правило, она реализуется с помощью словоупотребления, включающего модальные частицы и модальные наречия, сравнения, заимствованную лексику, лексику с выраженным эмоциональным оттенком.

Автор заметки, ограниченный в явном проявлении собственного мнения, нередко употребляет при изложении события средства выражения категории модальности (*модальные частицы и модальные наречия*), служащие для усиления и уточнения высказывания, и показывает тем самым свою заинтересованность, свое отношение к тому, о чем он пишет: *sogar, selbst, schon, nun, voraussichtlich, vor allem, bereits*;

– ***Schon*** *im dritten Jahresviertel hatte das Plus 0,8 Prozent betragen* ‘Уровень экономического роста в размере 0,8 процента был зарегистрирован **уже** в третьем квартале текущего года’;

– *Die Arbeiten im Zuschauerraum sind inzwischen abgeschlossen, ebenso hängt* ***bereits*** *ein neuer Bühnenvorhang* ‘Работы в зале для публики **уже** завершены и на сцене **уже** повешен новый занавес’;

– *Das Spendenvolumen wird bis Ende 2017* ***voraussichtlich*** *anwachsen* ‘До конца 2017 года общий объем пожертвований **предположительно** возрастет’;

In diesem Jahr wird die mittelständisch geprägte Branche ***voraussichtlich*** *224 Milliarden Euro erwirtschaften* ‘В этом году эта отрасль, в которой доминируют предприятия средней величины, **предположительно** получит прибыль в размере 224 миллиардов евро’.

Из эксплицитных оценок в современных новостных текстах достаточно частотна оценка через сравнение, при которой, нередко в сочетании с модальными словами, также осуществляется механизм воздействия на читателя:

– *Deutsche Schüler kamen im Mittel auf 525 Punkte,* ***deutlich mehr*** *als der Durchschnitt der 32 teilnehmenden OECD-Staaten (500 Punkte)* ‘Немецкие школьники набрали в среднем 525 очков, что **ощутимо больше**, чем средний показатель 32 принимающих участие в программе государств ОЭСР (500 очков)’;.

– *Japan liegt allerdings mit 552 Punkten noch* ***deutlich weiter*** *vorn* ‘При этом Япония, набравшая 552 очка, ушла **далеко вперед**’;

– *Einige wenige Befragte (3,8 Prozent) sagten, dass sie trotz des Anschlags in Berlin vor knapp einem Jahr* ***sogar*** *eher* ***häufiger oder viel häufiger*** *einen Besuch planen* ‘Некоторые из респондентов (3,8 процента) сказали, что, несмотря на прошлогодний теракт в Берлине, они намереваются ходить на рождественский рынок скорее **даже чаще**, чем в прошлом году’.

При передаче цитации в тексте новостной заметки используются *лексемы, отмеченные в словарях пометой „umgangssprachlich“* (‘разговорный язык’): *losgehen*; *packen*; *sich tummeln*. Эти лексемы подчеркивают естественность прямой речи и придают тексту всей заметки эмоциональность.

В данном случае необходимо, однако, обратиться более внимательно к аспекту перевода, так как обнаруживается, что в параллельных русских текстах вышеприведенные лексемы переданы путем нейтрализации эффекта «разговорности»: *losgehen – начинаться, packen – справиться, sich tummeln – присутствовать*.

Процесс нейтрализации наблюдается также при переводе на русский язык некоторых *иноязычных вкраплений и заимствованной лексики: Kajak-Trip* ‘путешествие на байдарке’; *App* ‘приложение для мобильного телефона’, *Privatjet* ‘частный самолет’.

В языковой выборке встретились немногочисленные примеры, где модальное значение включено эксплицитно в текст перевода при его отсутствии в исходном тексте:

– *Wenige haben Angst vor Anschlägen* ‘**Лишь** немногие немцы испытывают страх перед возможными терактами’;

– *Nach einem Zwischenhoch 2013 mit 52 Prozent sank der Wert zunächst leicht und stieg seit 2014 wieder* ‘После статистического всплеска в 2013 году, когда соответствующий показатель составил 52 процента, он вновь стал снижаться, и **лишь** начиная с 2014 года, был зарегистрирован небольшой рост’.

Следует отметить, что при использовании в немецкоязычных текстах одного и того же заимствования его передача на русский язык может быть различной, что можно проиллюстрировать на примере использования заимствования *Boom* и его перевода на русский язык. В одних случаях при переводе сохраняется использование заимствования:

Maschinenbau-Boom in Deutschland ‘Бум машиностроения в Германии’;

Tourismusboom in Deutschland ‘Туристический бум в Германии’;

Babyboom in Deutschland ‘«Бэбибум» продолжается’;

Bestell-Boom beim Essen ‘Службы доставки еды на заказ переживают настоящий бум’;

в других случаях заимствованное слово *Boom* переводится с использованием приема трансформации следующим образом:

Der deutsche Smartphone-Markt boomt ‘Рынок смартфонов в Германии стремительно растет’;

Boom beim Online-Handel ‘Стремительный рост онлайн-торговли’;

Boom auf dem Arbeitsmarkt ‘Бурный всплеск на рынке труда’;

Klassik-Boom in Hamburg ‘Резкий всплеск интереса к классической музыке в Гамбурге’.

Сказанное позволяет заключить, что в немецком и русском языках сочетание стандартных структурно-коммуникативных свойств новостной заметки и средств экспрессивизации, эксплицитно присутствующих в текстах данного информационного жанра, подтверждает общую тенденцию увеличения доли субъективности в новостных сообщениях современного медиадискурса, но допускает вариативность при переводе, связанную с их актуализацией в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 193 с.

2. *Lüger, H.* Pressesprache / H. Lüger. – 2. Aufl. – Tübingen, 1995. – 65 S.

3. *Лазутина, Г. С.* Жанры журналистского творчества : учеб. пособие для студентов вузов / Г. С. Лазутина, С. С. Распопова. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 320 с.

4. *Колесниченко, А. В.* Настольная книга журналиста : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 400 с.

5. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций. / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

6. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

The article presents the direct and indirect means of expressing the author’s position in the genre of news articles of media discourse in German and Russian.

Л. Р. Супрун-Белевич, К. И. Иванов
Минск, БГУ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОРИГИНАЛА КАК ИСТОЧНИК ВАРИАНТОВ И ИНВАРИАНТОВ В БОЛГАРСКИХ ПЕРЕВОДАХ ДЕТСКИХ СТИХОВ В. МАЯКОВСКОГО

В данной статье исследуются интерпретационные позиции трех болгарских переводчиков детской поэзии В. Маяковского и их отражение в выборе языковых и художественных средств для воссоздания идейно-смыслового и эстетического содержания стихотворения «Что такое хорошо и что такое плохо?». Сравнительный анализ оригинала и его болгарских аналогов используется для выделения сходств и различий между ними и определения закономерностей индивидуальной передачи инвариантных и вариантных значений исходного текста. Выявляется также роль национально-обусловленных компонентов интерпретации, связанных с прагматической адаптацией оригинала для восприятия в другом языковом и культурном социуме.

Художественный перевод включает всегда интерпретирование оригинального текста переводчиком. Этот процесс представлен на всех этапах работы от начальных моментов, связанных с анализом языковых и художественных средств, с толкованием идей автора, неясных мест, образов, намеков, деталей до окончательного воплощения понятого в переводе. Наличие разных вариантов перевода одного и того же оригинала дает возможность сделать важные выводы об установках в работе переводчиков по созданию текстового инварианта на другом языке.

Наше внимание привлекли три перевода стихотворения «Что такое хорошо и что такое плохо?». Они сделаны в разное время с достаточно большой разницей в их появлении. Авторами переводов являются Христо Радевский (1946), Марко Ганчев (1986) и Ангел Тодоров (2017). Само стихотворение было напи-сано Маяковским весной 1925 г. и опубликовано отдельным изданием в ноябре того же года. Сам поэт объяснял тогда свое последнее увлечение тем, что «детям надо дать новые представления, новые сюжеты об окружающих их вещах». Стихотворение «Что такое хорошо и что такое плохо?» отличается понятной образной системой и четкой структурно-формальной организацией. В этом смысле можно было ожидать, что текст не поставит перед переводчиками трудно преодолимых препятствий. Тем не менее даже в своих детских стихах, Маяковский проявляет такие черты своего стиля, как особое внимание к рифме, стремление к яркому звуковому оформлению строфы, особая архитектура графики с выделением слов и словосочетаний и пауз между ними. Проблемой могла стать и насыщенность текста языковыми единицами с разговорной и экспрессивной окраской, так как очень часто в этих подсистемах наблюдаются существенные различия между языками. Важность решения проблемы связана и с четко заявленной эстетической позицией Маяковского, считающего своей задачей «ввести разговорный язык в поэзии и вывести поэзию из этих разговоров».

Главная идея стихотворения – выстроить на понятных для детей примерах «прикладную этическую модель», которой они должны следовать в своем поведении. Главный художественный прием при этом – антитеза, и она заявлена уже в названии. Оно оформлено как синтаксически параллельная конструкция с выделением ключевых слов: «хорошо» и «плохо». Уже здесь видны некоторые расхождения в языковом оформлении переводов: *Кое нещо е добро и кое е лошо* (Марко Ганчев), *Кое е добро и кое е лошо* (Х. Радевский), *Какво е добро и какво е лошо* (А.Тодоров). Как мы видим, полного совпадения нет, хотя все варианты приблизительно передают смысл «Что считать хорошим и что считать плохим?». Особенностью болгарского языка является наличие двух рядов вопросительных местоимений, отличающихся по функциям и степени определенности: *кой, коя, кое, кои*; *какъв, каква, какво, какви*. Местоимения первого ряда требуют при ответе назвать лица и предметы их именами, а местоимения второго ряда акцентируют признаки, качества этих предметов и лиц. Вопрос мальчика к отцу в обратном переводе звучит примерно так: «Что отнести к хорошим и что к плохим вещам?» (М. Ганчев); «Что можно назвать хорошим и что плохим?» (Х. Радевский) и «Что из себя представляет “хорошо” и что “плохо”?» (А. Тодоров). Последний вариант является самым общим и неопределенным. Названия, выбранные переводчиками, – это результат общего понимания текста ими, они и определяют подход к переводу следующих отрезков оригинала. Первая строфа дает описание ситуации, в которой был задан вопрос, развернутый ответ на который должен дать отец «крохи». Как переведены слова

классической первой строфы: «Крошка сын // к отцу пришел, // и спросила кроха: // – Что такое // х о р о ш о // и что такое // п л о х о?». *Кроха* и *крошка сын* в переводах Х. Радевского и А. Тодорова приобретает конкретное имя: *Гошо*. Решающей здесь оказалась возможность рифмования с очень важным словом *лошо* (плохо). Сема маленького размера и возраста, представленная имплицитно лексически у В. Маяковского, передана деминутивом *мъничкият* ‘малюсенький’. В переводе М. Ганчев вопрос задает *един малък рошльо* ‘неприглаженный, нерасчесанный, с запутавшимися волосами малыш’. Сам вопрос повторяет уже выбранную в названии формулировку, но с некоторыми дополнениями: *кажи!* ‘скажи’ – М. Ганчев; *татко, бе* (обращение ‘папа’ + вокативная частица *бе*, придающая более неформальный характер общению) – Х. Радевский; у А. Тодорова вопрос переформулирован: *– На какво «добро» се вика и на какво «лошо»?* ‘Что люди имеют в виду, когда говорят «хорошо» и что, когда говорят «плохо»?’. Тодоров конкретизирует момент, в который был задан вопрос: *снощи* ‘вчера вечером’. Дополнительный разговорный элемент внесен Х. Радевским употреблением архаической косвенной падежной формой *татка си* (вместо нейтральной *татко си*). Возможно, некоторые решения были взяты с учетом необходимости передать такую характеристику строфы оригинала как звуковые повторы: *кр–пр, пр-кр, хор,* 4 ударных гласных *о* в рифмующихся словах. Такое стремление к звуковой оркестрации отражено значительно реже в болгарских переводах: *та-та-та* (Х. Радевский), *ти-та-та*, повторы гласного *о* (А. Тодоров), повторы гласного *е* (Х. Радевский).

Перед тем как дать слово отцу, автор готовит слушателей – детей к этому, обещая не скрывать ничего из услышанного. Важным в этой строфе представляется отражение в переводах обращения: *Слушайте, детишки* (пропущено у М. Ганчева и у А. Тодорова; изменено у Х. Радевского: *деца, всеки да внимава* ‘дети, пусть каждый из вас слушает внимательно’) и выражение *ответ помещаю в книжке* (*Книжката ще го повтори и за вас* ‘Книжка повторит для вас’ – А. Тодоров; *Отговорите давам в тая книга* ‘Ответы даю в этой книге’ – М. Ганчев; *Туй що татко казва – вам тука ще разправя* ‘то, что говорит папа, я вам расскажу (изложу) здесь’ – Х. Радевский). Снижение диалогичности и экспрессивности рассказа компенсируется разными способами: разговорными формами местоимений: *туй* (вместо *това*), *що* (вместо *което, каквото*), наречия *тука* (вместо *тук*), глаголом *разправям* (вместо *разказвам, описвам*) у Х. Радевского, *тъй* (вместо *така*), тоз (вместо *този*), *тая* (вместо *тази*), разговорной лексикой: *дечурлига* – у М. Ганчева, *туй* (вместо *това*) – у А. Тодорова.

Первый практический совет отца к сыну в произведении Маяковского связан с описанием природы. Детали описания грозы и ясной погоды отличаются во всех текстах. У Маяковского *ветер крыши рвет, град загрохал, дождь покапал и прошел, солнце в целом свете*. У М. Ганчева *по стъклата дрънка дъжд, градушка или сняг; Дъжд поръси, после спре. Слънце пак огряло*. Стихия бури здесь более мягкая, сезонная представленность – шире, по стеклам звенят, стучат дожди, град, снег (*дрънкам* ‘производить резкие, рваные звуки ударами по предмету’, у этого глагола есть и переносное значение с отрицательной оценочной коннотацией – ‘говорить глупости, эрунду’). У Х. Радевского: *вятър ли в комина вий, град ли бий тревожен, спре дъждът, буранът спре, слънце пак зажари* – ветер завывает в дымовой трубе, град вызывает тревогу – акцентированы переживания людей, использовано редкое диалектное слово

буран (боран) ‘сильный, буйный ветер’, солнцу приписан активный предикат – *зажари* ‘жарит, печет’. У А. Тодорова такая картина: *вятър зъл застене, дъжд удари* – ветру даны антропоморфные характеристики (‘злой’, ‘стонет’), дождь – интенсивный, агрессивный (бьет, наносит удары). Картина ясного неба и тепла, в отличие от глобального «мирового» и яркого солнца у Маяковского локализована и связана с конкретным географическим ареалом: *хубаво е край морето да се правят бани* ‘хорошо загорать на солнце у моря’. Положительная коннотация усилена деминутивом *топличко* (букв. ‘тепленько’). Во всех переводах прослеживается стремление сохранить изобразительную функцию дрожащего сонорного звука *р* в сочетании с другими согласными: ве*тер кр*ыши *рв*ет, *гр*ад за*гр*охал, для *пр*огулок, *пр*ошел.

Дальнейшее развитие сюжета фактически представляет изображение портретов плохих и хороших мальчиков, являющихся их антиподами. Схема организации текста далее очень простая: в первых двух строках автор говорит о конкретном действии, поступке, а в следующих двух дает ему положительную или отрицательную оценку. Инвариантное содержание может быть представлено так: качество (характеристика) + оценка автора, окружающих людей или соответствие поведения принятой обществом норме поведения. Индивидуальные предпочтения переводчика приводят к вариантности окончательных решений. Рассмотрим как это происходит на примере куплета, рисующего мальчика-грязнулю: *Если // сын // чернее ночи, // грязь лежит // на рожице, – // ясно, // это // плохо очень // для ребячьей кожицы.* Сравнение *сын чернее ночи* у М. Ганчева имеет другую образную основу: *който кален е като галош* ‘тот, кто грязный как галоши’, у Х. Радевского чернее ночи оказывается конкретно кожа лица (*на лицето кожата*), т.е. смысл, основание метафоры раскрывается сразу (у В. Маяковского без продолжения можно растолковать ее и как описание психологического состояния героя, многогранность слова выделяет стиль Маяковского), у А. Тодорова приметы «грязного мальчика» просто перечислены: *чистота не пази* (не соблюдает чистоту), *в носа си пръсти тика* ‘ковыряется в носу’, *локви гази* ‘ходит по лужам’, и *дори не се окъпва* ‘и даже не думает купаться’. Оценка у В. Маяковского дана как констатация факта: грязь на рожице – это очень плохо для кожицы. Дополнительная экспрессия основана на употреблении уменьшительно-ласкательных форм *рожица* и *кожица*. Заключения в текстах Х. Радевского и А. Тодорова более прямолинейные: *Синът е лош. А така не може* ‘Сын-плохой. А так нельзя’ (Х. Радевский); *лошо той постъпва* ‘он поступает плохо’ (А. Тодоров). Ближе к тональности оригинала и с известной долей иронии звучит вариант М. Ганчева: *аз не ща // да го тревожа, // ама тоя крем // е лош // за момчешката му // кожа* ‘я не хочу, не собираюсь его волновать, но этот крем – плохой для его мальчишеской кожи’.

Анализ оценочных отрезков текста показывает, что Маяковский использует три типа языкового оформления: 1) декларативные высказывания: поступает хорошо; так хорош, загляденье просто; он просто трус, а это очень плохо; храбрый мальчик хорошо в жизни пригодится; хотя и маленький, но вполне хороший; 2) ссылки на общественное или групповое мнение: про такого говорят; про такого пишут тут; октябрята говорят; 3) предупреждение о нежелании автора помещать в книжке информацию о плохом мальчике: я такого не хочу даже вставить в книжку. Болгарские переводы отличаются большей вариативностью и лексическим разнообразием во всех оценочных подтипах: 1) *той добър е, значи*

(М. Ганчев – добавлено обобщающее вводное слово); *капка смелост в него няма, а така не струва* (А. Тодоров – введены метафора ‘в нем нет даже капли смелости’ и обобщающее заключение ‘так не годится, не стоит себя вести’), *това момче добро е, спретнато, прибрано (*А. Тодоров – развернутое обоснование оценки – мальчик – хороший, потому что чисто и со вкусом одет (*спретнат*), подтянут, соблюдает порядок (*прибран*); 2) явное предпочтение к этому типу видим в переводе А. Тодорова – 5 употреблений при трех в оригинале: *на постъпки като тая «хубаво» се казва* ‘о таких поступках говорят – «хорошо»’, *за него само лошо може да се каже* ‘о нем можно сказать только плохое’, *добро момче в махлата всички го наричат* ‘все в квартале называют его хорошим мальчиком’, *някой с пръст ще го покаже и ще каже: Туй момче ми прилича на свинче* ‘кто-то увидит его, укажет на него пальцем и скажет: – Этот мальчик похож на свиненка’, *лошо момче ще ти кажат хората на тебе* ‘люди скажут тебе, что ты плохой’. Превышает оригинал количество этого подтипа и в переводе М. Ганчев: 4 употребления (*олелия се надига, туй момче не чини* ‘поднимается большой шум, слышно, что мальчик не годится, не достоин уважения’, *всеки вика, че момчето си го бива* ‘каждый говорит, что он – мальчик – что надо’, *твърди мълвата, че е лош и мърляв* ‘твердит молва, что он плохой и грязный, запачканный’, *с право за него слушате, че не е от лошите* ‘справедливо слушаете о нем, что он – не из плохих’). Можно предположить, что предпочтения переводчиков вызваны и задачей прагматической адаптации текста к болгарской аудитории. Ценность мнения окружающих людей (*какво ще кажат хората* – ‘что люди скажут’) о человеке в болгарской культуре общения подчеркивается часто и в литературных произведениях, и в фольклорных текстах; 3) снова у А. Тодорова находим увеличение количества в подтипе. Упоминание в книжке мальчика или его демонстративное игнорирование превращаются в педагогический прием для поощрения правильного и порицание неправильного поведения: *ще те сложим за поука в тая книжка тука* ‘мы тебя вставим в книжку как хороший пример’, *не поисках да го сложа в книжката си даже* ‘не захотел даже в книжку свою его вставить’. Еще более эмоционально выражен отказ в переводе М. Ганчева: *махам го – да няма помен в книгата ми от такива* ‘убираю его, чтобы ничего о нем не напоминало, чтобы и духу его не было в моей книге’.

Желание переводчиков добиться максимально схожего коммуникативного эффекта часто является определяющим для сохранения или исключения национально обусловленных элементов содержания. В рассматриваемых нами переводах присущие только русской и советской культуре реалии и их языковые обозначения сознательно пропущены (*октябрята*; *сам с вершок* (вершок – старинная русская мера длины, равная 4,4 см, в переводах произошла нейтрализация метафоры малого размера) или заменены номинантами с более общим значением: *чистит валенки – чисти си ботушите* ‘сапоги’ *сам* (М. Ганчев); *всичко свое чисти сутрин рано* ‘все свое чистит рано утром’ (А. Тодоров). В целом, наиболее свободно к тексту оригинала относится самый современный перевод Ангела Тодорова. Деструктивные действия плохого мальчика (порвал подряд книжицу и мячик) сравниваются с неосознанным поведением совсем маленького ребенка (*бебе*), рвущего и разрезающего все (*късаш и разрязваш всичко* ***като бебе***). Хорошим мальчикам в двух случаях переводчиком даны конкретные болгарские имена *Елко* и *Милчо*, а «кроху»,

задающего вопросы своему отцу, зовут *Гошо* (такое решение, видимо, подсказано более ранним переводом Х. Радевского и удобным рифмованием со словом *лошо* ‘плохо’). Элиминирование октябрят привело еще к одной семантической потере: в их оценке мальчик – плоховатый. Тем самым автор дает понять, что они все-таки боятся открыто назвать его плохим. Отсутствие в болгарском языке суффикса, подобного по значению русскому *-оват-* указывает на то, что иногда барьеры при передаче смысла могут быть и чисто языковыми. Это относится и к «словоновшеству» *свин* в ставшей уже классической строфе: *вырастет // из сына // свин, // если сын – // свиненок.* Рифмованная пара *сын – свин* трансформируется приблизительно с использованием деминутивов: *синче – свинче* (М. Ганчев) или вообще не фиксируется в других переводах. Сравнительный анализ указывает на значительное расхождение в частотности употребления уменьшительно-ласкательных форм существительных, их почти в два раза больше у В. Маяковского. Это закономерно с учетом неодинаковой частотности категории в обоих языках, большего формального и семантико-стилистического разнообразия русских деминутивов, неполного совпадения их функций и сферы использования. Учитывая особое внимание к рифме и ее графическом подчеркивании у В. Маяковского, можно отметить расхождения в составах рифмующихся пар слов: чаще, чем в оригинале, в них участвуют глаголы; некоторые из них рифмуются тоже с глаголами (*тика – вика, изкъпва – постъпва* и т.д.) при полном отсутствии таких пар в русском тексте. Яркая особенность творчества В. Маяковского в целом и стихотворения «Что такое хорошо и что такое плохо?» в частности – разговорность, сближение языка поэзии и жизни. Сам поэт отмечал трудности перевода его стихов на другие языки «потому, что я ввожу в стих обычный разговорный». Следует отметить, что с этой задачей болгарские переводчики справились, используя средства, которыми располагает болгарский язык: слова с соответствующей стилистической маркировкой – *дечурлига, дангалак, олелия, махла, ама, вика* (М. Ганчев), *ала* (А. Тодоров); разговорные синтаксические конструкции – *олелия се надига, не чини, бива си го* (М. Ганчев); *не струва*; *ще ти кажат на тебе* (А. Тодоров – местоименная реприза с дублированием объекта), разговорные дублеты местоимений, наречий и глаголов – *туй, тука, вий, бий* (Х. Радевский); *тъй, тоз, тая, вънка, ща, тоя, тез, туй* (М. Ганчев); *туй, тая, що, тука* (А. Тодоров); инверсии – *на лицето кожата* (Х. Радевский); частицы – *бе* (Х. Радевский), *е* (М. Ганчев), *да, на* (А. Тодоров); междометия – *бре* (М. Ганчев); редкие падежные формы, вытесненные на периферию языка – *татка* (вместо *татко*), *вам* (вместо *на вас*) (Х. Радевский), интимизация – *виж!* (‘посмотри’ – императив для привлечения внимания слушателя); личные местоимения и глаголы в форме 2 лица – *познавате ли вие* ‘вы знакомы с’, *хубаво подреждаш* ‘хорошо наводишь порядок’ (А. Тодоров). При невозможности передать стилистическую окраску в конкретном месте текста переводчики стараются добавить ее в другом месте (прием стилистической компенсации).

Сравнительный анализ переводов и оригинала стихотворения показывает, что переводчики добились высокой степени адекватности передачи эстетического и идейного содержания произведения В. Маяковского. При этом конкретная языковая реализация осуществляется с привлечением и схожих, и разных изобразительных средств. Более близки к структуре и содержанию оригинала версии М. Ганчева и Х. Радевского. Ангел Тодоров позволил себе внести больше субъективных смысловых элементов, перестраивая при этом

смысловые и структурно-формально выделенные отрезки оригинала. Лесенка как важный элемент графического оформления сохранена только в работе М. Ганчева. Не передается нигде разрядка ключевых слов *хорошо* и *плохо*. Субъективная интерпретация проявляется в подчеркивании некоторых особенностей исходного текста, в недостаточной представленности или полном отсутствии других, в добавлении дополнительных элементов. Причиной некоторых несоответствий русского и болгарских текстов можно считать расхождения в стилистической и грамматической языковых системах. В других случаях они связаны со стремлением переводчиков добиться сходного коммуникативного эффекта в новой аудитории, отличающейся от читательской аудитории оригинала объемом и содержанием фоновых знаний.

The article explores interpretations of the original text in three Bulgarian translations of a poem by Vladimir Mayakovsky “What is Good and What is Bad”. The results of the comparative analysis elucidate similarities and differences between the texts under scrutiny as well as. individual patterns of conveying the.

С. А. Могилевцев
Минск, МГЛУ

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассматривается понятие эмотивности в англоязычном газетном портретном очерке, которое реализуется с помощью лексических средств выражения оценки и тропов. Лексические средства представлены прилагательными, существительными, глаголами и причастиями. Среди рассматриваемых лексических средств широко представлены коллоквиализмы и фразовые глаголы, а также идиомы. Среди тропов преобладают эпитет, метафора, метонимия, сравнение, гипербола.

Основными способами передачи на русский язык эмотивных высказываний, характерных для портретного очерка, являются эквивалентный, трансформационный и комбинированный способы перевода.

Категория эмотивности в лингвистике является достаточно широким понятием, с помощью которого не только передается эмоциональное отношение говорящего к объективной действительности, но и выражается оценка. Как подчеркивает Н. А. Лукьянова, в семантике лексических единиц эмоциональность в чистом виде не встречается, ей всегда сопутствует оценочность, то есть «оценочность и эмоциональность едины» [1, с. 184].

На лексико-семантическом уровне оценка определяется как «закрепленное в семантической структуре слова созначение, которое реализует общее для всех членов языкового коллектива отношение носителей данного национального языка к соотносимому со словом понятию или предмету: одобрение – неодобрение, равнодушие – восхищение и т.п.» [2, с. 44].

Если обратиться к текстам англоязычного медиадискурса, можно увидеть, что новостные, аналитические и публицистические медиатексты обладают неодинаковой степенью эмотивности (которая определяется их стилистической маркированностью). Наибольшей степенью эмотивности характеризуются публицистические тексты, среди которых особое место занимает портретный очерк.

Портретный очерк (или profile) является достаточно распространенным жанром в англоязычном печатном медиадискурсе. Целью портретного очерка является создание эмоционально-психологического портрета личности, которой посвящен очерк, раскрытие ее духовного мира, характера, психологических характеристик, привычек. Текст очерка насыщен «эмоционально-оценочными компонентами» и «средствами выразительности» [3, с. 257].

С целью идентификации эмотивных высказываний в портретном очерке и анализа лингвистических средств выражения оценочности нами было рассмотрено девятнадцать очерков, опубликованных в британских («The Guardian», «The Observer», «The Daily Telegraph») и американских периодических изданиях («The New York Times», «The USA Today», «The Seattle Times») в период с 2009 по 2017 годы. Очерки посвящены известным политикам, писателям, представителям шоу-бизнеса и мира, то есть спектр затрагиваемых в них вопросов достаточно широк, что делает нашу выборку репрезентативной. Общий объем проанализированного материала составляет более 80 страниц.

В процессе анализа газетного материала мы рассматривали все лексические единицы, которые в той или иной степени выражают оценку, характеризуя обозначаемое в рамках оппозиции «хорошо – плохо». Так, например, в словосочетании *handsome general elections* эпитет *handsome* выражает позитивное отношение автора очерка к предмету повествования – серии побед лейбористской партии Великобритании на парламентских выборах в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Предложение *He looks perfectly comfortable in his surroundings, and strides happily across the mud…* содержит усилитель *perfectly*, прилагательное *comfortable* и наречие *happily*, которые выражают положительное отношение журналиста к герою очерка, передают его эмоциональное состояние в целом.

Три основных типа оценочных компонентов выделяет Ю. Д. Апресян [4, с. 175]. Как показал анализ отобранного нами газетного материала, в англоязычном газетном портретном очерке присутствуют оценочные лексические единицы (ЛЕ) всех трех типов, например, *maverick, loadstar* (первый тип); *jaw-dropping revelations* (второй тип); *slasher and burner, demonic rabble* (третий тип).

Всего нами было идентифицировано 1 420 лексических единиц выражения оценки, из них 1 034 случая употребления (73 %) составляют *эмоционально окрашенные лексические единицы* (ЛЕ), 387 случаев употребления (27 %) – *тропы*.

Наиболее широко в группе оценочных ЛЕ представлены прилагательные (*Yet Clinton's* ***prominent*** *campaign role could pose some* ***potential*** *downsides for Democrats*), наречия (*Aside from being* ***scrupulously*** *fair to her ex, she is* ***understandably*** *focused on her own future*) и причастия (*Piers would go on to become a somewhat controversial weather forecaster and* ***outspoken*** *climate change denier*). Это неслучайно, поскольку указанные части речи выражают качество или признак объекта/предмета (прилагательное), состояние либо процесс, приписываемый объекту/предмету (причастие), либо признак действия, качества или предмета (наречие).

Важной лексической составляющей языка прессы являются коллоквиальные единицы, поэтому их было идентифицировано достаточно много. Среди них выделяются существительные (*caboodle, maths*), прилагательные (*scrumptious, tatty*), глаголы (*to wibble-wobble*), идиомы и клишированные конструкции (*to have a soft spot for, within a whisker of, to make somebody tick*).

В группе коллоквиальной лексики в отдельную подгруппу были выделены *фразовые глаголы*, поскольку они широко представлены в очерках, придают им оттенок непосредственности, разговорности, а значит, экспрессивности (*Notable for her self-control, one of the few occasions Aung San Suu Kyi is reported to have* ***broken down*** *was when a rare call with her dying husband was* ***cut off***).

В эту же группу мы включили *устойчивые сочетания* – идиомы и разговорные клишированные конструкции, поскольку они всегда стилистически окрашены и, следовательно, выражают оценку (*"For the benefit of Christina", he says, jolting me out of my fantasies of* ***fly-on-the-wall*** *invisibility…*).

Тропы (*If he has spent the past two and a half months* ***brooding in an attic*** *there isn't much sign of it*) распределились по частотности употребления следующим образом: эпитет, метафора, сравнение, перифраз, гипербола.

Второй этап нашего исследования заключался в выявлении наиболее адекватных способов передачи на русский язык идентифицированных высказываний. С этой целью было отобрано 50 эмотивных высказываний, которые далее были переведены на русский язык с использованием различных способов перевода.

Как показал наш переводческий анализ, наиболее распространенными способами перевода являются *эквивалентный перевод* (68 % случаев перевода), *лексические замены* (использование трансформаций различного типа – расширение либо сужение, 18 % случаев) и комбинированный перевод – сочетание эквивалентного перевода и трансформации (14 % случаев).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих вышеназванные способы перевода (оценочные ЛЕ и тропы выделены шрифтом).

"I don't think she's ***a slasher-and-burner.*** *I think she'll take on crony capitalism"* 'Я не думаю, что она **любитель рубить сплеча**. Я думаю, она противник кланового капитализма' (здесь и далее перевод наш. – *С. М.*). Коллоквиальное существительное *slasher-and-burner* в процессе перевода было заменено разговорным словосочетанием *любитель рубить сплеча* (лексическая трансформация, расширение).

The ***leopard-print*** *kitten heels she wore as party chairman while delivering a* ***blistering*** *2002 speech in which she warned that the Conservatives were viewed as* ***"the nasty party"*** 'Вот туфли на узком каблуке **цвета леопардовой шкуры**. Она выступала в них на партийной конференции в 2002 году, будучи председателем консервативной партии. Это было **нелицеприятное** выступление для ее коллег по партии, поскольку Тереза Мэй обратила внимание присутствующих на то, что партию называют **«мерзкой партией»**'. Предложение переведено с использованием приема адекватного перевода.

"She's ***sphinx-like****… I played a game with her once, which was trying* ***to out-silence*** *her in a meeting"* 'Она **напоминает** сфинкса… Я однажды **играл с ней в молчанку** на каком-то совещании'. В данном случае использован прием адекватного перевода и частичной лексической трансформации.

Сниженная лексика в процессе перевода заменяется стилистически нейтральной, поскольку использование подобных ЛЕ в русскоязычных текстах недопустимо: *It makes* ***mugs*** *of many of the people who supported him in office* 'Это **просто плевок в лицо** тем, кто работал с ним, когда он был премьером'. Для перевода данного предложения использована лексическая трансформация (расширение).

Одной из особенностей англоязычного портретного очерка является использование табуированной лексики, например, *Blairites nicknamed the younger Miliband the "emissary from the Planet Fuck"*. Это ведет к необходимости лексической замены (трансформации) в процессе перевода подобных понятий на русский язык – Сторонники Блэра окрестили молодого Милибэнда «посланником с **планеты Дерьмо**».

Не возникает проблем с передачей на русский язык коллоквиальной лексики, которая переводится с сохранением образности и ее стилистической отнесенности к разговорному стилю языка, например: *Unlike Tony Blair or David Cameron, she does not* ***schmooze*** 'В отличие от Т. Блэра и Д. Кэмерона, она не **сплетничает**' (эквивалентный перевод).

Тропы также переводятся с сохранением образности, для чего используются соответсуующие тропы в языке перевода, например:

Ever since I arrived, my ***fingers have been blue*** '*Я уже здесь достаточно долго, и все это время мои* **руки синие от холода**' (эквивалентный перевод гиперболы);

"I play complicated stuff just ***to keep my brain nourished****", says Hopkins, a pianist* '«Я играю сложные вещи лишь для того, чтобы **заставить свой мозг работать**», размышляет Хопкинс-пианист' (эквивалентный перевод метафоры);

I really can't help feeling, is just ***as happy sitting*** *in this little room, stuffed with desks and filing cabinets,* ***as in the drawing room*** *at № 10* '*Я* действительно не могу отделаться от чувства, что **он с таким удовольствием** сидит в этой небольшой комнате, заставленной столами и шкафами, **словно это гостиная на Даунинг Стрит, 10**' (эквивалентный перевод сравнения);

Now he tells me in that ***unmistakable adenoidal*** *voice: "The toilets were definitely my* ***favourite*** *segment"* '«Несомненно, туалеты были моей **любимой** темой», – произносит он своим **аденоидным** голосом, который ни с чем не спутаешь' (эквивалентный перевод эпитета);

She has become used to her footwear being ***endlessly dissected by pundits*** *as if it might offer some* ***dazzling*** *insight into her state of mind* 'Она уже привыкла к тому, что ее обувь **бесконечно** подвергается **критическому анализу «знатоками»**, словно это каким-то **магическим образом** позволит определить ее психологическое состояние' (эквивалентный перевод иронии).

Идиоматичные сочетания также переводятся в основном с использованием приема эквивалентного перевода: *By now Mr Corbyn had become* ***a thorn in the side*** *of New Labour* 'К тому времени товарищ Корбин стал **бельмом на глазу** нелейбористской партии'.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что эмотивность является неотъемлемой чертой публицистических жанров медиадискурса, которая реализуется в виде эмотивных высказываний. Основными средствами выражения оценки в англоязычном газетном портретном очерке являются стилистически окрашенные ЛЕ, выражающие оценку, представленные существительными, прилагательными, причастиями и наречиями. В меньшей степени для этой цели используются тропы – эпитет, метафора, сравнение, гипербола, перифраз, ирония, антономазия и синекдоха.

Передача на русский язык оценочных высказываний осуществляется с помощью эквивалентного, трансформационного и комбинированного способов перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лукьянова, Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте / Н. А. Лукьянова // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, Филология. – 2015. – Т. 14, № 9. – С. 183–200.
2. *Азнаурова, Э. С.* К вопросу о типах стилистических коннотаций и их языковой характеристики / Э. С. Азнаурова, В. Г. Малахова // Вопросы романо-германской филологии. – Томск, 1972. – Т. 94. – С. 40–51.
3. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 312 с.
4. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.

The paper deals with the lexical expressive evaluative units in English newspaper feature articles (subcategory profile). Lexical expressive units embrace stylistically marked words (relating to various parts of speech) and tropes typical of newspaper style (epithets, metaphors, similes, irony and hyperbole). Colloquial words, phrasal verbs and idioms are widely used for the matter of evaluation in articles in question. Expressive evaluative sentences are translated into Russian by equivalent, transformative and combined translation.

Е. Ю. Талалаева
Тамбов (Россия), ТГУ им. Г. Р. Державина

ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА С ПОЗИЦИИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В данном исследовании проведен анализ проблемы непереводимости поэтического текста, получившей глубокое обоснование в философско-герменевтической системе немецкого философа Ханса-Георга Гадамера. На основе его суждений автором статьи формируется конструктивная аргументация, доказывающая, что в силу присущей поэтическому тексту специфики констатируется невозможность полноценного адекватного перевода стихотворного произведения с одного языка на другой. Ключевое значение в рамках представленной работы отводится «герметичности» текста, которая представляет собой особую характеристику поэтического языка, которая позволяет сохранять смысловое единство оригинального текста и поддерживать равновесие уникального баланса звучания и формы стихотворного произведения.

Проблема адекватного перевода текста с одного языка на другой в современном научном мире по-прежнему не теряет своей актуальности. Если обратиться к мнению одного из ведущих мировых специалистов по переводоведению – американского переводчика Лоуренса Венути, то можно представить перевод как ключевую гуманистическую задачу не только благодаря его способности вдохнуть новую жизнь в литературное произведение, но и за счет появления значительного разнообразия форм и значений исходного текста [1, p. 1]. С одной стороны, такой подход позволяет существенно обогатить язык, однако, с другой стороны, это создает для переводчиков трудновыполнимую задачу адекватной передачи оригинальной идеи, изначально вложенной в текст его автором. Как заметил выдающийся философ XX века и основатель философской герменевтики Ханс-Георг Гадамер: «Настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членов соответствующими членами предложения другого

языка, и переведенные книги представляют собой обычно настоящие чудища, это набор букв, из которых вынули дух» [2, с. 59]. Немецкий мыслитель отстаивал мнение, согласно которому присущие языку уникальные черты блекнут или вовсе исчезают в процессе перевода. Слова в тексте имеют между собой прочную обоюдную взаимосвязь: одно слово способно пробудить смысл другого, вплетая его в единый речевой поток. Даже виртуозно переведённое предложение с одного языка на другой в конечно итоге предстаёт как «карта в сравнении с ландшафтом» [Там же]. Несмотря на то, что общий контекст может придать слову определённое значение, соответствующее его употреблению в единой структуре текста, это вовсе не исключает изначальной многозначности, присущей данному слову.

Язык функционирует в свете повседневной деятельности человека, которая представляет собой универсальное пространство для реализации процесса понимания на практике. При этом значение выраженного на языке в значительной степени определяется специфическим субъективным содержанием, которым его наделяет автор. Очевидно, что субъективные аспекты, сопутствующие процессу созданию текста оказывают существенное влияние на последующее понимание текста. В этом плане контрастивная лингвистика представляет для теории перевода широкий диапазон средств и методов выявления грамматических и стилистических особенностей текста при его переводе на другой язык. Последующая интерпретация переведенного текста является специфической герменевтической задачей, которая в первую очередь стоит перед переводчиком. В ходе решения этой задачи переводчику не просто необходимо придать значение переведенным словам в соответствие с оригинальной задумкой автора, ему предстоит заново воплотить жизнь изначально данный текст уже на языке перевода, сохранив все присущие ему нюансы. При этом переводчик в той или иной степени раскрывает собственный герменевтический горизонт, который составляют его идеи и взгляды. Герменевтический горизонт переводчика неминуемо оказывает влияние на процесс перевода. Гадамер утверждает, что в процессе перевода переводчику невозможно избежать вмешательства в формирование значения текста со стороны собственных мыслей или идей, поскольку без этого прояснить смысл текста не представлялось бы возможным [3, p. 397].

Наиболее очевидно проблема перевода с одного языка на другой проявляется в поэзии, где взаимосвязь слова с контекстом приобретает жесткую и принципиальную форму. Согласно философско-герменевтическому подходу Гадамера, поэзия онтологически отличается от повседневной речи. Если слово обыденного языка обретает свое конкретное смысловое наполнение преимущественно в контексте некой ситуации, то поэтическое слово имеет устойчивый смысл вне какого-либо контекста. Интерпретационные возможности в отношении обыденного текста имеют довольно широкий горизонт, однако повседневная речь зачастую утрачивает со временем собственную ценность и значение слов. Подобно тому, как французский поэт Поль Валери приравнивал обыденное слово к денежной банкноте, не обладающей самостоятельной ценностью и лишь отсылающей к другим вещам [4, с. 405], повседневные высказывания являются не более, чем «переходным моментом к содержанию сказанного» [2, с. 117]. Совершенно иная ситуация складывается, когда мы начинаем рассматривать поэтическое слово. Сопоставив обыденный язык с бумажным денежным обращением, Валери иносказательно отвел поэтическому слову роль золотой монеты, которая действительно обладает той ценностью, которую она призвана символи-

зировать. Ответом на вопрос об основании столь явного существенного различия между двумя формами языка может служить введенное Гадамером в научный оборот философско-герменевтическая концепция герметичности поэтического языка.

Поэзия наиболее приближена к идеальному образу языка, так как слово поэтического текста является «замкнутым» на себя, т.е. оно не открыто для вольной интерпретации вне основного контекста стихотворного произведения. Кроме того, смысловое содержание поэзии находится в неразрывной связи со звучанием его языкового выражения. Предельной формой языка немецкий философ считал лирическое стихотворение именно потому, что оно наиболее отчетливой отображает в себе неразрывность между материальностью (т.е. формой и звучанием слова) и смыслом. Герметичность такого текста, делающая его непрозрачным для повседневной речи, является залогом смыслового единства стихотворного произведения, защищая целостность и неизменность изначального замысла. Особое место при этом мы по праву можем отвести музыкальности языка. Чем ближе поэтическое слово расположено к идеальному языковому образу, тем более высоким уровнем музыкальности оно будет наделено. Именно музыкальность поэзии создает уникальное равновесие между звучанием языка и выражением его смысла. Гадамер особо подчеркивал: «Поэтическая конструкция строится как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла» [2, с. 120]. Следовательно, конструкция поэтических предложений предполагает гармоничную взаимосвязь всех ее отдельных элементов, которые в совокупности должны представить язык в его чистой форме. Возможно, именно поэтому знаменитый немецкий поэт Фридрих Гёльдерлин высказался о поэзии как об «опаснейшем из всех благ» [5, с. 10], учитывая всю тяжесть груза ответственности, которую поэт принимает на себя на добровольной основе. Рассуждения о поэзии как о чистом языке выводят проблему непереводимости поэтического текста на принципиально новый уровень.

Обозначенное выше единство звучания (музыкальности) поэтического текста и его смысла глубоко коренится в том языке, на котором его создавал автор. Возможно ли при этом перенести стихотворное произведение на почву другого языка без нанесения очевидного урона его смысловой целостности и музыкальной гармонии? Если мы принимаем во внимание тот факт, что завершенное стихотворение представляет собой неразрывное переплетение звука и значения всех слов, то легко представить, как даже самое минимальное внесенное в текст изменение может повлечь за собой разрушение сложившейся системы. Таким образом, мы приходим к заключению о невозможности замены одного языка на другой в отношении стихотворного произведения. Даже при условии адекватной передачи смысла слов неминуемо будет причинен явный ущерб поэтичности текста, составляющей единое целое со смысловым контентом. Такой подход, с точки зрения философской науки, показывает несостоятельность «идеи субстанции» в отношении поэтического текста, заключающейся в возможности замещения одного высказывания другим. По этому поводу Гадамер выразил следующее мнение: «Замещаемость, на мой взгляд, противоречит индивидуализирующей стороне языкового события вообще» [2, с. 64]. Здесь следует прояснить два момента. Прежде всего, в рамках герменевтической философии любое языковое проявление представляет собой свершение герменевтического опыта, тогда как лирическое стихотворение считается предельной формой этого опыта. Кроме того, приравнивая поэзию к идеальному (чистому)

языку, Гадамер отстаивает положение о его индивидуализации, представляющую собой непреложную оригинальность поэтического произведения. Таким образом, вследствие замещения одного языкового выражения другим в едином текстуальном пространстве происходит нарушение уникальной динамичной взаимосвязи слов, на основе которых формируется звуковой и смысловой баланс поэтического языка. Именно этот баланс позволяет говорить о поэзии, как о «языке в изначальном смысле» [6, p. 106], который обладает только ему присущей самоценностью.

Изложенная выше философско-герменевтическая концепция Гадамера о герметичности и самоценности поэтического языка во многом созвучна с аналитической позицией австрийского философа Людвига Витгенштейна в отношении молчания и невыразимости на языке иносказательного стихотворного произведения, где «ни одно слово не подразумевает того, что оно значит» [2, с. 122]. В своей ранней философии Л. Витгенштейн нигде обособленно не выделяет поэтический язык, так как согласно его оригинальному видению, изложенному в логико-философском трактате [7], поэзия выходит за рамки осмысленных высказываний, отображающих истинное положение дел в мире. Из этого следует, что поэтический текст, не отображая в структуре своих предложений конкретных фактов мира, по сути является невыразимым на языке. Знаменитый седьмой тезис трактата, завершающий фундаментальный труд Л. Витгенштейна, гласит: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» [Там же, с. 73]. Специфика понимания Витгенштейном такого молчания заключается в том, что его характеризует не отсутствие звука или лишенное смысла безмолвие, но отсутствие осмысленного произнесения слов вслух, т.е. отсутствие логически правильного говорения. Следовательно, все то, что остается за границами логически правильных высказываний на языке (отображающих факты мира в своей структуре), должно принадлежать сфере молчания. Поэтический язык, согласно философской мысли Витгенштейна, должен оставаться в молчании, которое занимает приоритетное положению по отношению к говорению и способно сохранить всю полноту смысла, заложенного в поэтическом произведении. Несмотря на то, что поэтическое высказывание не отображает существующего в мире факта, поэтическое слово не уподобляется денежной банкноте, отсылая к некой реальной ценности, находящейся в другом месте. Скорее, поэзия таким образом раскрывает собственную самоценность.

Постепенно все наши рассуждения сводятся к мысли о непереводимости поэзии как таковой. Однако специфика данного исследования обозначена границами философской герменевтики. Справедливо возникает вопрос, как герменевтика, изначально подразумевающая под собой определенное сопоставление двух языков и нахождение равных эквивалентов перевода лингвистических значений в рамках разных языковых систем, ставит перед исследователем неразрешимость проблемы перевода. Чтобы несколько прояснить сложившуюся ситуацию, следует отметить, что в основе процесса перевода заложен феномен понимания. Понимание в контексте философской герменевтики заложено в качестве предварительного условия для переводческого акта. Только когда переводчик четко уясняет смысл, заложенный в подлежащий переводу текст, он обретает способность заново выстроить его, но уже в среде другого языка. В этом случае мы можем констатировать, что «чужое и собственное сливаются в новом облике» [2, с. 71]. И если стихотворение сохраняет возможность в общих

чертах оставить своей прежний смысл, то его форма и звучание неминуемо обретут иной вид. Изначально находясь в сопряжении с определенной мироконструкцией, поэтическое произведение в той или иной мере утрачивает свои прежние черты, но приобретает взамен новые. Следовательно, происходит не замещение в поэтическом тексте отдельных выражений, но замена всего произведения в целом.

Исходя из проведенного анализа вопроса о переводе поэтического текста на другой язык, мы приходим к выводу о принципиальной непереводимости поэзии. Уникальность поэзии заключается в тесном переплетении звучания и формы стихотворного произведения, что делает его герметичным, т.е. непроницаемым для истолкования с позиции обыденного языка и сохраняющим смысловое единство текста вне времени и ситуации его использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Untranslatability Goes Global / eds. : S. J. Levine, K. Lateef-Jan. – London : Taylor & Francis, 2017. – 174 p.
2. *Гадамер, Х.-Г.* Актуальность прекрасного : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
3. *Gadamer, H.-G.* Truth and Method / H.-G. Gadamer ; transl.: J. Weinsheimer, D. G. Marshall. – 2nd rev. ed. – N. Y. : Continuum, 2000. – 601 p.
4. *Валери, П.* Вопросы поэзии // Об искусстве. – М. : Искусство, 1993. – 623 с.
5. *Хайдеггер, М.* О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль / М. Хайдеггер. – М. : Водолей, 2017. – 240 с.
6. *Gadamer, H.-G.* On the Contribution of Poetry to the Search for Truth // The Relevance of the Beautiful and Other Essays / H.-G. Gadamer. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – P. 105–115.
7. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования : пер. с англ. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. I. – 612 с.

The paper analyses the problem of translating a poetic text from the position of hermeneutical philosophy. The author offers a constructive argumentation of the untranslability of poetry into other languages, which based on the system of philosophical views of the German thinker Hans-Georg Gadamer. The study places a special emphasis on the “hermeticism” of the poetic language, which allows maintaining the semantic unity of the original text as well as maintaining a unique balance in the sound and form of the poetic composition.

А. О. Тригубович
Минск, МГЛУ

ИРЛАНДСКИЕ РЕАЛИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Данная статья посвящена вопросам определения понятия реалии, функционирования ирландских реалий в англоязычном художественном дискурсе, их классификации, а также перевода средствами русского языка. Установлено, что реалии играют важную роль в процессе создания особой образности, колорита художественного произведения, а также передачи страноведческой информации. Материалом для практической части исследования послужил роман «Бруклин» современного ирландского писателя Колма Тойбина.

При переводе художественных произведений одну из наиболее проблемных лексических групп традиционно составляют реалии. К настоящему времени выработано множество совпадающих либо близких по значению терминов: *безэквивалентная*, *неполноэквивалентная лексика*, *лакуны*, *фоновая лексика*, *национальные словесные образы*, *экзотическая лексика*, *экзотизмы*, *лингвокультуремы*, *локализмы*, *«варваризмы»*, *бытовые слова*, *культурно-специфическая лексика* и т.п. [1].

В «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина дается следующее определение реалий: «1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа и т.п., с точки зрения их отражения в данном языке. 3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [2, с. 256].

Таким образом, термин сохраняет многозначность и отражает как слово, так и его референта.

Функционирование реалий, а также их предметную классификацию предлагается проследить на примере романа К. Тойбина «Бруклин». Колм Тойбин – современный ирландский писатель, журналист, литературный критик, в настоящее время является профессором Колумбийского и Манчестерского университетов, а также членом Ирландской художественной ассоциации. Среди работ автора такие романы, как «Юг» («The South»), «Маяк Блэкуотер» («Blackwater Lightship»), «Мастер» («The Master»), «Вереск ярко пылающий» («The Heather Blazing»), «История ночи» («The Story of the Night»), а также документальные произведения «Плохая кровь: прогулка по ирландской границе» («Bad Blood: A Walk Along the Irish Border») и «Знак креста: путешествие по католической Европе» («The Sign of the Cross: Travels in Catholic Europe»). Однако особый интерес, в том числе с лингвистической точки зрения, представляет роман «Бруклин», повествующий о нелегкой судьбе ирландки в Америке 50-х гг. прошлого столетия, поскольку в нем используется множество лексических единиц, а в частности реалий, для отражения действительности Ирландии середины XX века. В романе можно выделить следующие типы реалий:

1) имена собственные: *Arnold's Cross*, *"Arnotts"*, *"Athenaeum"*, *"Burke O'Leary's"*, *"Clerys"*, *"Dan Bolger's"*, *"Davis's Mills"*, *De Valera*, *"Fianna Fail"*, *"Godfrey's"*, *the Gresham Hotel*, *Lady Captain's Day*, *"L&N"*, *the Mercy Convent*, *Pat Sullivan's Harp*, *Presentation Convent*, *Shamrock Orchestra*, *"Stafford's*, *St Peter's College*, *the Strand Hotel*, *"Switzers"*, *the Talbot Hotel* и т.п.;

2) названия географических объектов: *Arklow*, *the Backroad*, *Ballagh*, *Ballyconnigar*, *Ballyvaloo*, *Blackwater*, *Bray*, *Bree*, *Bunclody*, *Castle Hill*, *Castle Street*, *Cavan*, *Church Street*, *Clinton Street*, *Clonegal*, *Cobh*, *Connemara*, *Cork*, *County Clare*, *County Home*, *Courtown*, *Curracloe*, *Cush Gap*, *Enniscorthy*, *Fair Green*, *Ferns*, *the Folly*, *Friary Hill*, *Friary Street*, *Galway*, *Glenbrien*, *Kilmore Quay*, *Macmine Bridge*, *Market Square*, *the Mill Park Road*, *Monageer*, *O'Connel Street*, *Osbourne Street*, *Oylegate*, *Rafter Street*, *the Ring-wood*, *Rosslare Harbour*, *Rosslare Strand*, *Skerries*, *the Slaney River*, *Summerhill*, *the Tan Yard Lane*, *Tipperary*, *Vinegar Hill*, *Wexford* и т.п.;

3) реалии, относящиеся к культуре Ирландии: *ceili, "The siege of Ennis"* и т.п.;

4) этнографические реалии: *Courtnacuddy Bus, flea-pit, golden syrup, Hatchethead, hurling, to mitch (from) , shilling, slap-up* и т.п.

Безусловен тот факт, что, с одной стороны, реалии придают тексту характерную окраску, национальный или исторический колорит, без которого произведение обезличивается, теряет краски. С другой стороны, автор произведения использует реалии своего языка наряду со всеми прочими словами, которые могут нести большую или меньшую семантическую и стилистическую нагрузку. Привлечение к ним усиленного внимания читателя может нарушить соответствие между формой и содержанием, которого требует адекватный перевод [3, с. 95]. Именно поэтому сегодня в центре внимания оказываются культурные аспекты перевода, контексты, в рамках которых он осуществляется. Подчеркивается роль перевода как средства интерлингвистической и кросскультурной коммуникации.

Вопрос о способах передачи реалий при переводе также остается открытым, что в значительной степени связано с расхождениями в терминологии. Переводческие стратегии в отношении таких слов должны учитывать конкретный тип дискурса, требования читателя, а также роль, которую это слово играет в данном тексте. Такой подход позволяет нам понимать перевод художественного текста как процесс передачи, в первую очередь, культурно-специфической лексики.

Развернутая классификация способов перевода реалий предложена болгарскими лингвистами С. Влаховым и С. Флориным [3, с. 87–93].

I. Транскрипция реалии предполагает механическое перенесение реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме: *whig* – 'виг'.

II. Перевод реалии (или замена, субституция) как прием передачи ее на ПЯ применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна. В данном случае могут использоваться следующие приемы.

1. Введение неологизма – наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии: путем создания нового слова (или словосочетания) иногда удается добиться почти такого же эффекта. Для этого применяют:

а) кальки – заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота – позволяют перенести в ПЯ реалию при максимально верном сохранении семантического содержания, но далеко не всегда без утраты колорита. Классический пример – англ. *Skyscraper* – рус. 'небоскреб' (в отличие от 'высотного здания'; благодаря этому противопоставлению чувствуется «западный колорит» кальки);

б) полукальки – своего рода частичные заимствования, тоже новые слова или (устойчивые) словосочетания, но состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова. Например, рус. *декабрист* англичане передают полукалькой 'Decembrist';

в) освоение как адаптация иноязычной реалии, т.е. придание ей на основе иноязычного материала обличия родного слова, например, англ. *coca-cola* – рус. 'кока-кола' (следует отметить, что на начальном этапе реалии такого типа чаще всего переводятся путем транслитерации или транскрипции, при этом не под-

чиняясь правилам ПЯ, т.е. сохраняя свою оригинальную форму. Однако в случае если реалия становится широкоупотребительной в ПЯ, она постепенно осваивается и используется в соответствии с правилами ПЯ).

2. Приблизительный перевод реалий встречается чаще, чем любой другой прием. Обычно этим путем удается, хотя и не очень точно, передать предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента (его, разумеется, быть не может) нейтральным по стилю, т.е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией. Возможны несколько случаев:

- принцип родо-видовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание реалии единицей с более широким (очень редко – более узким) значением, подставляя родовое понятие вместо видового. По сути дела, заменяя вид родом, более частное более общим, переводчик прибегает к известному в теории перевода приему генерализации, например, рус. *изба, хата* – англ. ‘house’;
- функциональным аналогом является элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у русского читателя. Часто функциональный аналог удобен для передачи реалий-мер, в частности, когда они предназначены для создания у читателя каких-то качественных представлений: *столько-то ли* – ‘очень далеко’ и т.п.;
- описание, объяснение, толкование как прием приблизительного перевода обычно используется в тех случаях, когда нет иного пути: понятие, не передаваемое транскрипцией, приходится просто объяснять. *Лапту* можно было бы транскрибировать – как название характерной русской игры, это слово ярко колоритно; но если контекст не позволяет, то *играть в лапту* можно передать как ‘играть в мяч’.

Таким образом, приблизительный перевод реалий, как подсказывает само название, не является адекватным, передает не полностью содержание соответствующей единицы, а что касается национального и/или исторического колорита, то о нем читатель может догадываться, лишь если мастер-переводчик сумел подсказать это своим выбором средства выражения.

- Термин *контекстуальный перевод* обычно противопоставляют «словарному переводу», указывая, таким образом, на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от приведенных в словаре. Удобной иллюстрацией контекстуального перевода является пример с реалией *путевка*: на английский язык фразу *Сколько стоит путевка на советский курорт?* можно перевести, элиминировав, казалось бы, центральное смысловое звено *путевка*: ‘How much are accommodations at Soviet health resorts?’.

При переводе ирландских реалий в романе Колма Тойбина «Бруклин» предлагается использовать следующие способы их передачи.

1. Транслитерация и транскрипция видятся как наиболее целесообразные способы передачи имен собственных и названий географических объектов: *Clinton Street* – ‘улица Клинтон-стрит’, *Skerries* – ‘поселок Скеррис’, *Galway* – ‘город Голуэй’, *Ballyconnigar* – ‘деревня Балликоннигар’, *Blackwater* – ‘деревня Блэкуотер’, *the Ballagh* – ‘деревня Баллах’, *Arklow* – ‘город Арклоу’, *Connemara* – ‘Коннемара (географическая область в графстве Голуэй на западе Ирландии)’, *Cavan* – ‘графство Каван’, *Tipperary* – ‘графство Типперэри’, *Bray* – ‘город Брей’, *Clonegal* – ‘деревня Клонгал’, *Cobh* – ‘город Ков’, *Rosslare Harbour* – ‘деревня Рослэр-Харбор’ и т.п.;

2. Прием калькирования может быть использован при переводе следующих реалий (иногда видится целесообразным добавлять пояснение к тому или иному понятию): *Arnold's Cross* – 'церковное поместье Арнольда', *Lady Captain's Day* – 'День женщины-капитана', *the Mercy Convent* – 'женский монастырь Милосердия', *«The siege of Ennis»* – '«Осада Энниса» (музыкальная композиция, под которую исполняют танец кейли в Ирландии)', *«Singing in the Rain»* – '«Поющие под дождем» (музыкальный кинофильм 1952 г.)' и т.п.;

3. Функциональный аналог может быть найден в следующих случаях: *golden syrup* – 'кукурузный сироп', *Courtnacuddy Bus* – 'деревенская потаскушка (вульг.)', *Hatchethead* – 'топор-башка (пренебр.)', *flea-pit* – 'киношка (забегаловка)' и т.п.

Следует отметить, что реалии являются неотъемлемой частью любого языка и, как следствие, художественных произведений, написанных на данном языке и относящихся к конкретному народу и его культуре. Этот пласт лексики можно рассматривать как одно из средств создания национально-исторического колорита, или культурного фона произведения. Слова, номинирующие реалии, нередко приравниваются к фоновой лексике, содержащей ценную страноведческую информацию и отражающей многочисленные материальные, общественные и духовные процессы, происходящие в обществе. Именно поэтому проблема адекватного перевода реалий, функционирующих, в том числе, в пространстве художественного текста, всегда столь актуальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. К проблеме перевода реалий в художественном тексте [Электронный ресурс] / Н. Ю. Ивойлова, А. А. Смирнова. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2017. – Режим доступа : http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/488/404. – Дата доступа : 14.12.2019.

2. *Нелюбин, Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 320 с.

3. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 343 с.

The article deals with the problem of Irish culture-specific elements functioning in English-language fiction as well as their classification and the ways of rendering by means of the Russian language.

Л. В. Парахонько
Бельцы (Молдова), БГУ имени А. Руссо

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТАВТОЛОГИИ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСАХ (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»)

Данная статья посвящена изучению тавтологии в контрастивном аспекте (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»). Эмфазируется важность перевеса фигуры автора оригинального произведения в соотношении с языковой личностью переводчика. Рассматриваются переводческие техники, ведущие к переиначиванию монолитности функции эстетического воздействия оригинала на читателя-акцептора и интенции автора исходного текста.

Процесс глобализации убедительно свидетельствует о том, что существует необходимость формирования культурной целостности мира, сопровождающейся диалогом культур. Подобное взаимодействие, «сотрудничество» картин мира создается идеей межкультурной толерантности, адекватной перцепцией культурных дифференциальных признаков, а также взаимопониманием между их информантами. С данным положением соотносится вопрос адекватного перевода, который состоит в создании правильной межкультурной коммуникации, не трансформирующей такие концептуальные структуры, как ментальную и культурную.

Таким образом, переводчик является посредником, своего рода «парламентером», настраивающим связь между чужим языком и его реципиентом; помогающим ему усвоить новый мир и его культуру. Это значит, что недопустимо равенство между переводчиком и автором оригинального произведения. Однако, зачастую злоупотребляя тем, что перевод – это творческая интеллектуальная деятельность, переводчик, в силу действия интерференции, создает «абсолютно новый» структурно-семантической эквивалент оригинала.

Именно этим обстоятельством объясняется *актуальность* нашего исследования. Мы продемонстрируем важность соблюдения золотого правила переводоведения – переводчика должно быть меньше автора.

Данным положением мотивирована и *цель* работы: создать вербальное портретирование, обнаружить проявление переводчика как языковой личности, использующей языковое посредничество для манипуляции сознанием акцептора. Источником идентификации личности переводчика в переводном дискурсе служит тавтология из-за своей близости к концепту, объекту изучения когнитивной лингвистики, следовательно, и антропоцентризму.

Как уже ранее было отмечено, перевод представляет собой творческую интеллектуальную деятельность, которая заключается в передаче некоторой информации с языка-источника (ИЯ) на язык перевода (ПЯ). В процессе передачи информации с ИЯ на ПЯ основную функцию – функцию перевода – осуществляет переводчик как личность, владеющая обеими языковыми системами, необходимыми для реализации межкультурной коммуникации. При этом важно подчеркнуть, что переводчик должен запомнить информацию, полученную из содержания оригинального произведения, а также очень точно понять ее смысл с тем, чтобы дословно передать коммуникативное намерение автора на ПЯ. Особенно понимая, что текст – это целостное сверхфразовое единство, характеризуемое общностью идейно-тематического содержания или общностью темы и интенций автора.

Таким образом, переводчик становится единомышленником автора, но не демиургом произведения [1, с. 7]. Именно об этом нужно помнить при анализе адекватности переводного текста.

Но иногда культурный код мешает переводчику реализовать это. Примером является тавтология, представляющая собой семантико-прагматическое явление, так как в данных экспликационных сочетаниях референтная соотнесенность устанавливается не с конкретным объектом реальной действительности, а с мысленным денотатом [2, л. 12]. Это значит, что не всегда возможно найти семантическое равновесие между ИЯ и ПЯ. Поэтому А. Вержбицкая и говорит о том, что «универсальных прагматических принципов трактовки тавтологии

существовать не может, т.к. в различных языках она обладает уникальными семантическими, синтаксическими и прагматическими особенностями» [3, с. 110]. Однако несмотря на вышеизложенный факт, переводчик должен постараться подобрать максимально точный эквивалент с минимальным количеством лексических и смысловых погрешностей. В этом и заключается его творчество и профессионализм.

Итак, для проведения сопоставительного анализа при переводе на русский язык романа Ш. Бронте с одноименным названием, который выполнил И. И. Введенский, был взят образ главной героини романа Джейн Эйр, представляющей собой нового героя, или героя нового времени (рушится старая система жестко фиксированных викторианских социальных, моральных, нравственных отношений; женщина воспринимается как личность, ничем не отличающаяся от личности мужчины).

Рассмотри следующие примеры. Так, в дескрипции Джона Рида упущены два важных элемента – *murderer* ‘убийца’ и *slave-driver* ‘тиран’.

Оригинал	Перевод
*Wicked and cruel boy!» I said. «**You are like** a **murderer** – you are like a **slave-driver** – you are like the Roman emperors!»* [4, p. 16].	*– Жестокий, безжалостный злодей! – вскричала я – ты хуже Нерона, Калигулы, Тиверия!* [5, т. 64, с. 179].

Пропуск данных лексем является нежелательным, так как они наиболее полно подчеркивают жестокость римских императоров, с которыми Джейн сравнивает Джона, а значит, выделяет и в нем эту черту. Более того, определения *murderer* ‘убийца’ и *slave-driver* ‘тиран’ являются ключевыми, так как они эксплицируют причину сопротивления героини в романе «Джейн Эйр». Это изменение в некоторой степени преобразовало интенцию автора.

Кроме этого, «уничтожив» тавтологическую сравнительную конструкцию оригинала *You are like,* которая является стилистически маркированной единицей, выполняющей функцию экспрессии (интенсификации) содержания оригинального текста, не сохраняется в ПЯ категоричность героини в описании сходства Джона Рида с Нероном, Калигулой [6, с. 38].

Обратимся к описанию нравственного выбора героини.

Оригинал	Перевод
***I feel now that I was right** when I adhered to principle and law, **and scorned and crushed the insane promptings of a frenzied moment**. God directed me to a correct choice: I thank His providence for the guidance!* [4, p. 457–458].	*Читательница, ты можешь думать, что тебе угодно; но я благодарю судьбу, внушившую мне следовать предписаниям чести, общественных постановлений и нравственнаго долга. Сам Бог навел меня на истинный путь!* [5, т. 66, с. 233].

Как видим, И. И. Введенский убрал две английские предикативные единицы *I feel now that I was right* (букв. ‘Я понимаю теперь, что я была права’) и тем самым не отразил независимость героини и ее выбор, сделанный в оригинале: *I feel now that I was right when I adhered to principle and law…* (букв. ‘Я понимаю теперь, что я была права, когда я выбрала придерживаться морали и поступать правильно в соответствии с общественной нормой’). Как результат, не сохрани-

лась интенсификация продублированного личного местоимения первого лица *I*, что не совсем верно, так как «стирается» акцент на Джейн как самодостаточного субъекта, совершающего действия рационально.

Кроме этого, переводчик опустил третью английскую предикативную единицу *…and scorned and crushed the insane promptings of a frenzied moment* (букв. '…и когда я возненавидела и подавила безрассудные желания в сумасшедший момент своей жизни'). Полагаем, что данные опущения не совсем справедливы, так как переводчик лишает Джейн самостоятельности в осознании действительного положения вещей и принятии решения. Это, в свою очередь, не раскрывает полностью независимость Джейн по сравнению с романом Ш. Бронте [6, с. 41–42].

Передавая переживания протагониста по поводу того, что он, возможно, своим внешним видом разочаровал Бесси, так как не увидел на ее лице восхищения, И. Введенский опустил первую предикативную единицу *No, Miss Jane, not exactly* (букв. 'Нет, мисс Джейн, не совсем') и четвертую *and it is as much as ever I expected of you* (букв. '…и это даже больше, чем я могла от Вас ожидать').

Оригинал	Перевод
***No, Miss Jane, not exactly**: you are genteel enough; you look like a lady, **and it is as much as ever I expected of you**: you were no beauty as a child* [4, p. 101].	*– Да вы совсем-недурны, мисс Дженни; могу даже сказать вы очень-миловидны и смотрите, как знатная дама. Ну, разумеется, красавицей вам нельзя быть: вы и девочкой были не очень-красивы* [5, т. 64, с. 249].

Таким образом, происходит десемантизация реитерации (повтора) двойного отрицания *No, Miss Jane, not exactly*, которая в оригинале актуализировала адъективное значение – квалитатив: 'Джейн выглядела действительно хорошо'.

Данное изменение является не совсем оправданным, так как не передается одобрение Бесси, ее восторг от того, какой стала Джейн. На это указывает союзное слово *as much as*/*больше чем*. Следовательно, в этом отрывке оригинала отмечается красота героини, особенно если сравнить с тем, какой она была в детстве. Так, формируется мелиоративная коннотация. В переводе, наоборот, подчеркивается то, что Джейн не может стать красавицей, потому что и в детстве она не была красивым ребенком. Здесь прослеживается категоричность, образованная посредством двойного отрицания *красавицей вам нельзя быть* и *девочкой были не очень-красивы*, а также вводного слова *разумеется*. Так, семантическая эмотивность, существующая в оригинале, уступает место некой констатации факта в переводе [6, с. 46]. Таким образом, в переводном дискурсе явно прослеживается точка зрения переводчика, совпадающая с мнением о женской внешности, которое бытовало в середине XIX века: красота имела огромное значение и была единственным требованием, которое предъявляли женскому полу [7, с. 180].

Передавая разговор Джейн и Рочестера о том, что она богата, так как получила пять тысяч фунтов от дяди, который умер на Мадейре, И. Введенский опускает определение *as well as rich* (букв. 'а также богата'):

Оригинал	Перевод
***I** told you **I** am independent, sir, **as well as rich**: **I** am my own mistress* (букв. ‘Я сказала Вам, сэр, что я независима, а также богата: я хозяйка своей собственной судьбы’) [4].	*Вы уже знаете, сэр, что я независима: это значит, что я могу располагать собою, как мне вздумается* [5, т. 66 с. 313].

Полагаем, что данный пропуск не совсем оправдан, так как из-за него по сравнению с оригиналом несколько нивелируется свобода Джейн: там существует градация – Джейн не только независима как человек, но и богата. Это значит, что она свободна от приказов тех, кто выше ее по социальному статусу, и от мнения окружающих в целом [6, с. 47].

Кроме этого, заменив подлежащее – личное местоимение первого лица – *I* (*I told you*) на личное местоимение второго лица *Вы* (*Вы уже знаете*), И. Введенский не передает троекратную редупликацию *I,* которая в оригинале выполняла идентифицирующую и одновременно констатирующую функцию, подчеркивая власть субъекта. Данная морфологическая трансформация считается не полностью адекватной, так как несколько «затемняется» позиция героини как хозяина своего слова, жизни.

Таким образом, опуская важные моменты в романе, эксплицирующие независимость главной героини Джейн, тем самым упрощая текст, освобождая его от тавтологических конструкций (***No, Miss Jane, not exactly**: you are genteel enough…* и *– Да вы совсем-недурны, мисс Дженни*; ***I** told you **I** am independent…* и *Вы уже знаете, сэр, что я независима* и т.д.), которые в оригинальном произведении выполняли коннотативную функцию (эмоционально-оценочную), фиксирующую взгляд иноязычного читателя на рефлексии, самостоятельности, самодостаточности, серьезности и важности Джейн Эйр как личности, равной мужчине, И. И. Введенский качественно меняет исходный текст. В тексте перевода главная героиня представляется более зависимой, чем в оригинале. Это обстоятельство позволяет нам говорить об антропоцентризме в лингвистике: обнаруживаются «следы» языковой личности, которая является национально-культурным прототипом носителя определенного языка. Так, И. Введенский выступает как соавтор, абсолютно трансформирующий и потому создающий новый семантический пласт коммуникативной интенции романа Ш. Бронте «Джейн Эйр».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Солодуб, Ю. П.* Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студ. лингвист. ф-тов высш. учеб. заведений / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – М. : Академия, 2005. – 304 с.
2. *Крапотина, Т. Г.* Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Крапотина. – М, 1996. – 220 л.
3. *Wierzbicka, A.* Boys will be boys: «Radical semantic» vs. «Radical pragmatics» / A. Wierzbicka // Language. – 1987. – № 1. – P. 95–114.
4. *Bronte, Ch.* Jane Eyre. – London ; N. Y. ; Toronto : Oxford Univ. Press, 1848. – P. 576.
5. *Введенский, И. И.* Дженни Эйр : роман // Отечественныя записки. – СПб. : И. Глазунова и Комп, 1849.
6. *Парахонько, Л. В.* Особенности перевода англоязычной литературы на русский язык в период «нового времени» (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») : ВПК на соискание степени магистра лингвистики /Л. В. Парахонько. – СПб, 2017. – 89 с.
7. *Сыскина, А. А.* Переводы XIX века романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте: передача характера и взглядов героини в переводе 1849 года Иринарха Введенского / А. А. Сыскина // Вестн. ТГПУ. – 2012. – № 12. – С. 177–182.

The given article is devoted to the study of tautology in contrastive analysis (based on the novel by Ch. Bronte «Jane Eyre»). The importance of the superiority of the figure of the author of the original text in relation to the linguistic personality of the translator is emphasized. Translation techniques that lead to a modification of a monolithic function of the aesthetic impact of the original on the reader-acceptor and the author's intention of the source are analyzed.

В. С. Верпечинскис
Минск, МГЛУ

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ ТОМАСА БЕРНХАРДА С КОМПОНЕНТОМ *-MENSCH* В РОМАНЕ «DER UNTERGEHER» В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются единицы номинации со статусом ad hoc, встречающиеся в романе Томаса Бернхарда «Der Untergeher», в образовании которых участвует компонент *-mensch*, на предмет их передачи на русском языке. Для этого проводится сопоставление текста оригинала и перевода, выполненного переводчиком А. В. Маркиным. При переводе окказионализмов важно выполнять не только словообразовательный и стилистический, но и контекстуально-семантический анализ исходных лексических единиц ввиду того, что в случае образования окказионализмов при использовании употребительной словообразовательной модели может иметь место появление новых сем в значении их компонентов. Однако экспликация таких смысловых элементов приводит к большому объему переводческих потерь при трансляции экспрессивных лексических новаций с высокой степенью контекстуальной прикрепленности.

Одним из наиболее распространенных и продуктивных способов словообразования в немецком языке является словосложение. Так могут создаваться и продукты авторского словотворчества – окказионализмы, ибо «структура немецкого языка такова, что она открывает широкие возможности для конструирования и переконструирования слов из существующих основ и аффиксов» [1, с. 9]. При этом необходимо отметить, что лексические новации в таком случае могут образовываться как по моделям, существующим в словообразовательной системе немецкого языка, так и при их расширении (с помощью лексических элементов, которые в данных конструкциях отличаются своей новизной и необычностью [2, с. 117]) и даже при нарушениях в отношениях между компонентами словообразовательных структур, представленных употребительными моделями.

Когда речь идет о переводе немецких авторских образований на русский язык, стоит отметить, что, прежде чем приступать к поиску или созданию эквивалента на языке перевода, переводчику необходимо проанализировать исходную лексическую единицу на предмет способа ее образования, определить тип отношений между ее непосредственными составляющими и выяснить, наблюдаются ли какие-либо отклонения от норм словообразовательной системы немецкого языка. Важно также понять, имеет ли место экспрессивность и контекстуальная прикрепленность. При этом целесообразно обратить внимание на тот факт, что именно словообразовательная модель может указывать на наличие у лексической новации экспрессии (необычности и оригинальности) и ее зависимость от контекста[1], что, в свою очередь, необходимо учитывать при переводе и что впоследствии позволяет оценить объем переводческих потерь при передаче окказионализма на русском языке.

[1]Подробнее об экспрессивности окказионализмов и их контекстуальной прикрепленности писали Ф. Н. Нурисламова [3, с. 14] и А. Г. Лыков [4, с. 70].

Единицы номинации со статусом ad hoc часто используются авторами художественной литературы для создания ярких и незабываемых образов. Австрийский писатель Томас Бернхард известен своим авторским стилем, неотъемлемой чертой которого является употребление окказионализмов. Его роман «Der Untergeher», опубликованный в 1983 году, также содержит множество окказиональных единиц. Произведение было переведено на русский язык современным писателем и переводчиком Александром Викторовичем Маркиным и получило название «Пропащий». Таким образом, представляется возможным сопоставить текст оригинала и перевода и выявить основные способы передачи немецких окказионализмов на русском языке, использованные при переводе данного романа. При этом в качестве практического материала для статьи были выбраны окказионализмы, являющиеся продуктами словосложения и содержащие компонент *-mensch*.

Следует отметить, что всего в романе было зафиксировано 15 композитов с данным компонентом, однако 5 из них (*Geistesmensch*, *Gewohnheitsmensch*, *Großstadtmensch*, *Musikmensch*, *Wissenschaftsmensch*) не являются окказионализмами (они часто встречаются в устной и письменной речи и не привязаны к контексту). Их присутствие в тексте, однако, свидетельствует о том, что при создании собственно окказиональной лексики используется употребительная, продуктивная словообразовательная модель, но происходит ее расширение за счет добавления новых и в некоторых случаях не совсем привычных для данного компонента-партнера лексем, что наделяет такие словообразовательные структуры яркостью и наглядностью.

В зависимости от экспрессивности и степени контекстуальной прикрепленности лексические новации с компонентом *-mensch* в романе Томаса Бернхарда можно разделить на две группы:

- неэкспрессивные окказионализмы с низкой степенью прикрепленности к контексту;
- экспрессивные окказионализмы с высокой степенью прикрепленности к контексту.

Принадлежность авторских образований к той или иной группе позволяет оценить значимость использования лексических единиц в исходном тексте и объем переводческих потерь при невозможности передать какой-либо из компонентов значения исходного слова в языке перевода.

Обратимся к неэкспрессивным окказионализмам. Необходимо отметить, что 4 из 6 таких лексических единиц имеют в своем составе географическое название. Этим фактом и обусловлена их относительно низкая степень контекстуальной прикрепленности.

Da habe er oft gedacht, ob es nicht sein größtes Unglück sei, in eine reiche Familie hineingeboren worden zu sein, dachte ich, denn er hat immer gesagt, er fühle sich in Floridsdorf und in Kagran wohler, als im Ersten Bezirk, unter den ***Floridsdorfmenschen*** *und* ***Kagranmenschen*** *wohler als unter den* ***Ersterbezirkmenschen****, die ihm im Grunde immer verhaßt gewesen seien.*

Aber immer wieder sagte er auch, daß es ein Irrtum sei, zu glauben, als Floridsdorfer wäre er glücklicher, als Kagraner, als ***Alsergrundmensch****, dachte ich, daß es ein Irrtum sei, anzunehmen, diese Leute hätten den* ***Ersterbezirkmenschen*** *wenigstens einen besseren Charakter voraus* [T. B., S. 86].

В данном случае *Floridsdorf, Kagran, Alsergrund* и *der Erste Bezirk* представляют собой названия районов Вены. Таким образом, непосредственные составляющие композитов связаны друг с другом локативными отношениями. Это необходимо учитывать и при переводе окказионализмов.

На мосту он часто думал о том, не было ли самым большим его несчастьем родиться в богатой семье, думал я, потому что он всегда говорил, что чувствует себя во Флоридсдорфе и Кагране лучше, чем в первом районе, а среди ***людей из Флоридсдорфа и Каграна*** *– лучше, чем среди* ***людей из первого района****, которые, по сути, были ему всегда ненавистны.*

При этом, однако, он все время говорил, что неправильно думать, будто, стань он жителем Флоридсдорфа, или жителем Каграна, или ***жителем Альзергрунда****, он был бы счастливей, думал я, и неправильно считать, будто жители рабочих кварталов превосходят* ***людей из первого района*** *тем, что они лучше по характеру* [T. Б., S. 36].

Переводчик использует грамматические трансформации: разбивает сложные слова на словосочетания. Стоит отметить, что можно было бы пойти также по пути создания окказионализмов и в русском языке, попытавшись использовать русские суффиксы для образования названий жителей, однако для композита *Ersterbezirkmenschen* такой способ не может быть применен ввиду того, что словообразовательная конструкция состоит не из собственно географического названия, а из словосочетания существительного с порядковым числительным, которое в данном случае выступает как имя собственное.

Следующие немаркированные окказионализмы также не ощущаются как таковые из-за того, что они представляют собой лишь результат расширения продуктивной словообразовательной модели немецкого языка. Считать их единицами со статусом ad hoc, однако, стоит, так как они редко употребляются в речи (менее 200 упоминаний в поисковых системах).

Wertheimer habe seine Schwester immer zwingen müssen, nach Traich zu kommen, er, Franz, glaube sogar, daß Wertheimer seine Schwester gehaßt habe, aber ohne sie in Traich nicht existieren habe können und ich dachte, daß Wertheimer immer von Alleinsein geredet hat, ohne tatsächlich allein sein zu können, er war kein ***Alleinmensch****, dachte ich* [T. B., S. 156].

Selbstmörder sind lächerlich, hat Wertheimer oft gesagt, <…> auffällig ist natürlich jetzt, daß er sehr oft über Selbstmord gesprochen, sich dabei aber immer über die Selbstmörder mehr oder weniger, wie ich sagen muß, lustig gemacht hat, immer so über den Selbstmord und die Selbstmörder geredet hat, als ginge ihn weder der eine Begriff noch der andere etwas an, daß der eine wie der andere für ihn nicht in Frage komme. Ich sei ein ***Selbstmordmensch****, hat er oft gesagt, erinnerte ich mich auf dem Weg nach Traich, ich sei der Gefährdete, nicht er* [T. B., с. 149].

Несмотря на то, что основное значение окказиональных единиц можно понять без контекста, знакомство с текстовым «окружением» лексических новаций позволяет сделать вывод о дополнительной семе ‘склонный к чему-либо’, ‘потенциальный’, которая появляется при использовании именно окказионализмов *Alleinmensch* и *Selbstmordmensch*, а не узуальных синонимов и синонимичных конструкций – *einsamer Mensch, Selbstmörder*. Обратимся к переводу указанных авторских образований.

Вертхаймер все время чуть ли не силой заставлял сестру приезжать в Трайх, он, Франц, даже думает, что Вертхаймер ненавидел сестру, но без нее он не мог бы существовать в Трайхе, и я подумал, что Вертхаймер всегда говорил об одиночестве, хотя в действительности не мог находиться в одиночестве, он не был ***одиночкой****, думал я* [Т. Б., с. 65].

Самоубийцы смехотворны, часто говорил Вертхаймер; <…> теперь-то, естественно, заметно, что он очень часто говорил о самоубийстве, но при этом он, нужно сказать, всегда так или иначе над самоубийцами посмеивался, всегда говорил о самоубийстве и самоубийцах так, будто его не касалось ни то ни другое, будто ни о том ни о другом для него самого и речи не идет. Он часто повторял, что это я ***потенциальный самоубийца****, вспоминал я по дороге в Трайх, что я в опасности, а не он* [Т. Б., с. 62].

При переводе на русский язык А. В. Маркин выбирает неокказиональные эквиваленты. При этом стоит отметить, что во втором случае происходит экспликация упомянутой выше семы при помощи добавления прилагательного *потенциальный*. По нашему мнению, так же необходимо было поступить и при переводе окказионализма *Alleinmensch*, однако, в любом случае, это не вызывает больших переводческих потерь.

Обратимся ко второй группе окказионализмов с компонентом *-mensch*, которые отличаются наличием экспрессии и высокой степенью контекстуальной прикрепленности. Каждое из этих авторских образований уникально и наделено стилистической окраской как необычное, яркое и оригинальное слово-носитель художественного образа.

Beschreibung des Stierkampfs, Retiroparkreflexionen, dachte ich, die mir Glenn niemals bestätigt hat. Wertheimer hat Glenn oft nach Traich eingeladen, daß ihm das Jagdhaus liegen müsse, hat Wertheimer gedacht, Glenn war niemals darauf eingegangen, nicht einmal Wertheimer war ein ***Jagdhausmensch****, schon gar nicht Glenn Gould* [T. B., S. 39–40].

Aber andererseits war er ein ***Zettelmensch****, schrieb Tausende, Zehntausende Zettel voll und stapelte diese Zettel in der Kohlmarktwohnung genauso wie im Traicher Jagdhaus* [T. B., S. 53].

In dieser Gegend hatte Wertheimer verrückt, ja am Ende wahnsinnig werden müssen, dachte ich und ich sagte mir, daß er immer genau der Untergeher gewesen ist, von welchem Glenn Gould immer gesprochen hat, ein typischer ***Sackgassenmensch*** *ist Wertheimer gewesen, sagte ich mir, von der einen Sackgasse heraus ist er mit Sicherheit immer wieder in eine andere Sackgasse hineingegangen, <…> überhaupt haben solche Menschen immer nur die Wahl zwischen der einen Sackgasse und der andern* [T. Б., S. 141–142].

Экспрессивность окказионализмов *Jagdhausmensch*, *Zettelmensch* и *Sackgassenmensch* является следствием нарушения семантической конгруэнтности их непосредственных составляющих: без контекста читателю (и переводчику) не может быть понятно, в каких отношениях находятся компоненты композита. Текст романа, однако, позволяет сделать вывод о том, что в данных лексических новациях словообразовательный элемент *-mensch* получает дополнительную сему ‘любит что-либо делать’ (≈ часто делает что-либо). Однако именно за счет того, что не происходит экспликации указанной семы, окказионализмы и получают стилистическую окраску и обращают на себя внимание читателя. Приведем перевод данных окказионализмов, выполненный А. В. Маркиным.

Вертхаймер не раз приглашал Гленна в Трайх в надежде, что охотничий дом придется по душе Гленну, но Гленн так и не переступил порога вертхаймеровского дома: Вертхаймер никогда не был ***человеком, предпочитающим жить в охотничьих домах****, а Гленн – и подавно* [Т. Б., с. 16].

С другой стороны, он был ***любителем каталожных карточек****, исписывал тысячи, десятки тысяч каталожных карточек и складывал их в стопки — как в своей квартире на Кольмаркте, так и в охотничьем доме в Трайхе* [Т. Б., с. 22].

В этих местах Вертхаймер не мог не помешаться и в конце концов совсем сойти с ума, сказал я, и я сказал себе, что он всегда был именно тем Пропащим, о котором говорил Гленн Гульд; Вертхаймер был типичным ***человеком тупика****, сказал я себе, из одного тупика он снова и снова уверенно забредал в другой тупик, <…> и вообще такие люди всегда имеют выбор лишь между одним тупиком и другим* [Т. Б., с. 58–59]

В первых двух случаях переводчик предпочел эксплицировать отношения между компонентами композита, однако при этом произошла стилистическая нейтрализация: описательный перевод немецких экспрессивных окказионализмов лишил их изначальной оригинальности и необычности. Стоит также отметить, что перевод словообразовательного элемента *Zettel-* как ‘каталожная карточка’ мы считаем неточным, уместнее было бы подобрать более общий эквивалент (например, ‘записка’). В третьем случае переводчик преобразовал исходный композит *Sackgassenmensch* в словосочетание *человек тупика*. Такую передачу мы считаем очень удачной, ибо так сохраняется экспрессивность и яркость немецкого слова со статусом ad hoc. По нашему мнению, похожим образом можно было бы перевести и две предыдущие окказиональные единицы – например, *человек охотничьих домов* и *человек записок* (можно сравнить с узуальным в русском языке словосочетанием *человек слова*, таким образом, и в языке перевода будет наблюдаться расширение употребительной словообразовательной модели, а также нарушение семантической согласованности компонентов словосочетания). Именно эта трансляция на русском языке позволила бы сократить объем переводческих потерь.

На основании анализа приведенных примеров окказиональных композитов с компонентом *-mensch* можно сделать вывод о том, что при словосложении в немецком языке происходит не только «конструирование и переконструирование слов из существующих основ», как это утверждала германист Е. В. Розен, но и переконструирование смыслов. Так, в значении давно известных слов, входящих в состав окказиональных композитов, могут появляться новые компоненты, которые проявляются в контексте, к которому в низкой или высокой степени привязаны окказиональные единицы.

При переводе авторских образований могут использоваться различные переводческие стратегии. Однако следует учитывать наличие экспрессии или ее отсутствие у исходных окказионализмов: если немецкое слово со статусом ad hoc наделено экспрессивностью, то необходимо стремиться к ее сохранению и в русском языке при помощи всех доступных словообразовательных средств языковой системы. В противном случае яркость и необычность немецких композитов не будет воссоздана в языке перевода, что приведет к тому, что оригинальные авторские образы, из которых и состоит авторский стиль писателя, не найдут своего отражения в переводном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розен, Е. В.* Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке : кн. для учителя / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 189 с.
2. *Fleischer, W.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – 2., unveränderte Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Inst., 1977. – 394 S.
3. *Нурисламова, Ф. Н.* Окказиональные префиксально-глагольные дериваты в современном немецком языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Ф. Н. Нурисламова ; Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1988. – 22 с.
4. *Лыков, А. Г.* Окказиональное слово как лексическая единица речи / А. Г. Лыков // НДВШ. Филол. науки. – 1971. – № 5. – С. 70–81.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

T. B. – Bernhard, T. Der Untergeher : Roman / T. Bernhard. – 1. Aufl. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1983. – 165 S.

Т. Б. – Бернхард, Т. Пропащий : роман / Т. Бернхард // Иностранная литература. – 2010. – № 2. – С. 2–70.

The article considers occasional words with the component -mensch used by Thomas Bernhard in his novel “Der Untergeher” and possible ways of their translation into Russian. The original text and the translation by A. V. Markin are compared and analysed.

А. В. Жупинская
Минск, МГЛУ

ЧУЖОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО РЕАЛИИ В ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ

В статье на материале англоязычных версий произведений А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» рассматриваются проблемы перевода художественного текста на английский язык, а именно перевода реалий, характеризующих советскую действительность 1920–1930 годов. В статье слова-реалии, представляющие наибольшую трудность для перевода, разделены на три основные группы: территориально ограниченная лексика, социально ограниченная лексика и неологизмы советского периода, в которых отдельно рассматривается группа составных существительных и аббревиатур. Далее устанавливаются способы перевода, характерные для каждой из групп, проводится их сравнение, определяется взаимосвязь доминирующей языковой личности в сознании переводчика и способа перевода, оценивается степень влияния доминирования конкретной языковой личности на перевод текста.

Интерес к чужим культурам, языкам, литературе сопровождает человечество на протяжении всей истории. Знакомство с литературой зарубежных авторов для большинства возможно только благодаря работе переводчиков. Художественный перевод требует достаточной языковой подготовки и уверенного владения как иностранным, так и родным языком. В ходе перевода художественных текстов в первую очередь актуализируется проблема передачи в переводе национально-культурной специфики текста, которая в настоящее время не имеет однозначного решения.

Переводчик в процессе коммуникации должен представлять сугубо языковую личность, не порождать собственные дискурсы, а лишь компенсировать незнание языка у коммуникантов. Он сочетает в себе несколько языковых лич-

ностей по количеству изученных языков, наиболее развитой из которых будет личность, относящаяся к пространству родного языка. В результате перевод неизбежно приводит к потере оттенков смысла исходного текста из-за несовпадения двух языковых пространств и их первичных смыслов [1, с. 136].

Ключевым понятием при передаче национально-культурной информации в художественном тексте является *реалия*, именно они представляют основную трудность при переводе художественного текста. При достаточно широком употреблении термина *реалия* нерешенным остается вопрос, связанный с его дефиницией. Целесообразно рассматривать специфику реалий в контексте «семантического треугольника» (предмет – понятие – слово). Данный подход позволяет определять реалии как предметы и явления, характерные для определенной нации и культуры, одновременно со средствами их лексического оформления [2, с. 14].

Теория перевода относит реалии к непереводимым единицам языка или безэквивалентной лексике, т.е. к лексическим единицам, «которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [3, с. 24–25]. В данной работе мы рассматриваем лексическую сторону термина реалия. При этом мы не сводим реалию к безквивалентной лексике. Понятие *реалия* несколько шире и включает в себя всю национально окрашенную лексику.

Материалом нашего исследования послужили тексты переводов романов А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» (1925–1935) («The Road to Life: an Epic of Education», перевод Айви и Татьяны Литвиновых (СССР), 1951), и «Флаги на башнях» (1936–1938) («Learning to Live: Flags on the Battlements», перевод Ральфа Паркера (США), 1953), откуда посредством сплошной выборки были отобраны 1 367 лексем-реалий (965 единиц – из текста романа «Педагогическая поэма», 402 единицы – из текста романа «Флаги на башнях»). Отобранный материал представляется целесообразным разделить на 3 группы:

1) территориально ограниченная лексика;

2) социально ограниченная лексика;

3) неологизмы советского периода.

Территориально ограниченная лексика (40,6 % слов-реалий в тексте «Педагогической поэмы» и 10,7 % – в тексте «Флагов на башнях») характеризует место действия произведений, то есть сельскую местность на территории Украинской ССР. К данной группе относятся диалектные слова и украинизмы (слова украинского языка, ситуативно употребленные в русском языке).

Территориально ограниченная лексика «Педагогической поэмы» переводилась при помощи подбора эквивалентов из общеупотребительной лексики, наиболее близких по значению (67,4 %): *хутор – farmstead*, *клуни – storerooms*, *дрючки – sticks*, *рижнати – sleigh*, *шлях – highroad*; подбора эквивалентов из слов-реалий переводного языка (12,6 %): *сеялка – seed-drill*, *батьки – atamans*, *самогонщик – bootlegger*; транскрибирования или транслитерации, при которых пояснение значения давалось сноской при первом упоминании (3,1 %): *портянки – portyanki [strips of cloth or linen bound round foot and ankle, and worn instead of sack inside high boots. – Tr.]*, *кондер – kondyor [A thin millet gruel – Tr.]*, *бублик – bublik, [rings of cracknel dough – tr.]*; описательного перевода (12,4 %): *утермарковские печи – cylindrical iron stoves*, *панночки – girls that give themselves airs*, *перелаз – means of getting over fences*; опускания лексемы (4,5 %).

Подбор эквивалентов из слов-реалий переводного языка является попыткой обратить реалию одного языкового пространства в реалию чужого языкового пространства. Данный перевод возможен только при наличии и самого явления, и слова для его обозначения в обоих языковых пространствах. Проблему может представлять различие в оттенках значений и несовпадение концептов, стоящих за каждым словом-реалией в разных лингвокультурах.

При переводе «Флагов на башнях» использовались такие же способы перевода, но в другом процентном соотношении: эквиваленты из общеупотребительной лексики (*хаты – cottages*, *гимнастерка – shirt*, *папиросы – cigarettes*) составили 56,2 %; эквиваленты из национально-окрашенной лексики (*полугалифе – riding-breeches*) – 3,4 %; описательный перевод (*двугривенный – twenty kopeks*, *горбушка – hunk of bread*, *бекеша – winter coat*) – 24,7 %; транслитерация (*калоши – galoshes*) – 5,5 %; опускание лексемы – 10,2 %.

Группа слов, относящихся к социально ограниченной лексике, более связана с языковой личностью персонажей книг. К ней относится блатной жаргон. Номинации блатной лексики причисляются к словам-реалиям, описывающим быт и социальное взаимодействие персонажей книги, многие из которых имели проблемы с законом.

Способы перевода номинаций блатного жаргона, которые составили 19,1 % отобранной лексики в «Педагогической поэме» и 31,3 % во «Флагах на башнях», совпадают со способами перевода территориально ограниченной лексики, но применительно к социально ограниченной лексике наблюдается значительное увеличение доли эквивалентов из национально окрашенной лексики.

В тексте перевода «Педагогической поэмы» эквиваленты из нейтральной лексики составили 40,4 % (*Влипнуть в бузу – let in for all this*, *клифт – jacket*, *засыпаться – be caught*, *подорвать – run away*, *уркаганы – gangsters*, *мокрое дело – bloodshed)*, а в тексте «Флагов на башнях» – 35,1 % (*приемник – reception-room*, *засыпаться – to be grabbed*).

Эквиваленты из стилистически окрашенной лексики использовались в 31,8 % случаев в тексте «Педагогической поэмы» (*кутузка – quod*, *бубну выбить – to have his mug pushed in*, *сявки – shucks*, *расписка – what for*, *шамать – munch*) и в 56,2 % случаев в тексте «Флагов на башнях» (*шамовка – grub*, *пацан – chum*, *заехать в рожу – hit in the mug*). Увеличение доли данного способа перевода свидетельствует о желании переводчика как можно точнее передать характер персонажей, снабдив их точной речевой характеристикой.

Транслитерация встречалась исключительно в тексте «Педагогической поэмы (в 3,0 % случаев): *атаман – ataman*. В тексте «Флагов на башнях» для социально ограниченной лексики данный способ перевода не используется.

Описательный перевод также встречается только в тексте «Педагогической поэмы» и составляет 17,5 % (*малина – a den of thieves and – cutthroats*, *пересидеть – to stay here for a while*, *толкучка – thieves market*).

Лексема опускалась в 7,3 % случаев в «Педагогической поэме» и в 8,7 % случаев в «Флагах на башнях».

Особый интерес представляют неологизмы советского периода. К данной группе относятся 40 % исследуемых лексических единиц «Педагогической поэмы» и 58 % соответствующих лексических единиц во «Флагах на башнях». Образовавшееся в начале XX века советское государство провозгласило новый порядок во всех сферах жизни. Появлялись не только новые учреждения, новые

должности, но и новые наименования. В стране создавался своего рода новый язык. Часть неологизмов советского периода затем вошла в общий лексикон, но на данный момент уже вышла из употребления, оставшись только на страницах печатных изданий. Будучи лексикой с ярко выраженным культурно-историческим колоритом, характеризующей реалии строго определенной страны в строго определенную историческую эпоху, эти новообразования представляют определенную трудность при переводе на другие языки, в частности английский.

Проанализировав способы перевода, следует отметить, что для однокорневых слов наиболее часто используемыми являются транслитерация и транскрибирование как в тексте «Педагогической поэмы», так и в тексте «Флагов на башнях»: *Кулак – kulak, тачанка – tacharzka [Ukrainian cart – Tr.], мужик – muzhik, фельдшер – feldsher [Medical assistant – Tr.]* (63,3 % и 82,5 % соответственно). Оставшиеся способы представлены в гораздо меньшем объеме.

Среди неологизмов советского периода отдельно стоит выделить группу составных существительных и аббревиатур. Чаще всего сокращению подвергались названия новых учреждений и должностей, в частности в сфере образования. Оба произведения изобилуют аббревиатурами, среди которых буквенные (*РКИ, ЧК, ДЧСК*) и звуковые (*спон*), которые составляют 20 % аббревиатур «Педагогической поэмы» и 47 % – «Флагов на башнях», а также слоговые (*наркомпрос, соцвос, наробраз, комонес*), которые составляют 80 % и 53% соответственно.

Основными способами при переводе аббревиатур в «Педагогической поэме» стали следующие: пословный перевод: *губнаробраз – Gubernia Department of Public Education, опродкомарм – the Food Commissariat of the First Reserve Army, соцвосовский – social-educational, губисполком – The Gubernia Executive Committee* (74,3 %); транскрибирование или транслитерация *совхоз – Sovkhoz, губсовнархоз – gubsovnarkhoz, ЧК – Cheka, ГПУ – GPU* (10,1 %); эквивалент ко всему слову: *завкол – director, комсводотряда – commander* (7,7 %); пословный перевод с последующим сворачиванием до аббревиатуры: *РКИ – Workers and Peasants' Inspection, WPI* (3,5 %); эллипсис лексемы (4,4 %).

При переводе «Флагов на башнях» были использованы схожие способы передачи значения аббревиатур, но в другом процентном соотношении: транслитерация, при этом значение слова разъясняется в сноске при первом упоминании: *Днепрострой – Dnieprostroi, спон – spon, наробраз – narobraz, комонес – komones* (70,4 %); пословный перевод: *НЭП – New Economic Policy, окрисполком – the Regional Executive Committee, наркомпрос – the Commissariat of Public Education, ССК – The Secretary of the Commanders' Council* (16,1 %); эквивалент ко всему слову (3,9 %): *ССК – the Secretariat, ДЧСК – inspector*; эллипсис лексемы (9,6 %).

Таким образом, для советского переводчика предпочтительным оказался пословный перевод. Вероятно, это связано с тем, что он лучше знаком с реалиями данной эпохи. В его сознании аббревиатуры представляют сумму компонентов, которая легко разворачивается до исходного выражения, воспринимаются обыденно, мало отличаются от других групп лексики.

Американский переводчик чаще прибегает к транслитерации, так как воспринимает аббревиации советского периода в качестве самостоятельной лексической единицы, не тождественной сумме ее компонентов. В его понимании данные лексемы остаются чем-то искусственным, ненатуральным и экзотичным.

Итак, можно отметить следующее.

Способы перевода территориально ограниченной и социально ограниченной лексики совпадают у англо- и русскоговорящего переводчиков. При этом наблюдается лидирующее положение при переводе территориально ограниченной лексики у нейтральных эквивалентов примерно в одинаковом процентном соотношении у русско- и англоговорящего переводчиков. Данный факт можно объяснить наличием синонимов для диалектизмов в литературном русском языке.

Наблюдается увеличение частоты использования эквивалентов из словреалий переводного языка применительно к социально ограниченной лексике одновременно у русско- и англоговорящего переводчиков, что объясняется необходимостью использования данной лексики для характеристики персонажей и недопустимости в этой связи утраты оттенков значения.

Существенные расхождения в способах перевода у англо- и русскоговорящих переводчиков наблюдаются в отношении неологизмов советского периода. Данный факт свидетельствует о различии языковых личностей в сознании переводчика в зависимости от его родного языка и влиянии доминирующей языковой личности на выбор способов перевода.

Таким образом, на способы и характер перевода влияет не только доминирующая в сознании переводчика языковая личность, но и такие факторы, как наличие у диалектизмов синонимов в литературном языке, стилизация и характер литературных персонажей, наличие схожих понятий в иноязычной культуре. Доминирование одной из языковых личностей переводчика в большей степени влияет на перевод новообразований в языке, к которым в силу их автохтонности и чужеродности еще трудно подобрать синоним или аналог.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плотникова, С. Н.* Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство / С. Н. Плотникова // Вестн. ИГЛУ. – 2008. – № 1. – С. 131–136.
2. *Кретов, А. А.* Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Ференко // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 11–17.
3. *Томахин, Г. Д.* Реалии-американизмы : пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – 240 с.

The article deals with the problem of translating soviet realities described in fiction into English. It specifies the influence of translator's dominating language personality on the translation.

Л. Н. Кашинская
Минск, МГЛУ

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

В контрастивном аспекте на материале современного немецкоязычного медиадискурса рассматриваются средства экспрессивного синтаксиса в текстах статей, интервью и рецензий. Количественный анализ позволил установить общие тенденции в использовании инверсии, повтора и перечисления как наиболее частотных экспрессивных синтаксических конструкций в рассматриваемых медиажанрах. Наибольшей степенью экспрессивности по результатам сопоставительного анализа обладает текст рецензии в силу наибольшей степени использования экспрессивных синтаксических единиц, что обусловлено его целевой установкой. По результатам анализа перевода немецкоязычных оригинальных текстов на русский язык определены наиболее типичные способы передачи экспрессивных синтаксических конструкций.

Процесс производства, переработки и обмена информации играет ключевую роль в жизни современного информационного общества. Данный процесс наиболее ярко выражен в медийном пространстве, где отправители информации ставят своей задачей не только информирование читателя, но и оказание на него определенного воздействия [1, с. 115]. Достижению указанной цели способствует использование различных экспрессивных средств языка, которые, с одной стороны, увеличивают воздействие на эмоционально-волевую сферу личности адресата, с другой – влияют на самого адресанта и его коммуникативную деятельность. Особое место среди экспрессивных средств языка занимают средства экспрессивного синтаксиса, которые достаточно ярко представлены в текстах современного немецкоязычного медиадискурса [2, с. 10].

В ходе исследования на предмет наличия экспрессивных синтаксических средств в таких жанрах медиадискурса, как статья, интервью и рецензия, были проанализированы немецкоязычные тексты печатных изданий «Die Welt», «Rhein-Zeitung», «Geo Epoche», а также интернет-журнала «kulturbuchtipps.de» за 2014–2018 годы. Установлено, что данные тексты демонстрируют широкий спектр возможностей для выражения экспрессивности на синтаксическом уровне.

Лингвистический анализ показал, что в проанализированных текстах медиадискурса наиболее активно используются следующие синтаксические приемы:

1) инверсия: *Ausgehend von diesen neuen Machtstrukturen entwickeln sich die beiden deutschen Teilstaaten unterschiedlich*;

2) повтор: *Darin lag der Grund, warum der Krieg, der seinen Wendepunkt erreichte, die Wendung unterließ*;

3) перечисление: *Dieses Gehabe nährte sich auch aus gewissen übertriebenen Männlichkeitsvorstellungen: aus Ideen von Ehre, Macht und Stärke.*

Всего было выявлено 269 примеров употребления наиболее частотных экспрессивных синтаксических средств, а именно: 165 примеров инверсии, 63 примера повтора, 41 пример перечисления. В таблице представлено процентное соотношение данных синтаксических средств, репрезентирующих категорию экспрессивности в рассматриваемых жанрах медиадискурса.

Репрезентация категории экспрессивности
в немецкоязычном медиадискурсе на синтаксическом уровне

Прием	Общее кол-во, %			Всего, %
	Статья	Интервью	Рецензия	
Инверсия	36,5	38,2	25,3	100
Повтор	40	20	40	100
Перечисление	29,4	24,8	49	100

Представленные в таблице количественные показатели наглядно указывают на то, что наибольшее количество синтаксических средств, репрезентирующих категорию экспрессивности в медиатекстах, содержится в текстах рецензии. Результаты также показывают, что тексты статьи и интервью располагают в равных долях наиболее употребительными экспрессивными синтаксическими средствами.

В ходе исследования также выявлены экспрессивные синтаксические средства, наиболее характерные для определенного типа текстов.

Так, для текстов статьи оказалось характерным использование риторических вопросов: *Wer aber sollte den Völkern erklären, dass alle Opfer an Gut und Blut vergebens gewesen waren, die Regierenden blind und die Politik hilflos und inkompetent?*.

В текстах интервью отмечено значительное количество эллиптических конструкций: *Warum eigentlich? Inwiefern? Sicher nicht ein Land alleine.*

В текстах рецензии авторы активно используют восклицательные предложения: *Wie viel Platz wir damals hatten! Wie wenig los war auf den Straßen!*.

Кроме вышеназванных синтаксических приемов в проанализированных текстах содержатся такие средства экспрессивного синтаксиса, как:

- парцелляция: *Es gibt fast keine kriegskritische Literatur.* ***Und auch keine Kriegsfilme***;
- парентеза: *Frieden „ohne Annexionen und Kontributionen“ –* ***so die grenzüberschreitende Formel*** *– schien über alle Fronten hinweg im Verlauf des Jahres 1917 mehr als einmal zum Greifen nahe*;
- приложение: *Die spätere Weimarer Koalition zeichnete sich ab, aber auch die Massenstreiks in der Rüstungsindustrie, organisiert durch die „Revolutionären Obleute“,* ***Vorläufer der KPD***;
- пролепса: ***Ein Frieden der Mäßigung und der Vernunft*** *– hatte* ***er*** *1917 eine Chance?*;
- вынесение за глагольные рамки членов предложения: *Eine neue Wirklichkeit kündigte sich an* ***mit der zweiten russischen Revolution des November 1917***;
- обособление членов предложения: *Amerikas Krieg erhielt einen globalen missionarischen Auftrag,* ***so idealistisch wie unpraktikabel****, wie er bis heute noch jeden Krieg Amerikas inspiriert: „To make the World safe for Democracy“*.

На основе полученных данных можно утверждать, что немецкоязычные медиатексты обладают широкими возможностями для выражения экспрессивности на синтаксическом уровне. Во всех трех типах текстов используются синтаксические средства для придания тексту эмоциональности, образности и оценочности [3, с. 260]. Представляется очевидным тот факт, что частотность и специфика использования экспрессивных синтаксических средств зависят от жанрово-стилевых особенностей текста, а также от индивидуального стиля журналиста как автора текста.

Как уже было указано выше, наибольшее количество средств экспрессивного синтаксиса наблюдается в немецкоязычных текстах рецензии. В текстах данного жанра автор, выражая свое отношение к предмету речи, тем самым воздействует на адресата, в результате чего рецензия обладает высокой степенью оценочности, в частности, экспрессивности.

Что касается передачи выявленных экспрессивных средств с немецкого языка на русский язык, перевод позволил определить наиболее типичные возможности их передачи. По результатам анализа текстов перевода установлено, что наиболее частотным приемом передачи экспрессивных синтаксических средств является синтаксическое уподобление, которое позволяет преобразовать синтаксическую структуру оригинала в аналогичную структуру переводного языка. Данный прием активно используется при передаче наиболее частотных экспрессивных синтаксический средств таких, как:

• инверсия: ***Gerade in der Nachkriegszeit, in den 1960er und 1970er Jahren*** *gab es eine allgemeine Tendenz in Architektur und Stadtplanung, die auf eine radikale Stadterneuerung setzten* ‘**Именно в послевоенное время, в 60-е и 70-е годы XX века**, существовало общее направление в архитектуре и градостроительстве, которое предполагало масштабную реконструкцию города’;

• перечисление: *Basierend auf* ***autobiographischen Texten, administrativen Dokumenten sowie Interviews*** *zeichnet sie den Alltag der deutschen Exilanten nach und reichert ihre Erzählung mit einer Vielzahl von Anekdoten an, die bislang so noch nicht zu lesen waren* ‘Взяв за основу **автобиографические тексты, административные документы и интервью**, она изображает будни немецких эмигрантов и дополняет свое повествование множеством забавных историй, которые прежде были недоступны для чтения в таком формате’;

• повтор: *Die ausgreifenden Kriegsziele aller beteiligten Mächte waren nur noch verzweifelte Rechtfertigungsversuche einer ungeheuren Illusion:* ***Ob die französische Heimholung der verlorenen Töchter am Rhein – Elsass und Lothringen*** *–* ***ob der russische Griff nach den Dardanellen oder der deutsche nach Antwerpen*** ‘Вынашиваемые цели всех участвующих в войне держав были лишь отчаянными попытками оправдать непомерные иллюзии: **будь то возвращение французами на родину потерянных дочерей на Рейне – Эльзаса и Лотарингии, – будь то захват русскими пролива Дарданеллы или немцами Антверпена**’.

Наряду с синтаксическим уподоблением были выявлены и другие способы перевода. Так, в некоторых случаях сохранение инверсивного порядка слов представляется неоправданным, и выбор должен быть сделан в пользу синтаксической трансформации, при которой происходит утрата инверсивного порядка слов в тексте перевода, например, изменяется структура предложения в переводном языке: ***An das dritte Jahr des Großen Krieges*** *wird man sich noch lange erinnern, auch wenn längst niemand mehr lebt, davon aus eigener durchlebter Erfahrung zu berichten* ‘**Третий год Первой мировой войны** еще надолго останется в памяти людей, даже если уже давно в живых нет тех, кто мог бы поделиться своими воспоминаниями о том, что им пришлось пережить’.

В отдельных случаях при передаче морфологического повтора используется трансформация на морфологическом уровне, например, производится замена грамматической формы имени существительного: *Ob* ***Sieger*** *oder* ***Besiegte:*** *Das waren nach drei Jahren industrieller Kriegführung nur noch leere Formeln* ‘Неважно, какое государство – **победителя** или **побеждённого**, – после трех лет использования военно-промышленных комплексов эти слова стали лишь пустым звуком’.

При этом в ряде предложений с целью более точной передачи содержания высказывания в переводном тексте морфологический повтор может быть полностью нейтрализован: *Gäbe es eine Steigerung im Maß des Tragischen, das Jahr zwischen der russischen Februarrevolution und dem vierten Kriegswinter würde sie* ***erfüllen*** *und* ***übererfüllen*** ‘Даже если бы с каждым годом масштаб трагедии увеличивался, то период между Февральской революцией в России и четвертым годом Первой мировой войны **принес** бы столько же несчастий и даже **умножил** бы их’.

Нейтрализация наблюдается также при переводе часто используемого немецкими авторами вынесения членов предложения за глагольную рамку. Общеизвестно, что рамочное строение предложения в немецком языке обладает потенциалом особой выразительности в случае его нарушения.

В отличие от немецкого предложения структура предложения на русском языке более гибкая, порядок слов свободный, поэтому при переводе на русский язык вынесение члена предложения за рамку как прием экспрессивизации нейтрализуется: *Schuld am Ersten Weltkrieg trage nicht allein Deutschland, sondern eine europäische Kultur, die geprägt war* ***von Männlichkeitswahn und Imponiergehabe*** ‘По его мнению, вину за развязывание Первой мировой войны несет не только Германия, но и политическая культура Европы, отличавшаяся мачизмом и фанфаронством’.

Таким образом, распространенность средств экспрессивного синтаксиса в современном немецкоязычном медиадискурсе делает их изучение в текстах различных жанров перспективным направлением современных сопоставительных исследований. Такое исследование дает возможность установить закономерности использования средств экспрессивизации как в плане выражения авторской модальности в зависимости от основной установки медиатекста, так и в плане выявления типичных способов их передачи при переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузьмина, Н. А.* Современный медиатекст : учеб. пособие / Н. А. Кузьмина. – 2 изд., испр. – М. : Флинта ; Наука, 2013. – 409 с.
2. Маслова, В. А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность / В. А. Маслова ; под ред. У. М. Бахтикиреевой. – Изд. 2-е. – М. : Юрайт, 2018. – 201 с.
3. *Брандес, М. П.* Стилистика немецкого языка : для ин-тов и ф-тов иностр. яз. / М. П. Брандес. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1990. – 320 с.

The article focuses on the means of expressive syntax in three genres of German-speaking media discourse (articles, interviews and reviews) in a comparative perspective. The analysis shows that the most frequent expressive means at the syntactic level are inversion, repetition and enumeration; the most expressive genre of media discourse is a review; the most frequent method of translating syntactic means is syntactic assimilation.

А. С. Крылов
Москва (Россия), МГОУ

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ

В статье анализируются приемы перевода эвфемизмов английского и немецкого языков, функционирующих в общественно-политической и бытовой сферах, на русский язык. В работе использованы лингвистические методы как сопоставительного, так и контекстного анализа, общенаучный метод количественного анализа, приемы наблюдения, анализа, синтеза и абстрагирования. В рамках исследованного материала среди обнаруженных приемов перевода эвфемизмов выявлено количественное преобладание калькирования (40 %) и описательного перевода (30 %) над гипонимическим (20 %) и уподобляющим (10 %). С опорой на функции эвфемизмов в различных сферах коммуникации обнаружены семантические и функциональные неточности их перевода. Анализ позволяет обнаружить лингвистические и внелингвистические причины семантических и прагматических потерь при использовании различных приемов перевода эвфемизмов и наметить более эффективную передачу эвфемизмов при сопоставлении нескольких альтернативных вариантов перевода.

Эвфемия представляет собой лингвистический и социальный феномен, лингвокультурные особенности которого изучены недостаточно. Интенсификация эвфемизации и широкое распространение эвфемизмов в различных сферах речевой деятельности определяют актуальность их изучения как части национального своеобразия языковой картины мира и речевого поведения носителей языков. Быстрое развитие информационных технологий и средств коммуникации, однополюсная картина мира и глобализация, с одной стороны, приводят к унификации мировых культур, а с другой стороны, повышают самосознание некоторых представителей национальных культур.

Учет в переводе культуральных особенностей позволяет подходить к переводу как к межкультурной коммуникации, так как он предполагает преодоление не только языковых, но и культурных барьеров. Это вид коммуникативной деятельности, который посредничает между двумя культурными сообществами и имеет «двуликий характер, будучи направлен, с одной стороны, к исходной культуре и ее языку, а с другой стороны, к культуре, на язык которой выполняется перевод [1, p. 21]. Обладая такой двоякой направленностью, перевод призван сблизить носителей разных культур, обеспечить их взаимопонимание [2].

Объектом исследования являются эвфемистические обороты английского и немецкого языков использующиеся в политике, общественной жизни и в бытовой сфере. Практическим языковым материалом исследования послужили эвфемистические единицы из различной учебной и художественной литературы и средств массовой информации, как печатных, так и электронных.

В нашей работе мы рассмотрели четыре основных переводческих приема – калькирование (40 %), описательный перевод (30 %), конкретизация и генерализация (20 %), уподобляющий (10 %) в соответствии с их частотностью в анализируемых языковых фактах.

Калькирование – удобный прием для межъязыковой передачи эвфемизмов, он, как правило, предоставляет возможность наиболее адекватного перевода, если исследуемая лексика не имеет культурной коннотации: *The Central Intelligence Agency has told a federal court that Qaeda suspects should not be permitted to describe publicly the* ***alternative interrogation methods*** *used in secret C.I.A. prisons* – ‘Центральное разведывательное управление заявило федеральному суду, что находящимся под стражей представителям Аль-Каиды должно быть запрещено открыто описывать *альтернативные методы допроса*, использовавшиеся в тюрьмах ЦРУ’ (здесь и далее перевод наш. – *А. К.*) [3]. Выражение *alternative interrogative methods* использовано в значении пытки при допросе, что ясно из контекста статьи. Использование эвфемизма в данном примере позволяет официальным лицам «сохранить лицо» и не называть вещи своими именами.

Необходимо отметить, что применение подобных эвфемистических выражений позволяет официальным лицам говорить о не всегда законных действиях силовых структур. Здесь не усматривается намеренного искажения действительности, контекст статей почти всегда четко раскрывает истинное значение эвфемизма, но его употребление смягчает остроту проблемы и делает обсуждение возможным: *Mr. Bush admitted that a limited number of high-ranking Al Qaeda and Taliban suspects were subjected to an* ***alternative set of tough interrogation techniques*** – ‘Джордж Буш признал, что к некоторым высокопоставленным представителям Аль-Каиды и движения Талибан применялся ряд альтерна-

тивных техник жесткого допроса’ [4]. Глава государства не мог бы признать применение пыток официальными государственными структурами, обращение к вторичной номинации – эвфемистичной – необходимо.

If anyone was “shamming”, it was Rumsfeld. With his billionaire’s budget for gathering intelligence and an army of thousands of spies, he was dead wrong to assert that Iraq had ***WMDs*** – ‘Если кто-то и «притворялся», то это Рамсфельд. С его миллиардным бюджетом, выделенным на сбор информации и тысячную армию шпионов, он чудовищно ошибся, утверждая, что в Ираке есть ОМП’ [5]. В данном случае эвфемия достигается при помощи аббревиации.

В этих примерах калькированная передача эвфемизмов представляется наиболее удачной, так как полностью раскрывает их значение и реализует в ПТ вуалирующую манипулятивную функцию, соответствующую ИТ. Соответствие эвфемизма и русскоязычной кальки по основным содержательным и функциональным свойствам следует считать максимально возможным, а перевод – адекватным.

Генерализация и конкретизация тесно связаны с языковыми ресурсами (лексическими, словообразовательными) контактирующих языков. *Da denke ich auch an unsere* ***Soldatinnen und Soldaten*** *in Afghanistan* [6]. Здесь мы имеем дело с явлением гендерной политкорректности, в результате которого в немецком языке образовываются существительные женского рода с суффиксом *-in*. Поскольку в русском языке данный аспект политкорректности не представлен, наиболее правильным будет перевести *Soldatinnen und Soldaten* как ‘военнослужащие’ (это понятие – родовое по отношению к единицам ИТ). Недостаток гипонимического перевода заключается в том, что он обедняет представление, связанное с номинацией в ИТ и приводит к утрате конкретности.

The report also accused the university’s interim president, Bruce C. Vladeck, whom Gov. Jon S. Corzine appointed in the spring, of covering up the ***misconduct*** – ‘Также в докладе за сокрытие этого проступка обвиняется Брюс С. Владек, которого губернатор Джон С. Корзин назначил этой весной на пост временно исполняющего обязанности директора университета’ [7]. В публикации единица *misconduct* маскирует мошенничество руководства университета, что ясно из контекста статьи. При переводе было использовано более конкретное понятие *проступок*, которое в контексте статьи недвусмысленно указывает на противозаконные действия.

Как убеждают примеры, при использовании генерализации и конкретизации происходит утрата функционального тождества и нередко снятие эвфемистической функции в ПТ.

Уподобляющий перевод осуществляет адаптацию переводимого элемента к культуре ПЯ, при которой он теряет свою культурную специфику. *Herr Piesch verschlief und verlor seine Arbeitsstelle auf dem Schlachthof. „Auch gut“, sagte Herr Piesch und* ***ging stempeln.*** *Vater und Solm redeten nicht viel miteinander* [8, S. 113]. Стилистически сниженный эвфемизм *stempeln gehen* (вместо *arbeitslos werden*) связан с практикой выдачи пособия по безработице, для получения которого необходима специальная печать. Эквивалентом в русском языке служит выражение ‘встать на биржу труда’, которая соответствует стилистике ИТ. Подобный прием перевода лишает фразу присутствия определенных культурных особенностей ИЯ, но в достаточной мере выполняет задачу: сохраняет эвфемистическое значение и стилистические особенности ИТ.

Описательный перевод помогает переводчику в самых сложных условиях и особенно необходим, если в ПЯ нет аналога понятию ИЯ по тем или иным причинам социального, географического или национального порядка. Этот прием связан с синтаксическими трансформациями, после которых ПТ содержит громоздкие конструкции. *Samuel Huntington, a political scientist, argues that "a gap is growing in America between its elites and its* ***'thank God for America' public****"* – 'Политолог Сэмюэл Хантингтон утверждает, что «в США увеличивается разрыв между элитой и простыми людьми, которые несмотря ни на что любят эту страну»' [9]. Значение эвфемизма раскрывается только в широком контексте всей статьи, в которой речь идет об огромном имущественном расслоении общества. С помощью эвфемизма автор не только вуалирует общественно-экономическую ситуацию, но и подчеркивает позитивное отношение простых людей к своей стране, несмотря на материальное неблагополучие.

A recent survey found that the share of spots at Oxford that go ***to state school kids*** *has fallen 5 percent since 2001* – 'Недавнее исследование показало, что количество учащихся в Оксфорде студентов из непривилегированных семей уменьшилось на 5 % по сравнению с 2001 годом' [10]. Окказиональный эвфемизм *state school kids* может быть понят в широком контексте и требует широких социокультурных знаний. Эвфемистический эффект частично снят, осуществлена семантическая замена понятия *бедный* на *непривилегированный*.

Описательный перевод можно использовать, когда в ПЯ отсутствует эквивалент фразеологическому обороту, выполняющему эвфемистическую функцию: *It's not the clever people that get the good jobs, it's the ones who know how* ***to use soft soap*** – 'Хорошие места получают как раз не способные люди, а те, которые умеют льстить' [11]. При таком переводе происходит потеря смягчающего эффекта эвфемизма, описательный перевод является неэффективным, поскольку не выполняет коммуникативной задачи. Это связано с различными темпами распространения политкорректности, в результате ПЯ не всегда можно обнаружить эквивалент явлению ИЯ, так как описываемое явление еще не принадлежит к сфере табу.

В заключение анализа способов передачи эвфемизмов следует отметить основные результаты и подвести итоги проделанной работы.

1. Подвергнутые анализу примеры перевода эвфемизмов позволили обнаружить характерные недостатки каждого приема межъязыковой передачи. Основные недостатки перевода эвфемизмов исследованными приемами состоят в неполном раскрытии значения и недостаточном отражении прагматической функции. Это препятствует достижению адекватного перевода.

2. Причины семантической и функциональной недостаточности анализируемых приемов перевода носят языковой и внеязыковой характер, тесно переплетаясь в каждой ситуации использования эвфемизма.

3. Минимизировать содержательные и прагматические потери оказывается не всегда возможным. В ходе принятия переводческого решения, очевидно, должны рассматриваться несколько альтернативных вариантов. Сравнение альтернативных вариантов может оптимизировать поиск соответствия и способствовать более эффективной передаче эвфемизмов.

Важная роль эвфемизмов в коммуникации предъявляет к переводчику высокие требования и ставит его перед необходимостью максимально полной передачи их значения. Однако минимизировать содержательные и прагматические потери представляется не всегда возможным. Изъятие же эвфемизмов обедняет текст, лишая его функциональной специфики, нарушает авторский замысел по созданию манипулятивного воздействия (вежливого, недискриминирующего, вуалирующего, маскирующего и т.д.), однако в определенных случаях допустимо. Перевод эвфемизмов – творческая процедура, требующая от переводчика высокого уровня переводческой (лингвистической и страноведческой) компетенции, критического отношения к создаваемому тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nord, Ch.* Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Ch. Nord. – Amsterdam : Rodopi, 1991. – 250 p.
2. *Хухуни, Г. Т.* Перевод как средство достижения межкультурного понимания / Г. Т. Хухуни // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание : тез. докл. X Всесоюз. симпозиума. – М., 1991. – С. 314–315.
3. *Shane, S.* C.I.A. Wants Prison Tactics Secret [Electronic resource] / S. Shane // The New York Times. – Nov. 4, 2006. – Mode of access : https://www.nytimes.com/2006/11/04/us/04cia.html. – Date of access : 14.08.2019.
4. *Mellon, A.* Made it, bought it, ran it, gave it [Electronic resource] // The Ecomonist. – Oct. 26, 2006. – Mode of access : https://www.economist.com/taxonomy/term/108?page=548&story_id=. – Date of access : 20.08.2019.
5. WMD [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.politicalaffairs.net/wmd-blix-and-the-great-american-projection-machine. – Date of access : 11.08.2019.
6. Ansprache von Bundespräsident Horst Köhler [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5053821,00.html. – Date of access : 14.08.2019.
7. *Kocieniewski, D.* The latest Twist in a Scandal Hits a Medical School When It's Down [Electronic resource] / D. Kocieniewski // The New York Times. – Nov. 24, 2006. – Mode of access : https://www.nytimes.com/2006/11/24/nyregion/24hosp.html?mtrref=www.google.com&assetType=REGIWALL. – Date of access : 11.08.2019.
8. *Ossowski, L.* Die groBe Flatter / L. Ossowski. – Berlin : Fischer Taschenbuchverl., 1980. – 188 S.
9. Meritocracy and its discontents: Not everybody is happy with the talent elite [Electronic resource] // The Economist. – Oct. 7, 2006. – Mode of access : https://www.economist.com/special-report/2006/10/07/meritocracy-and-its-discontents. – Date of access : 15.08.2019.
10. The rich, the poor and the growing gap between them [Electronic resource] // The Economist. – Mode of access : https://www.economist.com/special-report/2006/06/15/the-rich-the-poor-and-the-growing-gap-between-them. – Date of access : 03.09.2019.
11. Soft soap [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/soft-soap. – Date of access : 27.06.2019.

The article presents the analysis of different methods of translating euphemisms from English and German into Russian. The analysis allows to detect linguistic and extralinguistic causes of semantic and pragmatic losses that occur when different methods of translating euphemisms are used.

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

А. В. Ломовая
Минск, МГЛУ

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ АНЕКДОТОВ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОСТЕРЕОТИПОВ

В статье рассматриваются модели речевого поведения персонажей англоязычных анекдотов про трех Падди – англичанина, шотландца и ирландца. Коммуникативное поведение героев таких анекдотов представлено как при помощи речевых актов, так и другими средствами. Выделены три способа отражения речевого поведения персонажей: имплицитный, частично эксплицитный и полностью эксплицитный. Речевое поведение героев анекдотов про трех Падди представлено двумя типичными моделями: однородной (однонаправленной) и бинарной (контрастной). Выявлены условия, способствующие демонстрации определенных этнических стереотипов об ирландцах: однородная модель речевого поведения используется для отражения такого качества, как патриотизм, в то время как бинарные модели «вежливость – грубость», «хитрость – простодушие», «лицемерие – честность» применяются для указания на находчивость и любовь к спиртному. Стереотипные характеристики англичан и шотландцев проявляются менее ярко и служат контрастным фоном для соответствующих качеств ирландцев.

Современная научная мысль тяготеет к междисциплинарности, широко задействуя данные смежных отраслей знаний, и лингвистика не является исключением. Союз лингвистики и психологии породил много интересных направлений исследований, не только теоретического, но и практического характера (см., например, монографию Е. В. Харченко [1]). В частности, анализ речевого поведения представителей различных стран представляет огромный интерес с точки зрения организации эффективного общения и укрепления культурных и дипломатических связей. Проблема национальных стереотипов, которые неизбежно возникают на стыке различных культур, также не утратила своей актуальности. В связи с этим цель нашей работы заключается в выявлении особенностей моделей речевого поведения, которые демонстрируют положительные либо отрицательные характеристики представителей того или иного народа.

Этностереотипы, или национальные стереотипы, представляют собой убеждения людей относительно характерных черт своего этноса (автостереотипы) либо других этносов (гетеростереотипы), причем описываемые качества могут быть как положительными (что наиболее характерно для автостереотипов), так и отрицательными [2, с. 114]. Особенно очевидно этностереотипы проявляются в анекдотах о представителях трех национальностей, которые существуют в разных культурах и на разных языках. В качестве материала исследования нами были выбраны 102 анекдота из сборника «Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman Jokes», составленного профессором Ирландского национального университета в Корке Дезмондом МакХейлом [3]. Как пишет профессор МакХейл во вступлении к сборнику «Падди-ирландец оказывается хозяином положения почти в каждой истории» (здесь и далее перевод наш. – *А. Л.*), поэтому черты ирландского характера проявляются ярче всего, а английские и шотландские качества часто оказываются фоновыми и контрастными.

Под *речевым поведением* в широком смысле понимают «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [1, с. 9]. Герои анекдотов про трех Падди действуют в одном временном и пространственном континууме, однако их различные реакции на одно и то же событие обусловлены их национальными характерами. Как показало исследование, коммуникативное поведение героев анекдотов не всегда выражено при помощи речевых актов. Нами были выделены три способа отражения речевого поведения.

1. Имплицитное отражение речевого поведения наблюдается в следующем анекдоте: *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman were invited to a big party. Paddy the Englishman brought a flagon of cider. Paddy the Scotsman brought a bottle of whiskey. Paddy the Irishman brought his brother* ‘Падди-англичанин, Падди-ирландец и Падди-шотландец были приглашены на большую вечеринку. Падди-англичанин взял с собой кувшин сидра. Падди-шотландец взял с собой бутылку виски. Падди-ирландец взял с собой брата’ [3, p. 8]. Хотя данный анекдот не содержит прямой речи, но поведение героев является реакцией на вероятно высказанную хозяином вечеринки просьбу принести что-нибудь с собой, поэтому читатель или слушатель могут мысленно воспроизвести разговор героев.

2. Частично эксплицитное отражение речевого поведения отмечается в том случае, когда только один из персонажей произносит что-то (реплики других можно восстановить из контекста). Например: *Paddy the Englishman and Paddy the Scotsman each had a horse but they couldn’t tell them apart. So Paddy the Englishman cut the tail of his horse and all went well for a while, but then Paddy the Scotsman’s horse lost his tail in an accident, so they were back where they started. Finally, they consulted Paddy the Irishman and he said, “You two are a right pair of fools. Anyone can see that the black horse is three inches taller than the white horse”* ‘У Падди-англичанина и Падди-шотландца было по лошади, но они не могли их различить. Тогда Падди-англичанин отрезал у своей лошади хвост, и некоторое время все было в порядке, но потом лошадь Падди-шотландца потеряла свой хвост в результате несчастного случая, и все началось сначала. Тогда они обратились за советом к Падди-ирландцу, и тот им сказал: «Вы просто пара глупцов. Всякому видно, что черная лошадь на три дюйма выше белой»’ [3, p. 8].

3. Эксплицитное отражение речевого поведения проявляется в большинстве анекдотов, которые содержат реплики-реакции всех трех героев. Например: *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman were marooned on a little desert island and were wondering how to escape. “Let’s build a raft,” said Paddy the Englishman. “No, let’s build a boat,” said Paddy the Scotsman. “No need to, we’re saved”, said Paddy the Irishman. “Here comes the Titanic”* ‘Падди-англичанин, Падди-ирландец и Падди-шотландец попали на маленький необитаемый остров и размышляли, как им спастись. «Давайте построим плот», – сказал Падди-англичанин. «Нет, лучше лодку», – возразил Падди-шотландец. «Ничего не нужно строить, мы спасены, – ответил Падди-ирландец. – Вон плывет “Титаник”»’ [3, p. 30]. Именно последний тип помогает наиболее полно раскрыть черты национального характера ирландцев, англичан и шотландцев.

Анализ речевого поведения персонажей анекдотов про трех Падди позволил нам выделить две типичные модели: *однородную* (однонаправленную) и *бинарную* (контрастную). В первом случае все три персонажа реагируют на ситуацию одинаково (с формальной точки зрения), однако комический эффект создается за счет их различных интенций либо неожиданной развязки. Например: *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman were taking part in a survey about tea-drinking habits. "I always stir my tea with my left hand," said Paddy the Englishman. "I always stir my tea with my right hand," said Paddy the Scotsman. "How about you?" Paddy the Irishman was asked. "Oh me?" said Paddy the Irishman. "I always use spoon"* 'Падди-англичанин, Падди-ирландец и Падди-шотландец участвовали в опросе о том, как они пьют чай. «Я всегда размешиваю чай левой рукой», – сказал Падди-англичанин. «Я всегда размешиваю чай правой рукой», – сказал Падди-шотландец. «А ты?», – спросили Падди-ирландца. «Я? – ответил Падди-ирландец. – Я всегда использую ложечку»' [3, p. 44].

Во втором случае можно наблюдать контрастные типы речевого поведения, например, «вежливость – грубость»: *Paddy the Englishman had a big dog and Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman asked him what breed it was. "It's a cross between a Scotsman, an Irishman and an ape," said Paddy the Englishman. "In that case," said Paddy the Irishman, "it's related to all three of us"* 'У Падди-англичанина была большая собака. Падди-ирландец и Падди-шотландец спросили, какой она породы. «Это помесь шотландца, ирландца и обезьяны», – ответил Падди-англичанин. «В таком случае она родня всем нам троим», – сказал Падди-ирландец' [3, p. 46].

Для демонстрации различных национальных качеств использовались различные модели. Перечислим основные национальные черты ирландского характера и контрастирующие с ними черты других персонажей.

1. *Находчивость*: это качество реализуется при помощи бинарных речевых моделей. В приведенном выше анекдоте про собаку англичанин предстает как грубиян и ксенофоб, оскорбляющий шотландца и ирландца, но ирландец очень вежливо ставит его на место. В других случаях модель «вежливость – грубость» реализуется противоположным образом: *A very rich man died and left all his money to Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman on condition that as he was being buried each of them would put £1,000 into his coffin. "Good-bye dear friend," said Paddy the Englishman as he put £1,000 into the coffin. "Good-bye dear friend," said Paddy the Scotsman as he put £1,000 in too. "So long, sucker," said Paddy the Irishman as he took £2,000 and put in a cheque for £3,000* 'Умер богатый человек и оставил все свои деньги Падди-англичанину, Падди-ирландцу и Падди-шотландцу с тем условием, чтобы они положили каждый по £1000 в его гроб. «Прощай, дорогой друг», – сказал Падди-англичанин и положил £1 000 в гроб. «Прощай, дорогой друг», – сказал Падди-шотландец и тоже положил £1000 в гроб. «Пока, дуралей», – сказал Падди-ирландец, взял из гроба £2 000 и положил туда чек на £3000' [3, p. 8]. Здесь вежливость англичанина и шотландца рассматривается как признак глупости, а грубость ирландца компенсируется его находчивостью.

2. *Патриотизм*: любовь ирландцев к родной стране демонстрируется при помощи однородных речевых моделей. Например: *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman were asked in a survey what nationality they would like to have been born if they hadn't been born the nationality they were.*

“If I hadn’t been born English,” said Paddy the Englishman, “I would have liked to have been French”. “If I hadn’t been born Scottish,” said Paddy the Scotsman, “I would have liked to have been Irish”. “If I hadn’t been born Irish,” said Paddy the Irishman, “I would have been ashamed of myself” ‘Падди-англичанина, Падди-ирландца и Падди-шотландца спросили о том, представителем какой национальности они хотели бы родиться, если бы не были теми, кто они есть. «Если бы я не родился англичанином, – сказал Падди-англичанин, – то я бы хотел родиться французом». «Если бы я не родился шотландцем, – сказал Падди-шотландец, – то я бы хотел родиться ирландцем». «Если бы я не родился ирландцем, – сказал Падди-ирландец, – то мне было бы стыдно за себя»’ [3, p. 22].

Патриотизм ирландцев часто предполагает нелюбовь к Англии (что имеет исторические причины): *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman, Paddy the Scotsman and Paddy the Welshman were all flying together in an airliner. The captain announced that they were losing altitude rapidly and some of them would have to jump out to save the others. “I do it for the glory of Scotland,” said Paddy the Scotsman and he jumped out. “I do it for the glory of Wales,” shouted Paddy the Welshman and jumped out. “I do it for the glory of Ireland,” said Paddy the Irishman and threw out Paddy the Englishman* ‘Падди-англичанин, Падди-ирландец, Падди-шотландец и Падди-валлиец летели вместе на самолете. Пилот объявил, что они быстро теряют высоту, и поэтому некоторым придется выпрыгнуть, чтобы спасти остальных. «Я делаю это во славу Шотландии», – сказал Падди-шотландец и выпрыгнул. «Я делаю это во славу Уэльса», – сказал Падди-валлиец и тоже выпрыгнул. «Я делаю это во славу Ирландии», – сказал Падди-ирландец и выбросил в окно Падди-англичанина’ [3, p. 10].

Любовь ирландцев к родине не имеет оттенка гордости или самовосхваления и поэтому может сочетаться с таким качеством, как хитрость (часто выступает под маской простодушия): *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman were all sentenced to be hanged but were allowed to choose the tree from which the execution would take place. “I’ll choose an English oak tree,” said Paddy the Englishman and he was blasted into eternity. “I’ll choose a Scottish mountain ash,” said Paddy the Scotsman and he went the same way. “I’ll choose an Irish gooseberry bush,” said Paddy the Irishman. “But that would take twenty years to grow tall enough,” said his executioner. “I don’t mind waiting,” said Paddy the Irishman* ‘Падди-англичанина, Падди-ирландца и Падди-шотландца приговорили к повешению, но разрешили выбрать дерево, на котором их повесят. «Я выбираю английский дуб», – сказал Падди-англичанин и воссоединился с вечностью. «Я выбираю шотландскую рябину», – сказал Падди-шотландец и тоже отправился на тот свет. «Я выбираю ирландский крыжовник», – сказал Падди-ирландец. «Но ведь он вырастет до нужной высоты только через 20 лет», – сказал палач. «Так я не против подождать», – ответил Падди-ирландец’ [3, p. 45].

3. Любовь к спиртному: этот стереотип реализуется посредством бинарных моделей («хитрость – простодушие», «лицемерие – честность» и т.д.): *Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman were in a pub one night when a politician came in. “I’ll buy a pint of stout,” said the politician, “for whichever of the three of you who gives me the best reason for voting for the government.” “I’ll vote for your government,” said Paddy the Englishman, “because it is my democratic duty to do so.” “I’ll vote for your government,” said Paddy the Scotsman, “because I hate the opposition.” “I’ll vote for your government,” said Paddy*

the Irishman, "because I want that pint" 'Падди-англичанин, Падди-ирландец и Падди-шотландец сидели вечером в баре, когда туда зашел политик и сказал: «Я куплю пинту пива тому из вас, кто назовет лучшую причину, почему нужно голосовать за наше правительство». «Я буду голосовать за ваше правительство, – сказал Падди-англичанин, – потому что в этом состоит мой демократический долг». «Я буду голосовать за ваше правительство, – сказал Падди-шотландец, – потому что я ненавижу оппозицию». «Я буду голосовать за ваше правительство, – сказал Падди-ирландец, – потому что я хочу это пиво»' [3, p. 36].

Таким образом, ирландские анекдоты про трех Падди предоставляют богатый материал для демонстрации автостереотипов, как положительных (находчивость, патриотизм), так и отрицательных (хитрость, любовь к спиртному), при этом основным средством отражения таких стереотипов оказываются однородные либо бинарные модели речевого поведения персонажей. Гетеростереотипы об англичанах и шотландцах выражаются схематично и лишь в той мере, насколько это необходимо для выявления контрастирующих свойств ирландского национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Харченко, Е. В.* Модели речевого поведения в профессиональном общении / Е. В. Харченко. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 336 с.
2. *Романов, А. С.* Этнический анекдот как средство отражения стереотипов об американских военнослужащих / А. С. Романов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 113–124.
3. *MacHale, D.* Paddy the Englishman, Paddy the Irishman and Paddy the Scotsman Jokes / D. MacHale. – Cork : Mercier Press, 1994. – 48 p.

The article studies the peculiarities of verbal behaviour as demonstrated by the characters of the so-called "Three Paddies Jokes". It is argued that either homogeneous or binary models of verbal behaviour are used to reflect certain positive or negative ethnic stereotypes about Irishmen, as well as Englishmen and Scotsmen.

И. Н. Филиппова
Москва, МГОУ

ТРАНСКРИПЦИЯ – АННИГИЛЯЦИЯ СМЫСЛА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ?

В статье представлены результаты сопоставительного анализа реалий в пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич» и их транскрибированного перевода на немецкий язык. Выявлена прагматическая установка автора на использование реалий как средств создания исторического и этнографического колорита, юмористического эффекта. Показаны основные проблемы использования транскрипции для межъязыковой и межкультурной передачи реалий, выявлены различные отклонения от адекватного перевода. Отмечены семантическая бедность транскрипции, неудачи использования ее в макростратегии форенизации и микростратегии передачи отдельных единиц. Демонстрируется неоднозначность статуса транскрипции как приема перевода маркированной лексики: доказана методологическая ограниченность транскрипции и подвергнуты анализу средства нивелирования ее недостатков для оптимизации ее использования и достижения адекватности перевода, такие как необходимость точного предпереводческого прогноза потенциальных реципиентов и комплексное применение нескольких приемов перевода реалий. Намечена перспектива дальнейших исследований.

В современном языкознании среди многочисленных сложных проблем значительное внимание исследователей привлекает изучение культурологических аспектов перевода как межъязыковой речевой деятельности. Именно перевод предоставляет возможность носителям разных языков знакомиться с культурными достижениями друг друга, проникать в их специфическое видение мира и делает возможным взаимообогащение культур. Особое место в этом процессе принадлежит переводу художественной литературы, кладезю национального опыта мироотражения, получающему продолжение и новую интерпретацию в творчестве писателя. Квинтэссенцией национального культурно-исторического содержания выступают маркированные единицы, которые терминологизированы в лингвистике в понятиях *реалии, историзмы, культуремы, хронотопы*, а в переводоведении – в понятиях *безэквиваленты, лакуны, варваризмы, экзотизмы*.

Вопрос о переводе «единиц национального языка, обозначающих уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [1, с. 251], сопряжен с лингвистической теорией текста и представляет значительную трудность в выборе адекватных трансформационных приемов для передачи национального и исторического колорита, так как лингвокультуремы не имеют, как правило, точных эквивалентов в других языках.

Задача теоретического осмысления гипотезы о возникновении лакун при взаимодействии разных лингвокультурных общностей (как национальной картины мира) и проверки ее на материале конкретных языков остается актуальной в переводоведении и сопоставительном языкознании. Для настоящей статьи языковые и переводческие факты почерпнуты путем выборки из комедии М. А. Булгакова «Иван Васильевич» (1936) [2] и ее перевода на немецкий язык, выполненного издательством Volk & Welt (1982) [3]. Из общего объема текста пьесы на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ) 5,9 п.л. выделены в русском тексте 35 реалий, их соответствия на немецком языке составляют 37 единиц.

Исследуемое произведение – яркий пример отражения социально-исторического и национально-культурного опыта нации в литературе. Ирония, аллюзии, вневременная мораль пьесы обеспечили ей многолетнюю любовь в русскоязычном обществе, усиленную посредством кино – в интерпретации Л. Гайдая и блестящего актерского коллектива.

В комедии М. А. Булгакова «Иван Васильевич» реалии способствуют воплощению замысла автора и используются им для воссоздания в тексте этнографических особенностей Московской Руси и СССР начала 30-х гг., временного колорита и для создания юмористического эффекта, что обусловливает объективную актуальность и значимость оценки адекватности их перевода.

Традиционные в теории перевода термины *прием перевода* или *переводческий прием* [4, с. 151] в отношении единиц с историческим колоритом условны: они, как правило, непереводимы, и, как правило, передаются бессемантическими способами (транскрипцией и транслитерацией), уподобляющими (замена функциональным аналогом) и нейтрализующими способами (гиперонимизация, элиминация, разъяснительный перевод). Следует отметить, что подходы теоретиков и практиков перевода [5, с. 14] к анализируемому феномену очень разноаспектны и разнонаправлены.

Трудность при передаче таких единиц состоит в необходимости наряду с предметным значением (семантикой) передать и колорит – национальную и историческую окраску [6, с. 64–66]. Именно в связи с национально-исторической маркированностью и высокой функциональной значимостью реалий в ИТ большой интерес для их межъязыковой передачи вызывает транскрипция как прием перевода.

Реализация транскрипции как переноса звукового облика реалии языка источника в язык перевода позволяет некоторым исследователям интерпретировать ее как механическую или формальную передачу. В анализируемом ПТ транскрипция используется для передачи 7 единиц, что составляет в фактическом материале 19 %.

Транскрипция предполагает введение в текст перевода при помощи графических средств ПЯ соответствующей реалии с максимально допускаемым этими средствами фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме. Желательность применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может добиться преодоления обеих упомянутых выше трудностей – передачи и смыслового содержания и колорита. При отсутствии в языке перевода буквы, обозначающей звук, по своему звучанию схожий со звуком в исходном тексте, применяются сочетания букв, дающие соответствующее звучание. Так, русское *х* передается в немецком языке через сочетание *ch*, *щ* – через *sch*.

Выбор транскрипции при переводе зависит и от читателя, на которого ориентирован текст. В таком случае, имея более или менее точный портрет будущего реципиента текста, переводчик может прогнозировать степень известности реалии читателю. Наиболее широко транскрипция применяется по отношению к знакомым реалиям: интернациональным, региональным, своим (при их наличии в исходном тексте) – особенно если они отвечают правилу стилистической яркости. Одно из основных достоинств транскрипции как приема – максимальная краткость, это нередко определяет обращение к ней переводчиков и обусловливает ее значительную частотность.

Однако транскрипция может оттеснить на второй план передачу смыслового содержания реалии, не выполнив тем самым коммуникативную задачу перевода. Транскрибированная передача имени инокультурного явления, не знакомого реципиенту, не позволяет раскрыть семантику единицы ИЯ и способна спровоцировать ситуацию коммуникативной неудачи.

Следует также отметить, что обилие транскрибированных слов может привести к перегрузке текста реалиями, которая не сближает читателя с подлинником, а отдаляет от него, вызывая отторжение ПТ вследствие его нарочитой инородности, чужеродности [7, с. 876]. Такое использование транскрипции как отражение макростратегии форенизации (подчеркнутой инокультурности) представляется неуместным и предопределяющим отказ реципиентов от межкультурного диалога.

В ПТ переводчик периодически обращается к приему транскрипции при передаче исторических, этнографических, общественно-политических реалий.

В ИТ в диалоге с Буншей-царем посол требует вернуть шведам ***Кемскую волость:*** *дас ист зер ернсте фраге…* ***Кемска волост****…* [2, с. 509] – ‘Ernste Frage. **Kemer Wolost**’ [3, S. 295]. Нелишним будет напомнить, что «волость – низшая административно-территориальная единица, входившая в состав уезда в доре-

волюционной России и в СССР до 1930 года» [8, с. 130]. Примечательно, что далее по тексту следует еще несколько упоминаний этой же реалии, однако стратегия перевода меняется, переводчик прибегает к иному приему: *они **Кемскую волость** требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!* [2, с. 509] – 'Sie verlangen **das Gebiet Kem**' [3, S. 295]. В данном случае использован уподобляющий перевод, в ПТ встроена единица культуры, родной для читателей ПТ, нивелируя возможные потери содержания при транслитерации.

*Обнимает **патриарха**, причем у того с груди пропадает **панагия*** [2, с. 511] – 'umarmt **den Patriarchen**, wobei diesem **die Panagia** von der Brust verschwindet' [3, S. 297]. Реалия патриарх вызывает особый интерес, поскольку здесь мы имеем дело с авторской неточностью. Патриаршество в России было учреждено в 1589 г. при царе Фёдоре Иоанновиче стараниями Бориса Годунова; до того времени главой русской церкви был митрополит. Но действие комедии Булгакова происходит во времена опричнины, мы не можем назвать точную дату, но определенно до 1572 года, когда, по словам историка В. И. Морякова, «Иван Грозный отменил опричнину и запретил даже упоминать это слово» [9, с. 71]. Представляется маловероятным широкое знакомство немецкоязычных читателей, где более популярны протестантизм и католичество, с иерархией и внешними атрибутами православных священнослужителей, однако дополнительных затекстовых комментариев ПТ не содержит. В данном фрагменте можно с большой долей уверенности прогнозировать коммуникативную неудачу из-за когнитивного диссонанса: вследствие различного культурно-исторического опыта читателей ИТ и ПТ фрагмент содержания остается непонятым последними, не получая семантического отражения средствами ПЯ.

Боярин, ищи ключ! [2, с. 472] – 'Bojar, such den Schlüssel!' [3, S. 261] *А **боярыня** твоя где?* [2, с. 472] – 'und wo ist deine **Bojarin**?' [3, S. 261]. В передаче этих единиц транскрипция также проявляет свою семантическую бедность. В первом случае при обращении Грозного к Тимофееву ранее использовавшаяся единица *князь* после отречения последнего от принадлежности к знати (*Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера* [2, с. 472]) замещается иным титулом, *боярин* – «высшее звание в Московской Руси, которое имели крупные землевладельцы, феодалы, лицо, имевшее это звание» [8, с. 28]. Несомненно, читатель ПТ из контекста получает представление о том, что в речи персонажей фигурируют сословные реалии, но значение их и взаимное соотнесение остается неясным, так как также не раскрывается полностью их семантика. Гендерный маркер в виде суффикса *-in* позволяет реципиентам иной культуры понять родственные связи между изобретателем и его женой, идентифицируя в них супругов.

Аналогичным недостатком, нехваткой семантического содержания реалий (особенно, этнографических), страдают и другие примеры использования транскрипции: *Как эти **гусли**-то очарованные играют?* [2, с. 489] – 'Wie spielt man diese verzauberte **Gusli** dort?' [3, S. 272] *Выхватив из-под **кафтана** нож…* [2, 493] – 'Holt ein Messer unter **dem Kaftan** hervor…' [3, S. 275].

Подводя итоги представленного выше сопоставительного анализа, можно с достаточной обоснованностью, подтвержденной эмпирически, утверждать, что транскрипция как прием межъязыковой передачи реалий сопряжена с содержательными потерями и может провоцировать коммуникативные неудачи ввиду своей методологической ограниченности. Однако рассмотренный фактический

материал не позволяет считать транскрипцию однозначно обусловливающей неадекватность перевода. Для полной оценки статуса транскрипции как приема перевода маркированных единиц требуется принимать во внимание многочисленность факторов, опосредующих процесс перевода [10, с. 403; 11, с. 188], среди которых (по результатам представленной работы) особое значение имеют недостаточное прогнозирование уровня фоновых знаний реципиентов ПТ, неверная микростратегии перевода. Для точной идентификации места и приемлемости транскрипции в межкультурной и межъязыковой передаче реалий (и т.п. единиц) необходимо также исследование на материале текстов различных функциональных стилей, литературных направлений и жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Швейцер, А. Д.* Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
2. *Булгаков, М. А.* Романы. Пьесы / М. А. Булгаков. – М. : Эксмо, 2009. – 670 с.
3. *Bulgakow, M.* Stücke / M. Bulgakov. – Berlin : Volk & Welt, 1982. – 352 S.
4. *Нелюбин, Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 318 с.
5. *Филиппова, И. Н.* Лингвистическая объективация холизма / И. Н. Филиппова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 14.
6. *Алексеева, М. Л.* Перевод реалий и реалии перевода / Л. М. Алексеева. – Екатеринбург : Академия, 2007. – 180 с.
7. *Филиппова, И. Н.* Инокультура в переводе: чужая или чуждая? / И. Н. Филиппова // Большое Евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – С. 870–877.
8. *Рогожникова, Р. П.* Словарь устаревших слов русского языка / Р. П. Рогожникова. – М. : Просвещение : Учеб. лит., 2010. – 320 с.
9. *Моряков, В. И.* История России / В. И. Моряков. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 496 с.
10. *Филиппова, И. Н.* Прагмалингвистические основания теории и практики перевода / И. Н. Филиппова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 403.
11. *Филиппова, И. Н.* Прагмалингвистика, перевод и переводоведение / И. Н. Филиппова // Контрастивные исследования и прикладная лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Минск, 2015. – Ч. 1. – С. 197–201.

We present the results of a comparative analysis of the realities in the play of M. A. Bulgakov “Ivan Vasilyevich” and its transcribed translation into German. We show the main problems of using transcription for interlanguage and intercultural translation of realities. We demonstrate the ambiguity of the status of transcription as a method of translation.

И. А. Барабушка
Воронеж, ВГУ

КРАСНЫЙ ЦВЕТ КАК ЧАСТЬ ОБРАЗА ГОРОДА В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Данное исследование посвящено рассмотрению образа города в русской художественной прозе сквозь призму цветовой картины мира. Описывается восприятие города с точки зрения феномена цвета, особое внимание уделяется семантике колоронима *красный* как части образа города, в том числе ее исторической и социальной составляющим, семантике положительной и отрицательной оценки, а также символика цвета в исследуемых культурах.

Сложно недооценить роль, которую играет город в жизни человека. Данная реалия нашей действительности не просто воздействует на людей в физическом плане, она влияет на наш образ жизни, формирует мировоззрение, воздействует

на становление человека как личности. Образ города широко представлен в современных литературе и искусстве; исследованию и описанию городов посвящено много работ как чисто лингвистических, так и на стыке с другими отраслями науки.

С точки зрения когнитивной лингвистики, город – это сложный концепт, представляющий собой многомерный развивающийся смысловой феномен, который формируется компонентами-смыслами и реализуется языковыми средствами. Развитие смыслового пространства сложного концепта происходит путем «втягивания» или «включения» в себя компонентов, изначально не входивших в содержание данного концепта, на базе взаимодействия с другими концептами, протекающего в ходе межличностной и межкультурной коммуникации, а также различных видов творчества.

Описание города как сложного концепта представляет собой задачу не из легких ввиду того, что объект исследования многолик и многогранен. Перефразируя Юрия Трифонова, можно сказать, что «Город был бесконечно велик. Сложно описать безмерность». Вот почему в данной работе мы решили обратить внимание на особенности восприятия образа города с точки зрения цвета.

Возросший за последние годы интерес к проблеме цветообозначений в языкознании обусловлен тем, что лексика этой зоны обладает огромной значимостью для человека и представляет собой достаточно легко выделяемую лексико-семантическую группу, в которой отражается разнообразие существующей цветовой гаммы. Кроме того, восприятие цвета в разных культурах может существенно отличаться. Вот почему изучение и выявление лингвоэтнозначимых коннотаций колоронимов позволяют нам выйти за пределы собственно лингвистики в определенный социальный, исторический, политический или культурный контекст.

Материалом для данного исследования послужили примеры, взятые из The British National Corpus [1], Corpus of Contemporary American English [2], а также Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3]. Поиск в корпусах осуществлялся в рамках произведений, относящихся к художественной прозе второй половины XX – начала XXI вв.

Анализу были подвергнуты не только атрибутивные конструкции, но и описательные фрагменты с лексемой *город*, а также соответствующие когнитивные метафоры, имеющие в своем составе колороним. Хочется отметить, что в рамках данной работы под когнитивной или концептуальной метафорой мы понимаем не образное средство, связывающее два значения слова, а ментальную операцию, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы. Таким образом, изучение когнитивных метафор дает нам богатый материал для рассмотрения и понимания особенностей образа города в языковом сознании народа.

В своей работе «О лингвокогнитивном подходе к языку» И. А. Стернин выделяет в номинативном поле концепта следующие три типа номинации [4, с. 10–11]:

1) целостная (холистическая) – номинация предмета концептуализации именем собственным, абстрактным или родовым термином и их дериватами, метафорической перифразой, эвфемизмом и т.п. Например: концепт «Москва» – *Москва*, *столица*, *белокаменная*, *порт пяти морей*, *третий Рим*. Возможно присутствие и контекстуальной холистической номинации: *большая деревня*;

2) признаковая – номинация эксплицитно, вербально выраженным согласованным или несогласованным определением (а также сравнением, паремией, фразеологизмом, афоризмом), вычленяющая при этом отдельный признак предмета концептуализации. Например: Москва – *златоглавая, слезам не верит* и т.п.;

3) партитивная – номинация репрезентативных, типичных, узнаваемых частей (составных элементов) предмета концептуализации, актуализирующих представление о концепте в целом, отсылающих к концепту. Например: Москва – *Красная площадь, Мавзолей, Тверская, Арбат, Кремль, Москва-река, метро* и т.п.

В ходе исследования было выявлено, что при объективации концепта «город» в русской и англоязычной художественной прозе второй половины XX – начала XXI вв. колоронимы присутствуют во всех указанных выше типах номинации. Например:

1) холистическая номинация*: Почему она не живет на* ***родине****, в зеленом городе* ***Кёнигсберге****?*; контекстуальная холистическая номинация: ***a one-red-light town***;

2) признаковая номинация: *Бросался под колеса весь весенний город:* ***асфальт цвета собачьего носа****, грязный снег обочин,* ***белые бумажные пакеты домов, синий сияющий ливень небес***;

3) партитивная номинация ***Храм Христа Спасителя казался огромной золотой дыней****, созревшей посреди города под падающими голубыми дождями. If Jack had had to protect his pitch at Dagenham and* ***White City*** *in the days when men were men, he wouldn't have survived until the third race*.

С точки зрения словообразования, цветообозначения, использованные при описании образа города, могут быть разделены на *простые* (*зеленый, золотой*) и *сложные* (*бело-розовый, серо-коричневый*), а также *аналитические* (*город цвета кошки*).

Если рассматривать цвет с позиции наличия/отсутствия собственно цветового тона (т.е. конкретного оттенка спектра), то цвета можно разделить на *ахроматические* (белый, серый и черный) и *хроматические*. Ввиду того, что ахроматические колоремы, использованные для объективации образа города в русской и англоязычной прозе исследуемого периода были достаточно подробно рассмотрены нами ранее (см [5]), обратимся теперь к рассмотрению хроматических цветонаименований, а конкретно – к лексеме *красный*.

Красный цвет, наряду с желтым и синим, относится к базовым цветам спектра. Пожалуй, по степени воздействия на человека и психологической значимости (т.е. способности вызывать немедленные ассоциации) его можно назвать самым мощным цветом из всей имеющейся цветовой гаммы. Этот цвет считается мужским, во многих культурах и знаковых системах он символизирует агрессию и опасность.

Красный в образе города в русской прозе исследуемого периода служит для объективации следующих его признаков.

Во-первых, это цвет кирпичных стен/зданий и цвет черепичных крыш:

Старая медина обнесена двенадцатикилометровой ***красной стеной наподобие кремлевской. (Здания всюду в городе красные, поэтому Марракеш называют «Красный город».)***

Целые сутки стояли в маленьком городе Кенигсдорфе, километрах в пятидесяти от Берлина, отведенные на отдых, в сторону от главных событий, где-то еще происходивших, и дачный, чистенький городок этот, ***красно и весело сиявший черепичными кровлями****, острием каменной кирхи, весь солнечный,*

провинциальный, весь в белой пелене зацветающих яблоневых садов и ранней, густой, снежно-белой сирени, нависавшей из-за оград над тротуарами, был совсем нетронут войной, не задет ни одним снарядом, ни одним выстрелом.

В этом отношении обращает на себя внимание следующая индивидуально-авторская метафора:

Витя с детства знал эти окатанные ***красные камни с прожилками, казавшиеся окаменевшим мясом****, и помнил странно поразившую его когда-то* ***станцию метро*** *в большом городе,* ***казавшуюся вырубленной в гигантской мясной туше****, ее зеркально отшлифованные поверхности и белые жировые разводы, неприлично усиливающие сходство.*

Во-вторых, красный цвет и его оттенки широко представлены в палитре городских огней и рекламы:

Покидаешь ***красноватые угли и звезды города****, со старческим кряхтением влезаешь на четвереньках в палатку, где уже сердито гудит прокопченный примус «Фебус».*

Город лежал глубоко внизу, и даже ***самые большие огненные рекламы – синие, красные, жёлтые*** *– находились под нами. Было так высоко, что до нас доносился только ровный, однообразный шум ночного города.*

В-третьих, красный – это цвет города, освещенного закатным солнцем, причем образ, создаваемый при этом, получается зловещим, создает ощущение беспокойства, тревоги (красный – опасность):

И еще раз заходило солнце. Тяжело пламенеющим шаром скатывалось оно книзу, зажигая небо; и все на земле, что было обращено к нему: смуглое лицо Иисуса, стены домов и листья деревьев, – все покорно отражало тот далекий и страшно задумчивый свет. Белая стена уже не была белою теперь, и не остался белым ***красный город на красной горе****.*

Тяжелое мутное солнце лениво качалось над крышами. Весь ***город колыхался в красном тумане****.*

Наконец, импликационал значения лексемы *красный* включает сему *большевистский*, *коммунистический*, которая отсылает нас к конкретному периоду в истории нашей страны:

Я читаю заявления большевистской прессы о ***Красном Киеве****, о Советском Харькове, о Коммунистической Одессе, о братской руке помощи, которую через головы гадов буржуазии, вонзающих кинжал в спину революции, протягивают этим красным городам* ***красная Москва и красный Петроград****.*

Во главе нового рабочего и крестьянского движения опять стала колыбель русской революции – ***красный Петроград****.*

В англоязычной прозе исследуемого периода был проведен анализ фрагментов произведений, в которых при описании образа города использовалась лексема *red*. Данный анализ показал, что большинство смыслов, реализуемых лексемой *red* при описании образа города, совпадают с теми, которые были выделены нами для лексемы *красный*:

1) цвет кирпичных стен/зданий и цвет черепичных крыш: *Not only did the king have a spare hour for what turned out to be an excellent interview in the palace gardens, but on learning that there was now no plane to take us home until Monday, laid on two helicopters to take us all on a Sunday outing to Petra (the '***rose red city*** half as old as time'), then on to Aqaba on the Red Sea for lunch and a swim, and home across the desert and the black tents of the Bedouins in the evening.*

She'd fallen hopelessly in love with ***the city, with its red rooftops*** *and majestic domes, its twisting streets and bustling piazzas*;

2) цвет городских огней и рекламы: *The air smelled of gasoline and money, the dry, papery, handworn, printed odor of stacks of bills lying on a counter somewhere up the boulevard, where in the distance* ***the city glowed like a red hole sunk in the middle of the desert***;.

3) цвет города на закате: *A strange idea came as he stepped out and studied* ***the red glare west of town****, where the sun was a fat, bulging ball above the horizon, like those occasional eggs cracked open that are full of blood*;

4) имеющий отношение к коммунистам: *Very likely she was remembering her trips home from school – though if her home* ***city*** *had become a* ***red commune****, terror of a different kind would surely have followed.*

Лингвоспецифичным для данной культуры оказалось использование лексемы *red* в составе идиом *to paint the town red* и (*with) only one red light (in town).* Выражение *to paint the town red* («Красить город красным», т.е. предаваться пьянству, дебоширить) предположительно появилось в Америке середины XIX в. и, возможно, характеризует манеру поведения ковбоев в городах, когда они пригоняли скот для перевозки его по железной дороге в различные районы страны. Ковбои получали хорошие деньги и тратили их исключительно на выпивку и женщин. Районы, где можно было найти проституток, назывались *red light districts* (районы красных фонарей). Наплыв большого числа ковбоев в города приводил к увеличению вышеупомянутого района вплоть до размеров целого города.

We were in New Orleans, and it was Mardi Gras. I'd been with the circus about two years, must have been about twenty-one years old then. After the show, we went out to ***paint the town red****.*

Примечательно также то, что в прозе интересующего нас периода наряду с исходной идиомой встречается очаровательный пример деформации (или трансформации замены) данного фразеологического единства, где лексема *red* была заменена на *pink*, возможно, дабы подчеркнуть романтичность, свойственную отношениям влюбленных:

Together they ***had painted the town a decorous shade of palest pink****, dancing at Le Bal Anglais, or was it Mimi Pinson, necking in other people's rooms, walking the streets of Paris, hand in hand during one timeless and unforgettable spring.*

Идиома *the town with only one red light* или *one-red-light town* (буквально 'город с одним светофором') является эквивалентом русскому 'небольшой, захолустный' и демонстрирует не отраженный в русском языковом сознании механизм восприятия образа города.

Don't waste it on the big things. Just think of me starting my practice right here where there was ***only one red light in town****. Nothing but German potato farmers and Cajun fishermen coming in from Cotton Bayou and Perdido Bay.*

Таким образом, осуществленный анализ показал, что обращение к лингвосемиотике цвета дает нам возможность по-новому взглянуть на такие фундаментальные проблемы, как изучение языковой картины мира, взаимодействия языка и общества, поскольку термины цвета социокультурно обусловлены. В восприятии цвета также присутствует аксиологический компонент, так как цветономинации часто антропо- и этноцентричны. Сходство обнаруженных образов предположительно свидетельствует об универсальной значимости их составляющих, в то время как отличия демонстрируют национальную специфику восприятия городской среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. The British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : http://bncweb.lancs.ac.uk. – Date of access : 15.08.2019.
2. Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access: https://corpus.byu.edu/coca/. – Date of access : 02.09.2019.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 22.07.2019.
4. *Стернин, И. А.* О лингвокогнитивном подходе к языку / И. А. Стернин // Значение. Смысл. Концептосфера : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина, А. С. Кравеца. – Воронеж, 2009. – С. 8–11.
5. *Барабушка И. А.* Ахроматические цвета в образе города в русско- и англоязычной художественной прозе / И. А. Барабушка // Сопоставительные исследования 2018. – Воронеж, 2018. – Вып. 15. – С. 87–91.

This study is devoted to the consideration of the city image in Russian and English-speaking imaginative prose from the perspective of the phenomenon of colour. Red is in the focus of our analysis; attention is paid to the social component of the semantics of the coloronym used to create the image of the city, including the semantics of its positive and negative evaluation, as well as the symbolism of colour in the linguocultures concerned.

Е. А. Никонова
Москва, МГИМО (У) МИД России

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ СМИ (на примере англоязычных аналитических статей, посвященных вопросу самоопределения Шотландии)[1]

Показана специфика проявления оценки в аналитической статье. Аналитическая статья трактуется как объективный жанр, целью которого является передача всех существующих точек зрения на проблему/ситуацию, независимо от того, согласен автор с ними или нет, а также формулирование выводов на основе логической аргументации. Предлагается комплексный подход к рассмотрению оценки. В рамках функционально-прагматического подхода была рассмотрена воздействующая составляющая оценки, а в рамках функционально-семантического подхода были проанализированы языковые средства различных уровней, актуализирующие оценку в тексте.

В рамках исследования было установлено, что, несмотря на объективный характер жанра «аналитическая статья», оценка достаточно широко представлена на всех уровнях данного типа текста. Обосновывается, что причиной усиления оценочности аналитической статьи является ее принадлежность к дискурсу СМИ, для которого она является неотъемлемой составляющей; дискурс СМИ находится под влиянием политического дискурса, усиливающего оценочный элемент СМИ.

Целью данного исследования является анализ средств реализации оценки в текстах аналитической статьи, посвященных вопросу национального самоопределения Шотландии. Материалом исследования послужили аналитические статьи качественной англоязычной прессы из журналов и газет «The Economist», «The Washington Post», «The Nation, the Guardian», «The New York Times» общим объемом 54 страницы.

[1]Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями.

Ключевая характеристика аналитической статьи – объективность, а ведущая функция – информативная; оценочность и воздействующая функция хотя и присутствуют, как в любом другом жанре СМИ, но стремятся к минимуму. Учитывая объективный характер данного жанра, специфика проявления авторской оценки в данном виде текста представляет особый интерес, что обусловливает актуальность данного исследования. Новизна заключается в установлении причин усиления оценочности аналитических статей.

Тексты СМИ объединяет ряд общих характеристик: прагматичность (подчиненность интересам специфического заказчика – общества или конкретного социального института), ориентация на массового адресата (стереотипизация), специфика языкового употребления (клишированность, сочетание книжной и сленговой речи, доминирование экспрессивных лексических единиц). Это позволяет говорить о существовании самостоятельных языка и стиля СМИ. Однако вопрос о стилевой принадлежности текстов СМИ до сих пор не решен однозначно из-за сложности определения специфики функционального аспекта. Так, ряд исследователей [1; 2] относят тексты СМИ к публицистическому стилю, говоря о доминировании воздействующей функции. Другие [3; 4] рассматривают тексты СМИ как часть газетного стиля, отводя ведущую роль информативной функции. Считаем, что медиатексты находятся в подвижном речевом континууме, который существует как бы между двумя основными полюсами: функции сообщения и функции воздействия [5, с. 31] и сочетают в себе эти функции в разной мере, «находясь, соответственно, либо ближе к полюсу сообщения, либо к полюсу воздействия» [Там же]. Таким образом, стилеобразующей чертой текстов СМИ является сочетание информационной и воздействующей функций, проявляющихся в разной степени в тех или иных жанрах.

Принадлежность аналитической статьи к дискурсу СМИ (при этом воздействующая составляющая дискурса СМИ углубляется под влиянием политического дискурса, который по своей природе является манипулятивным), оказывает существенное влияние на ее жанрообразующие характеристики: наблюдается усиление воздействующей функции и, как следствие, оценки.

Оценку в самом широком смысле можно определить как приписывание говорящим положительных или отрицательных черт предмету или явлению. В современной лингвистике существует некая полифония определений оценки, связанная с тем, что исследователи сосредотачиваются на изучении того или иного компонента содержания оценки. В статье будет использован комплексный подход к рассмотрению оценки. В рамках функционально-прагматического подхода нами будет рассмотрена воздействующая составляющая оценки, а в рамках функционально-семантического подхода нами будут проанализированы языковые средства различных уровней, актуализирующие оценку в тексте.

Вслед за Н. С. Буруруевой, считаем, что специфика оценки в тексте СМИ заключается в сочетании социальной оценочности, т.е. стремлении журналиста отобразить интересы и ценностные установки определенной социальной группы, а также в желании оказать воздействие на читателя путем «многогранного экспрессивного выражения оценки фактов и событий действительности» [6, л. 68]. Оценка пронизывает все уровни текстов СМИ, являясь их текстообразующей категорией. Далее рассмотрим примеры реализации оценки на примере проанализированных нами текстов.

Средства реализации оценки в аналитической статье

1. Грамматические средства. На грамматическом уровне оценка выражается за счет временных форм глаголов, модальных глаголов, степеней сравнения прилагательных и наречий. Данные средства, как правило, используются как средства усиления убедительности, позволяя автору транслировать ту или иную субъективную мысль как истинную, не приводя достаточного количества логических аргументов:

Why, in other words, does Scottish "nationalism" – the desire to secede from an English-speaking nation with which Scots have been conjoined for centuries – usually also include a desire to pool sovereignty with a top-heavy and undemocratic league of 28 nations?

Sovereignty, then – the right to rule independently of an external entity – must not be what animates Scottish nationalism. Then what is? The answer begins with identity [7].

Автор статьи критически относится к движению за независимость Шотландии, считая, что выход из состава Великобритании и последующее присоединение к ЕС не даст стране суверенитета, но лишь позволит отделиться от Великобритании, что, по его мнению, составляет основу сепаратистского движения, а не движения за независимость. Мысль о том, что Шотландия вовсе не стремится к суверенитету, автор передает через модальный глагол *must* имеющий значение высокой вероятности, уверенности, несомненности. Кроме того, автор создает негативный образ вокруг ЕС, характеризуя его при помощи эпитетов с негативной коннотацией 'супернеустойчивый' и 'недемократический' (*top-heavy and undemocratic league of 28 nations*), при этом данная авторская оценка, как и само утверждение о псевдожелании независимости не подкрепляется какими-либо аргументами и может считаться субъективной.

Чуть ранее, говоря о длительной совместной истории Британии и Шотландии, автор использует время Present Perfect. Данное время используется для трансляции завершившихся фактов, имеющих связь с настоящим. Учитывая тот факт, что Шотландия еще остается в составе Великобритании, использование Present Perfect является попыткой навязать читателю мысль о неизбежности отделения.

Так как для автора является важным навязать собственные мысли читателю, он прибегает к вопросно-ответному комплексу, что позволяет усилить диалогичность статьи, сделать читателя участником его рассуждения.

2. Лексико-стилистические средства представлены в аналитической статье метафорами, эпитетами, сравнениями, эвфемизмами, аллюзией, иронией, словами с эмоциональным, экспрессивным и стилистическим компонентом, а также нейтральными словами, которые приобретают оценочный смысл в контексте, и являются эффективным инструментом передачи имплицитной оценки и косвенного воздействия на читателя.

В проанализированных статьях выход из состава Великобритании, как правило, получает негативную оценку при помощи эмоционально-оценочной лексики: *risky distraction* [8, p. 6], *clamor for independence* [7], *foolish* [9], *racism* [10]. Однако в ряде случаев автор дает более нейтральную оценку стремлению страны к независимости:

Nationalism can emancipate or enslave; it can break the back of an empire or move the masses to great evil; it can liberate or oppress. Yet today's Scottish nationalism can do neither. It's not murderous like the IRA or racist like facism;

not remotely. But neither does it desire political and cultural autonomy for its own sake, as for instance the Czechs did under the Habsburg empire or as Ukrainian nationalists do now. Scotland's is a post-national nationalism – one that cares far less about who governs than about what that governance looks like in practice. It is peaceable and beautiful in its way, but no one will die for it [7].

Стремясь подчеркнуть несерьезный характер движения за независимость Шотландии автор сравнивает его с подобными движениями в других странах, акцентируя внимание на том, что сепаратизм в Шотландии не может сделать: повтор частиц *neither* и *not* формирует в сознании читателя образ недееспособного движения за независимость Шотландии, которое автор характеризует при помощи неологизма *post-national nationalism*, создающего ироничное восприятие ситуации, так как в постнациональном обществе невозможно существование национализма. Подобная характеристика стремления Шотландии к отделению снижает градус агрессии, который находим в большинстве статей, посвященных данному вопросу, и формирует у читателя ироничный настрой, который усиливается при дальнейшей характеристики движения за независимость Шотландии при помощи слов с положительной коннотацией (*peaceable and beautiful in its way*): данную характеристику можно рассматривать как некий оксюморон, призванный продемонстрировать несостоятельность движения.

3. Синтаксические стилистические средства. Оценка может актуализироваться за счет предикативных конструкций, что позволяет автору усилить категоричность и экспрессивность в предложении, и быть выражена при помощи повторов, инверсий, эмфатических конструкций, риторических вопросов/восклицаний.

Most Scottish nationalists don't want to leave the union to sow division and conflict; rather, they want to return to its natural and God-given state and become a good and supportive neighbor to that great country south of the border [11].

В статье *England's sorry delusion* автор считает, что представители сепаратистского движения в Шотландии выбрали неверный термин (национализм) для характеристики движения за независимость, так как это слово подразумевает радикальные настроения. (*Yet, unless Scotland's first minister can find an alternative word to "nationalism" to describe a desire for independence, then she and the movement she leads will forever be saddled with the same term that darker groups use to convey a sense of superiority* [Там же]). Автор убежден, что в основе движения за независимость Шотландии лежат позитивные намерения, и для трансляции данной мысли прибегает к параллельным конструкциям в сочетании с противопоставлением и повтором, что позволяет сделать данную мысль смысловым центром предложения. Важно отметить, что в первой части предложения автор использует слова с негативной семой *leave, division, conflict*, в то время как во второй части присутствуют слова с ярко выраженной позитивной семой *good, supportive, great, God-given*, что усиливает воздействующий потенциал предложения.

Итак, несмотря на то, что аналитическим жанрам несвойственна оценочность ввиду их стремления к объективности, на примере аналитической статьи видим, что оценка является ее неотъемлемой частью и широко представлена на всех уровнях текста. Частотное проявление оценки объясняется влиянием дискурса СМИ, под влиянием которого возрастает воздействующая составляющая и как следствие оценка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожина, М. Н.* Стилевые особенности электронных СМИ / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский // Стилистика русского языка. – М. : Флинта, 2008. – С. 374–387.
2. *Кожина, М. Н.* Речеведение. Теория функциональной стилистики : избранные труды / М. Н. Кожина. – М. : Флинта, Наука, 2014. – 620 с.
3. *Васильева, А. Н.* Газетно-публицистический стиль речи / А. Н. Васильева. – М. : Рус. яз., 1982. – 134 с.
4. *Лаптева, О. А.* Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. А. Лаптева. – М. : ЛЕСИ, 2007. – 520 с.
5. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 264 с.
6. *Бурурueва, Н. С.* Языковая оценка как средство взаимодействия между печатными СМИ и читателями: на материале американской качественной прессы : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Буруева. – Ярославль, 2013. – 171 л.
7. *Swaim, B.* Scotland's post-national nationalism [Electronic resource]. – Mode of access : https://clck.ru/FV8KR. – Date of access : 04.09.2019.
8. *Guttenplan, D. D.* Scotland's Big Decision / D. D. Guttenplan // The Nation. – 2014, Sept. 22. – P. 6–7.
9. Scottish Independence can wait [Electronic resource]. – Mode of access : https://clck.ru/HvUwy. – Date of access : 04.09.2019.
10. *Heuchan, C.* The parallels between Scottish nationalism and racism are clear [Electronic resource] / C. Heuchan. – Mode of access : https://clck.ru/AeLy5. – Date of access : 04.09.2019.
11. *McKenna, K.* England's sorry delusions are Scotland's best argument for independence [Electronic resource] / K. McKenna. – Mode of access : https://clck.ru/Eeeys. – Date of access : 04.09.2019.

In the article we demonstrate the specific character of evaluation in analytical articles with emphasis on its influential aspect. The analytical article is an objective genre, nevertheless evaluativity is widely represented here, which is due to the influence of the mass media discourse.

А. Э. Иванов
Минск, МГЛУ

ТАКТИКА ПРИЗНАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается проблема актуализации кооперативной стратегии искренности различными тактиками в условиях непринужденного общения. Целью статьи является определение средств языковой реализации кооперативной тактики признания, а также установление ее сходств и различий в диалогическом дискурсе на английском и русском языках. В качестве материала исследования были отобраны англоязычные британские и русскоязычные белорусские фильмы. На основании проведенного анализа автор дает общую характеристику особенностям употребления вербальных средств для реализации тактики признания в рамках стратегии искренности в диалогах на английском и русском языках и приходит к выводу о том, что все средства в обоих языках способствуют осуществлению принципа кооперативности как залога успешной бесконфликтной коммуникации.

В современной лингвистической науке все чаще внимание исследователей уделяется проблемам изучения конфликта в речевой коммуникации. При этом в научной литературе достаточно подробно освещены все аспекты речевого конфликта, а также средства его реализации в различных типах дискурса, как институционального, так и неинституционального. Рассматривая проблемы,

возникающие в связи с исследованием речевого конфликта, зачастую остаются неясными особенности реализации противоположной по своей установке линии поведения, которая в различных источниках обозначается как гармоничное, или кооперативное, бесконфликтное, общение [1; 2; 3].

Несмотря на недостаточную изученность, на наш взгляд, языковых особенностей актуализации кооперативного поведения в тактико-стратегическом аспекте, в науке о языке вполне подробно описаны принципы делимитации кооперативной и конфронтационной коммуникации. Кооперативное общение, подразумевающее фокусирование одного коммуниканта на *другом*, противопоставляется конфронтационной линии речевого поведения, при которой участники диалога ориентированы друг против друга. Данный тезис следует из нижеприведенного утверждения Н. И. Формановской, в котором исследователь заявляет о том, что «общение как социально-речевая деятельность по обмену разного рода информацией для организации, согласования, регулирования внекоммуникативных и коммуникативных практических и ментальных действий и для достижения результатов возможно лишь при соприкосновении *я* и *другого*» [4, с. 348]. Также по утверждению другого известного исследователя лингвопрагматики О. С. Иссерс, кооперативная коммуникация, в отличие от конфронтационной, всегда преследует соблюдение правил, или принципов, речевого общения, которыми носители языка владеют на подсознательном уровне, т.е. «человек всегда ощущает, соблюдает ли партнер по коммуникации эти правила» [5, с. 287].

Правила бесконфликтного речевого поведения были сформулированы Г. П. Грайсом (Принцип Кооперации). Их впоследствии дополнили и уточнили Р. Лакофф и Дж. Лич (Принцип Вежливости). Принцип Кооперации иерархически подчиняется Принципу Вежливости, так как «в большинстве случаев говорящий пренебрегает максимами, руководствуясь принципами более высокого порядка – социальными» [5, с. 290]. При этом взаимодействие максим Грайса и максим Лича, а зачастую и их противоречие, или противоборство, готовят оптимальную базу для осуществления успешного общения, т.е. такого типа общения, которое предполагает достижение поставленных коммуникантами целей [6]. При этом следует отметить, что понятие кооперативности часто соотносят с эффективностью или успешностью общения, под которыми понимается не только соответствие целей результату, но также и выбор оптимального способа достижения поставленных целей [7]. В языковом плане иерархии целей и задач соответствует выбор и использование той или иной стратегии и тактики. В нашем исследовании мы принимаем точку зрения о том, что стратегия представляет собой генеральную интенцию, или такой план, который соотносится с целым событием; в то время как тактика актуализирует локальные интенции в рамках определенных этапов коммуникативного события [8].

В рамках данного исследования нами рассматривалась лишь одна из кооперативных стратегий – стратегия искренности, в частности, тактика признания, ее реализующая. Стоит отметить, что характерной особенностью кооперативной стратегии искренности, составляющей основу успешной коммуникации, является ориентация говорящих на установления особого доверительного статуса межличностных отношений. Искренность играет большую роль при поддержании гармоничного типа коммуникации. В частности, Е. М. Верещагин отмечал, что «обычай “откровенничать”, “открывать (раскрывать) душу”, “делиться”, “говорить все до конца”, “выворачиваться наизнанку” “вошел в идеологию дружбы”» [9].

Материалом для исследования послужили 150 диалогов на английском языке и 150 диалогов на русском, отобранных из художественных фильмов британского и белорусского производства. Всего было выявлено 63 англоязычных диалогов (42 % от общего количества) и 57 русскоязычных диалогов (38 % от общего количества), демонстрирующих употребление хотя бы одним из коммуникантов стратегии искренности. Следует также подчеркнуть, что тактика признания использовалась для актуализации стратегии искренности в 49 % случаев в корпусе диалогов на английском языке и 59 % случаев в русскоязычном корпусе диалогов.

Основное значение тактики признания тесно связано с демонстрацией доверительного статуса межличностных отношений между коммуникантами, а также обозначает нечто, что может быть доверено только этому человеку и неизвестно остальным людям и, соответственно, то, что не должно быть рассказано другим. Другими словами, тактика признания зачастую предполагает сообщение интимной, сокровенной информации партнеру по коммуникации.

Любая коммуникативная тактика может быть манифестирована при помощи следующих средств:

1) выбором темы, который лежит в основе речевого хода;

2) различными паралингвистическими средствами;

3) средствами языковых уровней: лексического, морфологического, синтаксического;

4) структурной организацией диалога, или построением интеракции (структурно-синтаксическим и семантическим взаимодействием реплик) [10].

Рассмотрим более подробно реализацию тактики признания различными средствами, приведенными выше.

При анализе диалогов были выявлены следующие сходства в актуализации кооперативной тактики признания в разговорном дискурсе на двух языках:

1) употребление лексико-семантической группы глаголов чувств, наиболее типичным представителем которой является глагол *любить*. В данном случае используются глаголы с положительной оценкой. Приведем фрагмент диалога на английском языке:

A: *I am sorry, darling…* ‘Мне очень жаль, дорогой’.

B: *You shouldn’t be sorry. I* ***will always love you.*** ‘Не надо, не стоит. Я всегда буду тебя любить’.

Фрагмент диалога на русском языке:

A: *Аня, давай поговорим. Только не здесь.*

B: *О чем?*

A: *Я* ***тебя люблю*** *и всегда* ***буду любить****. А нашего будущего ребенка* ***я уже люблю***;

2) употребление лексико-семантической группы глаголов речемыслительной деятельности. В данном случае тактика признания, как правило, имеет два речевых хода: первый из них содержит глагол *сказать, сообщить, знать,* который вводит тему, второй – новую для коммуниканта информацию. Данные глаголы зачастую дополняются лексическими маркерами *откровенно, честно, frankly, honestly*.

Например:

A: *Listen,* ***I’ve got tell you*** *something.* ‘Послушай, мне надо тебе кое-что сказать’.

B: What? ‘Что?’

A: *Well,* ***Nola and I… broke up.*** ‘Ну, Нола и я… расстались.’

B: *No way!* ‘Не может быть’.

Фрагмент диалога на русском языке:

A: ***Ты знаешь, скажу тебе честно****…*

B: *Что именно?*

A: ***Я никогда не думал, что все случится так быстро, внезапно.***

Более специфическими и частотными для английского языка являются такие реализации тактики признания, которые затрагивают структуру диалога, структурно-синтаксическое и семантическое взаимодействие его реплик. Рассмотрим пример диалога на английском языке.

Отец разговаривает с сыном и пытается выяснить, почему он расстроен:

Отец: *So,* ***what’s the problem, Samuel?*** *Is it just Mom or is it something else, huh? Maybe, school? Maybe, you’re bullied? Or is it something worse? Can you give me any clues?* ‘В чем проблема, Самуэль? Это все из-за мамы, или это что-то еще? Может быть, школа? Может, тебя обижают? Или чего похуже? Ты можешь мне намекнуть?’

Сын: ***You really want to know?*** ‘Ты действительно хочешь знать?’

Отец: ***I really want to know.*** ‘Я действительно хочу знать’.

Сын: *Even though you wouldn’t be able to do anything to help?* ‘Даже если ты не сможешь помочь?’

Отец: *Even if that’s the case, yeah.* ‘Даже в таком случае’.

Сын: *Ok, well.* ***The truth is, actually, I’m in love.*** *I know that I should be thinking about Mom all the time and I am,* ***but the truth is I’m in love.*** *I was before she died and there’s nothing I can do about it.* ‘Хорошо. Понимаешь, дело в том, что я влюбился. Я знаю, что должен думать о маме и все такое, но я влюбился. Это случилось еще до того, как она умерла, и я ничего не могу с этим поделать’.

Тактический репертуар приведенного выше фрагмента достаточно разнообразен, поскольку непосредственно тактике признания предшествуют тактика призыва к откровенности (*can you give me any clues?*), тактика выражения заботы и обеспокоенности (*what’s the problem?*), реплики которых дополняют исследуемую тактику и служат средствами ее реализации. Следует также отметить, что предложения с препозицией контрастивного элемента (*the thing is, the truth is* и т.д.) чаще использовались в корпусе диалогов на английском языке.

В русскоязычных диалогах языковые средства, реализующие тактику признания, могут усиливаться построениями с модальными частицами *ведь, вот* и т.п. и их аналогами, например, *ты знаешь, я ведь тоже рос без мамы.*

Необходимо подчеркнуть, что наиболее частотными средствами реализации тактики признания в диалогах на английском языке стали глаголы, относящиеся к лексико-семантической группе глаголов речемыслительной деятельности (45 %). На втором месте по употребительности находятся так называемые расщепленные предложения, или предложения с препозицией контрастивного элемента (23 %).

Наиболее рекуррентными средствами актуализации тактики признания в дискурсе на русском языке стали глаголы, относящиеся к лексико-семантической группе глаголов эмоционально-оценочного отношения, а именно глаголы положительной оценки (37 %). Остальные средства реализации признания являются менее частотными и варьируются в диапазоне 5–7 %.

В заключение следует отметить, что в кинодиалогах на английском и русском языках средства репрезентации кооперативной тактики признания распределены неодинаково, что чаще всего обусловлено структурными особенностями двух языков. Тем не менее особого внимания заслуживает тот факт, что носители английского языка более активно используют тактику признания для реализации стратегии искренности, в то время как коммуниканты – носители русского языка – реализуют данную стратегию, чаще всего прибегая к тактике призыва к откровенности. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что представители британской лингвокультуры обладают большей прямолинейностью в ситуациях неформального общения, в то время как представители белорусской лингвокультуры в большей степени ориентированы на коммуникативного партнера, его проблемы и переживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2001. – 408 с.
2. *Земская, Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 688 с.
3. *Сухих, С. А.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С. А. Сухих, В. В. Зеленская. – Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1998. – 160 с.
4. *Формановская, Н. И.* Ритуалы вежливости и толерантность / Н. И. Формановская // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 345–362.
5. *Иссерс, О. С.* Коммуникативный успех как прогнозируемая категория / О. С. Иссерс // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 287–298.
6. *Формановская, Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Икар, 2007. – 480 с.
7. *Стернин, И. А.* О понятии эффективное общение / И. А. Стернин // Преподавание культуры общения в средней школе. – Воронеж, 1995. – С. 38.
8. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
9. *Верещагин, Е. М.* Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры / Е. М. Верещагин // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. Ч. 1. – С. 32–44.
10. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 209 с.

The article is devoted to the study of linguistic peculiarities typical of the tactics of admission used by the speakers following the cooperative strategy of frankness. The research is based on the comparative analysis of dialogues in English and Russian.

Д. Л. Тригубова
Минск, МГЛУ

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЕЙ АННОТАЦИЙ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ

В статье рассмотрено использование оценочной лексики в аннотациях к англоязычным художественным фильмам, а так же в синопсисах, логлайнах и тэглайнах. Представлен количественный и качественный анализ выявленных единиц оценочной лексики, характеризующих основные компоненты аннотаций.

Понятие категории оценки в лингвистику ввел Шарль Балли в начале XX века. По его мнению, оценка – это «своего рода реакция на выраженное словом явление или вещь в широком диапазоне отношений: вызывает ли вещь радость или страдание, полезна или вредна, хороша или плоха сама по себе, а также соответствует или не соответствует принципам морали» [1].

Исследованиями, посвященными категории оценки, занимались такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, А. А. Ивин, Н. М. Кравцова и др. Существует множество определений оценки. Так, В. Н. Телия подчеркивает, что оценка основана на социальных стереотипах и нормах, и определяет ее как связь между ценностной ориентацией говорящего или слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки [2, с. 22–23]. Н. Д. Арутюнова в своем определении указывает, что оценка задает мышление и деятельность человека, отношение к другим людям и предметам действительности. При этом она также полагает, что только через сравнение со стандартом можно судить о ценности, так как выбор так или иначе требует стандартизированного ориентира [3, с. 52]. Сходное понимание оценки мы находим у Е. М. Вольф, которая утверждает, что субъект оценки опирается не только на личностное отношение к объекту оценки, но и на стереотипные представления об объекте, на нормы, принятые в том или ином обществе на определенном отрезке времени [4]. Таким образом, оценку можно обобщенно определить как реакцию или отношение к предмету, явлению или человеку, основанную как на личностном отношении, так и на принятых в обществе нормах и стандартах.

Категория оценки проявляется в совокупности средств и способов ее выражения – фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и т.п., отражающих элементы оценочной ситуации. Оценочные средства обнаруживаются на всех уровнях языка. Оценочный компонент значения языковой единицы может быть обусловлен ее лексико-семантическими свойствами, принадлежностью к тому или иному функциональному стилю и употреблением в определенном контексте [5].

При анализе языковых явлений исследователи обращаются к разным классификациям оценки, в основу которых положены различные критерии. Широкую известность получила классификация Н. Д. Арутюновой, базирующаяся на взаимодействии субъекта оценки с ее объектом. Автор делит оценочные значения на общие и частные. Общеоценочные языковые единицы ничего не сообщают о свойствах объекта и обозначают только положительную или отрицательную оценку с той или иной мерой интенсификации. К их числу можно отнести, например, слова *good* ‘хороший’, *bad* ‘плохой’, *fabulous* ‘потрясающий’, *terrible* ‘ужасный’. Частная оценка касается какого-то одного свойства объекта и дается с определенной точки зрения. Частнооценочными являются такие слова, как *kind* ‘добрый’, *clever* ‘умный’, *rude* ‘грубый’, *cruel* ‘жестокий’ и т.д. [3].

Классификация, предложенная Е. М. Вольф, делит оценки по типу оценочного знака на положительные и отрицательные: *she is* ***beautiful*** ‘она красивая’ – положительная оценка, *he is* ***annoying*** ‘он надоедливый’ – отрицательная [4].

Ряд исследователей придерживаются классификации, согласно которой в зависимости от наличия или отсутствия эмотивного компонента оценка может быть рациональной (интеллектуально-логической) или эмоциональной. Общеоценочные представления, как и сама категория оценки, являются социально обусловленными, так как они исторически сформировались в обществе. Оценивая фрагменты действительности, человек пропускает их через свое сознание, разум, следовательно, оценка рациональна, содержательна. Таким образом, рациональная оценка опирается на социально обусловленные стереотипы и принципы (нормативность, утилитарность, причинно-следственные отношения и т.д.) и выражается оценочным суждением. Эмоциональная же оценка предполагает непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью «Эмоциональное» связано с проявлением чувств, происходит из ощущений. Человек не может выражать эмоций, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются, поэтому «эмоциональное» является в то же время «оценочным» [6].

Н. Д. Арутюнова указывает на приоритетность рациональной оценки над эмоциональной, В. Н. Телия считает, что они находятся в равновесии. По мнению Е. М. Вольф, в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, потому что язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект, но это две стороны отношения субъекта к объекту, первая – его чувства, вторая – мнения.

В ряде исследований к языковым средствам оценки относят в первую очередь лексические единицы. Согласно Л. Н. Чурилиной, лексические единицы могут быть подразделены на четыре макрокласса: именующие слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия); квалифицирующие слова (модальные слова, междометия, частицы), указующие слова (местоимения, местоименные наречия), связующие слова (предлоги, союзы) [7]. Лексические единицы рациональной и эмоциональной оценки принадлежат к макроклассу именующих слов. Например, существительное *failure* ‘неудача’, прилагательное *significant* ‘значительный’, глагол *mock* ‘насмехаться’, наречие *carefully* ‘тщательно’.

Изучение категории оценки связано с исследованиями семантических, прагматических и функциональных особенностей оценочных значений, так как оценка теснейшим образом связана с прагматикой. Говорящий воздействует на слушающего в целях создания у него адекватной реакции по поводу высказанной оценки. Для исследователей Дж. Мартина и П. Уайта оценка – это не только средство передачи отношения говорящего к происходящему, но и способ косвенного воздействия на оценку и позицию читающего/слушающего [8].

Оценочная лексика активно направлена на адресата. Ч. Стивенсон, например, видит главное назначение ценностных суждений в том, чтобы оказывать влияние. Оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Его интерпретация, таким образом, включает и фактор адресата, и коммуникативную цель конкретного речевого акта [3].

Оценочная лексика широко используется для реализации коммуникативных целей в аннотациях к художественным фильмам – в *синопсисах*, *логлайнах*, *тэглайнах*. Это подтверждает проведенный анализ аннотаций на английском и русском языках к 50 художественным фильмам производства США, выпуск которых состоялся в 2018–2019 гг. [9].

С и н о п с и с – краткое последовательное изложение сценария фильма, его завязки, поворотных моментов, кульминации, но без описания развязки. Как правило, стандартный размер синопсиса – 100–200 слов. Л о г л а й н – краткая аннотация к фильму (2–3 предложения), передающая суть сюжета, его основную драматическую линию без раскрытия важных деталей сюжета и концовки. Т э г л а й н – это строчка-подзаголовок (одно–два нераспространенных предложения), в свободной форме, максимально кратко, емко и художественно отражающая основную идею и фильма.

Главная коммуникативная цель данных типов аннотаций – заинтересовать потенциального зрителя. В синопсисе это достигается за счет описания сюжета, обозначения жанра фильма и привлечения таким образом целевой аудитории, на которую рассчитан фильм, в тэглайне – за счет создания неопределенности и интриги, двойственности интерпретации текста тэглайна и скрытия важных деталей. В логлайне совмещаются оба вышеупомянутых способа привлечения внимания.

Как в логлайне, так и в синопсисе оценочно маркированные единицы часто связаны с протагонистом (главным героем), с его поступками, чертами характера и др. Оценочная лексика, описывающая протагониста, встречается в 54 % проанализированных логлайнов и 58 % синопсисов. С помощью оценочной лексики достигается формирование образа главного героя в представлении потенциальных зрителей. В описании главного героя преобладают имена прилагательные, например: *the* ***legendary*** *rock band* ‘легендарная рок-группа’ (логлайн к кинофильму *Bohemian Rhapsody* ‘Богемская рапсодия’), *a* ***dutiful*** *daughter and* ***loyal*** *girlfriend* ‘послушная дочь и преданная подруга’ (синопсис к кинофильму *After* ‘После’). Встречаются также оценочно маркированные имена существительные: *one of the universe’s most powerful* ***heroes*** ‘один из самых сильных героев вселенной’ (логлайн к кинофильму *Captain Marvel* ‘Капитан Марвел’). В представлении протагониста превалирует частнооценочная лексика, позволяющая подчеркнуть какие-либо свойства или черты героя. Из всех синопсисов, в которых употреблена оценочная лексика для описания протагониста, в большинстве случаев (62 %) отмечена положительная оценка, что объясняется тем, что главный герой часто является положительным персонажем. Однако в 38 % случаев употребления оценочной лексики для характеристики протагониста в синопсисе обнаруживается отрицательная оценочная лексика. Например, в синопсисе к кинофильму *Mortal Engines* ‘Хроники хищных городов’ главная героиня описывается как *feral* ‘одичавшая’, а протагонист кинофильма *The Mule* ‘Наркокурьер’ характеризуется в синопсисе как *broke, alone, and facing foreclosure* ‘разоренный, одинокий и на грани лишения права выкупа закладной’. Что касается логлайнов, то проведенный анализ выявил 41 % случаев с положительной оценкой протагониста и 56 % – с отрицательной.

Следует отметить, что в большинстве случаев использования негативной лексики протагонист не является злодеем, а лишь характеризуется как персонаж с проблемами или трудным характером. Например, протагонист кинофильма *Bumblebee* ‘Бамблби’ описывается в логлайне как *battle-scarred and broken* ‘израненный и сломленный’, а для характеристики протагониста кинофильма *Cold Porsuit* ‘Снегоуборщик’ используется слово *grieving* ‘скорбящий’. Интерес представляет случай, где протагонист одновременно характеризуется как с положительной, так и с отрицательной стороны: в логлайне к кинофильму *Under the Silver Lake* ‘Под Сильвер-Лэйк’ он описан как *intelligent but without purpose* ‘умный, но без цели’.

Оценочная лексика используется и для описания антагониста (противника главного героя) и других персонажей. Антагонист характеризуется при помощи оценочной лексики в 8 % логлайнов и 34 % синопсисов. Более частотное употребление оценочной лексики в синопсисах объясняется большим объемом текста синопсиса по сравнению с логлайном, что позволяет включить больше информации и деталей. Анализ показал, что в 100 % случаев в описании антагониста используется оценочная лексика негативного характера. Например, *a manically unpredictable gangster* 'маниакально непредсказуемый гангстер' (синопсис к кинофильму *Cold Pursuit* 'Снегоуборщик'), *a magnetic, brooding rebel* 'притягательный задумчивый бунтарь' (синопсис к кинофмльму *After* 'После'), *a mysterious paranoid killer* 'таинственный киллер-параноик' (синопсис к кинофильму *Happy Death Day 2U* 'Счастливого нового дня смерти').

Оценка других персонажей присутствует в 24 % логлайнов и 40 % синопсисов, причем положительная и отрицательная представлены примерно поровну. Так, в синопсисе к кинофильму *Long Shot* 'Та еще парочка' персонаж характеризуется как *smart, sophisticated and accomplished* 'умная, утонченная и успешная', а в синопсисе к кинофильму *The Curse of La Llorona* 'Проклятие плачущей' второстепенный персонаж описан как *disillusioned* 'разочарованный'.

Активное употребление оценочной лексики в логлайнах и синопсисах отмечено также для описания ключевой для художественного фильма проблемы или ситуации, что обнаружено в 64 % логлайнов и 80 % синопсисов. В данном случае целью является придание драматизма, с помощью чего делается попытка заинтересовать потенциального зрителя в развязке фильма. В связи с этим отмечено частое употребление общеоценочной лексики для большей интенсификации оценки. Как в логлайнах, так и в синопсисах для описания ситуации или проблемы чаще используется отрицательная оценочная лексика (в 87 % данных компонентов). К примеру: *the tragic incident* 'трагический инцидент' (синопсис к кинофильму *The Meg* 'Мег: Монстр глубины'), *a brutal attack* 'жестокое нападение' (логлайн к кинофильму *Welcome to Marwen* 'Удивительный мир Марвена').

Оценочная лексика для описания места и времени событий фильма, представленная в первую очередь в синопсисах (32 % по сравнению с 22 % логлайнов), преследует цель более детально характеризовать контекст, в котором происходят действия кинофильма: *a sprawling, modern metropolis* 'разросшийся современный мегаполис' (синопсис к кинофильму *Pokémon Detective Pikachu* 'Покемон. Детектив Пикачу'), *paradoxical day* 'парадоксальный день' (синопсис к кинофильму *Happy Death Day 2U* 'Счастливого нового дня смерти'), *an age of despair* 'век отчаяния' (синопсис к кинофильму *Alita: Battle Angel* 'Алита: Боевой ангел'). Отмечено использование оценочной лексики как с положительным, так и с отрицательным значением. Частнооценочная лексика преобладает над общеооценочной, что связано с целью подробно охарактеризовать место и время, в которых разворачиваются события.

В связи с тем, что тэглайны не имеют стандартной суперструктуры, а составляются в свободной форме, анализ оценочной лексики, используемой в них, сводится к определению частотности оценочно маркированных единиц различных частей речи, преимущественно прилагательных: *a* ***beloved*** *tale* 'любимая сказка' (тэглайн к кинофильму *Dumbo* 'Дамбо'), ***the most powerful*** *weapon* 'самое сильное оружие' (тэглайн к кинофильму *A Private War* 'Частная война'), *a* ***dark*** *side* 'темная сторона' (тэглайн к кинофильму *The Nutcracker and the Four Realms* 'Щелкунчик и четыре королевства') и др.

Таким образом, проведенный анализ позволил установить, что в реализации коммуникативных целей аннотаций к англоязычным художественным фильмам активно используется оценочная лексика. При этом частнооценочная лексика чаще всего употребляется для более детального описания того или иного компонента аннотации (протагонист, антагонист, другие персонажи, место и время). Для придания драматизма и образности описанию привлекается общеоценочная лексика. Преимущественное использование позитивно или негативно окрашенной лексики зависит от компонента аннотации, который она характеризует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
2. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
4. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
5. *Хорошилова, О. А.* Оценочный концепт «Good/хороший» как структурный элемент английской и русской языковых картин мира / О. А. Хорошилова // Вестн. Адыг. гос. ун-та, Сер. 2: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – № 4 – С.179–183.
6. *Фомина, Ю. А.* Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Челябинск, 2007. – С. 154–161.
7. *Чурилина, Л. Н.* «Языковая личность» в художественном тексте / Л. Н. Чурилина. – М. : ФЛИНТА, 2017 . – 239 с.
8. *Martin, J. R.* The Language of Evaluation: Appraisal in English / J. R. Martin, P. R. R. White. – London : Palgrave Macmillan, 2005. – 278 p.
9. Internet Movie Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.imdb.com/. – Дата доступа : 16.09.2019.

The article is devoted to the use of evaluation lexis in annotations to feature films in the English language. The use of evaluation lexis in synopses, loglines and taglines is considered. A quantitative and qualitative analysis of the identified evaluative vocabulary units characterizing the main components of annotations is presented.

Д. Ю. Шаргаева
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БЕЛОРУССКОГО ДЕТСКОГО ТЕЛЕДИСКУРСА[1]

В статье раскрываются особенности коммуникативного поведения участников детских телепередач, обусловленные функциями, реализуемыми в процессе программы, а также спецификой аудитории, на которую направлен данный вид дискурса. Руководящая роль в развлекательно-дидактическом дискурсе принадлежит ведущему, поэтому можно говорить об инициативной модели детской передачи.

[1]Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы «Коммуникативный и лингвопрагматический профиль участников детского теледискурса в сопоставительном аспекте» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор с БРФФИ № Г18М-158 от 30.05.2018 г.).

Процесс социализации проходит через подражание, ребенок старается копировать взрослых, любимых персонажей, поэтому характерно, что в рамках детских передач широко используются сюжетно-ролевые игры и ситуационные модели, позволяющие познавать специфику личностных отношений и поведенческих процессов. Выбор персонажей передачи (детеныши животных, сказочные персонажи) также объясняется возрастными особенностями аудитории.

В дошкольном возрасте внимание и память прямо зависят от интереса, поэтому участники детских передач прибегают к использованию определенных коммуникативных стратегий и тактик с целью привлечения и поддержания внимания зрителей, а также ряда приемов и конкретных языковых средств.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является исследование национального *коммуникативного поведения* различных лингвокультурных общностей, под которым понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной групп, а также отдельной личности [1, с. 3]. Феномен привлекает внимание ученых в связи с расширением межнациональных контактов, фокусированием внимания на национальной самобытности различных народов, необходимостью систематизации фактов проявления национальной специфики в общении того или иного народа и, следовательно, активным развитием контрастивных, межкультурных исследований, антропоцентрической лингвистики [2; 3].

В ходе изучения национального коммуникативного поведения исследователями выделяются его доминантные черты, подразумевающие особенности, характерные для разных возрастных, гендерных и социальных групп, проявляющиеся в разных, но однотипных коммуникативных ситуациях [4] не только на вербальном, но и на невербальном уровне. Под вербальным коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации процесса общения в определенных коммуникативных условиях. Невербальное коммуникативное поведение трактуется как совокупность норм и традиций, определяющих требования к организации ситуации общения, физическим действиям, контактам и расположению собеседников, невербальным средствам демонстрации отношения к собеседнику, мимике, жестам и позам, сопровождающим процесс общения и необходимым для его осуществления [1, с. 5]. Как отмечается исследователями, сходство между вербальными и невербальными компонентами коммуникации заключается в том, что все они имеют знаковый характер, являются социально и культурно обусловленными и подвержены индивидуальным вариациям.

Особенности коммуникативного поведения участников детских телепередач обусловлены функциями, реализуемыми в процессе программы, а также спецификой аудитории, на которую направлен данный вид дискурса. Коммуникативное поведение участников программ для детей и их воздействие на ребенка необходимо изучать исходя из анализа потребностей и особенностей его возрастного развития. В нашем исследовании мы рассматриваем особенности передач белорусского телевидения, ориентированных на детей дошкольного (от 3 до 6 лет) и младшего школьного возраста (от 7 до 10 лет).

Современное телевидение значительно влияет на подсознание ребенка, развивая и формируя личность. Передачи для детей позитивно воздействуют на культурное развитие человека и дают возможность совершенствоваться и познавать мир, самостоятельно анализировать полученную информацию

и делать выводы, развивать мышление, выполняя, таким образом, наряду с развлекательной информационную, рекреативную, образовательную и воспитательную функции [5, с. 56]. В этом состоит одно из достоинств телепередач для детей.

Детские телепередачи, в отличие от других разновидностей медиадискурса, тщательно подготовлены, лишены спонтанности и импровизации. Сюжет каждой программы, распределение коммуникативных ролей персонажей и их реплики заранее подготовлены и отредактированы. И то, что зритель видит на экране во время эфира, является спланированным и целостным продуктом теледискурса. Тем не менее решающая роль в развлекательно-дидактическом дискурсе принадлежит персонажу-ведущему, который непосредственно налаживает контакт со зрительской аудиторией, а также другими персонажами, ставит конкретные проблемные вопросы, очерчивает проблемную ситуацию и побуждает собеседников к обсуждению и поиску способов решения проблемы.

Таким образом, благодаря руководящей роли ведущего можно говорить об инициативной модели детской передачи. Реализации этой роли способствуют определенные языковые средства, среди которых особое место занимают вопросы и реплики, содействующие раскрытию проблемы. Ведущий «отслеживает» последовательность коммуникативных ролей и «руководит» ходом сюжета, задавая вопросы для введения в проблемную ситуацию (*І чым вы тут заняты, што мяне не бачыце і не чуеце?*), побуждая к ответу (*А што вы, дазвольце даведацца, прапаноўваеце галоўным архітэктарам?*), объявляя о переходе к другой теме, предлагая варианты решения проблемы (*Не вешаць насы! У мяне прапанова!*), давая комментарии с целью обсуждения других аспектов проблемы (*Цудоўна! А можаце мне падказаць, чым птушкі любяць ласавацца?*).

Но нельзя говорить лишь о доминирующей роли ведущего. В ходе передачи не редко происходит мена коммуникативных ролей и данную позицию может занять один из персонажей, а ведущий, участвуя в сюжетно-ролевой игре, помогает продемонстрировать проблему с иной стороны, предлагая зрителю как бы поучаствовать в поиске решения:

Ф е е ч к а: *Ого! Як вы сабе гэта ўяўляеце?*

Я н а ч к а: *Ну, напрыклад. Мы нібы птушыная сям'я. Вы – матуля, а Нестар быццам тата, а мы вашы дзеці. Так?*

Ф е е ч к а: *Уявіла.*

Б у с л і к: *... А вам, матуля, трэба нам вячэру гатаваць.*

Ф е е ч к а: *Так, вячэру значыцца.*

Я н а ч к а: *Вы час не губляйце, а гатуйце, гатуйце.*

В приведенном примере можно увидеть, как персонаж-ведущий (Феечка) уступает свою позицию другим персонажам, принимая участие в их игре, примеряя на себя иную социальную роль, роль матери. Персонажи-куклы примеряют на себя роль детей, моделируя повседневную ситуацию и диктуя образ поведения в ней. Такие приемы, а также соответствующее коммуникативное поведение участников объясняются особенностями целевой аудитории. В этом возрасте у ребенка просыпается потребность в общении, накоплении социального опыта, приобретении познавательной информации, при помощи чего у него будут вырабатываться определенные навыки и умения. Процесс его социализации проходит через подражание, ребенок старается копировать взрослых,

любимых персонажей. Игра становится новым способом познания окружающего мира посредством собственных накопившихся представлений о нем. Во время игры он «перенимает» образ взрослого человека или персонажа на себя, моделирует его поведение, тем самым развивая свои навыки общения и поведения. В ходе сюжетно-ролевой игры у ребенка активно развиваются психические процессы, умственные способности, мышление и воображение, а также происходит личностное развитие [6, с. 227]. Таким образом, сюжетно-ролевые игры и ситуационные модели в рамках детских передач являются одним из лучших способов познания мира эмоций, личностных отношений и поведенческих процессов.

Не удивительно, что в белорусских детских передачах при выборе героев сделан акцент на сказочных персонажах, детенышах животных. Это объясняется тем, что в этом возрасте детям удается лучше ассоциировать себя с ними. В форме игры, при помощи незатейливых ситуаций, персонажей и кукол детьми усваиваются определенные базовые знания, которые способствуют гармоничному и полноценному развитию. По мнению исследователей, для лучшего восприятия и усвоения информации количество персонажей в кадре следует ограничить до 1 главного и 2–3 второстепенных, а продолжительность фильма для детей должна составлять от 15 до 30 минут [6, с. 228].

В дошкольном возрасте внимание ребенка, как и память, являются непроизвольными и напрямую зависят от интереса [6, с. 227]. Чем больше эмоций ребенок получит от процесса познания предмета, тем на более долгое время он его запомнит. Учитывая данную специфику аудитории, участники детских передач прибегают к использованию определенных коммуникативных стратегий и тактик с целью привлечения и поддержания внимания зрителей (тактики вовлечения зрителя в диалог, прогнозирования, переключения темы, усиления эмотивности и др.). Для их реализации используется ряд эмотивных средств (*Топа! Але на такога неахайнага мядзведзіка вельмі непрыемна глядзець!*), вопросы зрителям (*Ну, а пасля такога добрага мультфільма будзем да сну рыхтавацца?*), при помощи которых персонаж-ведущий диалогизирует свою речь и вовлекает публику в обсуждение проблемы.

Участники белорусских программ для детей обращаются к зрителю не только во время компонентов приветствия или прощания, но зачастую привлекают аудиторию непосредственно к обсуждению проблемы. Одним из эффективных способов включения зрителя в диалог является употребление прямых и косвенных обращений к аудитории. Средствами обращения служат побудительные, восклицательные и вопросительные высказывания, адресованные слушателям, личные местоимения *вы/вашы*, существительные *гледачы*, *сябры*, *хлопчыкі і дзяўчынкі*. Например: *Добры вечар, мае маленькія сябры!*, *Прывітанне, дзяўчынкі і хлопчыкі!*, *Давайце і мы, і нашы гледачы зробім для нашых птушак як мага больш звычайных домікаў!* Средства обращения, представляющие прямую референцию к адресату, используются, в основном, в начале и в конце дискуссии. Косвенные обращения в детских передачах белорусского телевидения встречаются достаточно редко и более характерны для зарубежных программ.

При закладывании понятий «хорошо» и «плохо», норм морали, поведения и устоев нашего общества у ребенка происходит оценка своих действий, действий

сверстников, персонажей передач. В этом возрасте он уже может отличить плохого героя от хорошего, добро от зла. Так, для выражения определенной оценки (положительной, отрицательной) персонажей или ситуации участники передачи прибегают к приему противопоставления (*Ты мне зараз не мядзведзіка Топу нагадваеш, а парсючка нейкага*). Для достижения дополнительного воздействия, в том числе и эмоционального, ведущий и персонажи прибегают к невербальным средствам демонстрации отношения к собеседнику: мимике, жестам и позам, сопровождающим процесс общения и необходимым для его осуществления. Поэтому, ориентируясь на четкие и яркие комментарии участников детских передач, ребенок может свободно проводить оценку своих и чужих действий, делать умозаключения. Также отмечается, что эмоциональная напряженность передачи должна быть умеренной, чтобы телевизионный ряд и сюжетная линия давали возможность ребенку сопереживать и сочувствовать героям передачи.

Таким образом, обобщив результаты, полученные в ходе исследования, можно сделать вывод, что особенности моделирования коммуникативного поведения участников передач для детей во многом обусловлены функциями, реализующимися в процессе коммуникации. Так, в. рамках детских передач реализуются не только развлекательная и рекреативная, но и образовательная, воспитательная и информирующая функции. Особенности коммуникативного поведения ведущего и персонажей также определяются спецификой физиологического и психо-логического развития целевой аудитории, что влияет на выбор коммуникативных средств для организации адекватного общения. При этом индивидуальное коммуникативное поведение так или иначе детерминировано национальным дискурсивным стилем, характерным для белорусской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж : Гарант, 2015. – 52 с.
2. *Стернин, И. А.* Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение : сб. науч. ст. ; науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 4–20.
3. *Шевцова, А. К.* Коммуникативное поведение участников радиодискуссий в британской и белорусской культурах / А. К. Шевцова // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ / редкол. : Т. П. Карпилович [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2013. – Вып. 2. – С. 38–43.
4. *Ларина, Т. В.* Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения / Т. В. Ларина // Филол. науки. – 2007. – № 2. – С. 71–81.
5. *Кузнецов, Г. В.* Телевизионная журналистика / Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. – М. : Высш. шк., 2002. – 304 с.
6. *Громова, К. В.* Основные характеристики телевизионного медиапродукта для дошкольной аудитории / К. В. Громова // Ист. и соц.-образоват. мысль. – 2014. – Т. 6, ч. 2. – С. 224–229.

The article deals with the characteristic features of modeling of communicative behavior of participants of children's programs. The communicative behavior of the host and characters is determined by the functions realized in the program and the specifics of the age development of the target audience, which affects the choice of communicative means for the organization of adequate communication.

В. Д. Зубец
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕРБАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

В статье представлен анализ языковых средств, составляющих речевой портрет англоязычного политического деятеля. Их выбор политическим деятелем для описания своего видения ситуации играет большую роль, поскольку одну и ту же ситуацию можно представить по-разному в зависимости от того, какие цели преследует выступающий. Употребление определенных языковых средств политическим субъектом формирует у аудитории необходимое восприятие политических событий и определенное отношение к ним. Нами была предпринята попытка проследить особенности вербального поведения главы правительства Великобритании Терезы Мэй в момент заявления о выходе из Евросоюза на материале одного из ее первых выступлений (“Britain, the great meritocracy”, 9.09.2016 г.).

Цель нашего исследования – определние политической позиции и речевых средств ее выражения, что потребовало решения таких задач, как описание языковых средств, отражающих политические взгляды премьер-министра, а также установление путей реализации основных стратегий ее обращения. Выявлены концепты и стратегии, созданные для привлечения внимания, распространения идеологических воззрений, убеждения аудитории в правильности поставленных проблем и предложенных путей их решения, мобилизации аудитории для поддержки государственных инициатив.

Безусловно, для Терезы Мэй очень важно было выразить свою позицию в вопросе Brexit. Премьер-министр следует конвенциональной стратегии, основная цель которой – такой вариант выхода из Евросоюза, который обеспечит Великобритании дальнейшее процветание [1].

Политик открыто говорит о тех серьезных и глубоких переменах (*great ... profound changes*), которые ожидают страну, подчеркивая необходимость установления в мировом сообществе и внутри страны новой, амбициозной роли для нации: *We are facing a moment of great changes. As we leave the European Union, we must define an ambitious new role for ourselves in the world. That involves asking ourselves what kind of country we want to be: a confident, global trading nation that continues to play its full part on the world stage.*

Политический текст нередко строится на такой базовой оппозиции, как «свое–чужое» [2], которая в речи Терезы Мэй выражается путем противопоставления идей национального развития *nation – on the world stage* и *country – at home*. При этом премьер-министр не противопоставляет одно другому, а, наоборот, полагает, что процветание самой Великобритании не может происходить без укрепления ее позиций на международной арене.

Приоритетом будущей внутренней политики для Терезы Мэй является нация, которую слышат и понимают, чьи желания учитывают, а не игнорируют, нация, которая ждет перемен: *They (the British people) want a government that listens, understands and is on their side. They want change. And this government is going to deliver it.*

В выступлении премьер-министра идея патриотизма приоритетна. В данном случае его можно рассматривать как политический принцип для достижения ряда поставленных целей и задач [3]. Все это выражается в готовности пра-

вительства принимать во внимание интересы не столько лиц, принадлежащих к высшему, привилегированному слою общества, сколько обычных граждан, людей рабочего класса: *Everything we do will be driven, not by the interests of the privileged few. Not by those with the loudest voices, the special interests, the greatest wealth or the access to influence. This government's priorities are those of ordinary, working class people. People for whom life sometimes can be a struggle, but who get on with things without complaint*.

Тереза Мэй выступает за честное и справедливое государство, которое обеспечивает достойный уровень жизни и равные возможности для всех граждан, уважает человеческие достоинства: *They don't ask for much, but they want to know that the people that make the big decisions are on their side, working for them. They want to believe that everyone plays by the same rules and things are fair. And above all they want to believe that if they uphold their end of the deal – they do the right thing, they work hard, they pay their taxes – then tomorrow will be better than today and their children will have a fair chance in life, the chance to go as far as their talents will take them.* Бессоюзное гомологическое перечисление *they do the right thing, they work hard, they pay their taxes* создает впечатление логичности, точности, единства. Употребление крылатого выражения *tomorrow will be better than today* позволяет четко выразить отношение премьер-министра к происходящему и отразить ее эмоции.

В рамках своего послания премьер-министр отмечает, что основная задача сейчас – это построение страны по принципам меритократии (*meritocracy* ‘власть достойных’), формы управления, согласно которой положение человека в обществе обусловливается его способностями, а не его социальным происхождением или финансовым достатком: *... what kind of country – what kind of society – do we want to be? I am clear about the answer. I want Britain to be the world's great meritocracy – a country where everyone has a fair chance to go as far as their talent and their hard work will allow. And I want Britain to be a place where advantage is based on merit not privilege; where it's your talent and hard work that matter, not where you were born, who your parents are or what your accent sounds like*. Дважды используя отрицательную глагольную частицу *not* (*not privilege, not where you were born*), премьер-министр подчеркивает тем самым свою ответственность перед народом в предоставлении ему равных возможностей, при которых жизненный успех человека будет зависеть только от его самостоятельности, инициативы и труда.

Со слов Терезы Мэй, принципы меритократизма можно осуществить с помощью определенных действий: *taking on some big challenges; tackling some vested interests; overcoming barriers that have been constructed over many years; not being afraid to think differently about what disadvantage means, who we want to help and how we can help them*. В данном случае внимание привлекают глаголы *taking, tackling, overcoming, not being afraid*, использование которых свидетельствует о возможностях и серьезных намерениях правительства в отношении реализации идеи меритократизма в стране.

Однако основным элементом в достижении меритократизма является проведение социальной реформы на всех уровнях общества: *Because if the central concern ordinary working class people have is that their children will not enjoy the same opportunities they have had in life, we need to ensure that there*

is a good school place for every child, and education provision that caters to the individual needs and abilities of every pupil. В данном случае Тереза Мэй использует прием пресуппозиции. Утверждение содержит одну пропозицию, которая является темой: *if the central concern ordinary working class people have is that their children will not enjoy the same opportunities they have had in life.*

Содержательная сторона социальной реформы (социального равенства) включает в себя концепт «модернизация», отражающий модель будущей образовательной системы, которая предлагается гражданам страны, например: *teachers and headteachers are free to make the decisions that are best for them; every child has the opportunity to develop the core knowledge that underpins everything else; put control in the hands of parents and headteachers, and encouraged people from all walks of life who are passionate about education to bring their best ideas and innovations to our school system; school standards to match the best international comparisons; extra help and support (pupil premium) if you're from a disadvantaged family; families can be sure of their children getting good school places; every child should be given the opportunity to develop the crucial academic core.* Тереза Мэй в своем обращении использует упорядоченный дистантный повтор – реддицию (*the opportunity to develop … the opportunity to develop*), призванную создать эффект выполнения намеченных планов правительством [4].

Анализ представленных концептов позволяет понять, что в будущем для правительства Терезы Мэй принцип меритократии будет движущей силой в преобразовании системы образования Великобритании. Премьер-министр стремится подчеркнуть идею «государство для человека», а не «человек для государства».

Еще одной стратегией обращения является убеждение аудитории [4] в правильности поставленных проблем и предложенных путей их решения. Подводя итоги, премьер-министр обращается к будущему страны как мотивирующему фактору в формировании успешного и процветающего общества: *It is not a proposal to go back to the 1950s but to look to the future, and that future I believe is an exciting one. It is a future in which every child should have access to a good school place. And a future in which Britain's education system shifts decisively to support ordinary working class families.*

В своем послании Тереза Мэй агитирует своих слушателей присоединиться к ее команде, стать ее участником с целью достижения поставленных ею задач – ее амбиций (*that is my ambition*): *let's now build on the success of school reform, let's encourage others to play their part, and let's remove the barriers they face so we can do more; let's sweep away those barriers and encourage more people to join us in the task of delivering a good school place for every child; let's build a truly dynamic school system; let's offer a diverse range of good schools that ensure the individual talents and abilities of every child are catered for. I want this country to be a great meritocracy. I want to see more houses built, better productivity so we can have more well-paid jobs, more economic growth not just in the south-east of England but across the whole country to help more people get on. But more than anything else, I want to see children from ordinary, working class families given the chances their richer contemporaries take for granted. That means we need more great schools.*

В приведенных примерах удачно использованные анафорические повторы (*let's, I want, future*) придают речи оттенок экспрессивности, ритмичности и эмоциональности. С целью воздействия на аудиторию Тереза Мэй подчеркивает свою личную вовлеченность в решение государственных вопросов, употребляя в выступлении конструкции *I want* 20 раз, *let's* 7 раз и имя существительное *future* 7 раз. Многочисленные повторы количественного квантификатора *mor*e, который встречается в тексте 30 раз, указывают на создание и развитие перспективного общества [5].

Идея обновленной страны подчеркивается путем использования сравнительной формы имен прилагательных (*better, richer*).

Подводя итог, отметим, что выступления политиков включают в себя огромное множество различных лингвистических и стилистических способов и приемов воздействия на аудиторию. Однако, интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политических выступлений предполагает знание фона, ожиданий политика и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху. Когнитивная система Терезы Мэй как политика ориентирована на универсальные ценности (единение нации, равноправие, честь, любовь к стране и т.д.), а ее вербальная система, изобилующая сложными грамматическими конструкциями, идиоматическими выражениями, образными сравнениями и яркими примерами, отличается четкостью и убедительностью, что позволяет охарактеризовать языковую личность Терезы Мэй как способную аргументированно призвать аудиторию к необходимым действиям, существенно важным для дальнейшего качественного изменения жизни Великобритании в сложный исторический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтунян, А. Г.* Анализ политических текстов: учеб. пособие / А. Г. Алтунян. – Логос, 2006. – 384 с.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. – 445 с.
3. *Суслова, А. Ю.* Новые лингвистические технологии в современном политическом дискурсе [Электронный ресурс] / А. Ю. Суслова. – Красноярск, 2008. – Режим доступа : http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/850. – Дата доступа : 12.09.2019.
4. *Цуладзе, А. М.* Политические манипуляции, или покорение толпы / А. М. Цуладзе. – М.: Кн. дом «Университет», 1999. – 144 с.
5. *May, T.* Britain, the great meritocracy: Prime Minister’s speech // GOV.UK. [Electronic resourse]. – 2016. – Mode of access : https://www.gov.uk/government/speeches/britain-the-great-meritocracy-prime-ministers-speech. — Date of access : 08.09.2019.

This article is devoted to the analysis of the language tools that make up the speech portrait of an English-speaking political figure. The choice of linguistic means by a politician plays a big role, because the same situation can be presented differently depending on what goals the speaker pursues. The usage of certain linguistic means by a political subject forms the necessary perception of political events and a certain attitude of the audience towards them.

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Р. В. Детскина, Л. В. Шимчук
Минск, МГЛУ

АЛГОРИТМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АФОРИЗМОВ

В статье рассматриваются вопросы тематической классификации англоязычных афоризмов для создания алгоритма автоматизации такого рода анализа.

Классификация по стилистическому критерию главным образом охватывает афористическую фразеологию, т.е. устойчивые и не только в различной степени переосмысленные словосочетания. Согласно этому критерию выделяют пословицы, афоризмы, поговорки, парные сочетания, крылатые выражения, идиомы.

В настоящее время нет единых критериев, при помощи которых было бы возможно вычленить из состава языка фразеологические единицы и их типы. Даже общепризнанные критерии могут пониматься лингвистами поразному. В этой связи проводимое исследование представляется актуальным.

Наиболее распространенной классификацией, принятой в печатных изданиях, посвященных афоризмам, является тематическая классификация, при которой афоризмы подразделяются исходя из темы, которая раскрывается в том или ином афоризме. Именно поэтому, довольно актуальной является разработка автоматической системы тематической классификации афоризмов. В данной работе нами была предпринята попытка создания такой системы для классификации отобранного лингвистического материала. Всего для анализа было отобрано 300 текстов англоязычных афоризмов. Лингвистический материал отбирался на основании определения афоризма как обобщенной, глубокой мысли автора, выраженной в лаконичной, отточенной форме и отличающейся выразительностью, неожиданностью суждения. Источниками послужили англоязычные интернет-ресурсы, посвященные афоризмам, такие как www.aphorism4all.com и www.aphorismsgalore.com.

Все афористические единицы были разделены на двадцать групп на основании тематической принадлежности афоризмов. Тематики были выделены на основании тематической классификации афоризмов на специализированном интернет-портале www.aphorismsgalore.com. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Тематическая классификация англоязычных афоризмов

Тематика	Примеры	Абсолютная частота встречаемости	Относительная частота встречаемости
1. Art and Literature	Art is anything you can get away with (Terence Trent D'Arby)	10	0,03
2. Beauty and fashion	Everything has beauty, but not everyone sees it (Confucius)	6	0,02
3. Democracy and Freedom	Democracy is the worst form of government except all those other forms that have been tried (Winston Churchill)	8	0,03
4. Food and Drinks	A diet is when you watch what you eat and wish you could eat what you watch (Hermione Gingold)	4	0,013
5. Friends and Enemies	Friends come and go, but enemies accumulate (Henry David Thoreau)	10	0,033
6. Happiness and Misery	Happiness is unrepentant pleasure (Socrates)	10	0,03
7. Health and Disease	A hospital is no place to be sick (Samuel Goldwyn)	4	0,013
8. Life and Death	Life is short. Live it up (Nikita Khrushchev)	10	0,033
9. Love and Hatred	Love is the answer. But while you're waiting for the answer, sex brings up some pretty good questions (Woody Allen)	14	0,05
10. Men and Women	Woman inspires us to great things, and prevents us from achieving them (Alexandre Dumas)	30	0,1
11. Politics and Law	Politics, as a practice, whatever its professions, has always been the systematic organization of hatreds (Henry Brooks Adams)	10	0,03
12. Religion and Science	Science is what you know; philosophy is what you don't know (Bertrand Russell)	18	0,06
13. Success and Failure	The secret of success is constancy to purpose (Benjamin Disraeli)	13	0,043
14. Thought and Deed	Popular opinion is the greatest lie in the world (Thomas Carlyle)	14	0,05
15. Time and Memory	Yesterday is but today's memory, tomorrow is today's dream (Kahlil Gibran)	9	0,03
16. War and Peace	In war, there is no substitute for victory (Douglas Mac Arthur)	4	0,013
17. Wealth and Poverty	Money is better than poverty, if only for financial reasons (Woody Allen)	6	0,02
18. Wisdom and Ignorance	Education is the process of driving a set of prejudices down your throat (Martin H. Fischer)	24	0,08
19. Work and Recreation	The beginning is the most important part of the work (Plato)	6	0,02
20. Multidisciplin and aphorisms	Love and scandal are the best sweeteners of tea (Henry Fielding)	90	0,3
Всего		300	

Результаты анализа наглядно представлены на диаграмме употребления различных структур англоязычных афоризмов в проанализированных текстах афоризмов (рис. 1).

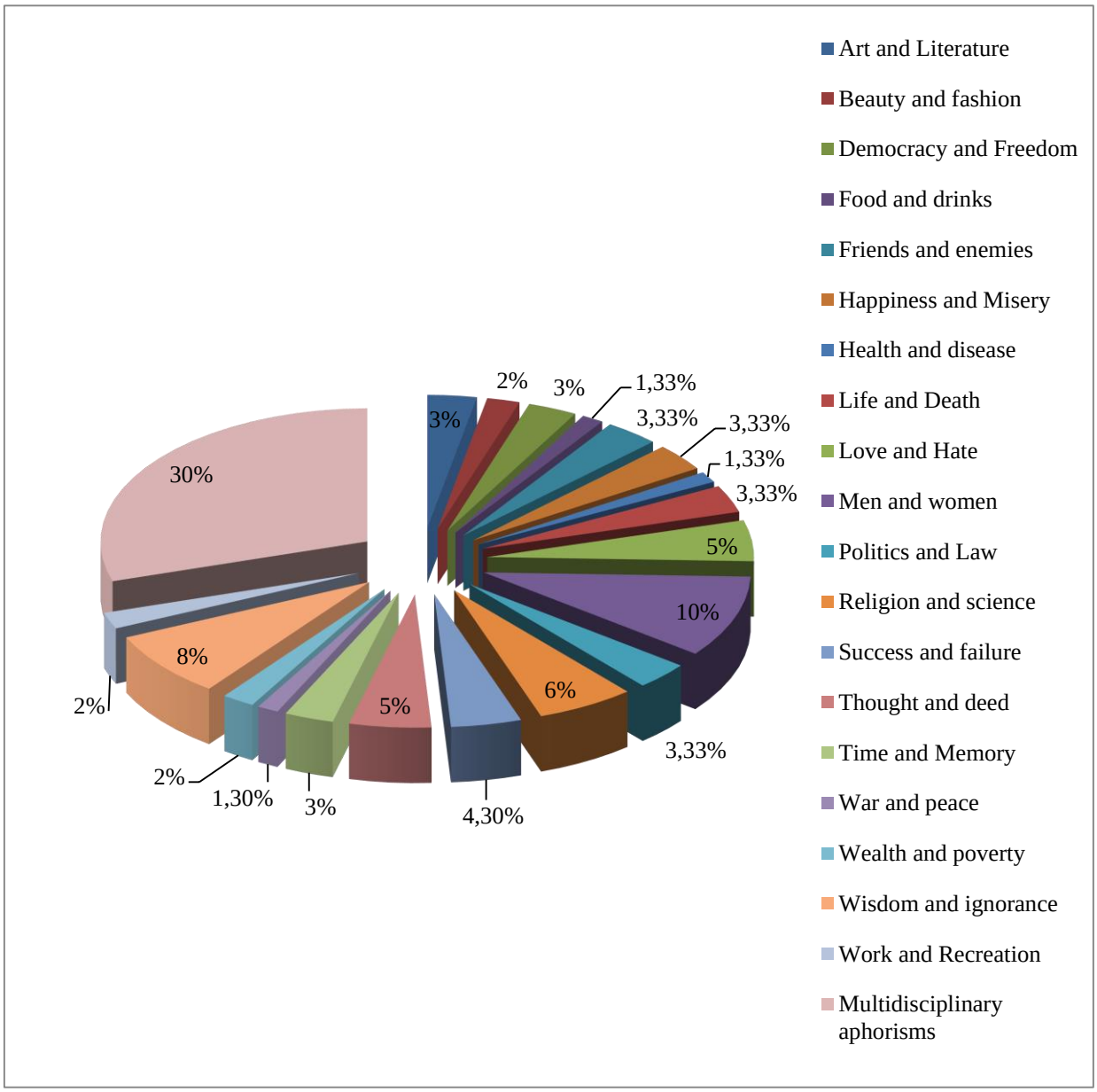

Рис. 1. Результаты распределения отобранных англоязычных афоризмов по тематикам

Наиболее многочисленная группа из монотематических афоризмов – Men and Women (10,33 %). Например, *Woman inspires us to great things, and prevents us from achieving them* (Alexandre Dumas).

Следующую группу (30 %) составляют политематические афоризмы. Например, *Man is only happy as he finds a work worth doing, and does it well* (E. Merrill Root).

Все проанализированные афористические единицы, относящиеся к политематическим, были разделены на три группы в соответствие с количеством представленных в них тематик. Полученные результаты представлены в табл. 2, 3 и 4.

Таблица 2

Политематические афоризмы, относящиеся к 4 тематикам

№ п/п	Тематики	Кол-во	Примеры
1	4[1]+7+10+17	1	A young man with good health and a poor appetite can save up money (James Montgomery Bailey)
2	8+10+12+19	1	I believe in the dignity of labor, whether with head or hand; that the world owes no man a living but that it owes every man an opportunity to make a living (John Davison Rockefeller)
Всего		2	

Таблица 3

Политематические англоязычные афоризмы, относящиеся к 3 тематикам

№ п/п	Тематика	Кол-во	Примеры
1	1+7+10	1	Every human being is the author of his own health or disease (Buddha)
2	8+10+12	1	Everyone lives in his own fantasy world, but most people don't understand that. No one perceives the real world. Each person simply calls his private, personal fantasies the truth (Federico Fellini)
3	7+9+12	1	There is always some madness in love. But there is also always some reason in madness (Friedrich Nietzsche)
4	1+9+10	1	Flirting is the gentle art of making a man feel pleased with himself (Helen Rowland)
5	6+10+18	1	The danger today is not so much that machines will learn to think and feel but that men will cease to do so (Ferry)
6	6+7+15	1	Happiness is good health and a bad memory (Ingrid Bergman)
7	2+7+10	1	The only medicine, which does women more good than harm, is dress (Jean Paul Richter)
8	1+11+18	1	The wisdom of hindsight, so useful to historians and indeed to authors of memoirs, is sadly denied to practicing politicians (Margaret Thatcher)
9	4+9+10	1	Wine gives courage and makes men more apt for passion (Ovid)
10	12+17+18	1	Advertising may be described as the science of arresting human intelligence long enough to get money from it (Stephen Leacock)
11	10+11+12	1	Through clever and constant application of propaganda, people can be made to see Paradise as Hell; and also the other way around, to consider the most wretched sort of life as Paradise (Adolf Hitler)
12	5+9+10	1	A delicacy of taste is favorable to love and friendship, by confining our choice to few people, and making us indifferent to the company and conversation of the greater part of men (David Hume)
13	6+10+19	1	Man is only happy as he finds a work worth doing, and does it well (E. Merrill Root)
14	7+10+12	1	I've never met a healthy person who worried much about his health or a good person who worried much about his soul (Haldane)
15	3+12+18	1	Democracy is a pathetic belief in the collective wisdom of individual ignorance (Henry Louis Mencken)
16	9+10+12	1	Man makes holy what he believes, as he makes beautiful what he loves (Josef Ernest Renan)
17	8+10+12	1	Were there no women, men might live like gods (Thomas Dekker)
Всего		17	

[1]Здесь и далее в табл. 2–4 номера соответствуют номерам тематик из табл. 1.

Таблица 4

Политематические англоязычные афоризмы, относящиеся к 2 тематикам

№ п/п	Тематика	Кол-во	Примеры
1	1+4	1	Wine is bottled poetry (Robert Louis Stevenson)
2	1+8	2	Paradoxically though it may seem, it is none the less true that life imitates art far more than art imitates life (Oscar Wilde)
3	1+10	3	The man, who doesn't read good books, has no advantage over the man who can't read them (Mark Twain)
4	1+11	1	Politics is the art of looking for trouble, finding it everywhere, diagnosing it incorrectly, and applying the wrong remedies (Ferdinand Lundberg)
5	1+16	1	If there is a gun hanging on the wall in the first act, it must fire in the last (Anton Chekhov)
6	2+8	1	Nature gives you the face you have at twenty. Life shapes the face you have at thirty. But at fifty you get the face you deserve (Coco Chanel)
7	2+10	2	Beauty is the wonder of wonders. It is only the shallow people who do not judge by appearance (Oscar Wilde)
8	3+8	1	Is freedom anything else than the right to live as we wish? Nothing else (Epictetus)
9	3+10	1	Man is born free and everywhere he is in chains (Jean-Jacques Rousseau)
10	3+11	1	Political freedom is, or ought to be, the best guaranty for the safety and continuance of spiritual, mental, and civil freedom. It is the combination of numbers to secure the liberty to each one (Edward George Bulwer-Lytton)
11	3+18	1	Democracy means government by the uneducated, while aristocracy means government by the badly educated (Gilbert Keith Chesterton)
12	4+5	1	Wine is bottled poetry (Robert Louis Stevenson)
13	4+9	2	There is no sincerer love than the love of food (George Bernard Shaw)
14	5+7	1	True friendship is like sound health – the value of it is seldom known until it is lost (Charles Caleb Colton)
15	5+8	1	The enemy is anybody who's going to get you killed, no matter which side he's on (Joseph Heller)
16	5+10	2	Friendship among women is only a suspension of hostilities (Antoine de Rivarol)
17	5+11	2	A friend in power is a friend lost (Henry Brooks Adams)
18	5+16	1	A war is not won if the defeated enemy has not been turned into a friend (Eric Hoffer)
19	5+17	1	Poverty is the test of civility and the touchstone of friendship (William Hazlitt)
20	5+18	1	In times of rapid change, experience could be your worst enemy (John Paul Getty)
21	6+8	1	Life is simply what our feelings do to us (Honore de Balzac)
22	6+15	1	What makes old age so sad is not that our joys but our hopes cease (Jean Paul Richter)
23	6+17	2	A large income is the best recipe for happiness I ever heard of (Jane Austen)
24	7+9	1	Love is a serious mental disease (Plato)

25	7+10	1	A temporary insanity curable either by marriage or by removal of the influences under which he incurred the disorder. It is sometimes fatal, but more frequently to the physician than the patient (Ambrose Bierce)
26	8+9	2	Death is one of the few things that can be done as easily lying down. The difference between sex and death is that with death you can do it alone and no one is going to make fun of you (Woody Allen)
27	8+10	2	All animals except man know that the ultimate of life is to enjoy it (Samuel Butler)
28	8+11	1	Live to win, dare to fail (James Hetfield)
29	8+12	1	We are sinful not merely because we have eaten of the tree of knowledge, but also because we have not eaten of the tree of life (Franz Kafka)
30	8+14	2	We are all serving a life sentence, and good behaviour is our only hope for a pardon (Doug Horton)
31	8+15	2	My interest is in the future because I am going to spend the rest of my life there (Charles F. Kettering)
32	8+16	1	It is often easier to fight for one`s principles than to live up to them (Adlai E. Stevenson)
33	8+18	1	When the rich make war it's the poor that die (Jean-Paul Sartre)
34	8+19	1	Figure it out. Work a lifetime to pay off a house. You finally own it and there's no one to live in it (Arthur Miller)
35	9+10	2	Women make love for love, men make love for lust (Derrick Harge)
36	9+12	1	In science as in love, too much concentration on technique can often lead to impotence (P. L. Berger)
37	10+11	2	The human race is governed by its imagination (Napoleon)
38	10+12	6	All thinking men are atheists (Errest Hemingway)
39	10+13	1	Show me a thoroughly satisfied man and I will show you a failure (Thomas A. Edison)
40	10+14	1	Women and cats will do as they please, and men and dogs should relax and get used to the idea (Robert A. Heinlein)
41	10+15	1	A woman does not spend all her time in buying things; she spends part of it in taking them back (Edgar Watson Howe)
42	10+17	2	If women didn't exist, all the money in the world would have no meaning (Aristotle)
43	10+19	1	There is plenty of peace in any home where the family doesn't make the mistake of trying to get together (Kin Hubbard)
44	11+12	2	The power of accurate observation is frequently called cynicism by those who don`t have it (George Bernard Shaw)
45	11+18	1	If your actions inspire others to dream more, learn more, do more and become more, you are a leader (John Quincy Adams)
46	12+16	1	War is one of the scourges with which it has pleased God to afflict men (Cardinal Richelieu)
47	12+18	1	Please don't lie to me, unless you're absolutely sure I'll never find out the truth (Ashleigh Brilliant)
48	14+17	1	All achievements, all earned riches, have their beginning in an idea. (Napoleon Hill)
49	14+18	1	It is only reason that teaches silence. The heart teaches us to speak (Jean Paul Richter)
50	15+17	1	Can anybody remember when the times were not hard and money not scarce? (Ralph Waldo Emerson)
Всего		71	

Результаты анализа наглядно представлены на диаграмме политематических афоризмов (рис. 2).

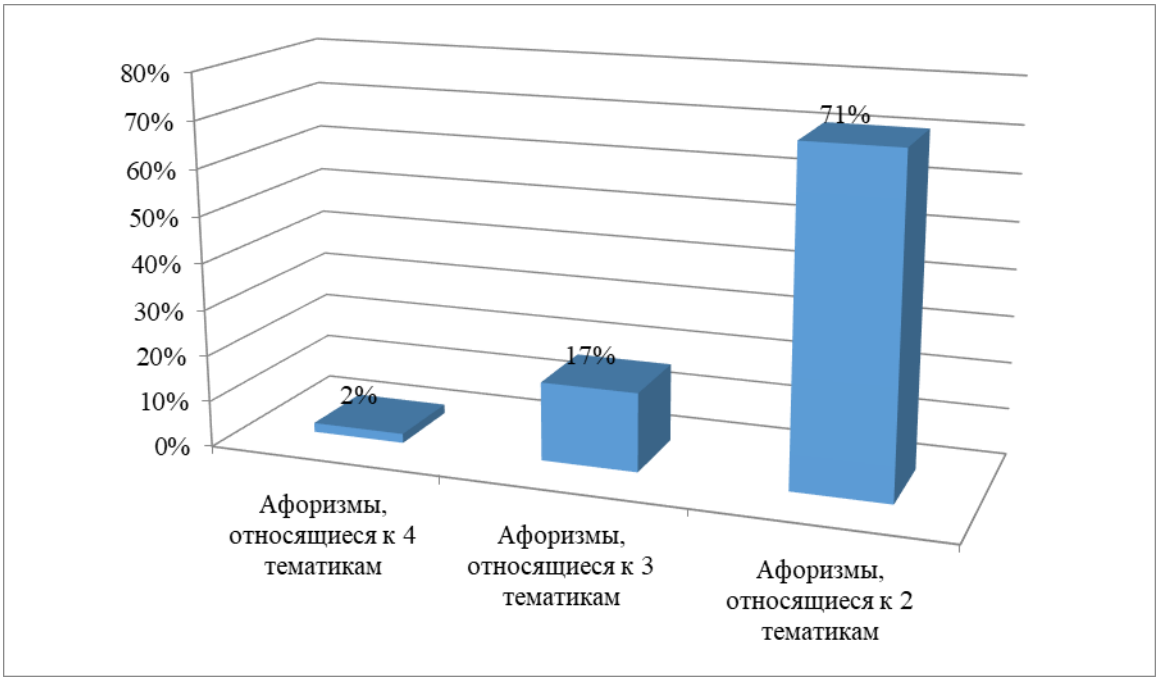

Рис. 2. Результаты анализа политематических афоризмов

На основании описанного тематического анализа отобранных англоязычных афоризмов был разработан алгоритм автоматической системы тематической классификации.

The article deals with thematic classification of English aphorisms aimed at developing a detailed automation algorithm for this kind of analysis.

А. А. Барковіч
Мінск, МДЛУ

МЕТАЛЕКСІЧНАЯ ЗНАЧЫМАСЦЬ: ЛІНГВІСТЫЧНАЯ АКТУАЛІЗАЦЫЯ

Перспектыўнасць металексічнай інтэрпрэтацыі семантыкі маўлення грунтуецца на магчымасці пераходу ад узроўню інтэрпрэтацыі асобных лексем да ўзроўню металексічнай інтэрпрэтацыі семантыкі тэксту і – у больш шырокім кантэксце – дыскурсу. Практыка пацвярджае апраўданасць актуальнай мадыфікацыі і развіцця сродкаў апісання семантыкі. У дадзенай сувязі адной з ключавых характарыстык лінгвістычнай катэгарыяльнасці з'яўляецца ўніверсалія металексічнай значымасці. Мэтазгоднасць шырокай, у тым ліку металексічнай рэпрэзентацыі значымасці сёння абумоўлена «лінгваінфармацыйнай» спецыфікай самой камунікацыйнай сферы. Семантыка тэксту і дыскурсу ў аспекце сучаснай камунікацыі набывае асаблівую «адчувальнасць» да прэцызійных і верыфікаваных складнікаў тэксту. Але інтэрпрэтацыя элементаў з апорай на лексічную семантыку словаўжывання не дазваляе дасягнуць неабходнай дыскрэтнасці камп'ютарнага апасродкавання маўлення. Класічнымі аргументамі ў дадзеным кантэксце сталі нараканні на недасканаласць машыннага перакладу, у многім заснаванага на «традыцыйнай» лексікаграфіі і ўласналінгвістычнай семантыцы метаапісанняў. Адным з шляхоў удасканалення сучаснай камунікацыі з'яўляецца распрацоўка металексічнай семантыкі маўлення і яе імплементацыя ў лінгвістычную тэорыю.

Павярхоўнасць традыцыйнага пункту гледжання на *слова* як аўтаномную ад тканіны камунікацыі адзінку маўлення была заўважана досыць даўно: «... *слова*, нягледзячы на ўсе цяжкасці, звязаныя з вызначэннем гэтага паняцця, ёсць адзінка, якая неадступна ўяўляецца нашаму розуму як нешта цэнтральнае ў механізме мовы; адной гэтай тэмы было б дастаткова для цэлага тома. Далей варта было б перайсці да класіфікацыі адзінак ніжэйшага ўзроўню, затым больш буйных адзінак і г.д. Такім чынам, наша навука, вызначыўшы элементы, якімі яна аперыруе, выканала б сваю задачу цалкам, зводзячы ўсе складаючыя яе кампетэнцыю з'явы да іх асноўнага прынцыпу. Нельга сказаць, што ў лінгвістыцы гэта цэнтральная праблема калі-небудзь ужо ставілася і што ўсё яе значэнне і цяжкасць яе рашэння цалкам асэнсаваны; да гэтага часу ў вобласці мовы заўсёды здавольваліся аперацыямі над адзінкамі, як след не вызначанымі» [8, с. 143]. «Як след не вызначанымі» адзінкамі Ф. дэ Сасюр справядліва называў словы.

Апора на «звыклы» моўны феномен, заснаваны на «ілюзіях» моўнай карціны свету, – *слова* – не здзіўляе ў кантэксце падвышанай цікавасці да перспектыў фармалізацыі моўнай сістэмы. Аднак агульнавядома, што, з'яўляючыся, безумоўна, лінгвістычнай абстракцыяй, слова, дакладней, лексічная адзінка, у метамоўным кантэксце не з'яўляецца самадастатковым моўным артэфактам, сілкуючыся жыццёвай сілай адзінага семантычнага поля мовы, што слушна адзначалася Ю. Д. Апрэсянам [1] і іншымі даследчыкамі.

Насычанасць сучаснай камунікацыі другаснымі семіятычнымі сістэмамі ўзмацняе яе залежнасць ад метамоўнага суправаджэння маўленчай практыкі. Пастаяннае ўскладненне сучасных камп'ютарных інструментаў абумоўлівае актыўную навуковую рэфлексію асвоеных фрэймаў ведаў. У прыватнасці, лінгвістыка істотна ўзбагаціла апарат метамоўнага суправаджэння, адаптаванага да новых тэхналагічных рэалій функцыянавання мовы.

Так, сістэмны характар апазіцыі ў дэрывацыйных адносінах быў пацверджаны пры выхадзе менавіта на дыскурсіўны (маўленчы), а не слоўнікавы (моўны) узровень апісання лексікі. І здагадкі аб пажаданасці металінгвістычнай імплементацыі максімальна набліжанай да функцыянальнай практыкі сістэмы дэрывацыйных адносін аказаліся запатрабаванымі ў кантэксце камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу. Напрыклад, назіранні А. А. Залізняка аб сістэмнай апазіцыі склонавай структуры рускай мовы паслужылі асновай развіцця дэрывацыйнай дыферэнцыяцыі іменнага словазмянення ў кантэксце фармалізацыі мовы: «Фармальна ўсе імёны маюць адзіную 14-склонавую сістэму». Былі вылучаны чатыры родныя, па два давальныя, вінавальныя, творныя, месныя склоны апрача назоўнага склону і лікавай формы [5, с. 53].

Так далёка «масавая» практыка лінгвістычнага суправаджэння дыскурсу пакуль не пайшла, але ўжо ў праекце «Национальный корпус русского языка» выкарыстоўваюцца дзве формы загаднага ладу дзеясловаў*: загадны* і *загадны 2*; не шэсць склонаў назоўнікаў, а адзінаццаць: «… именительный, звательный*, родительный, родительный 2, дательный, винительный, винительный 2*, творительный, предложный, предложный 2, счётная форма» [6]. Зразумела, лацінская па паходжанні сістэма склонаў не адпавядае багатым магчымасцям флектыўнай рускай мовы.

Падобная сітуацыя назіраецца і ў адносінах да беларускай мовы – так, у рэсурсе «Ольденбургский корпус белорусско-русской смешанной речи», ці «ОК-БРСР» выкарыстана дзевяцісклонавая парадыгма назоўнікаў:

«… – NOM (назоўны склон); – GEN (родны склон); – DAT (давальны склон); – ACC (вінавальны склон);– INS (творны склон); – LOC (месны склон); – VOC (клічны склон); – CAMB (склон немагчыма вызначыць адназначна); – 0 (катэгорыя адсутнічае)» [9].

Няма сумненняў, што гэты спіс граматычных навацый у далейшым будзе вельмі цяжка абмежаваць, нават проста пералічыць усе варыянты спалучальнасці штучных і абстрактных для жывой мовы структурных элементаў – задача нялёгкая. Калі ж справа даходзіць да маўленчай рэалізацый такіх мадэлей, практыка ўносіць яшчэ больш істотныя карэктывы. Суцэльны аналіз тэкстаў мастацкай літаратуры і публіцыстыкі, напрыклад, у працэсе корпусных даследаванняў, ставіць пад сумненне многія лексіка-граматычныя стэрэатыпы. Калі ж даследаваць гутарковае маўленне, у тым ліку з асяроддзя камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі, можна атрымаць яшчэ больш непрадказальныя вынікі і сведчанні сапраўдных магчымасцей мовы.

«Дакамп'ютарнай» лінгвістыцы была даступна толькі частка моўнага патэнцыялу, «верхавіна айсберга». Тое, што «… мова выкарыстоўвае толькі невялікую частку ад велізарнай колькасці тэарэтычна магчымых камбінацый, якую магло б даць вольнае злучэнне мінімальных асноўных элементаў», вядома даўно [1, с. 23]. Магчымасці прагназавання спалучальнасці, ацэнкі яе легітымнасці, частотнасць, варыятыўнасць – аспекты, задзейнічанасць пры даследаванні якіх камп'ютарна-апасродкаваных інструментаў даюць непараўнальныя перавагі ў метамоўным суправаджэнні дыскурсу.

Камп'ютарнае мадэляванне асобных моўных працэсаў дае няўяўныя для сярэднестатыстычнага чалавечага мозга магчымасці па зборы і апрацоўцы колькасных даных. Але разам з тым тэхнічных магчымасцей сучасных камп'ютараў, як вядома, недастаткова нават для апісання алгарытмаў адной з дастаткова празрыстых семіятычных сістэм – *шахмат*, хоць нічога занадта складанага ў гэтай гульні няма: удзельнічаюць «толькі» 32 фігуры і задзейнічаны «ўсяго» 64 палі на дошцы. Аналогія з мовай тут дастаткова простая: фігуры могуць быць інтэрпрэтаваны як моўныя адзінкі, палі на дошцы – як маўленчая сітуацыя, гульня – як камунікацыя.

Зразумела, што з-за памылак чалавека камп'ютар здольны выйграць у 99 % шахматыстаў-людзей. Пры гэтым напісаць адну вялікую праграму для шахматнай партыі сёння магчыма толькі тэарэтычна. Просты перабор варыянтаў некалькіх дзясяткаў хадоў сярэдняй шахматнай партыі паміж роўнымі па сіле сапернікамі ператвараецца ў складаную – нават для камп'ютара – аперацыю: рэальна «пралічыць» толькі чатырох- / пяціхадовыя паслядоўнасці. А вось інтуітыўна доўгатэрміновыя перспектывы пэўных шахматных пазіцый вызначаюцца намнога хутчэй. Праўда, кампетэнтна «займацца» гэтым здольны толькі чалавечы розум, які выкарыстоўвае абстрактнае мысленне і інтуіцыю.

Адным з відавочных рэзерваў удасканалення катэгарыяльнага апарату мовы з'яўляецца развіццё металексічных мадэлей дыскурсу. Несумненна, традыцыі вывучэння семантыкі лексічнага ўзроўню абумовілі пэўную інерцыю метамоўнай практыкі. Тым не менш у кантэксце камп'ютарнага апасродкавання камунікацыі сталі больш відавочнымі і патэнцыі «менш» і «больш» складаных адзінак мовы – *фанем*, *марфем*, *грамем*, *дэрыватэм*, *лем*, *намінатэм*, *сінтаксем*, *кантэкстэм*, *інфарматэм* і іншых «старых» і «новых» рэалій функцыянавання мовы. Напрыклад, інфарматэма пазіцыяніруецца як інфармацыйная адзінка, якая

валодае зместавай самастойнасцю і рэалізуе апазіцыйную спецыфіку камунікацыі [3, с. 326]. Гэтых і падобных пералічаным метамадэлей моўнай практыкі для дакладнай сістэматызацыі метаапісанняў відавочна недастаткова – таму і ствараюцца новыя [2]. *Металексічную значымасць* можна прадставіць як істотную характарыстыку дыскурсу, якая выражае яго семантычную ідэнтычнасць і функцыянальнасць пасродкам комплексу значэнняў моўных адзінак (у тым ліку ўласналінгвістычных, суб-, гіперлексічных значэнняў і г.д.).

Універсалія *значымасці* валодае значным патэнцыялам развіцця нават на кансерватыўным граматычным узроўні. Металексічнае мадэляванне зместавай спецыфікі запатрабавана практыкай і актуальна ў тэарэтычным аспекце. Так, тэрміналагічнасць металексічнай катэгарыяльнасці, не маючы шырокай прадстаўленасці ў традыцыйнай лінгвістычнай практыцы, стала запатрабаванай у тэхнічнай рэпрэзентацыі моўнай спецыфікі, дзе багацце металексічнай (англ. *metalexical*, варыянты: *meta-lexical, metalexical*) структуры ўжо сёння патрабуе тэрміналогіі, якая абапіраецца на базавую семантыку адпаведных адзінак. Нядзіўна, што падобныя даследаванні сталі характэрнай рысай навуковага пошуку ў абласцях камп'ютарнай лінгвістыкі, машыннага перакладу, машыннага навучання і г. д. Між тым пэўны разрыў паміж практыкай выкарыстання метамовы і яе металінгвістычнай інтэрпрэтацыяй стаў прыметай часу, прывёўшы да стварэння паралельнай «камп'ютарнай» тэрміналогіі: *семантыка, сінтаксіс* і многія іншыя тэрміны ў класічнай лінгвістыцы (і лексікаграфіі) і інфарматыцы – рэчы рознага плану. Такім чынам, актуальнасць рэпрэзентацыі металексічнай значымасці ў лінгвістычнай сістэме каардынат цалкам відавочная.

Практыка фармалізацыі катэгорый мовы з апорай на лексічны ўзровень моўнай сістэмы відавочна абмежаваная: для пераважна аналітычнай англійскай мовы лік падобных правілаў пайшоў ужо на сотні мадэлей, для пераважна сінтэтычнай рускай мовы такіх мадэлей зафіксавана ўжо некалькі тысяч – але ні для англійскай, ні для рускай, ні для іншых жывых моў універсальнай маўленчай граматыкі не створана. Актуальная ў камп'ютарнай лінгвістыцы тэндэнцыя да ўліку калакацый (напрыклад, па методыцы выяўлення і ўліку n-грам) і магчымасці дыскурсіўнага метамоўнага мадэлявання якраз і сведчаць пра патэнцыял лінгвістычнай парадыгмы ў аспекце металексічнай значымасці.

Значная няўзгодненасць паміж лексікаграфічнымі данымі традыцыйнага дыскурсу і камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу нарастае адпаведна пашырэнню апошняга. Калі першапачаткова камп'ютарная лексікаграфія арыентавалася на наяўныя слоўнікі і, папросту, дублявала іх, з'яўляючыся базай для камп'ютарнай метамоўнай апрацоўкі маўлення, – сёння ўсё наадварот: сфера маўленчага функцыянавання дыктуе лексікаграфічную моду. Менавіта такія сучасныя слоўнікавыя праекты, якія абапіраюцца на корпусы і анлайн-краўдсорсінг.

Разам з тым ігнараванне дыскурсіўных, гіпертэкставых і нават «тэарэтычна абгрунтаваных сінтаксічных структур» заўседы было цалкам звыклай справай у даследаванні мовы: «Сінтаксісу, які даваў бы такую магчымасць, да гэтага часу ні для адной мовы няма, і светлая будучыня "аўтаномнага сінтаксісу" праглядаецца з цяжкасцю. Пераход ад спараджэння да інтэрпрэтацыі ўводзіць у законныя тэарэтычныя рамкі працу з асобнымі словамі і канструкцыямі, а задачы, арыентаваныя на глабальную сінтаксічную структуру, можна адкласці на потым» [7, с. 13]. Са з'яўленнем эфектыўных інструментаў камп'ютарнага апасродкавання задачы такога кшталту сталі не толькі актуальнымі, але і рэальнымі.

Практычная рэалізацыя катэгорыі металексічнай значымасці актуальная для дыскурсіўнага мадэлявання, напрыклад, пабудовы *канцэптуальна-дамінантнай мадэлі дыскурсу*, *гіпердыскурсіўнай мадэлі* і пры стварэнні іншых метаапісанняў сферы моўнага функцыянавання. У лексікаграфічнай практыцы функцыянальнасць металексічнай значымасці запатрабаваная, напрыклад, для *рэпрэзентацыі кантэкстуальных уласцівасцей* той ці іншай моўнай адзінкі як структурнага элемента слоўнікавага артыкула і пры машынным перакладзе – для пашыранай інтэрпрэтацыі семантычнага, граматычнага, дэрывацыйнага і іншага патэнцыялу дыскурсу. Развіццё метамоўнага катэгарыяльнага патэнцыялу безумоўна запатрабавана для вырашэння важнейшых прыкладных праблем сучаснасці, у тым ліку для стварэння штучнага інтэлекту. У кантэксце інтэрдысцыплінарнасці сучаснай навукі фрагментарная рэалізацыя лінгвістычнага патэнцыялу недастатковая і малапрадуктыўная. Як паказвае практыка, для паўнавартаснай інтэрпрэтацыі маўлення важнае значэнне мае комплексная лінгвістычная, у тым ліку дыскурсіўная і кантэкстная імплементацыя металексічнай значымасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – Т. I.: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 472 с.
2. *Баркович, А. А.* Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация / А. А. Баркович. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 288 с.
3. *Баркович, А. А.* Информационная лингвистика: метаописания современной коммуникации / А. А. Баркович. – М. : Флинта: Наука, 2017. – 360 с.
4. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика : пер. с фр. / Э. Бенвенист; ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
5. *Зализняк, А. А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 752 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 30.03.2016.
7. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 609 с.
8. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики : пер. с фр. / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.
9. Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede – Institut für Slavistik : Carl von Ossietzky Universität Oldenburg [Electronic resourse]. – Mode of access: https://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr. – Date of access: 30.03.2016.

Long-term benefits of speech semantics metalexical interpretation are based on the possibility to develop from the individual lexemes interpretation level to the metalexical interpretation level of the text semantics and, in a broader context, the discursive semantics. Practice proves the propriety of actual modification and development of semantics description tools. In this regard, one of the key characteristics of linguistic categoriality is the universal of metalexical significance.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОМПАРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

И. К. Кудрявцева
Минск, МГЛУ

«ПРОЗА В СТИХАХ» П. ТЕЙЛОРА КАК ПРИМЕР ГИБРИДНОЙ ФОРМЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассмотрен феномен гибридности в литературе на примере ряда произведений американского писателя Питера Тейлора путем изучения их формальных и содержательных характеристик. Проведенный анализ позволил заключить, что в данных произведениях сочетаются признаки лирического и эпического родов литературы, при этом ведущим является эпическое начало.

В литературном наследии американского писателя Питера Тейлора (Peter Taylor, 1917–1994) есть група произведений, которые представляют собой своеобразный писательский эксперимент: «Her Need», «Three Heroines», «The Hand of Emmagene», «The Instruction of a Mistress», которые вошли в сборник «"В округе Миро" и другие расказы» («In the Miro District and Other Stories», 1977). Главной художественной особенностью этих произведений является деление текста на стихотворные строки, таким образом писатель сочетает эпический и лирический роды литературы, рассказ и стихотворение, предлагая читателю то, что сам он называл «stoems», «poem-like stories», «broken line prose» [8, p. 44].

Представляется, что данные произведения можно назвать *гибридной* литературной формой. Под *гибридом* понимается объект, «образованный таким сочетанием двух и более объектов, при котором в результате слияния последних сохраняются свойства (и/или память) исходных составных частей» [3, с. 8]. Термин *гибрид* получил распространение в разных сферах знания, в том числе в науке о литературе. Так, М. М. Бахтин оперировал терминами «гибридизация», «гибридная конструкция», чтобы подчеркнуть специфику «романного стиля»: «Что такое гибридизация? Это смешение двух социальных языков в пределах одного высказывания, встреча на арене этого высказывания двух разных, разделенных эпохой или дифференциацией (или тем и другим) языковых сознаний. Такое смешение двух языков в пределах одного высказывания – в романе нарочито художественный прием (точнее – система приемов)» [1, с. 170].

В более широком смысле гибридизация в литературе – это скрещивание элементов разных жанров, видов, родов литературы, а также жанров литературных и нелитературных, в пределах одного произведения. В XX в. гибридность стала одним из ключевых принципов эстетики постмодернизма, когда авторы сознательно стремились к эклектизму, коллажности, цитатности. Так, И. С. Скоропанова, осмысляя опыт постмодернизма, отмечает: «В постмодернизме возникают необычные – гибридные, мутантные жанровые образования <…>. Таковы роман-комментарий, роман-клип, роман-эссе, роман-странствие, конспект ненаписанного романа, двойной роман, реконструкция романа, роман-пьеса» [6, с. 157]. Вместе с тем возникновение гибридных литературных образований характерно не только для постмодернистской эстетики; оно обусловлено и общими закономерностями развития литературы: стремление

авторов к уникальности и оригинальности художественного высказывания порой приводит к размыванию межродовых и межжанровых границ и является одним из факторов обновления жанров и жанровых систем. Рассмотрение творчества П. Тейлора сквозь призму феномена гибридности представляется актуальным, так как помогает выявить то, каким образом происходит процесс отказа от традиционных прозаических и поэтических форм и освоение поэтами и писателями новых литературных возможностей.

Каким образом сам Тейлор объяснял появление в его творчестве данных произведений? Зачем ему понадобилось разбивать прозаический текст на стихотворные сроки? Было ли это продумано на этапе замысла произведения либо сделано уже после того, как оно было написано в прозе? Из высказываний писателя становится очевидным, что такой эксперимент в его творчестве не случен, а стал результатом поиска средств компрессии текста и концентрации смысла: «I turned in recent years to writing a lot of stories in the sort of broken line prose that looks like free verse. It's, again, an effort to compress. When you do that, you get more out of a line. The end of the line is significant. You get the syntax of poetry and the ordinary syntax of prose. You're seeing more in a short space. You can have a run-on line that will be significant. And that's what I've been trying for. To make the language count, to make every word, every sentence, count more» [8, p. 44–45]. В этом же интервью писатель уточнил, что разделение текста на стихотворные строки происходит сразу при создании произведения, но в каждом конкретном случае писатель решает, насколько оно целесообразно и способствует решению поставленных художественных задач: «I write first in that way because it makes me give a lot more attention to the interest of the line and the phrase. But if it gets very long and the line length – the breaking of the line – seems to have no significance, then I reconvert» [8, p. 45].

Примечательно, что на протяжении всей жизни писателя его окружали поэты: в Юго-Западном колледже в Мемфисе, в Вандербилтском университете, в Кенион-колледже и в Университете штата Луизиана, где Тейлор учился в 1930–1940-х годах, его преподавателями были известные поэты и интеллектуалы Юга Аллен Тейт, Джон Кроу Рэнсом, Роберт Пенн Уоррен; ближайшими друзьми Тейлора еще со времен учебы были поэты Роберт Лоуэлл и Рэндалл Джаррелл[1]; достоточно известным поэтом стала и жена писателя, Элеонор Росс Тейлор, опубликовавшая в период с 1960 по 2009 гг. шесть сборников поэзии, один из которых, «Captive Voices: New and Selected Poems, 1960–2008», в 2010 г. был удостоен премени имени Уильяма Карлоса Уильямса. Писатель не раз говорил о том, что соприкосновение с миром поэзии и поэти-

[1]Тейт, в частности, был консультантом по поэзии при Библиотеке Конгресса США в 1943 г., на этом посту его в 1944 г. сменил Роберт Пенн Уоррен, который был дважды удостоен Пулитцеровской премии за книги стихов («Promises» в 1958 г. и «Now and Then» в 1979 г.), Национальной книжной премии («Promises»), а в 1986 г. стал первым поэтом-лауреатом США. Роберт Лоуэлл – представитель исповедального направления в поэзии США, был консультантом по поэзии при Библиотеке Конгресса США в 1947 г., дважды лауреатом Пулитцеровской премии за сборники поэзии («Lord Weary's Castle» в 1947 г. и «The Dolphin» в 1974 г.), а в 1960 г. был удостоен Национальной книжной премии за книгу стихов «Life Studies». Рэндалл Джаррелл был консультантом по поэзии при Библиотеке Конгресса США в 1956 г., а его книга стихов «The Woman at the Washington Zoo» была отмечена Национальной книжной премией в 1961 г.

ческого творчества оказало большое влияние на формирование его творческой индивидуальности: «It was wonderful, and it certainly had a great deal to do with my going on in writing. <…> To come at that age into a group of people who were very highbrow, very serious and articulate about writing. You learn so much from your peers; I always tell my students that. I learned a lot from Tate and Ransom, but more from Lowell and Jarrell» [8, p. 62]. Сам Тейлор дебютировал в литературе и как писатель, и как поэт. Два рассказа, написанные им в студенческие годы, были опубликованы в 1937 г. в журнале «River», издававшемся в Оксфорде, штат Миссисипи, а первой публикацией Тейлора, за которую он получил авторский гонорар, стало стихотворение «The Furnishings of a House», опубликованное в журнале «The Kenyon Review» в 1939 году [9, p. 54]. В дальнейшем основой жанрового репертуара писателя стали рассказ и роман, и литературного успеха он добился именно как прозаик[1].

Одним из широко известных примеров «взаимопритяжения» стиха и прозы в истории литературы является жанр, который в русскоязычном литературоведении обозначатся как «стихи в прозе». Его основоположником принято считать представителя школы французского романтизма Алоизиуса Бертрана, а в качестве его типологических признаков исследователи называют небольшой объем, рудиментарный, а иногда и вовсе отсутствующий сюжет, повышенную эмоциональность, общую установку на выражение субъективного впечатления, отсутствие метра, ритма, рифмы [2], замещение нарратора рефлектирующим лирическим субъектом, поэтику «остановленного мгновения», тенденцию к циклизации [7, с. 55–56], акцент на внутреннем, субъективном опыте автора и его эмоциональном отношении к миру, передачу уникальности авторской картины мира, основанной, прежде всего, на впечатлении [5, с. 307]. Как ясно уже из названия, стихи в прозе (которые также имеют собственные жанровые разновидности, например, версе) не предполагают разделения текста на стихотворные строки, однако, несмотря на отсутствие графических признаков стиха, ведущим здесь все же является лирическое начало: согласно определению А. Квятковского, стихотворение в прозе – «произведение поэтическое по содержанию и прозаическое по форме» [4].

Рассматриваемые произведения Тейлора в корне отличаются от стихотворений в прозе с точки зрения преобладающего родо-видового начала и способа текстовой организации. Несмотря на наличие разделения на стихотворные строки, первичным и преобладающим здесь является эпическое, повествовательное начало. Анализ художественной ткани произведений демонстрирует, что в них достаточно подробно разработана событийная канва повествования: в «Three Heroines» описывается посещение светского приема женщиной, которая тяжело больна, но находит в себе физические и душевные силы, быть может, в последний раз, появиться в кругу друзей и знакомых; в «Her Need» речь идет о том, как героиня, которая работает в банке и отличается недюжинными спо-

[1]Рассказы Тейлора активно публиковал законодатель мод и литературных вкусов журнал «Нью-Йоркер», они неоднократно включались в сборники серии «Best American Short Stories», были отмечены самой главной для американского новеллиста наградой – премией им. О. Генри, а сборник «The Old Forest and Other Stories» (1985) был удостоен Пен-Фолкнеровской литературной премии. За роман «A Summons to Memphis» (1986) Тейлор был удостоен Пулитцеровской премии.

собностями, решается на должностное преступление; в «The Hand of Emmagene» описывается трагическая история девушки, которая приехала погостить у своих городских родственников, но не смогла принять другую систему ценностей и изуродовала свое тело; «The Instruction of a Mistress» повествует о любовной связи студентки и профессора университета и о самоубийстве девушки. В структуре сюжета можно выделить кульминационный момент, акцентирован финал произведения («Her Need» – «сюрпризная» концовка), продумана его композиция («The Instruction of a Mistress» – три части, два рассказчика). Образы героев индивидуализированы, в ряде случаев – динамичны («Her Need», «The Hand of Emmagene»). Повествовательные стратегии варьируются от драматического монолога до нейтрального повествования в третьем лице, при этом в повествовании от первого лица, несмотря на исповедальную интонацию, рассказчик – не столько лирический герой, сколько участник событий, носитель системы ценностей, которая не обязательно совпадает с авторской. Кроме того, заметна опора на художественную деталь (бытовую, портретную), например в «The Hand of Emmagene»: «And her feet in a pair of black leather pumps – / No make-up, of course, her hair pulled back as usual into a knot» [10, p. 97]. Все это позволяет заключить, что перед нами скорее рассказы, в которых семантика малого жанра сочетается со стихотворной поэтикой.

В то же время членение прозаического текста на стихотворные строки и строфы в данных произведениях позволяет Тейлору выделять финальные слова или синтагмы и таким образом вводить смысловые акценты, которые были бы обусловлены не только пунктуацией, а также создавать в произведении или его части определенную тональность (лирическую, драматическую, трагическую, иронической). В качестве примера рассмотрим начало произведения «Her Need»:

Her girlhood gone
Her husband in the suburbs with his second wife
She drives her teen-age son to his summer job
Each morning at six [10, p. 133].

Попробуем записать этот же текст прозой, заменив деление на стихотворные строки пунктуацией: «Her girlhood gone, her husband in the suburbs with his second wife, she drives her teen-age son to his summer job, each morning at six». Очевидно, что значимость лексем *gone*, *second* и *wife* в этом случае теряется, а ведь они важны для передачи внутреннего состояния героини (ее ощущения одиночества, покинутости, разочарования в жизни) и причинно-следственной обусловленности событий в произведении. Другой пример – начало произведения «Three Heroines»:

Dressed to the nines, and she is eighty-six!
A gold lamé gown,
Savage pearls in her pierced earlobes!
Diamonds blazing
That her Grandmother Haynes wore
A century ago!
In Washington City!
Before the War!

The exclamations are all mine, not hers –
And silent. My questions all silent, too:
Who does the woman think she is?
Where does she think she's going in that outfit,
At her age, in her health?
It's not as though *I* don't know, her son,
And *she* doesn't herself know
And the black maid who dresses her, Willie Mae,
And everybody else who cares at all to,
Does not know
In precisely what plot of cemetery ground
This woman will be lying six weeks hence
… at most [10, p. 143].

В данном случае восклицательные и вопросительные знаки акцентируют финальные части предложений, используется также выделение курсивом, однако разделение текста на строки позволяет Тейлору поставить ряд значимых в идейно-смысловом плане слов и выражений в «сильную» позицию начала строки (*gold*, *savage*, *diamonds*, *silent*) либо выделить в отдельную строку (*At her age*, *in her health?*; *at most*). Таким образом в произведении создается возвышенная, приподнятая интонация и раскрываются характеристики героев – высокий социальный статус и сила характера героини, матери рассказчика, который знает о ее серьезном недуге и восхищается ее силой воли и мужеством.

Как видно из приведенных примеров, помимо разделения текста на строки Тейлор использует и другие приемы ритмизации, характерные для поэтического текста: инверсия, анафора, синтаксический параллелизм, аллитерация (suburbs, **s**econd, **s**ummer, **s**ix), метризация фрагментов текста («Her girlhood gone» – двустопный ямб, «Dressed to the nines, and she is eighty-six!» – четрехстопный дактиль). Употребление глаголов в настоящем времени передает сиюминутный характер событий и создает эффект соприсутствия читателя и героя. Кроме того, в данных произведениях Тейлор делает акцент на субъективном восприятии героем событий, разрабатывает «внутренний» сюжет (смена психологических состояний, размышления, саморефлексия героя), использует богатый арсенал средств художественной изобразительности и выразительности для создания эмоциональной насыщенности произведения.

Можно сделать вывод, что разделение художественного текста на стихотворные строки и строфы придает рассмотренным произведениям американского писателя П. Тейлора оригинальный «гибридный» характер. Являясь поэтизирующим элементом, такой способ организации речевого материала органично сочетается с установкой писателя на субъективизацию повествования и концентрацию смысла в эпическом произведении и позволяет ему с особой выразительностью раскрыть волновавшие его темы и проблемы: роль женщины в семье и социуме, поиск идентичности и формирование моральных ценностей, функционирование механизмов подавления и сдерживания в человеческой психике, социальные различия и диктат общественного мнения. Кроме того, данные опыты Тейлора демонстрируют факультативность границ стиха и прозы, а также пластичность рассказа как жанра, его способность к формотворчеству и податливость конкретно-историческим и индивидуально-авторским модификациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
2. *Гаспаров, М. Л.* Стихотворение в прозе / М. Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН ; гл. ред., сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – Стб. 1039.
3. *Злыднева, Н. В.* К типологии гибридности: человек-птица в поэтике авангарда / Н. В. Злыднева // Гибридные формы в славянских культурах : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Злыднева. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 8–18.
4. *Квятковский, А. П.* Поэтический словарь / А. П. Квятковский [Электронный ресурс]. – Режим доспупа : http://www.wysotsky.com/0009/150.htm. – Дата доступа : 15.03.2019.
5. *Сизых, О. В.* Стихотворения в прозе. Случай А. В. Иличевского / О. В. Сизых // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX –начала XXI веков: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. проф. А. И. Ванюков. – Саратов: Издат. центр «Наука», 2010. – Вып. 3 – С. 306–311.
6. *Скоропанова, И. С.* Русская постмодернистская литература : новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб. : Невский простор, 2002. – 415 с.
7. *Тюпа, В. И.* Стихотворение в прозе : проблема жанровой идентичности / В. И. Тюпа // Новый филол. вестн. – 2007. – Т. 5, № 2. – С. 49–57.
8. Conversations with Peter Taylor / ed. by Hubert H. McAlexander. – Jackson : Univ. Press of Mississippi, 1987. – 178 p.
9. *McAlexander, Hubert H.* Peter Taylor: A Writer's Life / Hubert H. McAlexander. – Baton Rouge: Louisiana State UP, 2001. – 338 p.
10. *Taylor, P.* In the Miro District and other stories / P. Taylor. – N. Y. : Knopf, 1977. – 204 p.

The article examines a number of experimental literary works written by the American author Peter Taylor with an aim to demonstrate their hybrid nature.

Л. В. Первушина
Минск, МГЛУ

МОНОЛИНГВИЗМ И БИЛИНГВИЗМ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В США

Особую значимость феномен литературы славянской эмиграции в США приобретает в конце XX – начале XXI в. в связи с ростом культурного разнообразия, развитием национальных движений, усилением внимания к этнорасовой диверсификации и полилингвизму. Увеличение культурных различий акцентирует смысловую важность мировоззренческих понятий инаковости, другости, «своего» и «чужого» а также концептуальных эпистемологических сфер монолингвизма и билингвизма. Выбор монолингвизма/билингвизма писателями славянской эмиграции определяется особенностями осмысления ими национальной/этнической идентичности и спецификой их вхождения в новую культурную среду. Подчеркиваются процессы ассимиляции, аккультурации, американизации, социальной, национальной, культурной адаптации к жизни в новых условиях мультикультурного американского общества.

Новые межкультурные интеграционные тенденции, вызванные расширяющейся глобализацией, возникают на фоне углубляющейся культурной фрагментации и актуализации локального в универсальном. Переход культурной модели развития общества «с западной, логоцентрической (в США – американоцентристской), на плюралистичную…» [1, с. 4] приводит к возникновению новых форм культурной, национальной и этнической идентификации. Данные процессы находят яркое отражение в литературах славянской эмиграции, которые

составляют особую территорию в художественной словесности США и формируются корпусом художественных произведений, созданных авторами из стран бывшего социалистического блока, а также государств Восточной, Южной и Западной Европы. Феномен художественного творчества писателей славянской эмиграции 1) имеет культурно-историческую обусловленность; 2) производит эстетический эффект как в метрополиях, так и в принимающем их мультикультурном и многоязычном американском обществе; 3) содержит аксиологическую значимость; 4) вносит вклад в развитие современного литературного процесса; 5) характеризуется интенсивными художественными поисками.

Известно, что художественность литературного произведения определяется сплавом компонентов, при котором «глубокое и оригинальное художественное содержание воплощено в предельно яркой и максимально соответствующей ему художественной форме…; виртуозность становится свойством глубины содержания, а глубина содержания раскрывается …через формальную виртуозность» [2, с. 101]. Необходимая образная форма «включает разные по природе компоненты: композицию произведения, изобразительные детали, речевой строй произведения» [3, с. 71], а также «вовлекает художественное содержание то в сферу мысли, то во внешнюю область явления и поэтому не исключает из себя ни возвышеннейшей философской мысли, ни внешнего природного бытия» [4, с. 265]. Следовательно, под художественным совершенством понимается гармония смысла и чувственно воспринимаемая форма его существования» [2, с. 101].

В произведениях писателей славянской эмиграции значимым фактором художественного становится *категория национального.* Она определяется «национально-художественным стилем мышления» [2, с. 101] и проявляется в *специфике национального своеобразия произведения* через художественную организацию этнокультурного материала, осмысление историко-культурных процессов, выявление национального менталитета, а также через переклички культур и репрезентацию национальной картины мира автора. В произведениях писателей славянской эмиграции прямо или опосредованно зафиксирован национальный дух, самобытность культуры, к которой принадлежит автор, его национальное сознание, национальный характер, а также национальные традиции, обычаи и привычки определенной этнической группы. В литературных произведениях национальный языковой элемент трансформируется в важный компонент художественной формы.

Целостное единство художественного текста достигается обращением к широкому кругу средств изобразительности и выразительности, выявлением архетипов коллективного бессознательного, «т.е. образов доминирующих законов и принципов общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов вновь и вновь переживаемых душой» [5, с. 113]. В национально окрашенных произведениях в той или иной мере проявляются важные функции литературы – консолидирующая (направленная на становление и развитие национальной/этнической общности), духовная, интегративная, коммуникативная, эстетическая, морально-этическая, символическая, архетипическая.

Художественное творчество славянских писателей-эмигрантов в многонациональном и поликультурном пространстве Америки представлено как на родных языках, так и на английском. *Монолингвизм и билингвизм* являются концептуальными сферами и эпистемологическими полями (т.е. наиболее значимыми проблемными сферами современной теории познания), в которых

выявляются особенности формирования картины мира писателя-эмигранта. Они отражают специфику функционирования духовной реальности писателей-эмигрантов как определенную модальность восприятия мира в инокультурном общехудожественном и эстетическом поле США. Монолингвизм и билингвизм как две контрастирующие системы передают социально-культурные, психологические и собственно языковые особенности вхождения личности (или этнической группы) в культуру Америки, а также подчеркивают своеобразие процессов адаптации, аккультурации, ассимиляции и американизации авторов (и их героев). Монолингвизм и билингвизм раскрывают варианты решения онтологического вопроса отношения к родине и чужбине (свой–чужой), а также особенности становления национального самосознания и нового мироощущения личности.

Известно, что языковая картина мира может оказывать весьма серьезное влияние на способ членения действительности и, следовательно, на картину мира. Так, существуют связи между формой порождаемого текста и поведением или местом монолингва или билингва (или группы лиц) в обществе… Определенные корреляции обнаруживаются между типом психического механизма речи при билингвизме и социальным поведением двуязычного человека. Так, язык одновременно является «условием существования культуры, ее важной частью и продуктом» [6, с. 327]. Он служит и средством коммуникации, и инструментом, раскрывающим специфику определенной культуры, а также играет ключевую роль в самоидентификации индивида и формировании групповой идентичности.

Литературный *монолингвизм (monolingualism* < греч. *mono-* ‘один’ + лат. *lingua-* ‘язык’) представляет ситуацию одноязычия, использования в общении одного языка [7, с. 257]. Известно, что «малые этнические группы в мультикультурном американском обществе, такие, как румыны, белорусы, португальцы, карпато-русины и др. более вероятно репрезентируют себя на родном языке, чем на языке принимающей страны» [8, p. 13].

Белорусско-американская литература послевоенной эмиграции является одним из важных компонентов, который вносит вклад в формирование модели культурной многосоставности американского общества. Благодаря творчеству писателей белорусской эмиграции американская художественная культура обогащается образами славянской культуры, в ней воссоздается белорусская история и культура и репрезентируются произведения современной послевоенной эмиграции. Ее приток способствовал включению этой литературы в культуру США, однако очевидной стала тенденция к ее угасанию в начале XXI века. В настоящее время белорусская литература в эмиграции рассматривается как значительная часть общенациональной письменности Беларуси. В Республике созданы все возможности для всестороннего и объективного исследования наследия белорусских эмигрантов, белорусской эмиграционной книги и печати, которые «сложились как уникальное явление белорусской культуры» [9, с.184].

Отличительной чертой литературы послевоенной белорусской эмиграции является ее создание на белорусском языке. Монолингвизм белорусских писателей-эмигрантов подчеркивает ностальгическую модель их вхождения в новое пространство принимающей страны и становится частью их национальной идентификации. Он раскрывает специфику национального в инокультурном; подчеркивает «свое» – особенное, значимое, важное, отличающее в «чужом». Монолингвизм свидетельствует о незначительном влиянии иноэтни-

ческого, мультикультурного на мышление данных писателей. Стремление говорить на родном языке и использовать его широко во всех сферах жизнедеятельности общества в США обусловлено необходимостью сохранения языка и проблемой выживания его носителей.

Основной мотив творчества писателей белорусской послевоенной эмиграции – «возвращение домой», опоэтизированная мечта авторов оказаться там, где они родились, жили, откуда началась принудительная эмиграция. Именно тоска по родине характеризует индивидуальные особенности поэтики, стиля, художественной картины мира и вызывает образно-символические системы в творчестве Н. Арсеньевой, М. Седнёва, Я. Юхновца, Я. Золака, Р. Крушины, В. Седуры, А. Берёзки и др. Использование родного языка в инокультурной среде Америки имело важное значение, так как с особой остротой представляло положение послевоенных эмигрантов между двумя мирами: миром оставленным и миром новым. Определяющим чувством в творчестве белорусских писателей-эмигрантов было ощущение глубокого одиночества, которое сопровождалось тоской, неприкаянностью, отчуждением от нового общества.

Национальная самоидентификация авторов выявляется через воссоздание культуры и духовных ценностей родины: рисуются образы белорусской природы, вспоминаются важные события, присутствуют сны и мечты о возвращении в родной край. Эстетическая территория творчества писателей включает яркий образ-архетип родины, где воспроизводится ее особая духовная атмосфера, создается литературный портрет Беларуси. В этом отражена белорусоцентричность мышления писателей, которое способствует раскрытию внутреннего мира лирических героев на основе оппозиций «близкое» – «далекое» «свое» – «чужое», «родная сторона» – «чужбина», «дом» – «изгнание». Прямо или опосредованно присутствуют глубокие ностальгические мотивы, покинутой родины.

Жизнь в эмиграции белорусско-американские писатели воспринимают как вынужденное испытание и духовную работу, при которой важно не потерять ориентиры высокого служения родине, чей образ представлен в их творчестве с большой эмоциональной силой, передана атмосфера горечи расставания с ней и отражена боль утраты родной земли/своего дома. Поэтому центральным универсальным образом в произведениях писателей белорусской эмиграции в США является архетип дома.

В последние десятилетия XX – начале XXI в. углубляющийся международный обмен, разнообразные культурные связи привели к широкому распространению двуязычия. Известно, что билингвизм – феномен, который включает в себя не только знание нескольких языков, но и способность воспринимать мир сквозь их призму. Билингвизм (*bilingualism/bilinguality* < лат. *bi-* ‘два’ + *lingua* ‘язык’) – «это 1) практика попеременного пользования двумя языками; 2) владение двумя языками и умение с помощью их осуществлять успешную коммуникацию; 3) одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения» [7, с. 37].

Значимой для осмысления билингвизма представляется его характеристика по следующим показателям:

1) по степени двуязычия (degree of proficiency) – насколько говорящий является билингвом;

2) по социальной функции (social function) – почему речевой акт совершается здесь и сейчас на языке А, а не на языке В;

3) по языковой ситуации (alternation) – при каких условиях говорящий переключается с языка А на язык В;

4) по интерференции (interferens) – насколько языки различимы и насколько они смешиваются [10, с. 65].

Для творчества писателей-билингвов характерно исследование этнокультурного разнообразия современного общества, расширение границ мировоззрения человека, обогащение личности новыми знаниями. В произведениях известных писателей-билингвов славянской эмиграции В. Набокова, И. Бродского, Д. Галич Барр, С. Тешича, Я. Новака, молодой поэтессы из Беларуси В. Морт (творчество которой находится в процессе становления) и других большое значение приобретают переклички между культурами Старого и Нового Света. Они являются не только основой игровой техники литературных произведений, но обретают определяющее мировоззренческое значение, так как на первый план выдвигают проблему *гибридной* (*hybrid*), т.е. «транскультурной идентичности, включающей осознание личности, сформировавшейся между двумя (и более) культурами и совмещающей в себе принадлежность к нескольким социально-культурным группам» [7, с. 124] и глубоко укоренившейся в инокультурном обществе. Связь Старого и Нового Света очерчивает проблемы эмиграции и формирует цельную, многостороннюю гибридную идентичность авторов и их героев. Через взаимовлияния культур выявляется степень свободы личности, ее мироощущение, раскрывается ее самость, определяется ее значимость в современном многонациональном и поликультурном мире, а также обозначается отношение к родине, к месту рождения, к странам, в которых жили писатели. Многообразие географических мест (стран и городов), на которые делаются ссылки в текстах, выявляет внутреннюю динамику развития самих авторов и формирует новую «самость», развивающуюся на пересечении различных культурных традиций. Билингвы успешно сочетают в своем сознании образы двух культур – собственной, этнической и приобретенной, американской. Их творческая идентичность характеризуется гетерогенностью, взаимодействием культур, а также инкорпорированием опыта глобализованного мира в ткань художественного произведения, стремлением запечатлеть несколько миров. Имеет место репрезентация творческой личности, способной к активной адаптации к жизни в различных национальных и социокультурных территориях при бережном сохранении своих национальных корней и духовных ценностей в процессе интенсивных взаимосвязей с другими культурными традициями. Художественность писателей-билингвов определяется интересом к функционированию инокультурного общества, поэтому в транскультурном пространстве их творчества гармонично присутствуют различные языковые и литературные континуумы.

Монолингвизм/билингвизм обусловливает творческую индивидуальность авторов, представляющих литературы славянской эмиграции, раскрывает их мировоззренческие убеждения и эстетические установки, а также выявляет становление их художественного мастерства в мультикультурном американском обществе. Таким образом, основополагающие художественные установки писателей-эмигрантов неизбежно определяются онтологическими и гносеологическими вопросами, основой которых остается главная тема эмиграции: родина и чужбина, «свое и чужое», выявление отношения авторов к покинутой родине и к стране, принявшей их.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тлостанова, М.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН: «Наследие», 2000. – 399 с.
2. *Андреев, А. Н.* Целостный анализ литературного произведения: учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Андреев. – Минск : БГУ, 2003. – 144 с.
3. *Заяц, С. М.* Анализ литературного произведения: учеб.-метод. пособие / С. М. Заяц. – 2-е изд. испр. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 80 с.
4. *Борев, Ю. Б.* Эстетика / Ю. Б. Борев. – М. : Политиздат, 1975. – 399 с.
5. *Юнг, К. Г.* Очерки по аналитической психологии / К. Г. Юнг. – Минск: Харвест, 2017. – 479 с.
6. *Гринберг, С. А.* Влияние белорусско-русского двуязычия на мировоззрение и национальное самосознание белорусов / С. А. Гринберг // Вестн. РУДН. Сер.: Вопросы образования; языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 326–330.
7. *Жукова, И. Н.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова; редкол.: М. Г. Лебедько [и др.]. – М. : Флинта, 2013. – 632 с.
8. *Di Pietro, R.* Introduction / R. Di Pietro // Ethnic Perspectives in American Literature: Selected Essays on the European Contribution. – N. Y. : The Modern Language Association, 1983. – P. 1–13.
9. *Герасимов, В.* Наследие белорусской эмиграции в современной печати Беларуси и зарубежья / В. Герасимов, Л. Довнар // Книготура. – 2008. – № 50. – С. 158–187.
10. *Ширин, А. Г.* Поиск подходов к исследованию билингвизма в отечественной и зарубежной науке / А. Г. Ширин // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2006. – № 36. – С. 63–68.

The article deals with the peculiarities of contemporary Slavic émigré writers in the USA. Their artistic work is determined by the authors' world view, national peculiarities and represented through the conceptual fields (emigration, acculturation, monolingualism and bilingualism).

Э. В. Ломако
Минск, МГЛУ

РУССКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ В. ВУЛФ «ОРЛАНДО»

Английские писатели XX века часто обращаются к русской теме, причем их интересует не только современность, но и прошлое России. В этом плане роман В. Вулф «Орландо» занимает особое место: он не претендует на историческую достоверность и объективность. Писатель не бывала в России и предлагает читателю свое видение страны и ее народа через образ загадочной русской княжны Саши Романовой. Русская история не является предметом интереса автора, она создает необычный женский характер, способный поразить воображение утонченного англичанина. Образ героини выходит за пределы национальных стереотипов и может быть прочитан как мечта о свободной женщине, которая пренебрегает светскими условностями, как воплощение идеи самой любви. Поэтому на страницах романа возникает не этнографическое описание, а фантастический опоэтизированный образ России.

Вирджиния Вулф (1882–1941) – одна из самых интересных представителей модернизма в истории английской литературы. Она дала писателям последующих поколений целый арсенал приемов, без которых невозможно представить изображение психологического и нравственного облика человека в зарубежной прозе XX столетия.

В своих романах, эссе, дневниках и письмах В. Вулф обращается ко многим культурам и литературам, в том числе русской. Русская тема в творчестве писательницы имеет несколько аспектов: *историко-литературный*, связанный с изучением ее биографии в контексте англо-русских литературных и культурных связей начала XX века; *рецептивный*, исследующий деятельность В. Вулф как литературного критика, читателя и комментатора русской литературы; *переводоведческий*, обращенный к анализу переводов с русского языка, вы-

полненных В. Вулф совместно с С. С. Котелянским (1880–1955), главой русского отдела издательства Хогарт-Пресс; *литературоведческий*, сосредоточенный на анализе художественного образа России и русских в ряде ее эссе – «Русская точка зрения» (*The Russian Point of View*, 1925), «Своя комната» (*A Room of One's Own*, 1929), «Фазы развития литературы» (*The Phases of Literature*, 1929) – и в романе «Орландо» (*Orlando. A Biography*, 1928), который стал, по мнению Н. И. Рейнгольд, «наиболее явным и художественно значимым прощанием с русской темой» [l]. Представление о России, равно как и оценка В. Вулф прошлого и настоящего в межкультурном взаимодействии Англии и России с конца XVI в. по XX в. воплощены в биографии вымышленного персонажа Орландо и в образе русской княжны Саши Романовой.

В художественной литературе автор может не ограничивать свободу самовыражения: он волен увлекаться вымыслом, создавать собирательные образы и искусственные художественные миры. Роман «Орландо», с одной стороны, обращен к истории Англии: действие начинается в последние годы правления Елизаветы I и заканчивается в 1928 году. С другой стороны, В. Вулф создает не исторически достоверные описания эпох, а их образы в характерной для нее импрессионистической манере. Историческая точность не является самоцелью автора: *I am writing Orlando half in a mock style very clear & plain, so that people will understand every word. But the balance between truth & fantasy must be careful* [2, *p*. xlvii]. В. Вулф размышляет не о смене исторических эпох и их влиянии на судьбу главного героя, а о психологии образа Орландо, о любви и смерти, о трудностях взаимопонимания, о судьбе творческой личности и о стихии творчества. Роман посвящен близкой подруге писательницы Вите Сэквилл-Уэст, которая была для нее воплощением самой любви, равно обращенной и к мужчинам, и к женщинам. Она и стала прототипом главного героя / героини: *Vita should be Orlando, a young nobleman … & it should be truthful; but fantastic* [2, *p.* xii]. Фантастичность романа проявляется в том, что Орландо переходит из одной эпохи в другую, впадая в сон. Просыпаясь в викторианскую эпоху, он неожиданно для себя самого становится женщиной. Андрогинность героя важна для В. Вулф, так как это дает возможность исследовать не только чувство любви с двух сторон, но и взаимоотношения людей, наделенных поэтическим даром (как Орландо), или необычной красотой и сильной чувственностью (как Саша). Орландо, которому автор придает психологические черты В. Сэквилл-Уэст, талантливой писательницы и художницы, прежде всего поэт, и восприятие окружающего дано через его тонкую, чувствительную душу. В. Вулф воссоздает не внешнюю картину событий, а внутренние переживания героя.

В начале романа Орландо – молодой аристократ, удостоенный внимания стареющей королевы Елизаветы. Он – воплощение своего века. Самое важное событие в его жизни случается, когда в Англии наступает Великий Холод: он встречает русскую княжну Сашу Романову. В. Вулф предлагает читателю гиперболизованную картину происходящего: крестьянка была захвачена ледяным вихрем и рассыпалась в пыль, путники застывали на ходу и превращались в камень, река промерзла до дна вместе с рыбами и целой баржей с грузом и людьми. Прямо на замерзшей реке днем и ночью устраиваются народные гуляния. На этом фоне появляется незнакомка – то ли мальчик, то ли девочка. Она одета весьма экстравагантно – на ней свободный камзол и шаровары по русской моде *(the loose tunic and trousers of the Russian fashion, oyster-coloured*

velvet and greenish fur), она скользит по льду на коньках, чем приводит в недоумение Орландо, не привыкшего к тому, чтобы девушки так смело двигались [2, p. 26]. Оливковые и зеленые оттенки Сашиного наряда четко выделяются на фоне заснеженного Лондона. Существует предположение, что на динамический образ Саши повлияла русская балерина Лидия Лопухова, знакомая В. Вулф, жена экономиста М. Кейнза, вхожего в дом Вулфов. Лидия Лопухова с удовольствием танцевала в обществе, ее грация обращала на себя внимание писательницы. Быстрота движений Саши (*a fox in the snow*) соответствует жизненному ритму Орландо [2, p. 26]. Так же стремительно развиваются их отношения на фоне мелькающих, как на экране, пейзажей: дворцовые залы, городские улицы, лавки, соборы. Саша и Орландо встречаются на заснеженных пустынных берегах Темзы: *Hot with skating and with love they would throw themselves down in some solitary reach, where the yellow osiers fringed the bank, and wrapped in a great fur cloak Orlando would take her in his arms, and know, for the first time, he murmured, the delights of love* [2, p. 31]. Их любовь – соединение холода и жара, внутреннего огня и окружающего льда. Орландо впервые встречает Сашу на русское Рождество, седьмого января (Россия и россияне часто ассоциируются с образами зимы, холода, снега). Саша, словно сказочная ледяная дева, навсегда исчезнет из жизни Орландо ровно в полночь вместе с последним ударом курантов, когда Великий Холод внезапно отступит, лед растает и Темза снова станет судоходной. Между седьмым января и роковым боем курантов случается самая чудесная любовь в жизни главного героя, которого Саша сравнивает с рождественской елкой, украшенной множеством свечей. После исчезновения русской княжны, которое Орландо так и не сумел объяснить, аромат вечнозеленых хвойных деревьев и праздничных восковых свечей часто будет проникать в воспоминания о ней.

Русский мир представлен сквозь восприятие влюбленного героя. Саша, как дочь или племянница посла, появляется в Лондоне в составе посольства, прибывшего на коронацию Якова I. В романе В. Вулф русские дипломаты представлены в соответствии с национальными стереотипами восприятия русских людей мало или совсем нецивилизованными: *Very little was known of the Muscovites. In their great beards and furred hats they sat almost silent; drinking some black liquid which they spat out now and then upon the ice. None spoke English, and French with which some at least were familiar was then little spoken at the English Court* [2, p. 27]. В сознании Орландо русские ассоциируются с блудом, дикостью, бойней и водкой. Так матрос, с которым он столкнулся на русском корабле, представляется ему морским чудовищем (*hairy sea brute*): *The man was huge; stood six feet four in his stockings; wore common wire rings in his ears; and looked like a dray horse upon which some wren or robin has perched in its flight* [2, p. 37–38]. При всей увлеченности русской культурной и общественной жизнью и углубленном исследовании особенностей русского характера, «русской души» В. Вулф все же не смогла полностью избавиться от власти стереотипов. Она допускает много неточностей при описании русских реалий. Например, наряжает героиню в восточный наряд, состоящий из камзола и шаровар (такую одежду, по мнению автора, носят и мужчины, и женщины), говорит о русских варварах, которые смазывают тело салом, чтобы сохранить тепло, рвут мясо руками и живут в лачугах, о бородатых женщинах, о мужчинах, покрытых вниз от пояса шерстью: *… he had heard that the women in Muscovy wear beards and the men are covered with fur from the waist down; that both sexes are smeared with tallow to keep the cold out, tear meat with their fingers and live in huts where an English noble would scruple*

to keep his cattle … [2, p. 33]. Очевидно, что в основе упомянутых легенд лежат ранние свидетельства о посещении Московии, зафиксированные в заметках английских путешественников.

Однако Саша всем своим поведением опровергает стереотип восприятия, сложившийся в сознании Орландо: она свободно говорит по-французски и по-английски, отличается изысканными манерами, остроумна и держит себя даже излишне вольно. В то же время от нее исходит ощущение загадочности и опасности: она испытывает непонятное Орландо гастрономическое пристрастие к сальным свечкам; в его сознании она ассоциируется с ручным песцом, который был у него в детстве, – созданием нежным, как снег, но с зубами тверже стали (*a creature soft as snow, but with teeth of steel*) [2, p. 31]. Орландо сравнивает впечатления от английских женщин и от Саши, которая кажется ему загадочной и странной: *The clearness was only outward; within was a wandering flame* [2, p. 32–33]. Орландо-поэт пытается определить, кто же Саша на самом деле, и выстраивает необычные метафорические ряды, подчеркивающие неуловимость и изменчивость ее облика: *He called her a melon, a pineapple, an olive tree, an emerald, and a fox in the snow;* [*s*]*now, cream, marble, cherries, alabaster, golden wire? None of this. She was like a fox, or an olive tree; like the waves of the sea when you look down upon them from a height; like an emerald; like the sun on a green hill which is yet clouded – like nothing he had seen or known in England; she was like the spring and green grass and rushing waters* [2, p. 32, 39]. Все эти образы многократно повторяются, множатся и связаны с поворотными точками в развитии сюжета. Сравнения героини со струящейся водой, нахлынувшими волнами, игрой солнечного света на зелени холма усиливают динамизм образа и связаны с мотивом разрушения, которое несет весеннее наводнение, завершающее «русский» эпизод. Душа Саши требует просторов, как в России: *In Russia they had rivers ten miles broad on which one could gallop six horses abreast all day long without meeting a soul* [2, p. 30]. Она вспоминает о далекой родине с нежностью и ностальгией. Орландо связывает непредсказуемость и уклончивость Саши с национально-географическими особенностями: в России, где закаты медлят и не скоро наступает рассвет, фраза часто остается незавершенной из-за сомнений говорящего в том, как бы лучше ее закруглить ([*in Russia*] *the sunsets are longer, the dawns less sudden, and sentences often left unfinished from doubt as to how best to end them – Sasha stared at him, perhaps sneered at him, for he must have seemed a child to her, and said nothing* [2, p. 32]). Образ русской красавицы – первое испытание для Орландо-поэта, который не может найти точное слово, чтобы передать ее очарование: *English was too frank, too candid, too honeyed a speech for Sasha* [2, p. 32]. В размышлениях о возможностях языка передавать точный смысл герой близок самой В. Вулф, которая чрезвычайно трепетно относится к слову.

Образ Саши передает и представление самой В. Вулф о России и русском человеке, о загадочной русской душе. Несмотря на традиционный набор элементов, из которых складывается представление о русских, этот яркий образ выходит за пределы национального несмотря на всю его «экзотику». Как полагает Е. Е. Соловьева, «это – мечта о свободной женщине, которая пренебрегает светскими условностями, дает выход своей сексуальности, это воплощение идеи любви как близнеца смерти» [3]. Орландо тонко чувствует драматизм ситуации и гибельность своего чувства. Любовь связана в его сознании со смертью (*All ends in death)*, но он готов отправиться вслед за Сашей в далекую Россию, хотя это означает конец его блестящей карьеры [2, p. 32]. Героев разделяют

культурные и психологические барьеры, метафорически представленные через описание природных катаклизмов – Великий Холод внезапно уступает место потеплению. Изменение погоды сопровождает изменения, происходящие в сознании Орландо. Ряд эмоционально негативных определений свидетельствует о стремлении героя освободиться от психологической зависимости от Саши: *Faithless, mutable, fickle, he called her; devil, adulteress, deceiver* … [2, p. 46]. Наводнение на реке, неспокойное море становятся символом прощания героя с русской княжной, а корабль, уносящий ее вдаль от английского берега, – это, по мнению Н. И. Рейнгольд, метаобраз России, «нагруженный» определенными историческими, политическими и культурными аллюзиями. «Русская тема» в романе исчерпана вместе с исчезновением Саши.

История Англии на протяжении трех столетий, представленная в «Орландо» через биографию главного героя, оттенена фантастическим и опоэтизированным образом России, переданным через яркий женский характер. Можно сделать вывод о том, что в романе речь идет не только о национальном, но и об инонациональном характере, который, являясь художественной реальностью, не может быть объективным отражением реальных черт, присущих другим нациям (в данном случае русской), поскольку содержит авторскую оценку «другого», выраженную сквозь нравственно-этическую призму. В. Вулф обращается к чужой культуре, чтобы лучше понять сущность родной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рейнгольд, Н. И.* Русская тема и образ России в творчестве Вирджинии Вулф / Н. И. Рейнгольд // Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII – начала XX века : материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; (5 дек. 2006 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=52&binn_rubric_pl_news=196#Rein. – Дата доступа : 27.10.2019.
2. *Woolf, V.* Orlando. A Biography / V. Woolf; ed. by B. Lyons with an Introd. and Notes by S. M. Gilbert. – London : Penguin Books, 2000. – 272 [1] p.
3. *Соловьева, Е. Е.* Русская тема в романе В. Вулф «Орландо»: история или миф? / Е. Е. Соловьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : cyberleninka.ru/article/n/russkaya-tema-v-romane-v-vulf-orlando-istoriya-ili-mif. – Дата доступа : 27.10.2019.

The paper is focused on the reception of Russia and Russians in the novel *Orlando*. V. Woolf creates a bright image of a Russian Princess Sasha that transcends national stereotypes and helps to reveal the author's attitude to Russia.

Д. А. Букаев
Минск, МГЛУ

БЕЛЫЙ И СВОБОДНЫЙ СТИХ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматрены главные особенности свободного и белого стихов с точки зрения современной белорусской и немецкой литературных традиций, а также причины популярности данных типов организации лирических произведений среди современных авторов и влияние этих форм на творческий процесс лириков и восприятие произведений читателем. Исследуются главные отличия белого и свободного стиха и причины выбора современными поэтами данных вариантов организации лирических текстов, его преимущества и недостатки. Особое внимание уделяется немецкому взгляду на данную проблематику, особенно реакции немецких литературоведов на вопрос о критериях свободного стиха как одного из наиболее актуальных для современного литературоведения.

Одним из наиболее интересных явлений развития литературы в XX в. стало внедрение свободного стиха, или верлибра, в различные национальные литературы, а также возвращение к белому стиху. На протяжении всего XX ст. роль этих видов организации лирических произведений росла, и на данный момент верлибр занимает центральное место в лирических традициях многочисленных европейских литератур. В рамках данной статьи мы попробуем описать основные характеристики верлибра, его отличие от белого стиха, а также его роль и художественные особенности с точки зрения белорусской и немецкой литературных традиций.

Первый шаг к пониманию верлибра и его роли в современной литературе заключается в том, чтобы дать определение этому явлению. За основу возьмем дефиницию А. П. Горкина: верлибр – это разговорная форма, пограничная по отношению к прозаической и стихотворной речи. С прозаической речью ее роднит отсутствие обязательного метра и рифмы, с поэтической – присутствие основного признака поэзии, т.е. членения речи на отрезки, что выражается через написание текста в столбик [1, с. 158]. Белорусский литературовед В. Рагойша определяет верлибр как «дысметрычны верш, у аснове рытму якога – чаргаванне якіх-небудзь дапаможных рытмастваральных кампанентаў» [2, с. 268]. Следует отметить, что вспомогательные компоненты в верлибре, в отличие от белого стиха, зачастую появляются спонтанно, и при анализе таких произведений необходимо всегда определить характер подобных компонентов, чтобы отличить стихийные элементы ритма от авторской задумки. При этом верлибр часто путают с белым стихом – «формой нерифмованного стиха, традиционно применяемой в силлаботонике и реже – в некоторых формах тоники» [1, с. 93]. Белый стих, в отличие от свободного, согласно традиционным правилам стихосложения имеет и ритм, и метрику. Путаница возникает из-за того, что оба жанра избавлены от элемента, который у широкого круга читателей ассоциируется с поэзией как таковой – рифмой. Однако уже с первых моментов ознакомления с произведением становится очевидным, что свободный стих слишком сильно отличается от традиционной формы организации лирического произведения, в то время как белый стих ее повторяет, к тому же в нем ритм начинает играть еще большую смысловую роль, нежели в традиционных лирических произведениях. Изначально белый стих давал многочисленным авторам возможность более полно передавать живую речь без необходимости создания конечной рифмы в стоках стиха. Однако с развитием свободного стиха этот аспект белого стиха утратил актуальность, поскольку свободный стих позволяет автору полнее передавать речь персонажей, максимально приближаясь к структуре разговорной речи, поскольку данный метод организации текста устраняет необходимость не только в рифме, но и в метре. При этом стих благодаря метру всё же открывает перед поэтом возможности, недоступные свободному стиху, что обусловило дальнейшее параллельное сосуществование обеих систем организации лирических произведений в рамках современных литературных традиций.

Белый стих своими корнями уходит в древность, он широко представлен в древнегреческой литературе, германских произведениях Раннего Средневековья и многих других ранних литературах. В то же время свободный стих гораздо моложе. Хотя сама форма белого стиха появилась еще в XVIII–XIX вв., его полноценное проникновение в литературную традицию относится к XX веку,

в особенности его второй половине. Известный советский литературовед Л. М. Гаспаров в 70-х гг. XX в. назвал свободный стих «последним этапом развития европейского стиха в своем последовательном историческом развитии» [3, с. 229]. Он же и обозначил три возможных пути развития европейского белого стиха – *тривиальный* (возвращение к более ранним формам поэзии), *перспективный* (установление более строгих форм организации) и *тупиковый* (развитие идеи белого стиха до крайности – стиха для слуха и стиха для глаза) [3, с. 231]. При этом наиболее интересным с литературоведческой точки зрения Гаспаров признавал именно тупиковый путь, конкретно стих для глаза. Эта позиция связана с главной особенностью поэзии – ее графическим аспектом, ведь именно графическая форма организации текста позволяет читателю воспринимать верлибр как лирическое произведение и тем самым подготовить его к паузам, обозначенным в данном случае графически. Также это дает возможность автору более четко расставить в произведении акценты.

На примере развития немецкой и белорусской литератур мы видим, что все описанные Гаспаровым возможные пути развития верлибра имели место. Так, тупиковый путь, выразившийся в стихах для глаза и слуха, был особенно популярен среди лириков *конкретной* немецкой *поэзии* 60-х годов XX века. В рамках тривиального пути многие авторы вернулись к традиционным жанрам, например, белорусский поэт Андрей Хаданович – к сонету, и Адам Глобус – к жанру хайку, позаимствованному из японской литературной традиции. Перспективный путь в белорусской литературе представляет, например, Алесь Рязанов, известный своими многочисленными авторскими жанрами. При этом его произведения скорее относятся к белому стиху, поскольку, несмотря на отсутствие в них единого паттерна ритма, он всё же наличествует в той или иной форме в большинстве из них. Ритм Рязанова строится зачастую на аллитерации и параллелизме, которые нередко играют структурообразующую роль в произведении. Свободный же стих в его классической форме мы встречаем у таких поэтов как Андрей Бобков и Владимир Орлов. В их произведениях также встречаются параллелизм или аллитерация, однако они служат скорее выделению какого-то элемента смысла, нежели созданию ритма.

Также отметим, что белый стих больше характерен для германской, в частности немецкой, литературной традиции, что обусловлено в первую очередь фонетическими особенностями германских языков, выразившейся в том факте, что древнегерманский стих, имеющий много общего с современным белым стихом, был вытеснен силлаботонической системой версификации, включающей в качестве одного из основных элементов рифму, только на рубеже IX–X вв. Славянские же языки аналогичной системы версификации не использовали, и белый стих в славянские литературы проник лишь в более позднее время как следствие общемировой популярности данного жанра.

Проблемой разграничения белого и свободного стиха является тот факт, что ритмические средства могут встречаться в обоих жанрах, однако зачастую бывает сложно определить, насколько их использование целенаправленно. Аллитерация и ассонанс могут возникать в тексте стихийно, и одной из задач при анализе таких произведений является определение степени целенаправленности их применения. При этом читатель зачастую ограничен своим пониманием и без комментария автора может трактовать использование ритмических средств как признак белого стиха.

Неизбежно возникает вопрос о причинах популярности белого стиха среди современных лириков. На наш взгляд, избрание поэтом той или иной системы версификации по сути является борьбой между требованиями языка и превалирующей системы стихосложения. Систематичность существующих предписаний относительно метра, ритма, рифмы может не соответствовать творческим целям автора, и в рамках возникающего конфликта имеются два варианта действий – принятие существующей системы стихосложения или поиск новых, более подходящих систем. Выбирая второй путь, лирик может либо модифицировать существующую систему, добавляя или убирая какие-то не подходящие ему аспекты, либо вовсе отказаться от ее строгих условностей. Именно этот путь и привел многочисленных поэтов к свободному стиху, поскольку верлибр благодаря своей основной особенности– использование формы стиха как средства художественной выразительности – накладывает наименьшее число ограничений на автора, позволяя тем самым в наиболее полной мере реализовать свои творческие задумки без необходимости «вжимать» их в рамки общепринятых систем версификации. При этом лирик не обязательно будет отказываться от всех требований общепринятой системы версификации, поскольку их часть может отвечать его собственным художественным целям. В таком случае автор скорее всего изберет для себя форму белого стиха, поскольку она представляет собой компромисс между жесткими требованиями традиционной системы версификации и полным отсутствием ограничений верлибра.

Отдельно следует отметить течение конкретной поэзии, которое довело идею белого стиха до крайности, иногда даже отказываясь от текста как такового. Поэты, используя свободный стих для графической организации своих произведений в форме различных фигур, при этом зачастую не употребляют слова или даже буквы. Встречаются произведения, состоящие, например, из одних только знаков препинания или различных вариантов скобок (стих Кристиана Моргенштерна *Fisches Nachahmung*). И хотя подобные произведения большинство читателей скорее всего не будет воспринимать как лирические произведения, для самих авторов это эксперимент для определения границ лирики как рода литературы, и художественная ценность таких произведений состоит в первую очередь именно в этом. Однако эта крайняя степень развития идеи свободного стиха в белорусской литературе не получила популярности и остается маргинальным вариантом лирики, в то время как среди немецких поэтов он был весьма популярен на определенном этапе, что было обусловлено общей тенденцией мировой литературы к поиску новых путей, игре с формой и смыслом и отрицанием канонической на тот момент системы версификации. Среди белорусских поэтов свободный стих стал распространяться позднее (хотя первые произведения, написанные верлибром, появились в белорусской литературе еще в начале XX в.). К тому же, бытовавшая в то время советская цензура такие произведения не пропустила бы в печать, так что данный вариант верлибра был отвергнут как по литературным причинам (поскольку он не подходил творческим целям белорусских поэтов), так и по практическим соображениям (невозможность публикации таких произведений). Однако менее радикальные формы верлибра в белорусской литературной традиции прижились и, благодаря широкому спектру возможностей данного вида организации лирических произведений, стали одной из наиболее распространенных форм на данном этапе развития белорусской литературы.

Тем не менее свободный стих дает не только возможности, но и ставит перед литературным сообществом и учеными ряд вопросов. Как известно, сама суть стиха основана на принципе возвращения, повторения определенных элементов, но верлибр избавляет от необходимости следовать этому принципу, и по сути является отрицанием самой сущности стиха [4, p. 13]. В связи с этим немецкая Академия языка и поэзии в 1979 г. выдвинула перед литературным сообществом вопрос о том, какие на данный момент существуют критерии для свободного стиха, на что немецкий литературовед Хорс Рюдигер ответил: «Возможно ли, что мы теряем главное, когда спрашиваем про критерии, смысл, задумку автора? » [4, p. 127]. Отто Лоренц, основываясь на основных признаках свободного стиха, вывел его главную, фундаментальную особенность, отличающую его от других форм лирики, – сама сущность лирики в верлибре ограничена лишь его внешней составляющей, его графическим аспектом. «Свободный стих обозначает только графически маркированную строку стиха и тем самым показывает процесс визуального восприятия в противовес звуковому восприятию» [3, с. 114]. При этом верлибр кроме присутствия внешней структуры традиционных лирических произведений не накладывает никаких ограничений на структуру отдельных строк. Поэт может регулировать длину строки по своему усмотрению в зависимости от поставленных целей, семантической структуры предложения, желания расставить определенные акценты или же любых других принципов, на которых он основывает свою творческую идею.

Названные выше особенности свободного стиха позволяют отнести его к акцентуационному типу версификации, но не всецело. Если в данном типе версификации читатель имеет определенную возможность понимания акцентов по-своему, то в верлибре эта возможность полностью отсутствует. Ирония в том, что, позволяя автору в полной мере реализовать свои творческие идеи и расставить все необходимые акценты, свободный стих лишает этой возможности читателя, вгоняя его в узкие рамки авторской интерпретации, лежащие в основе графического аспекта произведения.

Как мы видим, белый и свободный стих в современной литературной традиции идут бок о бок. Использование обеих форм является следствием желания современных лириков избежать ограничений превалирующих систем стихосложения, необходимости ограничивать свой творческий порыв и вжиматься в узкие рамки. При этом белый стих является скорее компромиссной формой, свободный же стих – более радикальное решение данной проблемы. При этом обе формы организации текстов похожи и служат современным лирикам в равной степени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А. П. Горкина. – М. : Росмэн, 2006. – 984 с.
2. Паэтычны слоўнік / В. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Белнавука, 2004. – 576 с.
3. *Гаспаров, Л. М.* Очерк истории европейского стиха. – М.: Фортуна Лимитед, 2003.– 272 с.
4. *Frey, H.-J.*. Verszerfall Kritik des Freien Verses.Welche Kriterien gibt es heute für den freien Vers? Antworten auf die Preisfrage der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung vom Jahr 1979 // H.-J. Frey, O. Lorenz. – Heidelberg: Lambert Schneider, 1980. – 130 p.

This article deals with the main characteristics of the free verse and the blank verse from the point of view of the Belarussian and German literary traditions. The article also deals with the reasons of their popularity amongst modern poets and the influence this forms of organizing lyrical works have on writing process of the authors and on the reception of their works by the readers.

М. Н. Шудейко
Минск, МГЛУ

ИСТОРИИ О ПРИЗРАКАХ ГОВАРДА ЛАВКРАФТА И ЭДИТ УОРТОН: РАЗЛИЧИЯ СКВОЗЬ СХОДСТВО

Эдит Уортон и Говард Лавкрафт – выходцы из Новой Англии – являются яркими представителями литературы США начала XX века, обращавшимися в своем творчестве в том числе и к мистическому и сверхъестественному. Их творчество схоже во многих аспектах, при этом работы каждого несут отпечаток личности и индивидуальности автора. На примере рассказа Лавкрафта «Крысы в стенах» и рассказа Уортон «Мистер Джонс» в статье рассматривается, как общие черты произведений о призраках могут подчеркнуть особенности творчества каждого из авторов. Анализ показал, что выбранные нами рассказы, написанные в одно и то же десятилетие XX века, имеют значительное сходство, сквозь которое еще четче проступают различия в мировоззрении обоих писателей.

В XX веке популярность рассказов о привидениях вновь значительно возросла. Выходцы из Новой Англии Эдит Уортон и Говард Лавкрафт – яркие представители литературы США начала XX века, обращавшиеся в своем творчестве в том числе к мистическому и сверхъестественному. Период их деятельности является особым этапом в развитии американской литературы. Творчество Уортон и Лавкрафта объединяет ряд общих черт, при этом работы каждого несут отпечаток личности и индивидуальности автора.

Центральный персонаж рассказа Г. Лавкрафта «Крысы в стенах» (*The Rats in the Walls*, 1923) Мистер Делапор, от лица которого ведется повествование, – пожилой американец, лишившийся практически всего: семейной усадьбы, своей компании и даже сына. Потеряв интерес к жизни на родине, он отправляется в Англию, дабы восстановить недавно обнаруженное родовое поместье, а вместе с ним и репутацию своих предков. После завершения реставрационных работ мистер Делапор заселяется в дом, однако вскоре его начинают беспокоить звуки крысиной возни в стенах, которая не слышна более ни одному человеку. Решив разобраться с мнимыми крысами, он обнаруживает старинную пещеру, уходящую глубоко в утес, на котором стоит дом. Мистер Делапор собирает в Лондоне команду археологов для исследования пещеры, в ходе которого они обнаруживают древний грот, свидетельствующий о страшных ритуалах, с давних времен практиковавшихся представителями рода де ла Поэр, среди которых особое место занимает каннибализм. В итоге мистера Делапора настигает помешательство, в припадке которого он съедает одного из своих товарищей. Запертый в психиатрической лечебнице, он отрицает содеянное и лишь твердит, что виноват в случившемся не он, а проклятые крысы в стенах.

Главная героиня рассказа Э. Уортон «Мистер Джонс» (*Mr Jones*, 1929) – Леди Джейн Линк, англичанка тридцати пяти лет, по стечению обстоятельств получившая в наследство старинное поместье своих дальних предков, Беллз. При первом же визите в новообретенную собственность Леди Джейн сталкивается с суровым нравом мистера Джонса, смотрителя, отказ которого впустить нежданную посетительницу передает ей прислуга. Заселившись в конце концов в Беллз, Леди Джейн, в компании своего друга, решает разобрать семейный архив поместья, что оказывается не так просто, поскольку прислуга продолжает настаивать на том, что мистер Джонс (которого, как ей показалось, Леди Джейн видела мельком несколько раз) категорически против таких изысканий,

и обнаруживает значительные пробелы в наличии бумаг. В процессе расследования выясняется не самая приятная история о браке по расчету между Перегрином Линком, заядлым игроком и дамским угодником, и юной Джулианой Портало, глухонемой дочерью состоятельного купца. Перегрин держал свою жену в поместье, как в тюрьме, а «надзирателем» ее был некий мистер Джонс. В этот момент Леди Джейн узнает о смерти своей экономки, миссис Клемм, старательно пытавшейся отговорить ее от поисков. Экономку находят задушенной в ее спальне, и Леди Джейн убеждена, что это дело рук мистера Джонса. Но перед тем, как упасть в обморок, племянница миссис Клемм заявляет, что мистер Джонс уже много десятилетий как покоится в могиле.

Для начала отметим, что рассказы весьма схожи по сюжету – поместье с сомнительной историей в английской глуши, доставшееся в наследство главным героям; их переезд в новую собственность и расследование прошлого своих семей. Однако в то время как у Уортон центральным действующим лицом является женщина (так же, как и многие второстепенные персонажи – экономка, жена Перегрина), Лавкрафт в свойственной ему манере помещает в свой рассказ исключительно персонажей мужского пола.

Пристальное внимание в обоих рассказах уделено описанию поместий. До начала реставрационных работ дом в Эксгемском приорате стоял в руинах, сохранились лишь фрагменты стен: *a jumble of tottering medieval ruins covered with lichens and honeycombed with rooks' nests, perched perilously upon a precipice, and denuded of floors or other interior features save the stone walls of the separate towers* [1, p. 22]. В дальнейшем Лавкрафт достаточно подробно рассказывает об изменениях в конструкции дома и его оформлении: *the great rooms, wainscoted walls, vaulted ceilings, mullioned windows, and broad staircases* [1, p. 26], а также о том, как мистер Делапор обставил комнаты: *<my study> with groined arches, black oak panelling, and a triple Gothic window* [1, p. 28]. Поместье Беллз было не в таком плачевном состоянии, однако также практически заброшенное: *The very shabbiness of the house <…> made it, after its long abandonment, seem full of the careless daily coming and going of people long dead, people to whom it had not been a museum, or a page of history, but cradle, nursery, home, and sometimes, no doubt, a prison* [2, p. 175]. Уортон описывает Беллз как *iridescent with damp and age*, говоря, что именно в сумерках нужно посещать этот дом, *too old, too mysterious, too withdrawn into its own secret past* [2, p. 181].

Расположение поместий также акцентирует их изолированность. Дом в Эксгемском приорате находится на высоком и крутом утесе, а с другой стороны лежит совершенно необитаемая долина, надежно отгораживающая его от ближайшей деревни: *This foundation <was> merged on one side with the solid limestone of the precipice from whose brink the priory overlooked a desolate valley three miles west of the village of Anchester* [1, p. 20]. В свою очередь, о поместье Беллз персонажи отзываются так: *Bells had always been known as harder to get into than any other house thereabouts* [2, p. 174].

В обоих рассказах главные герои обнаруживают нелицеприятное прошлое своих семей. Но если Леди Джейн решает предпринять расследование самостоятельно и в ходе него обнаруживает историю Перегрина и Джулианы, то мистер Делапор случайно натыкается на грот, ведущий в недра пещеры, в котором и открывается страшная тайна каннибализма и опытов над живыми существами со стороны его предков.

Следует отметить и привидения, являющиеся центральными образами двух рассказов. В рассказе «Крысы в стенах» говорится, что через неделю после переезда мистера Делапора в Эксгемский приорат все коты, обитающие в доме, вместе с его хозяином начинают чувствовать и слышать движение огромного количества крыс в стенах здания: *on every side of the chamber the walls were alive with nauseous sound – the verminous slithering of ravenous, gigantic rats* [1, p. 30]. Расставив мышеловки по всему дому, мистер Делапор обнаруживает, что все они сработали, однако ни одной крысы поймано не было. Впоследствии именно этот шум, создаваемый призрачными крысами, приводит поисковую группу в древний грот. В рассказе «Мистер Джонс» поначалу Леди Джейн не воспринимает намеки экономки миссис Клемм: *he is more dead than living, too… if I may say so <…> He's between life and death, as it were* [2, p. 177–178]. В дальнейшем ей приходится несколько раз столкнуться с мистером Джонсом самой: *<She> saw, in the long dazzle of autumn light, as if translucid, edged with glitter, an old man at the desk* [2, p. 188]. Призрак находится как раз возле секретера, в котором обнаружились письма Перегрина и Джулианы с упоминаниями о мистере Джонсе.

В обоих рассказах расследования проводятся главными героями не в одиночку, а при поддержке компаньонов. К мистеру Делапору присоединяется армейский друг его покойного сына, Капитан Норрис. Именно он стал первым источником информации для мистера Делапора через письма сына, поскольку, живя неподалеку, знал многие местные легенды и поверья, в том числе и связанные с домом в Эксгемском приорате: *Apparently the Delapores had a colourful and perhaps sinister history, for a friend of my son's, Capt. Edward Norrys of the Royal Flying Corps, dwelt near the family seat at Anchester and related some peasant superstitions which few novelists could equal for wildness and incredulity* [1, p. 21].
К сожалению, именно Капитана Норриса постигла печальная судьба быть съеденным мистером Делапором в порыве безумия. В свою очередь, Леди Джейн, дабы не проводить в Беллз всё время в одиночестве, приглашает своего знакомого, писателя Эдварда Страмера, который, во время ее рассказа о первом посещении Беллз, утверждает, что тридцать лет назад, когда он хотел посмотреть на поместье, его также не впустили, сославшись на приказ мистера Джонса: *It's queer, though, that at such a distance of time we should have been given exactly the same answer* [2, p. 174]. Страмер – как раз тот персонаж, который первым не боясь произносит слова *There* ***is*** *no Mr Jones!* [2;, p. 185] и *I didn't say <Mr Jones> was alive now* [2, p. 191]. Вероятно, без него Леди Джейн не решилась бы проверять ящики секретера, в которых хранились пропавшие письма Перегрина: *"Oh, don't!" Lady Jane exclaimed. The words slipped out unawares. "Don't – what?" "Try those drawers –" she wanted to reply; for <Stramer's> hand was stretched toward the desk* [2, p.184]. Благоговейный страх перед тайной мог взять верх.

Места, хранившие секреты двух поместий, также стоят упоминания. В Эксгемском приорате подвал, из которого начинается расследование мистера Делапора и Капитана Норриса, сам по себе является самым глубоким из, известных рассказчику. Но в нем обнаруживается еще один запертый и дотоле никем не найденный ход – под большим каменным алтарем в центре подвала: *some vault deeper than the deepest known masonry of the Romans underlay this accursed pile, some vault unsuspected by the curious antiquarians of three centuries* [1, p. 35]. В поместье Беллз архив находится в комнате, ключ от которой, как

утверждает миссис Клемм, потерял мистер Джонс. Когда Леди Джейн решает пригласить из ближайшего поселения слесаря, миссис Клемм отсылает его, солгав Леди, что тот забыл инструмент, без которого дальнейшая работа не имеет смысла. И только после того, как Леди Джейн в сердцах обещает сама сломать проклятый замок, миссис Клемм покорно, но со страхом приносит ключ от архива, как будто предчувствуя возмездие мистера Джонса: *"I beg pardon, my lady. The key is found." Her hand, as she held it out, trembled* [2, p. 186]. То есть оба автора оставили семейные тайны за закрытыми дверьми.

Концовки рассказов значительно отличаются друг от друга несмотря на то, что, во-первых, оба центральных персонажа докапываются до скелетов в шкафу своих предков, а во-вторых, в обоих случаях они признают существование призраков. В развязке рассказа «Крысы в стенах», когда топот призрачных крыс становится всё навязчивее и громче, мистера Делапора охватывает безумие, и он набрасывается на Капитана Норриса: *<they> found me crouching in the blackness over the plump, half-eaten body of Capt. Norrys, with my own cat leaping and tearing at my throat* [1, p. 42]. При этом он бормочет о несправедливости того, что сына его сожрала война, а Норрис остался жив. Сам же мистер Делапор не верит, что способен на такой ужасный поступок: *but they must know that I did not do it. They must know it was the rats; <…> the daemon rats that race behind the padding in this room and beckon me down to greater horrors than I have ever known; <…> the rats, the rats in the walls* [1, p. 43]. В этом заключительном предложении можно прочувствовать всё смятение, в котором находится горячечное сознание мистера Делапора, всю безнадежность положения человека, содержащегося в психиатрической лечебнице и не верящего в свое безумие. В рассказе «Мистер Джонс» более классическая для историй с привидениями развязка. До этого момента читатель, конечно, догадывается, что мистер Джонс не так материален, как могло бы показаться в начале, однако напрямую автор еще не раскрывает этого. И только когда Леди Джейн обращается к племяннице покойной миссис Клемм, *Tell me, Georgiana: where shall we find Mr Jones?* [2, p. 193], читатель наконец наверняка узнает, что мистер Джонс на протяжении всего рассказа был не кем иным как призраком: *He's in his grave in the churchyard – these years and years he is. Long before ever I was born…* [2, p. 193]. Рассказ оканчивается обмороком Джорджианы после этой небольшой, но эмоциональной исповеди. То есть читатель не знает, как же отреагировали на такое известие Леди Джейн и Стрэмер.

Интересно также отметить, на каких эпитетах остановили свой выбор писатели для создания мистической и сверхъестественной атмосферы. Лавкрафт больше обращается к таким прилагательным, как *abhorred, accursed, damnable, ghastly, ghoulish, eldritch*, большинство из которых имеет оттенок омерзения и порицания. Уортон в своем рассказе чаще использует прилагательные *queer, odd, absurd, curious, strange*, значение которых сводится, в основном, к странности и необычности происходящего. То есть Уортон заставляет читателя чувствовать и волноваться, в то время как Лавкрафт пытается донести до него также и физический аспект неприязни.

Итак, рассмотрев рассказы Г. Лавкрафта «Крысы в стенах» и рассказ Э. Уортон «Мистер Джонс», мы обнаружили ряд общих черт, а именно: схожий сюжет, подробное описание поместий и уединения их расположения, раскрытие центральными персонажами темного семейного прошлого с помощью приятелей, призраки как катализатор сюжетного действия, закрытые двери в хранящих

тайну помещениях. При этом нами также были выделены и особенности каждого из рассказов, как то: осознанное или же случайное обнаружение страшного прошлого семьи, наличие или отсутствие в рассказах персонажей женского пола, отражение в концовке состояния персонажей после встречи с призраками или же его умалчивание, выбор лексики для создания определенной атмосферы вокруг происходящего. Результаты анализы демонстрируют, что рассказы «Крысы в стенах» Лавкрафта и «Мистер Джонс» Уортон, написанные в одно и то же десятилетие XX века, имеют значительное сходство, сквозь которое, тем не менее, можно увидеть особенности стиля обоих авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lovecraft, H. P.* The Rats in the Walls / H. P. Lovecraft // The H. P. Lovecraft Omnibus 3: The Haunter of the Dark and Other Titles. – Glasgow: Grafton Books, 1985. – P. 19–43.
2. *Wharton, E.* Mr Jones / E. Wharton // The Ghost Stories of Edith Wharton. – London: Wordsworth Editions Limited, 2009. – P. 170–194.

Howard Lovecraft and Edith Wharton are bright representatives of the US literature of the beginning of the 20th century, who turned to mystical and supernatural as well in their creative work. On the example of ghost stories *The Rats in the Walls* by Lovecraft and *Mr Jones* by Wharton the article will consider how similarities in the two stories can make the differences in the authors' creative concepts stand out even clearer.

О. Г. Гилеп
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В РОМАНЕ В. ВУЛФ «ОРЛАНДО»

В статье раскрывается содержание понятия *гендер*, исследуются особенности проявления гендерного аспекта в литературе. Особое внимание обращается на художественное осмысление гендерных установок и гендерной экзистенции в творчестве В. Вулф. Выявляется специфика воплощения главного персонажа в романе и его гибкая подвижная идентичность, определяется голос автора, который разрушает идею гендера как безусловной неизменной социальной категории и критикует гендерные стереотипы общества конца XIX – начала XX века.

В современных исследованиях литературных текстов активно используется понятие *гендера*, появившееся в научном дискурсе в середине 20-х годов предыдущего столетия. Решающую роль в становлении гендерной теории сыграло женское движение, которое основывалось на выработанной им философской концепции социокультурного развития. В ней во многом пересматривались и расширялись господствующие в общественном сознании взгляды на проблему «женщина и общество».

В современном теоретическом знании формируется гендерная парадигма, внутри которой выделяются определения пола и гендера. Соотношение понятий *пол* и *гендер* освещается в работах таких ученых, как Е. И. Горошко, Т. А. Клименкова, О. В. Рябов, Е. Иванова, И. Кон, Е. Гапова, С. Жеребкина и многих других, где обосновываются разнообразные научные подходы к рассмотрению данных явлений. Обобщение ключевых положений по этому вопросу приводит к выявлению главной теоретической составляющей, различающей термины *пол* и *гендер*. Под полом понимается биологически присущие мужчине и женщине

различия, а гендер определяется как социальный пол, как способ существования личности в социуме, как совокупность социальных и культурных представлений о нем. Социальный пол конструируется социальной практикой и содержит маскулинные и феминные качества, присущие мужскому и женскому социальному поведению, которые рассматриваются как независимые от природной данности измерения пола.

В основании гендера лежит волевой подход человека, а половое различие детерминировано природным началом. Гендер, по мнению исследовательницы Н. И. Абубикировой, – это «…социальное отношение: не биологический пол, а репрезентация каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений» [1, с. 123]. В своих исследованиях В. А. Маслова приходит к выводу о том, что в гендере «происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов» [7, с. 124].

В центре внимания изучения гендерного аспекта непосредственно в литературе стоит вопрос о стереотипах, приписываемых представителям различных полов [9]. Литературовед Т. В. Гречушникова подчеркивает, что «гендерное литературоведение направлено на изучение социальных и культурных конфигураций “женского” и “мужского”, разных форм сексуальности в литературных текстах» [3]. Вопросом поиска идентичности и субъективности личности нередко задаются герои женской прозы, ведь именно она зачастую направлена на исследование проблемы места субъекта в оппозиции женское/мужское. Гендерный подход открывает «женский опыт как особый источник знания», так как анализ гендерной концепции в литературных работах «позволяет оценивать процессы, происходящие в обществе и в поведении человека» [8, с. 379].

В качестве яркого примера можно привести роман Вирджинии Вулф «Орландо» (*Orlando,* 1928), являющийся наиболее показательным, так как в нем представлены собственные рассуждения автора на тему гендера как социального конструкта. Данный роман – игра, пародийное переосмысление сложно сконструированных, литературно «тяжелых», автобиографий и многих автобиографических текстов, в которых превалирует серьезный тон повествования. Писательница Дж. Уинтерсон отмечала, что роман «Орландо» «ярче всего демонстрирует нам лучшие качества как творчества В. Вулф, так и ее личности: стремление к эксперименту, умение бросить вызов стереотипам и канонам как в искусстве, так и в жизни» [11, p. 61]. Действительно, в высокохудожественном, игровом, сложном с литературной точки зрения повествовании рассматриваются такие значимые проблемы, как гендерная репрезентация личности в художественном произведении, эмоциональная жизнь человека, распределение гендерных ролей в обществе, гендерное поведение и гендерные стереотипы, а также стремление автора к гендерному равенству. Ряд ученых называют В. Вульф феминисткой, бескомпромиссно и последовательно борющейся против женского бесправия, за ее достойное место в социальной жизни. По мнению Н. Кирсановой, «реальность выглядит намного сложнее. В сущность понятий “мужчина” и “женщина” Вирджиния вкладывала гораздо более широкий и объемный смысл. <…> Она доказала, что женщина может быть так же мудра и свободна в высказываниях, как мужчина, а тот способен быть таким же загадочным и утонченным, как женщина» [6].

Гендерный аспект беллетризуется в «Орландо» в выявлении андрогинности главного героя [4]. Андрогинность — явление, при котором человек проявляет одновременно, необязательно в равной степени, и женские, и мужские качества. Сама В. Вулф замечала в своем эссе «Собственная комната»: "…it is fatal for anyone who writes to think of their sex. It is fatal to be a man or woman pure and simple; one must be woman – manly or man – womanly" [10, p. 87]. Гендер осмысливается в романе через репрезентацию двух социально-культурных и бытийных ипостасей: Орландо-мужчины и Орландо-женщины.

Посредством литературного приема смещения гендерных стереотипов В. Вулф в игровом повествовании романа подчеркивает размытость границ между мужскими и женскими качествами личности. Сама внешность Орландо-мужчины намекает на неоднозначную половую идентичность главного героя. В. Вулф указывает на то, что описание Орландо-мужчины во многом ассоциируется и с женскими стереотипными качествами: «…если мы взглянем на стоящего у окна Орландо, мы вынуждены будем признать, что глаза у него были, как фиалки в росе, громадные, будто переполненные их расширяющей влагой…» [2]. В красочном описании Орландо подчеркиваются такие качества характера, как робость, стеснительность, эмоциональность. То есть отмечаются те черты, которые более применимы к описанию женских литературных образов: «…на щеках его играл легкий румянец…» [2]. В. Вулф преуспевает в создании сложного художественного образа Орландо, наделенного не только типично мужскими характеристиками, но и возможностью глубокого сопереживания, понимания чувств других людей, проникновения во внутренний мир. Это особенно заметно в описании сильных эмоций, чувствительности, страстей, глубоких чувств Орландо, в его сенситивности и психологическом поведении. Внимание Орландо к Саше – это первые серьезные отношения, которые в своей жизни переживал молодой человек. В определенной ситуации, думая о женщине, он «смотрел, дрожал, его бросало в жар, трясло в ознобе» [2]. Кроме того, его чувство любви описывается так, как будто «густая кровь в нем расплавилась; лед таял вином по жилам; он услышал звон ручьев и пение птиц» [2]. Страстная и эмоциональная природа чувств Орландо к Саше превращает его в иррационального мужчину, что, главным образом, свойственно женским образам в литературе.

Таким образом в тексте выявляется присутствие своеобразной легкой пародии (misrepresentation) на чувства молодого возлюбленного. С одной стороны, рассказчик описывает, как Саша превращает Орландо в идеального дворянина, «полного благодати и мужественности». С другой стороны, именно Орландо пребывает в депрессии и полном одиночестве, растерянности, фрустрации после того, как Саша покидает его. В. Вулф подчеркивает, что Орландо забывает, как быть настоящим мужчиной: «это ведь жалость одна, когда такой благородный господин слоняется по дому, и не чтоб пойти на лису или же гнать оленя» [2].

Изменение биологического пола главного героя связывается в романе с длительным сном Орландо. Данный литературный прием несет в себе глубокое философское и символическое значение. После пробуждения от глубокого сна Орландо становится женщиной, однако она «не высказывает никаких признаков растерянности» [2]. Писательница предполагает, что смена пола не влияет на Орландо, и ставит вопрос о важности физического пола и гендерной экзистенции

по отношению к личности. Человек состоит из очень многих элементов, а физическое тело – только один из них. В. Вулф считает, что, хотя Орландо физически изменена, «ядро» ее «самости» остается в основном неизменным. Прием повтора многократно подчеркивает, как в главной героине сосуществуют типично мужские и женские черты характера. Любопытные дамы, например, удивляются «…как будучи женщиной, Орландо никогда не тратит больше десяти минут на одевание? И выбирает она платья наобум. И носит их как-то небрежно» [2]. Орландо нежна и добра, но она терпеть не может домашние дела, она хорошо водит, но ее «бросало в слезы от малейшей провокации» – всё это сигнализирует о личности, состоящей из стереотипных черт обоих полов. Данная литературная игра содержит своеобразное «жонглирование» идентичностями и субъективностью личности. Орландо активно использует свою андрогинную позицию, трансформируясь из мужчины в женщину в зависимости от ситуации и ее окружения: она как «идеальная леди» наливает чай мистеру Попу, а потом той же ночью гуляет по улицам Лондона, одетая как «благородный лорд» и, наконец, раскрывает свои сокровенные женские чувства женщине легкого поведения по имени Нелл. Орландо живет, хорошо понимая распределение гендерных ролей, навязываемое нормативным обществом, и знает, что ожидается от каждого человека в определенных ситуациях, поэтому, избегая нежелательных ситуаций, действует в соответствии с гендерными нормами своего общества. В. Вульф подчеркивает силу норм, правил, кодекса поведения, системы убеждений, демонстрирует принцип, согласно которому гендерные соглашения базируются на социальных нормах и кодексах. Орландо все более свыкается со своей женской идентичностью. После визуальной трансформации рассказчик описывает, как Орландо «будто не принадлежала ни к одному полу, она и в самом деле колебалась…» [2]. Достигнув викторианского периода, она начинает искать мужа, человека, на «кого можно положиться», у нее появляется ребенок. Это свидетельствует о том, что ее женская ипостась развивается с течением времени через повторение и выполнение действий, рассматриваемых обществом как типично женских. Вирджиния Вулф активно критикует на протяжении всего романа проявление жесткого бинарного противопоставления мужского и женского, что безусловно поддерживает гендерную иерархию и, следовательно, догматические гендерные категории. К тому же, автор акцентирует внимание на том, что гендерные соглашения и стереотипные характеристики гендера производятся в социальном дискурсе и существуют в определенное время в определенной культуре, поэтому гендер – не конечная категория, а постоянно развивающаяся.

Репрезентация гендера в романе происходит не только за счет игры с двумя ипостасями Орландо, но и при помощи изображения внешнего вида человека, а также описания одежды. Гардероб Орландо представлен как нечто, что формирует людей, и нечто, что само формируется под влиянием того времени, в котором оно существует. Уже при представлении Орландо в самом первом предложении романа автор указывает, как одежда влияет на восприятие пола человека: «он – потому что пол его не подлежал сомнению вопреки двусмысленным ухищрениям тогдашней моды…» [2] Здесь мода не подкрепляет статус Орландо как мужчины, а, наоборот, заставляет нас сомневаться в этом. Обычно то, как человек одевается, определяет его половую идентичность, но, как мы видим в нескольких эпизодах, это также может создать двойственную интерпретацию половой принадлежности личности. Кроме того, приведенная цитата емко

и точно показывает, что мода является продуктом своего времени, современной культуры. Этот элемент раскрывает произвольный характер пола, так как даже поверхностная функция одежды конструирует гендерные идентичности. Предметы туалета используются и для усиления чувства гендера, и для того, чтобы сделать его противоречивым, и для того, чтобы показать, что он не является биологической хактеристикой. Использование одежды для конструкции социального пола служит примером культурных и социальных последствий гендера, и это еще раз подчеркивает мнение Вульф о том, что он не является чем-то абсолютным.

Таким образом, роман В. Вулф «Орландо» представляет собой интерес с точки зрения гендерных исследований. Это остроумное, юмористическое и пародийное произведение, в котором писательница играет со многими аспектами литературных, социальных, культурных кодов, с пониманием сущности гендера, но в этой игре также присутствует критический голос автора, который разрушает идею гендера как безусловной социальной категории и бросает вызов жестким гендерным нормам, характерным для общества, в котором жила В. Вулф. Роман «Орландо» – стремление автора показать свободу личности, которая состоит из многих сегментов, философская попытка осмысления целостности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абубикирова, Н. И.* Что такое «гендер»? [Электронный ресурс] / Н. И. Абубикирова // Общественные науки и современность. – 1996, – № 6. – С. 123–125. – Режим доступа : http://www.az.ru/women/texts/abubikr.html. – Дата доступа : 10.10.2019.
2. *Вулф, В*. Орландо : роман / В. Вулф. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 304 с.
3. *Гречушникова, Т. В*. «Женский язык»: бесперспективная утопия или путь к гармонии / Т. В. Гречушникова // Женщины. История. Общество : сб. науч. тр. / ред. В. И. Успенская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – Вып.1. – С. 156–175.
4. *Денисова, И. В*. Гендерный аспект романа В. Вулф «Орландо» / И. В. Денисова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2. – Ч. 2. – С. 46–48.
5. *Казнин, Л. Н.* Гендерная теория в социальном знании / Л. Н. Казин // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. – 2009. – Вып. 4 – С. 71–77.
6. *Кирсанова, Н*. Жизнь и смерть Вирджинии Вулф [Электронный ресурс] / Н. Кирсанова. – Режим доступа : http://virginiawoolf.ru/art01.html. – Дата доступа : 14.10.2019.
7. *Маслова, В. А*. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. *Первушина, Л. В.* Проблемы гендера в творчестве Эрики Джонг / Л. В. Первушина // Социокультурные аспекты межъязыковой коммуникации: материалы междунар. науч. конф.; Гродно, 16–17 окт. 2002 г. / под ред. Л. М. Середы. – Гродно: ГрГУ, 2004. – С. 378–383.
9. *Рябова, Т. Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – М., 2003. – Вып. 1, 2. – С. 120–139.
10. *Woolf, V.* A Room of One's Own / V. Woolf. – GB. : Penguin Books, 200 – 112 p.
11. *Winterson, J.* A Gift of Wings (with reference to "Orlando") / J. Winterson // Art Objects: Essays on Ecstasy and Effrontery. – N. Y. : Vintage International, 1997. – P. 61 – 77.

The article discusses the features of the representation of gender in the novel *Orlando* by V. Woolf. The article reveals the content of the "gender" notion. The author explores the features of the manifestation of gender aspect in literature. Particular attention is paid to how the concept of "gender" is expressed in the novel *Orlando*.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Стернина М. А. Сопоставительные и контрастивные исследования: новые возможности и перспективы 3
Рогачевская М. С. Научный vs художественный дискурс в романе С. Фолкса «Человеческие следы» 8
Cheshmedzhieva-Stoycheva D. Translating Montessori: Challenges and Solutions 13
Карпилович Т. П. Интенциональность и смысл: точки пересечения в медиадискурсе 19

ТЕКСТ И ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Лешкевич И. В. Корреляция дискурсивных категорий в британской и белорусской прессе 25
Сысоева Т. А. Маркеры актуальной информации в структуре аналитической статьи 29
Стрельникова М. А. Теоретическая модель описания речевого жанра телеинтервью 34
Жмакина Т. В. Структура политического дискурса предвыборных дебатов 40
Бельская А. В. Средства реализации стратегии негативной вежливости в медийных интервью (на материале английского и белорусского языков) 45
Шалесная Н. В. Классы оценочной лексики в структуре научно-учебного текста по лингвистике 49

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Володько С. М., Жмакина Т. В. Контрастивный анализ лексико-семантического поля сферы государственного управления в русском и английском языках 54
Вострикова И. Ю. К вопросу о выявлении национальной специфики микрогрупп «Педагогическая трудовая деятельность» лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках 59
Лукина Л. В. Контрастивный семный словарь наименований речевых событий в русском и английском языках как новый тип лексикографического издания 63
Rychkova L. V., Al-Najm Maysoon Salah Shakir. Nationally Specific Meanings of the Body-Part Terms ‘Finger’ and ‘Nail’ (Based on the Data from Explanatory Dictionaries of English) 68
Малыхина Н. И. Лексикографическое описание наиболее частотных английских глагольных лексем 73
Швец Н. Г. Тезаурусный метод описания иллюстрации рекламного объявления 78
Карпенко И. С. Развитие новых значений наиболее частотных русских и английских многосememных адъективных лексем 83
Liu Peng The Chinese Language Unit 上*Shàng* and its Correlates in the English Language 88

Федосова В. И. Контрастивный анализ наименований родственных лиц
на основе брачных отношений в русском и английском языках 92
Козлова Т. А. Полярность оценки в семантике языковых единиц,
обозначающих моральные качества 98
Куц А. А. Семантические особенности языковых средств обозначения победы
в газетных текстах (на материале белорусского и русского языков) 103
Степанова В. В. Субстантивные термины-композиты с компонентом *Glas* 109

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Крохалева Л. С. Специфика художественного текста
в категориально-стилистическом аспекте 114
Lojko M. O. Metaphorical Models in Economic Discourse
(Derived from English Media Texts) 119
Приходько С. А. Семантика театральной метафоры в полемическом дискурсе
В. И. Ленина (на базе труда «Материализм и эмпириокритицизм») 123
Саковец М. С. Лексико-семантические особенности
русских и шведских фразеологизмов, характеризующих человека 130
Баханович А. С. Роль иронии абсурда в создании портрета героев
в белорусско- и англоязычных художественных произведениях 134
Егоров Н. В. Прагматические функции лексико-стилистических средств
в научно-популярном дискурсе 139
Локонова А. Е. Антонимы как единицы контраста
в англоязычном политическом тексте 144

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Артемова О. А. Демонстративы как актуализаторы пространственного дейксиса
в белорусском и английском языках: сравнительно-сопоставительный аспект 149
Копачева Н. А. Функционально–прагматические свойства вводных конструкций
в жанре интервью (на материале английского и русского языков) 154
Литвинович А. Г. Скрытограмматическая категория каузативности
в языках разных типов 158
Сытько А. В. Функциональные характеристики деонтических конструкций
с глаголами лексического класса «информация, сообщение, речь»
в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков) 162
Аношина О. В. Прагматические функции инверсии
в современном британском и американском кинодискурсе 167
Медюлянова В. А. Свойства и характеристики персонального дейксиса
в русском и других европейских языках 173
Угринович Н. В. Семантическая вариативность присоединенного элемента
в разделенном вопросе при передаче иллокутивной направленности
(на материале немецкого и белорусского языков) 178

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Иванова Т. Ф. Эмотивность новостной заметки в немецком и русском языках.....184
Супрун-Белевич Л. Р., Иванов К. И. Интерпретация оригинала как источник вариантов и инвариантов в болгарских переводах детских стихов В. Маяковского.....190
Могилевцев С. А. Эмотивные высказывания в англоязычном медиадискурсе и способы их передачи на русский язык.....196
Талалаева Е. Ю. Проблема непереводимости поэтического текста с позиции герменевтической философии.....200
Тригубович А. О. Ирландские реалии в англоязычном художественном дискурсе и способы их перевода на русский язык.....204
Парахонько Л. В. Сопоставительный анализ тавтологии в оригинальном и переводном дискурсах (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»).....208
Верпечинскис В. С. Окказионализмы Томаса Бернхарда с компонентом *-mensch* в романе «Der Untergeher» в аспекте перевода.....213
Жупинская А. В. Чужое языковое пространство и его реалии в переводном тексте.....218
Кашинская Л. Н. Экспрессивный синтаксис как особенность современного немецкоязычного медиадискурса.....222
Крылов А. С. Приемы перевода эвфемизмов.....226

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Ломовая А. В. Речевое поведение персонажей анекдотов как средство отражения этностереотипов.....231
Филиппова И. Н. Транскрипция – аннигиляция смысла в межкультурной коммуникации?.....235
Барабушка И. А. Красный цвет как часть образа города в русско- и англоязычной художественной прозе.....239
Никонова Е. А. Специфика реализации оценки в текстах СМИ (на примере англоязычных аналитических статей, посвященных вопросу самоопределения Шотландии).....244
Иванов А. Э. Тактика признания и средства ее реализации в диалогическом дискурсе на английском и русском языках.....248
Тригубова Д. Л. Оценочная лексика в реализации коммуникативных целей аннотаций к англоязычным художественным фильмам.....252
Шаргаева Д. Ю. Особенности моделирования коммуникативного поведения участников белорусского детского теледискурса.....257
Зубец В. Д. Особенности реализации вербальных стратегий политического деятеля.....262

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Детскина Р. В., Шимчук Л. В. Алгоритм автоматической системы тематической классификации англоязычных афоризмов 266
Барковіч А. А. Металексічная значымасць: лінгвістычная актуалізацыя 272

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОМПАРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Кудрявцева И. К. «Проза в стихах» П. Тейлора как пример гибридной формы в литературе 277
Первушина Л. В. Монолингвизм и билингвизм творчества современных писателей славянской эмиграции в США 282
Ломако Э. В. Русская тема в романе В. Вулф «Орландо» 287
Букаев Д. А. Белый и свободный стих в современной немецкой и белорусской поэзии 291
Шудейко М. Н. Истории о призраках Говарда Лавкрафта и Эдит Уортон: различия сквозь сходство 296
Гилеп О. Г. Особенности репрезентации гендера в романе В. Вулф «Орландо» 300

CONTENTS

PLENARY SESSION

Sternina M. A. Comparative And Contrastive Studies:
New Possibilities And Perspectives 3
Ragachewskaya M. S. Scientific vs Fictional Discourse
in S. Faulks' Novel *Human Traces* 8
Cheshmedzhieva-Stoycheva D. Translating Montessori:
Challenges and Solutions 13
Karpilovitch T. P. Intentionality and Sense:
Points of Intersection in Media Discourse 19

TEXT AND DISCOURSE IN CONTRAST ILLUMINATION

Leshkevich I. V. The Correlation of the Discourse Categories
in the British and Belarusian Press 25
Sysoyeva T. A. Markers of Relevant Information in Opinion Articles 29
Strelnikova M. A. Theoretical Model of Description
of Teleinterview Speech Genre 34
Zhmakina T. V. Political Discourse of Pre-Election Debates 40
Belskaya A. V. Means of Implementing the Negative Politeness Strategy
in Media Interviews (Based on English and Belarusian Languages) 45
Shalesnaya N. V. Classes of Evaluative Lexis in the Structure of Scientific
and Educational Texts on Linguistics 49

WORDS IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

Volodko S. M., Zhmakina T. V. Contrastive Analysis of the Lexical Semantic
Field of the Sphere of Public Administration in Russian and English 54
Vostrikova I. Y. Defining National Specificity of Russian and English Microgroups
'Pedagogical Labour Activity' within the Lexico-Semantic Field 'Labour Activity' 59
Lukina L. V. Contrastive Semes Dictionary of Russian and English Lexemes Denoting
Speech Events as a New Type of Lexicographic Edition 63
Rychkova L. V., Al-Najm Maysoon Salah Shakir. Nationally Specific Meanings
of the Body-Part Terms 'Finger' and 'Nail'
(Based on the Data from Explanatory Dictionaries of English) 68
Malykhina N. I. Lexicographic Description of the Most Frequent English Verbal Lexemes 73
Shvets N. G. The Thesaurus Method of Describing the Illustrations Ads 78
Karpenko I. S. New Meanings of the Most Frequent Russian
and English Multi-Sememe Adjectival Lexemes 83
Liu Peng The Chinese Language Unit 上*Shàng* and its Correlates
in the English Language 88
Fedosova V. I. Contrastive Analysis of the Names of Relatives
Denoting Marital Relationship in Russian and English 92
Kazlova T. A. Evaluative Polarity in the Semantics
of Language Means Representing Moral Qualities 98
Kuts A. A. Semantic Features of Victory Language Means in Newspaper Texts
(Based on Belarusian and Russian Languages) 103
Stepanova V. V. Noun Compound Terms with the Component *Glas* 109

STYLISTIC MEANS IN THE CONTRASTIVE ASPECT

Krokhaleva L. S. Literary Texts in the Aspect of Stylistic Categories 114
Lojko M. O. Metaphorical Models in Economic Discourse
(Derived from English Media Texts) 119
Prikhodko S. A. Semantics of Theatrical Metaphor in V. I. Lenin's Polemical
Discourse (Based on the Book «Materialism and Empirio-Criticism») 123
Sakovets M. S. Lexical-Semantic Features
of Russian and Swedish Phraseologisms Characterising People 130
Bakhanovich A. S. The Role of the Irony of the Absurd in Creating
a Portrait of Heroes in Belarusian and English-Language Works of Fiction..... 134
Yahorau M. V. Pragmatic Functions of Lexical Stylistic Means
in Popular Science Discourse..... 139
Lokonova A. E. Antonyms as Contrast Units in the Political Discourse 144

GRAMMATICAL UNITS AND CATEGORIES IN THE CONTRASTIVE ASPECT

Artsiomava O. A. Demonstratives as Actualizers of Spatial Dexis
in the Belarusian and English Languages: the Comparative Aspect 149
Kopacheva N. A. Functional and Pragmatic Characteristics of Paranthetical Elements
in English and Russian Interview Texts..... 154
Litvinovich A. H. Hidden Grammatic Category of Causativity
in Languages of Different Types..... 158
Sytko A. V. Functional Characteristics of Deontic Constructions
with Verbs of the Lexical Class "Information, Message, Speech"
in Political Discourse (Based on German and Russian Languages) 162
Anoshyna O. V. Pragmatic Functions of Inversion
in Modern British and American Cinema Discourse 167
Medziulianava V. A. Properties and Characteristics of Person Deixis
in Russian and Other European Languages..... 173
Ugrinovich N. W. Illocutionary Force and Semantic Variation of Tags
in the Tag-Question (a Case Study of German and Belarusian)..... 178

CONTRASTIVE LINGUISTICS AND ISSUES OF TRANSLATION

Ivanova T. F. Emotivity in the Genre of News Articles in German and Russian..... 184
Suprun-Belevich L. R., Ivanov K. I. Interpretation of an Original Text
as a Source of Variants and Invariants in Bulgarian Translations
of Children's Poems by V. Mayakovsky 190
Mogilevtsev S. A. Emotive Utterances in English Media Discourse
and the Ways to Translate them into Russian 196
Talalaeva E. Yu. The Problem of the Untranslatable Poetic Text
from the Position of Hermeneutic Philosophy..... 200
Trigubovich A. O. Irish Culture-Specific Elements in the English-Language Fiction
and the Ways of Rendering by Means of the Russian Language..... 204

Parahonco L. V. Comparative Analysis of Tautology in Original and Translated Discourses (Based on the Novel by Ch. Bronte "Jane Eyre") 208
Verpechynskis V. S. Occasional Words with the Component *-mensch* Used by Thomas Bernhard in his Novel "Der Untergeher" in the Aspect of their Translation 213
Zhupinskaya A. V. Foreign Language Space and its Realities in Translated Texts.....218
Kashynskaya L. N. Expressive Syntax as a Peculiarity of Modern German-Speaking Media Discourse 222
Krylov A. S. Methods of Euphemisms' Translation 226

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

Lomovaya A. V. The Verbal Behaviour of the Characters of Jokes as a Means of Reflecting Ethnic Stereotypes.....231
Filippova I. N. Transcription: Annihilation of Meaning in Intercultural Communication? 235
Barabushka I. A. Red Color as a Part of the Image of the City in Russian and English Imaginative Prose.....239
Nikonova E. A. Specific Character of Evaluation in Mass Media Texts (by the Material of English Analytical Articles Devoted to the Scottish Independence Movement).....244
Ivanov A. E. Tactics of Admission and Means of its Realization in Dialogues in English and Russian 248
Tryhubava D. L. Use of Evaluation Lexis in Reaching Communicative Goals of English Feature Film Annotations.....252
Shargaeva D. Yu. The Peculiarities of Modeling of Communicative Behavior of the Belarusian Children's TV Discourse Participants.....257
Zubets V. D. Some Features of Verbal Strategies Implementation of a Politician.....262

CONTRASTIVE RESEARCH AND APPLIED LINGUISTICS

Detskina R. V., Shymchuk L. V. Automation Algorithm of English Aphorism Thematic Classification.....266
Barkovich A. A. Metalexical Significance: Linguistic Actualization 272

MODERN LITERATURE IN THE COMPARATIVE PARADIGM

Kudriavtseva I. K. Peter Taylor's "Stoems" as a Hybrid Literary Form.....277
Pervushina L. V. Artistic Inquires of Contemporary Slavic Emigre Writers in the USA: the Issues of Monoligualism/Bilingualism 282
Lomako E. V. The Russian Theme in the Novel *Orlando* by V. Woolf.....287
Bukayev D. A. Blank and Free Verses in Modern German and Belarussian Poetry 291
Shudeiko M. N. Ghost Stories of Howard Lovecraft and Edith Wharton: Differences through Similarities.....296
Gilep O. G. Features of the Representation of Gender in the Novel by V. Woolf *Orlando* 300

Научное издание

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Сборник научных статей
по материалам
IV Международной научной конференции

Минск, 30–31 октября 2019 г.

Ответственный за выпуск *И. В. Метлушко*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, В. М. Василевская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*

Подписано в печать 17.05.2021. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. 18,13. Уч.-изд. л. 23,12. Тираж 100 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. №3/1499.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034